

ВИКТОР
ДИЗЕНДОРФ

*ПРОЩАЛЬНЫЙ
ВЗЛЁТ*

Судьбы российских немцев
и наше национальное движение

МОСКВА - 1997

В.Ф. Дизендорф.

Прощальный взлёт / Судьбы российских немцев и наше национальное движение / Книга I. От национальной катастрофы - к попытке возрождения. – М., 1997. - с. 347.

ISBN 5-900546-09-8

В книге рассказывается о сложной и трагичной истории российских немцев в XX веке, увенчавшейся в последние десятилетия возникновением их массового национального движения. Оно направлено на самосохранение этого исчезающего народа, в первую очередь за счёт восстановления его государственности - Немецкой республики в Поволжье, незаконно ликвидированной в 1941 году.

Настоящее издание представляет собой первую из двух книг, задуманных автором на данную тему. Оно обрывается событиями, происходившими в марте 1991 года, накануне I съезда немцев СССР.

Автор, один из лидеров движения российских немцев, строит своё повествование на основе документов, литературных источников, устных рассказов близких и сподвижников по национальному движению, личных воспоминаний.

Книга рассчитана на всех, кому небезразлична судьба российских немцев.

Издание Межгосударственного Совета российских немцев и Совета немцев России

(С) В. Ф. Дизендорф, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Г. Гроута Ш

От автора 1

КНИГА ПЕРВАЯ. ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ –
К ПОПЫТКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ 26

Возвращение к истокам 27

Довоенная идиллия 55

Геноцид 95

На пути к национальному движению 139

"Возрождение" растет снизу 179

Эдуард Айрих 222

Третья чрезвычайная 239

Оргкомитет 274

Предсъездовская страда 302

Указатель имён 340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российские немцы давно ждут объективных исторических материалов о своей судьбе. По известным причинам такие книги долгое время нельзя было писать. Развал КПСС и последовавшая за этим "оттепель" вскрыли многие трагические страницы в истории российских немцев. Однако в это бурное революционное время социально активной и грамотной части нашего народа тоже было не до написания истории. Её просто делали, на ходу поглощая старую.

За неполное десятилетие активной политической борьбы российских немцев с 1988 года произошло столько знаменательных для них событий, что возникли опасения, как бы многое не потерялось в памяти очевидцев и участников нашей истории.

Раньше других за перья взялись те, кто не очень отягощал себя бременем ответственности за судьбу своего народа, наблюдая за событиями как бы со стороны. Взгляд этих литераторов и историков, чьи книги уже вышли и ещё предстоит увидеть, безусловно, интересен. Но особый интерес и ценность все же представляют книги тех авторов, которые сами находились в гуще актуальнейших событий новейшей истории российских немцев.

Виктор Дизендорф является именно таким автором. Уже много лет он в профессиональном режиме творит историю, а в последнее время приобщился и к её освещению. В. Дизендорф был и остаётся одной из ключевых фигур в политическом руководстве широко известного национально-освободительного движения российских немцев "Видергебурт" - "Возрождение".

Читатель вправе считать его взгляд (как, впрочем, и мой) неким субъективным освещением нашей истории. Полагаю, однако, что автору во многом удался научно-объективный подход в изложении материала, касающегося как общей судьбы нашего народа, так и деятельности конкретных политических объединений и структур российских немцев.

Обладая широкими познаниями, В. Дизендорф обогатил свою первую книгу массой ценной для каждого российского немца исторической информации.

Его выводы и комментарии по поводу действий советских, российских и германских властей в отношении российских немцев вполне соответствуют позиции Межгосударственного объединения немцев бывшего СССР "Видергебурт".

Особый интерес для многих читателей, в частности политиков и социологов, представляет, как мне кажется, первая часть книги, где автор через эволюцию собственного сознания выводит нейтрального российского немца на политически активную платформу, в ряды борцов за реабилитацию своего репрессированного народа.

Генрих Гроут

Светлой памяти моих родителей –
Фридриха Дизендорфа (1904 – 1978)
и Эммы Дизендорф, урожденной Глейм (1912 – 1990)

*So hat man mich gefragt:
- Was quält dich sehr?
- Ich hab kein Zuhause,
Hab keine Heimat mehr...
Ich kann nicht nach Hause,
Hab keine Heimat mehr!*

*Вот и меня спросили:
- Что мучит, брат?
- Нет дома, нет дома
И нет отчизны, брат...
Нет дома, нет дома,
И нет пути назад!*

(*“Das Verbannungslied” – «Песня изгнанника»,
перевод с немецкого Якова Айгеншарфа*)

ОТ АВТОРА

Эти бесконечно печальные слова я впитал на родном немецком языке, что называется, с молоком матери. В детстве мне доводилось слышать “Песню изгнанника”¹ едва ли не всякий раз, когда к нам домой сходились гости. Если в песнях воплощена душа народа, то у нас, российских немцев, она явно не на месте. Иначе отчего бы нам в часы застолий заводить песни об изгнании?

Конечно, мы поём и весёлое. Но ведь не случайно в нашей другой, еще более популярной песне так пронзительно звучит тема ушедшей молодости, которую никогда не вернуть. Дело не в том, что мои соплеменники отличаются особой склонностью к меланхолии. Мы - народ-изгнанник, народ-странник, и этим во многом определяется наш менталитет.

Когда-то мне казалось, что близкие поют о безвозвратно утраченной Родине только из тоски по незабвенному Поволжью. Поверить в это было тем проще, что моя мать часто произносила горестное двустихье, в котором звучало название её родного города: *“Sibirien, du kaltes Loch, ach wären wir in Marxstadt noch!”*² Но почему же, спрашивается, родители затвердили песню изгнания именно в те годы, когда проживали в своём благословенном Маркштадте?

Менее всего вероятно, чтобы она ассоциировалась у них с неведомым исходом наших предков откуда-то из Германии. Все мои родственники далеки от ностальгии по этой стране. Куда вернее предположить, что мироощущение изгнанников, вечных странников накрепко впечаталось в гены многих поколений российских немцев. Ведь в России и СССР им никогда не забывали напомнить, что они, чужие по происхождению, были и останутся здесь инородным и нежелательным элементом.

В начале 1993 года “Санкт-Петербургские Цайтунг” обнародовала в своём литературном приложении вместе с текстом и переводом “Песни изгнанника” также и сведения об её происхождении. Признаться, я услышал об этом впервые. Всего несколько лет назад о таком “непатриотичном” произведении, своеобразном антиподе казённого шлягера “Широка страна моя родная”, в нашей печати было бы просто невозможно написать.

Текст опубликовал петербургский скульптор, активист движения российских немцев и мой добрый знакомый Гарольд Клаузер, которого сегодня, к величайшему

¹ У нас её называли “Das Wandrerlied“ - “Песней странника”.

² “Сибирь, холодная дыра, ах если бы мы ещё жили в Маркштадте!”

сожалению, уже нет в живых. Он же сообщил, что песня восходит к временам 30-летней войны и изгнания протестантов из германских земель. Вот в какие исторические дали простирается отверженность наших предков... Приходится ли удивляться, что народ, которому веками отказывали в праве жить на своей земле так, как он того хотел, оказался, в конце концов, у последней черты?

...В 1920 году Л. Троцкому пришло на ум высказаться о судьбе государства после "пролетарской революции". Основоположники марксизма учили, что оно обречено в этих условиях на немедленное и неуклонное отмирание. Но большевики, придя к власти, рьяно принялись возвращать всесильного партийно-государственного монстра. В целях примирения тоталитарной практики с анархо-утопической теорией Троцкий обратился к аналогии с электролампой. Дескать, и она вспыхивает ярким пламенем перед тем, как угаснуть навсегда.

На мой взгляд, такая параллель куда более уместна в совершенно ином контексте - при описании ухода с исторической арены целых народов и национальных групп. Во всяком случае, в судьбе российских немцев действительно наблюдается нечто подобное. Но прежде, чем об этом говорить, - небольшой экскурс в прошлое.

Развитие российско-немецкого этноса всегда отличалось динамизмом. Первая большая группа наших предков приехала в Россию по призыву Екатерины II, взявшей твёрдый курс на сближение с Европой и опрометчиво возомнившей, что в отсталой стране не так уж сложно воплотить модные просветительские идеи, если обладать самодержавной властью.

Колонисты, не подозревавшие об этих амбициозных планах, оказались на новом месте в отчаянно трудной ситуации. Известный литератор, спортсмен и общественный деятель Юрий Власов писал по этому поводу: *"Здесь, на Волге, переселенцам досталось. Край суровый, а по тем временам и дикий. Из переселенцев выживали единицы. По Волге есть такие немецкие кладбища - лежат целыми родами: дед, сын, внуки, их женщины - все полегли в год-два"*³.

Но уже к концу XVIII века первопоселенцы сумели встать на ноги. Знаменитый учёный П. Паллас, посетив поволжских колонистов в 1793-94 годах, с удивлением отметил разительные перемены к лучшему, которых они достигли за 20 лет, со времени его первой поездки в эти места.

К середине XIX века, когда массовое переселение немцев в Россию только что завершилось, колонии на Волге полностью окрепли и прочно утвердились в своём самобытном германо-российском образе жизни. Как отметила московский историк В. Чеботарёва, именно с этих пор немецкие поселения стали считаться в России синонимом процветания. После упразднения особых государственных органов по управлению колониями, предпринятого сверху два десятилетия спустя, немцы Поволжья выразили готовность целиком взять их функции в свои руки.

Совместное проживание в условиях общинного самоуправления, практиковавшегося на протяжении столетия, настолько сплотило сотни тысяч немецких колонистов, что возникли основания говорить о зарождении новой этнической группы. Казалось, пуповина, связывавшая её с прародиной, навсегда перерезана, и младенец окончательно освоился в непривычной среде.

Известный американский историк Р. Пайпс отметил, что территориальное самоуправление было достаточно распространено на окраинах тогдашней Российской империи. Но это исключение из господствовавшего в стране деспотического централизма породилось отнюдь не признанием права нерусских народов на самостоятельное

³ Всё так – правда, кладбища эти давно сметены с лица земли.

устройство своей национальной жизни, а главным образом нехваткой управленческого персонала для бескрайних имперских территорий. При этом Российское государство эволюционировало в направлении, диаметрально противоположном развитию Западной Европы и Америки, всё больше тяготея к бюрократической централизации.

Забегая вперед, подчеркну вслед за Р. Пайпсом, что по мере разрастания российской государственной машины автономия национальных меньшинств неуклонно ограничивалась, и к началу XX века от неё не осталось практически ничего. Эту типичную метаморфозу претерпело и самоуправление немецких колонистов.

Некоторые историки высказывают сомнения, что российским немцам удалось сложиться в единый этнос. Так, профессор И. Фляйшхауэр из Бонна выделяет в немецком населении России конца XIX века три ветви, в корне отличные по происхождению, социальному составу и месту проживания: прибалтийских немцев, жителей крупных городов и колонистов.⁴ По её мнению, их связь друг с другом была слишком спорадичной, чтобы говорить о национальном единстве.

Нельзя, однако, не отметить, что осознание себя российскими немцами было нередким уже и в то время. Это можно утверждать, например, применительно к немцам, эмигрировавшим тогда из России в Америку. Как известно, многие потомки этих людей и по сей день стремятся сохранить свою российско-немецкую самобытность.

Мне представляется, что этнос российских немцев окончательно сформировался после 1917 года. Этому, сами того не подозревая, способствовали большевистские власти, расплавив в тигле всеохватывающей унификации социальную структуру российского общества и спровоцировав перманентную текучесть огромных масс населения страны. Отныне в судьбах немцев на территории СССР общее стало прочно превалировать над частным.⁵

Однако сама тенденция к единению проявилась у российских немцев гораздо раньше. Вот и указанный автор отмечает, что немецкие колонисты издавна составляли в России своеобразное государство в государстве. Что касается трёх названных групп вместе взятых, то их, не считая небольшого количества ассимилированных горожан, объединяло уже отнесение себя к немцам. Оно подкреплялось всё более оживлёнными взаимными контактами. Российские власти нередко назначали в колонии администраторов из числа балтийских и "городских" немцев. Дерптский (ныне Тартуский) университет стал связующим звеном между преимущественно протестантским населением колоний и российско-немецкой интеллигенцией других мест. С 1905 года, после возникновения в различных регионах России немецких общественных объединений, культурные узы были дополнены политическими связями.

Сама И. Фляйшхауэр перечислила целый ряд характерных национальных черт, которые выделяли во **всей массе** российских немцев их соседи: дисциплину и надёжность, трудолюбие и преданность делу, безграничную жажду деятельности и предпочтение общего блага индивидуальному. С другой стороны, наши предки достаточно определённо проявляли свою принадлежность к России. Таким образом, предпосылки к тому, чтобы осознать себя именно **российскими немцами**, у них были налицо.

Этот процесс, несомненно, сдерживался территориальной разобщённостью, которая даёт повод говорить о российских немцах как о диаспоре. Однако, по мнению

⁴ По данным, приведённым И. Фляйшхауэр, нетрудно установить, что удельный вес этих групп составлял в 1897 году соответственно около 10, 20 и 70%.

⁵ Процесс унификации подкрепило и то обстоятельство, что прибалтийские, польские, а также многие бессарабские и волынские немцы, отличавшиеся наибольшим своеобразием, оказались после 1917 года гражданами других государств.

ряда специалистов, для этноса, в отличие от его особой разновидности - нации, не обязательна единая территория проживания.

Нельзя представлять себе образование российско-немецкого этноса и единого национального самосознания как быстротечный, а, тем более, единовременный акт. История не знает подобных чудес. Даже в нынешней Германии у многих немцев ещё преобладает не общенациональное, а региональное сознание. Появились и такие, которые считают себя "просто европейцами". Тем не менее, все они по праву относятся к немецкому народу.

Как бы там ни было, 50-60-е годы XIX века явились для российских немцев периодом расцвета. Это касается не только колонистов, но и других перечисленных групп. Пожалуй, именно в то время немцы обладали наибольшим влиянием в важнейших сферах государственной жизни России: дипломатии, военном деле, администрации и даже при дворе.

Надеюсь, ни один добросовестный историк не возьмётся отрицать, что эти годы, когда готовились и проводились знаменитые реформы Александра II, были далеко не худшим периодом в жизни нашей страны. Что же касается тогдашних событий, трагичных для неё, то немцы проявили себя в них весьма достойно. Достаточно вспомнить, сколько их полегло, защищая Севастополь в 1854-55 годах. И это притом, что основная масса немецкого населения России - колонисты - ещё была освобождена от призыва на военную службу.

Александровские реформы, окончательно вырвавшие российскую экономику из многовекового оцепенения, способствовали и дальнейшему подъёму немецких колоний. Как отметила И. Фляйшхауэр, колонисты в силу своего особого положения в большей мере, чем многие другие группы населения, воспользовались предоставленными возможностями: закупили освобождавшиеся земли, улучшали и интенсифицировали хозяйства при помощи кредитов земельных банков, стали развивать на своих территориях новые виды мануфактур и отрасли промышленности.

Может показаться, что эта эпоха бесконечно далека от нас. Но я хотел бы проследить, как общий ход событий преломлялся в истории нашей семьи, и поэтому воспринимаю то время несколько иначе. Ведь именно тогда в Екатериненштадте⁶ на Волге появились на свет родители моего отца: дед Иоганн-Адам Дизендорф - в 1861 году, бабушка Анна-Элизабет Лоос - в 1866-м.

А уже к моменту рождения отца в 1904 году положение российских немцев резко осложнилось. С 70-х годов XIX века царская верхушка, подстрекаемая апологетами панславизма к борьбе с "чужеродным влиянием", принялась методично упразднять права, которые Екатерина II предоставила переселенцам и их потомкам "навечно".

Замшелый ретроград Александр III организовал настоящий крестовый поход за русификацию страны, беспощадно искореняя любые проявления национального духа со стороны "иностранного" населения. Дерптский университет, который считался одним из лучших в Европе и сыграл неоценимую роль в истории нашего народа, был низведён до уровня российского захолустья. Эта же участь ожидала весь Остзейский край с его многочисленным немецким населением. Развернулись массовые преследования протестантских и католических священников. Не за горами были и первые попытки отправить всех немцев по этапу в Сибирь.

Одна из причин столь крутого поворота лежит на поверхности. В 1871 году образовалась Германская империя, и российские немцы стали вечными заложниками сложных взаимоотношений двух ведущих европейских держав. Германские ультра-

⁶ Поначалу писали "Екатеринштадт", немецкое название - Katharinenstadt.

националисты с их необузданными планами "колонизации" восточных соседей сделали, со своей стороны, всё возможное, чтобы отравить жизнь мирных российских соплеменников. Не отставали в этом отношении и правители Германии. Тем самым для нашего этноса, не успевшего до конца сформироваться и окрепнуть, развитие по восходящей безвозвратно оборвалось.

Поначалу это проявилось главным образом в политико-правовой сфере. Что касается экономики России, то тенденции, присущие ей до 1917 года, ещё в основном благоприятствовали проживавшим здесь немцам. Став первопроходцами в деле экономической модернизации страны, наши предки, как отметила И. Фляйшхауэр, являлись заметным стабилизирующим фактором и активной опорой государственной политики, пока последняя носила умеренно-консервативный или либеральный характер. Увы, на закате Российской империи реформаторские потенции её правителей всё явственней иссякали под напором ретроградных антизападнических сил.

Российские немцы сполна убедились, каково быть неуютным национальным меньшинством в стране, которую Герцен, а за ним Ленин окрестили "тюрьмой народов". Не касаясь вопроса о правомерности этого эпитета применительно к царской России, хочу лишь отметить, что известный историк и политолог А. Авторханов имел не меньше оснований назвать советскую империю «ГУЛАГом народов». Как подчеркнула И. Фляйшхауэр, приход к власти большевиков создал предпосылки для растущего бесправия и унижения российских немцев. Это событие и ознаменовало, по её мнению, начало конца многовекового присутствия немцев на территории России.

Сталинский геноцид, истребивший сотни тысяч моих соплеменников и разбросавший по всей стране оставленных в живых, фактически лишил немецкий народ СССР перспектив на самосохранение. В этих новых, невиданно тяжких условиях довелось родиться мне.

Власти могли исправить положение в 50-х годах, когда они восстановили автономные образования ряда таких же обездоленных российских народов. Гораздо более проблематичным, но в принципе всё ещё осуществимым было решение данной задачи в пору так называемой перестройки и последующего "демократического" переворота. Однако нет никаких признаков, чтобы постсталинист Хрущёв, нечаянный реформатор Горбачёв или псевдодемократ Ельцин действительно этого хотели.

Такая однотипная позиция непохожих в остальном правителей и столь неудержимый закат российско-немецкого этноса должны, конечно же, иметь глубокие корни. Чем больше я о них размышляю, тем для меня очевидней, что дело не только в устойчивой неприязни наших вождей к немцам, порождённой многолетним военно-политическим противоборством с Германией.

Проще всего огульно утверждать, как это подчас и делается, что воссоздание немецкой автономии, дескать, не в интересах СССР и России. Замечу, однако, что ещё никто не сумел внятно объяснить, в чём же существование нашей Республики на Волге противоречило коренным нуждам Советского Союза или могло бы противоречить долгосрочным потребностям новой России. Совсем иное дело - конъюнктурные интересы власть имущих и тех, кто за ними стоит. А ведь именно от проводимой в стране политической линии, обусловленной образом мыслей и действий правящей элиты, зависит подчас само существование целых народов.

Приглядимся к судьбам различных российских этносов европейского происхождения - поляков, понтийских греков, ингерманландских финнов, болгар, венгров, а также евреев, которые тоже во многом близки к европейцам. Разве можно утверждать хоть об одной из этих национальных групп, издавна обитавших в Российском государстве, что она занимает прочное положение и имеет жизненную перспективу на

территории бывшего СССР? Отнюдь. Все они, как и мы, на грани этнического исчезновения. Полностью или частично депортировав перечисленные народы, правители страны стали лихорадочно заселять места их традиционного проживания, преимущественно - русскими "колонистами". Мыслимо ли, чтобы все это было делом случая?

На мой взгляд, анализ данной ситуации не может быть плодотворен в отрыве от осмысления пути исторического развития России. Эта страна испокон веков жила убежденностью в своей неповторимой мессианской роли. С другой стороны, как отметил Р. Пайпс, экстенсивное и безумно расточительное сельское хозяйство России порождало извечную необходимость в новых землях. Отсюда и маниакальное стремление Российского государства к расширению своей территории, и проистекающая из этого потребность в "умиротворении" все большего числа народов.

Давно навязли в зубах назойливые ссылки на необходимость обеспечения безопасности внешних рубежей. Тот же Р. Пайпс резонно писал по этому поводу: *"Поскольку новые завоевания всегда можно оправдать необходимостью оборонять старые, - классическое оправдание всякого империализма, - объяснения такого сорта вполне можно отбросить; логическим завершением такой философии является завоевание всего земного шара, ибо лишь в этом случае можно будет считать, что данное государство вполне обезопасило свои владения от внешней угрозы"*.

Постоянно затрачивая невероятные усилия ради захвата, удержания и освоения новых земель, нельзя всерьез заниматься окультуриванием традиционных территорий. Экстенсивный путь не может служить долговременной основой здорового развития ни в экономике, ни для государства в целом. Возможно, именно подтверждение этих нелицеприятных истин на своём печальном и трагичном опыте является той самой исторической миссией России, поискам которой традиционно уделяют так много внимания её мыслители и даже государственные мужи.

Экспансионистская тенденция, как и любая другая, имела свои спады и подъемы. В первом случае в России происходило относительное ослабление тех антицивилизаторских черт, которые соответствуют психологии "осажденной крепости" и нередко именуется "азиатчиной". Иначе говоря, страна приближалась по типу развития к европейским государствам. Пожалуй, самый продолжительный период подобного рода имел место в XIX - начале XX веков. Вполне закономерно, что именно это время было наиболее благоприятным для её национальных меньшинств европейского происхождения.

Прямо противоположная картина наблюдается после 1917 года. Коммунистическая система довела имперскую политическую доминанту до абсолюта, придав ей качественно новый характер. Как отметил А. Авторханов, умиротворение "некоренных" национальностей выродилось при этом в их истребление методами массового террора и геноцида, а русификация - в денационализацию народов, нацеленную не только на языковую ассимиляцию, но и на полное уничтожение их исторической памяти.

Жертвами этого рецидива дремучего варварства стали все нации и народности СССР. Не явился исключением, конечно, и русский народ. Но лишь сегодня, неожиданно для себя оказавшись в роли меньшинства на территории независимых государств бывшей Советской империи, русские получили повод для размышлений о последствиях того неравноправного и зачастую безысходного положения, в котором так долго пребывали остальные российские народы.

Что касается этносов, сформировавшихся в русле европейской культуры, то в итоге политического мракобесия минувших десятилетий разрушены сами основы их национальной жизни. Немцы - единственный из этих народов, который очутился на территории России вследствие организованной массовой эмиграции, - были и остаются

среди них наиболее уязвимыми. Не говоря уже о нашей кровной связи с главнейшим европейским соперником России - Германией, мы являем собой уникальный пример, когда крупная национальная группа появилась в чужой стране **по приглашению** её хозяев. Поэтому наши соплеменники с самого начала оказались в неограниченной власти произвола и самодурства правителей России.

Отсюда и другая особенность российских немцев - практически нигде, кроме России, не было широкомасштабной вторичной эмиграции немецкой национальной группы, хотя немцы на протяжении веков переселялись в очень многие государства.

Было бы величайшим заблуждением полагать, будто насаждавшееся до некоторых пор властями нынешней России раболепство перед всем, что исходит от Запада, означает преодоление имперско-большевистской ментальности. Напротив, холуйская психология в любой её ипостаси совершенно несовместима с европейской культурной традицией. А Россия и другие страны СНГ, несмотря на очередную попытку их модернизации, продолжают оставаться азиатскими или полуазиатскими с точки зрения господствующего общественного сознания, настроенного на отторжение важнейших ценностей европейской цивилизации.

Как показывает пример Японии и ряда других азиатских стран, эта ситуация далеко не фатальна и при настойчивых целенаправленных действиях вполне поддаётся изменению. Однако чтобы достичь его в государствах СНГ, потребуются, как минимум, десятки лет. Ведь они отстали ещё сильнее, и к тому же перед ними стоит задача большей сложности - добиться перелома в отношении не только к европейскому менталитету, но и к расселённым здесь европейским этносам, которых, скажем, в Японии вовсе нет.

Между тем, если ситуация не претерпит коренного улучшения, то через несколько десятилетий российские немцы попросту исчезнут с территории бывшего СССР - большинство уедет в Германию, а остальные окончательно ассимилируются. Очень хотелось бы ошибиться, но дни российско-немецкого субэтнуса, похоже, сочтены - по душе это кому-то или нет. Альтернатива проста: либо полностью слиться с германским этносом, от которого отпочковались наши предки, либо стать русскими, казахами, украинцами и т.д.

Сказанное вытекает, прежде всего, из более чем закономерного продукта многолетней насильственной ассимиляции российских немцев - катастрофически быстрого сужения сферы использования их родного языка. Известно, что наличие особого языка не является обязательной принадлежностью этноса. Очевидно, однако, и другое - культура российских немцев, формировавшаяся на протяжении веков в специфичных условиях относительно обособленного компактного расселения, не может сохраниться и, разумеется, развиваться в отрыве от той языковой среды, где она возникла.

Данная среда характеризовалась использованием многообразных немецких диалектов, отличных от существующих сейчас в немецкоязычных странах, а также естественным вкраплением руссизмов. Эту неповторимую языковую смесь нельзя заменить ни литературным немецким языком, которым к тому же владеют сегодня лишь немногие российские немцы, ни, тем более, русским, "обогащённым" отдельными немецкими фразами, - нынешним уделом большинства наших соплеменников.

С исчезновением исконной языковой среды возможна разве что передача национальных бытовых традиций. Не говоря уже о явной проблематичности данного процесса при преимущественно дисперсном проживании, он не способен сам по себе обеспечить этническое самосохранение. Российские немцы доказали это на собственном горьком опыте, всё более утрачивая не только родной язык и культуру, но и традиционные качества национального характера.

Сложившаяся тупиковая ситуация с далеко идущими последствиями не может оставить равнодушными людей, искренне озабоченных будущим своей страны, к какой бы нации они ни принадлежали. В их числе не могу не назвать известного экономиста Геннадия Лисичкина, давнего и убеждённого поборника рыночных отношений.

Он прямо связал на страницах "Московских новостей" участь нынешних дуболомных "реформ" с судьбой российских немцев и пресловутым выступлением Б. Ельцина в Поволжье. Учёный отметил, что немцы издавна были в России возмутителями покоя, источником духовного и экономического напряжения, а потому бельмом на глазу для тех, кто упорно цепляется за многовековые обломовские "традиции". Он с полным основанием расценил яростное противодействие восстановлению Республики на Волге и, более того, равноправному участию немецких граждан в жизни России, как бесспорное свидетельство, что обломовщина всё ещё торжествует. *"И пока это будет длиться, - подчеркнул Г. Лисичкин, - разговоры о реформе обречены оставаться только разговорами."*

Как ни парадоксально, именно в этой ситуации (когда она ещё, правда, мало кем была осмыслена столь глубоко) наконец-то возникло достаточно мощное российско-немецкое движение. Нам, конечно, не сравниться с украинским "Рухом" или литовским "Саюдисом" времён их расцвета. Но ведь они с самого начала опирались на собственную государственность, пусть предельно деформированную и урезанную. А российские немцы в течение долгих десятилетий не могли мечтать даже о том карикатурном участии в общественно-политической жизни, которое было дозволено гражданам большинства других национальностей. К тому же нас разбросали по стране куда сильнее украинцев и, тем более, литовцев.

Тем не менее, на фоне репрессированных, а особенно "безгосударственных" российских этносов немцы выглядят сегодня по степени своей организованности совсем неплохо. Сами представители этих народов нередко отдают нам пальму первенства в этом смысле.

Феномен нашего движения, возникшего на критическом рубеже истории российских немцев, ждёт объяснений будущих исследователей. Очевидно, им не обойтись без знания общих законов внутреннего развития этносов. Широко нашумевшие работы в этой сфере Льва Гумилёва - пока что одни из немногих в нашей стране, но за ними, будем надеяться, последуют другие. Необходимо, видимо, учесть и особенность исторического пути российских немцев - беспрецедентно сильное воздействие внешних факторов на их судьбу.

Как бы ни относиться к идеям Л. Гумилева, именно они, на мой взгляд, позволяют прояснить многие обстоятельства формирования и развития этноса российских немцев. По утверждению учёного, к XVIII веку большинство западноевропейских народов окончательно миновало фазу, когда развитие общества определялось пассионариями, то есть людьми с избыточной биохимической энергией, использующими её для целенаправленного изменения окружающей среды, способными к сверхнапряжению и жертвенности. Становясь "лишними", они уезжали из Европы в заморские колонии, а также в другие страны.

Россия имела в XVIII веке не менее высокий прирост населения, чем Западная Европа, но, в отличие от неё, совершенно не знала массовой эмиграции. Пытаясь объяснить данный феномен, Р. Пайпс отметил, между прочим, что русскому крестьянину, обитавшему в замкнутом, мало восприимчивом к чужим культурам мире, среди родственных по вере и происхождению славянских народов, жизнь среди "басурман" казалась дикой и нелепой. Видимо, этот же фактор противодействовал и интеграции в российское общество европейских по происхождению этносов.

Л. Гумилёв категорически отрицал, что ведущим мотивом тогдашних эмиграционных процессов являлись поиски лучшей жизни. Напротив, основываясь на фактах, он убедительно показал, что переселенцы, как правило, попадали в очень трудные условия, и их смертность в результате болезней, недоедания, стычек с туземцами, произвола местных властей была чрезвычайно высокой. Тем не менее, колонизация, порождённая переизбытком пассионариев, всё шла и шла.

В результате от европейских народов отпочковывались группы, которые со временем вырабатывали новые стереотипы поведения, теряли связи с метрополиями и превращались в самостоятельные этносы, - американцев англо-саксонского происхождения, креолов, буров, австралийцев и т.д.

Такой же путь прошли и российские немцы. Нашей отличительной чертой является, по Гумилёву, "нейтральный этнический контакт" с окружающими народами, без слияния и симбиоза, то есть чёткого разделения функций в процессе жизнедеятельности. Подобное явление, по его справедливому замечанию, возможно лишь при условии, что соседние этносы не реагируют друг на друга резко отрицательно, а правительство соответствующей страны не проводит политику искусственного смешения её народов.

Немалый интерес представляет, на мой взгляд, и подход Л. Гумилёва к вопросу о психологической совместимости различных этносов. По мнению учёного, каждый из них имеет особое "этническое поле", порождаемое биохимической энергией живого вещества и отличное от других частотой своих колебаний, причём сочетание ритмов подобных полей может быть более или менее гармоничным. Не претендуя на оценку данной концепции, хотел бы, однако, отметить, что отношения российских немцев с их соседями - русскими, украинцами, кавказскими народами и т.д. - складывались далеко не одинаково, и это отличие очень трудно объяснить лишь политическими или социально-экономическими причинами.

Вполне очевидно, что для глубокого изучения нашей истории и, в частности, российско-немецкого национального движения последних лет мало опираться на адекватную теоретическую базу и необходимые документы. Нужны ещё и живые свидетельства многих и многих людей. Это относится в первую очередь к тем процессам и событиям, в которых особенно велика роль субъективного начала.

Взять, к примеру, само массовое переселение в Россию. Признаться, мне не до конца ясны конкретные причины этого неординарного явления. Беспросветная нужда в разорённых войной европейских странах, религиозные преследования, стремление обеспечить себе и близким лучшее будущее, предприимчивость на грани авантюризма, льготы царских манифестов, лживые посулы вербовщиков, выдача переселенцам на дорогу денег, одежды и еды - всё это, даже вместе взятое, не даёт, на мой взгляд, исчерпывающих объяснений поразительному решению огромного множества людей навсегда уехать в чрезвычайно далёкую и мало известную в то время в Европе страну.

Не знаю я и подлинных мотивов приезда в Россию своих собственных пращуров. К примеру, некоторые мои лютеранские предки по отцу - выходцы из преимущественно католического Пфальца. Но только ли притеснения иноверцев, наблюдавшиеся здесь в 1760-х годах, побудили этих людей к столь отчаянному шагу? Или они покинули свою родину по другим причинам?

Как я недавно узнал, эти мои предки были среди первых, екатерининских переселенцев. Их ещё, положим, могли обмануть несбыточные обещания. Но ведь вслед за ними в Россию переезжали в течение десятилетий многие десятки тысяч немцев. Неужели в их родных краях так толком и не узнали, в какие суровые условия попадали эмигранты на новом месте? Вопросы, вопросы...

Их истоки ясны: до нас дошло слишком мало свидетельств людей, причастных к переселенческой эпопее. И теперь нам очень сложно воссоздать её целостную картину, даже имея под рукой соответствующие архивные материалы.

Вот я и думаю: а смогут ли будущие исследователи компетентно судить о нашем нынешнем национальном движении? Изучая лишь многочисленные резолюции, заявления, служебные письма, доклады, речи и интервью, они, боюсь, будут введены в заблуждение и, в конечном счете, окажутся в тупике. Не зная всех обстоятельств, при которых происходили отражённые в документе события, очень трудно оценить его смысл и подлинное значение.

Между тем активисты нашего движения слишком редко пишут и выступают, пытаюсь отрешиться от злобы дня. Обычно мы высказываемся лишь по сиюминутным поводам или в пику нашим оппонентам. Как говорится, заедает текучка.

Я и сам встал перед сложной проблемой - как выкроить время на эти записки в нескончаемой круговерти моей штатной работы в представительных и общественных структурах российских немцев? Мною двигала убеждённость, что без работ подобного жанра так или иначе не обойтись. А тянуть с их написанием, думаю, просто нельзя - кто знает, где мы окажемся завтра и сможем ли наверстать упущенное нами вчера и сегодня? Поэтому меня не остановили ни мой скудный опыт в эпистолярной деятельности, ни даже то, что я отнюдь не принадлежу к её любителям.

Подобными соображениями руководствовались, видимо, и те авторы, которые не так давно издали три первые книги, специально посвящённые нашему национальному движению. Я имею в виду 2-й том "Истории российских немцев в документах", составленный Владимиром Ауманом и Валентиной Чеботарёвой, "Движение за автономию: провинциальные мечты" Иосифа Шлейхера и "Российские немцы: право на надежду" Владимира Бауэра и Татьяны Иларионовой.

Нельзя не выразить признательность людям, взявшим на себя роль первопроходцев при освещении столь сложной и актуальной темы. Всесторонняя беспристрастная оценка этих работ ещё впереди. А я, будучи участником многих освещённых авторами событий и, конечно же, внимательным читателем, не могу не высказаться на сей счёт по горячим следам. Тем более что мне не раз пришлось обращаться в своих записках к различным сюжетам этих книг. Быть может, мои суждения в какой-то степени пригодятся и авторам в их дальнейшей работе.

Книга В. Аумана и В. Чеботарёвой представляет собой объёмистый сборник документов и материалов нашего национального движения, начиная с 1965 года, многие из которых изданы впервые или практически недоступны широкому читателю. На мой взгляд, книга не лишена определённых недостатков: выбор опубликованных материалов не всегда обоснован, уязвима для критики источниковая база, комментарии авторов содержат ряд неточностей, в тексте непомерно много опечаток. Тем не менее, сборник, несомненно, представляет большой интерес для всех, кому близки заботы российских немцев. Думаю, он явится хорошим подспорьем и для историков.

Мой давний товарищ, алтайский журналист Иосиф Шлейхер, - несомненно, один из наиболее сведущих людей в вопросах истории нашего движения. Поэтому вполне закономерно, что его книга, изданная на немецком языке, получилась весьма содержательной и читается с интересом - особенно в той её части, где автор повествует о малоизвестных подробностях зарождения нынешнего движения и воссоздания немецкого национального района на Алтае.

Не явилось для меня особым сюрпризом и то обстоятельство, что мы с автором серьёзно разошлись в оценке противоборствующих сил, проявившихся в нашем движении в первые же месяцы его существования. Не хочу забегать вперёд и вдаваться в детали, но

не могу не отметить, что для меня неприемлема как позиция Иосифа по данному вопросу, так и - в ещё большей мере - его мотивация, когда он пытается объяснить свой отход от движения нежеланием терять старых друзей вследствие его раскола. Слишком уж неравноценные по значимости «гири» брошены здесь на чашу весов.

Но самым огорчительным и по-настоящему неожиданным показалось мне название книги И. Шлейхера. Можно по-разному относиться к слову "провинциальный" (к примеру, я сам воспринимаю его совершенно спокойно), но едва ли следовало характеризовать столь важное явление в жизни своего народа термином, который в глазах очень многих людей имеет явно уничижительный оттенок.

Несколько иначе, чем две эти публикации, я оцениваю книгу В. Бауэра и Т. Иларионовой. Из уст Альфреда Айсфельда мне было известно об интенсивной работе над ней. Хорошо зная авторов, я с нетерпением ожидал результата. Положа руку на сердце, должен сказать, что он меня разочаровал.

Дело не в концептуальном подходе, который в корне отличается от моего собственного. Напротив, аргументы авторов в защиту своей позиции показались мне небезынтересными, хотя и очень путаными. Гораздо хуже то, что книга содержит массу искажений и ошибок при изложении фактов. Это весьма странно, если учесть многолетнюю причастность В. Бауэра и Т. Иларионовой к движению российских немцев, не говоря уже о наличии у них такого компетентного научного консультанта, как д-р А. Айсфельд.

И все же те страницы книги, которые освещают период по осень 1991 года, особенно деятельность официального оргкомитета I съезда немцев СССР, я нахожу вполне достойными внимания. Здесь приведено немало фактов и документов, неизвестных даже активным участникам тогдашних событий. К сожалению, в дальнейшем авторы сбились на пресноватый пересказ хода наших съездов и других форумов, перемежаемый редкими комментариями. Думается, это едва ли оправдано - тем более после издания В. Ауманом и В. Чеботарёвой большей части соответствующих первоисточников.

Нельзя не отметить и то, что авторы с самого начала продекларировали своё стремление взглянуть на излагаемые события "как бы со стороны". В результате, не считая отдельных эпизодов, читатели, к примеру, так и останутся в неведении относительно того, на каких же принципиальных позициях стоял В. Бауэр, являясь целый ряд лет заместителем председателя Межгосударственного Совета российских немцев, а затем и Совета немцев России. Трудно представить, что подобные "Записки постороннего" в состоянии вызвать особую заинтересованность, а, тем более, понимание. Впрочем, это всего лишь мое личное мнение.

Предлагаемая мною книга - не мемуары. В моём возрасте ещё рано думать о них. К тому же я сомневаюсь, что таковые могли бы представлять общественный интерес. Проблемы российских немцев и участие в нашем движении - лишь малая толика моих жизненных перипетий и забот. Но для меня она важна и дорога, и я пытался рассказать читателю именно о ней. А об остальном - лишь постольку, поскольку это связано с основной темой записок.

Я меньше всего претендую на истину в последней инстанции. Описания событий их участниками неизбежно субъективны. Однако я стремился быть предельно искренним, не умалчивая, в частности, о наших нередких неудачах и просчётах, включая мои собственные. Без этого вряд ли вообще имело смысл братья за перо.

Я довольно поздно присоединился к движению российских немцев и потому лишь вскользь коснулся его первых этапов. Писать о них - прежде всего дело непосредственных участников и очевидцев.

Данные записки - не история нашего движения. Время для её объективного и глубокого освещения придёт, видимо, не скоро. Во всяком случае, я могу предложить читателям лишь свой взгляд на движение изнутри, не более того. Не замахиываясь на научное исследование, я старался не злоупотреблять цитатами и ссылками на источники.

При чтении моих записок может, вероятно, сложиться впечатление, что мы слишком увлекались всевозможными съездами, конференциями, выступлениями и тому подобными мероприятиями. Это и так, и не так. Я сам, например, никогда к ним не тяготел и пришёл в движение с твёрдым, хотя и несколько наивным намерением целиком посвятить себя экономическим вопросам восстановления Республики на Волге. Увы, этому благому пожеланию не суждено было сбыться, и мне пришлось уделять львиную долю времени и сил совсем другим делам.

Читатель увидит, какие непроходимые и многообразные препятствия воздвигали и воздвигают власть имущие на пути воссоздания нашей республики. Они давно поднаторели по части "держат и не пуцать", и здесь им не откажешь в предприимчивости и изобретательности, напрочь отсутствующих в большинстве других их деяний. Опираясь на возможности, несравнимые с нашими, союзные и российские власти целенаправленно заводили проблему государственности российских немцев в явный тупик.

Что нам оставалось в этой ситуации? Очевидно, пытаться любыми доступными способами и на всех уровнях бить тревогу о положении своего народа, привлекая максимально возможное внимание общественного мнения. Но при этом, как нетрудно догадаться, не обойтись без активной публичной деятельности.

Помимо неё мы, конечно, занимались и занимаемся (допускаю, что недостаточно) также разнообразной, но незаметной будничной работой. И если я уделил последней мало места, то только потому, что она быстро выветривается из памяти и не так-то просто поддаётся описанию.

Говоря о нашем движении, я попытался рассказать и о том, что привело в него меня, как и других его активистов. При этом мне пришлось основательно углубиться и в судьбы моих близких, и в историю российских немцев в целом. Эта часть записок может показаться слишком личной, затянутой и не имеющей прямого отношения к основной теме. Но именно здесь я стремился продемонстрировать, на какой своеобразной социальной почве возникло движение, которое объединило столь многих и разных людей, связанных лишь драматичной национальной судьбой.

Национальное движение российских немцев представляет собой, я полагаю, не рядовое явление даже по меркам нашего бурного и богатого событиями времени. Могу представить, с каким энтузиазмом примутся препарировать этот период будущие исследователи. Но нам, современникам, конечно, трудно проникнуться подобными чувствами. Очень точно сказал поэт Н. Глазков: *"Чем эпоха интересней для историка, тем она для современника печальней"*.

Читатель обнаружит, что в моей книге немало сказано и о самом печальном для любого человека - об уходе из жизни людей, наиболее близких ему по крови или по общему делу. Я писал об этом не только для того, чтобы воздать дань их незабвенной памяти. Все они жили и умирали с острой болью в сердце - и за свои искалеченные судьбы, и за трагедию своего народа. Убеждён, что, не проникшись этим чувством, невозможно разобраться в новейшей истории российских немцев.

Надеюсь, эти записки не покажутся нарочито мрачными. Я не оптимист, однако и не пессимист. Ближе всех по духу мне всегда были реалисты. Но с таких позиций, к сожалению, невозможно предвещать светлые перспективы ни для нас, ныне живущих российских немцев, ни для нашего этноса в целом.

Я уже отмечал, что у нашего народа, видимо, нет будущего в странах сегодняшнего проживания. Выражаясь метафорой упомянутого экономиста Г. Лисичкина, приходится констатировать, что все усилия, предпринимавшиеся с петровских времён, чтобы привить к русскому дереву плодоносящий немецкий черенок, пошли, увы, насмарку. Такого же мнения, думаю, и те наши соплеменники, которые сотнями тысяч навсегда покидают родину-мачеху.

Не знаю, сумеет ли кто-нибудь сказать всю правду о трагедии этих людей. Мне кажется, это было бы под силу разве что Александру Галичу, который сам оказался изгоем, а затем изгнанником и написал в своей "Песне исхода":

*Уезжаете? Уезжайте -
За таможни и облака!
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.*

*Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете? Воля ваша!
Значит, так посему и быть!*

Я не раз видел душераздирающие картины проводов российских немцев в московском аэропорту "Шереметьево-2". На лицах многих не просто печаль, боль или слёзы, а какое-то недоуменное и невыразимое оцепенение. Рушится, в сущности, вся их предыдущая жизнь. В Германии придётся очень многое начать заново. А для начала им предстоит воистину прощальный взлёт.

Прощальным взлётом войдёт в историю российских немцев, возможно, и наше национальное движение. Но у его активистов, к счастью, не так много досуга, чтобы без конца предаваться мучительным размышлениям на эту тему. Преодолевая себя, мы пытаемся в меру своих скромных возможностей хоть немного облегчить участь наших соплеменников - как уезжающих, так и остающихся.

Почти полгода рядом с нами в Валуево находился лагерь беженцев из Таджикистана и прочих "горячих точек", который затем пришлось перебазировать в другой район Подмосковья. Лагерь был организован по инициативе граждан Германии - Президента благотворительного фонда "Гуманитас" г-на Петера Дангмана и его сотрудницы фрау Розы Фибер, в прошлом - нашей соотечественницы. В данной акции активно участвовали наши штатные работники, прежде всего - руководитель отдела миграционной службы и правовой защиты беженцев и переселенцев при Межгосударственном Совете российских немцев (МГСН) Герман Эрнст.

Для этих беженцев худшее позади. Большинство из них выехало в Германию. Там будут свои проблемы, но переселенцам, особенно самым младшим, без сомнения, станет лучше. Пожелаем же лучшей доли и остальным российским немцам, как и всем людям на этой грешной земле...

Поначалу я намеревался выпустить свои записки в один приём. Но их объём слишком разросся, и пришлось подумать об издании первой части отдельной книгой. Не скрою, что мои планы изменились не только по техническим причинам. За время работы ситуация в России усугубилась настолько, что я не уверен, сможет ли вообще подобное издание появиться здесь через год или два.

И всё же я не отказываюсь от мысли продолжить записки. Впереди, видимо, наиболее сложная их часть. Одно дело - рассказывать о движении, находящемся на подъёме, и совсем иное - повествовать об очередных трудных временах, наступивших для

российских немцев после того момента, на котором я обрываю изложение в данной книге. Но человеку, причастному к общественно-политической деятельности, негоже замалчивать её только потому, что о некоторых событиях не слишком приятно говорить и писать. Поэтому я попытаюсь довести дело до конца и, по мере возможности, рассказать обо всём, что пришлось увидеть и пережить, прикоснувшись к необычайно трудным и болезненным проблемам моего многострадального народа.

Одним из первых рукопись прочитал по моей просьбе пресс-атташе МГСН П. Гетерле. Он возвратил мне экземпляр со своими карандашными пометками, как всегда точными и высокопрофессиональными. А с их автором вскоре случилось непоправимое - 23 сентября 1993 года он скоропостижно скончался. Невозможно смириться с мыслью, что этого скромного самоотверженного человека, добросовестнейшего работника, знатока родного языка и нашей национальной проблемы больше нет. Для меня несомненно, что без таких достойных сынов своего народа, как Пауль Гетерле, движение российских немцев просто не могло бы состояться.

Первые главы напечатала на машинке, а позднее набрала на компьютере ответственный секретарь МГСН Альма Эглит. В ходе работы над книгой (как и в прочих делах минувшего пятилетия) я ни с кем так часто не делился своими замыслами, и никто не поддерживал их так горячо, как она.

После её безвременной кончины соратники Альмы уже немало написали о той неоценимой роли, которую она сыграла в нашем движении. Я пока не в состоянии развить эту тему и хотел бы сказать здесь о другом. Среди товарищей по движению она была самым близким для меня человеком. Мне выпало счастье работать и жить рядом с ней в течение трёх лет, вплоть до её отъезда в Германию.

В конце 1995 года, с помощью Розы Фибер, я более 10 дней провёл у Альмы под Фульдой, где она прожила свои последние месяцы. Страшная болезнь изменила Альму настолько, что узнать её можно было только по чудесному голосу и по тому ничем не утолимому интересу, с которым она всегда воспринимала любую весточку о судьбах своих соплеменников. Даже меня, так хорошо её знавшего, потрясло, что перед лицом смерти она могла без конца вспоминать и расспрашивать о наших делах. Альма жила ими до своих последних дней в самом что ни на есть буквальном смысле слова.

Расставаясь с ней 7 декабря, мы оба понимали, что больше уже не увидимся. Альма Эглит умерла в расцвете лет в ночь на 13 января 1996 года. Её проводили в последний путь немало товарищей по движению российских немцев. Один из них, Герхард Вольтер, нашёл в себе силы сказать на похоронах о том, кем была для нас наша Альма...

Моей работе над книгой способствовали упомянутые сотрудники фонда "Гуманитас" и их коллега г-н Петер Ноймайер, доставившие из Германии и установившие в нашем офисе компьютерное оборудование, на котором она и была набрана. Внимательно ознакомились с рукописью и высказали ценные замечания мои товарищи по движению - Генрих Гроут, Герхард Вольтер, Генрих Арнгольд, Александр Дитц, Борис Петерс, Эдуард Бернгардт, Наталья Варденбург. Важным импульсом к написанию книги явились беседы в гостеприимном доме г-жи Ингеборг Фляйшхауэр, одного из лучших знатоков нашей проблемы в Германии. Прочтение дипломной работы выпускницы Свободного университета в Берлине г-жи Мехтхильд Хеннеке о российских немцах и нашем национальном движении высветило передо мной некоторые вопросы, остававшиеся до этого в тени. Этим людям, как и всем сотрудникам нашего офиса, терпеливо и с пониманием отнёсшимся к моим круглосуточным бдениям над книгой, я выражаю глубокую благодарность.

Пока я работал над своими записками, политическое противоборство в нашей стране обострилось до предела. Не имея чести принадлежать к приверженцам теперешних властей или так называемой народно-патриотической оппозиции, я хочу попытаться взглянуть на эти события и их возможные последствия с точки зрения интересов России и её народов.

Нынешний виток напряжённости восходит, на мой взгляд, к роковому 21 сентября 1993 года, когда указом Б. Ельцина был разогнан российский парламент. Независимо от симпатий или антипатий к Президенту невозможно не признать, что этот акт выходил далеко за рамки действовавшей в то время Конституции. Более того, указ незаконно изменял конституционный строй Российской Федерации. Следовательно, произошёл государственный переворот - нравится кому-то этот термин или нет.

По моему убеждению, прецедент удавшегося переворота в стране, находящейся так близко от полного развала, чрезвычайно опасен. Тем более что речь идет о России, которая никогда не обладала устойчивым иммунитетом против дворцовых путчей. Если Президент позволяет себе попирает Конституцию и законы, добиваясь при этом своих целей, то что может удержать от аналогичного шага его конкурентов или преемников? Побоище в Москве 3-4 октября 1993 года - страшная иллюстрация этой более чем очевидной угрозы.

Без чувства вседозволенности, в очередной раз возобладавшему в политической элите страны, не могло быть и чеченской бойни. Кремлевских "демократов" ничуть не смутило, что кровавые раны, нанесённые ими этой земле, вполне сопоставимы с её разором царскими опричниками и сталинскими душегубами. Не послужила уроком даже афганская авантюра, столь явно способствовавшая крушению СССР.

Оказавшись у роковой черты, Россия вновь поставлена перед выбором своего пути. Этот акт связывался в последние месяцы главным образом с президентскими выборами. Беда, однако, в том, что нам устроили очередные выборы без выбора.

Немногие претенденты, предлагавшие России и ее народам сколько-нибудь конструктивные программы (к примеру, Г. Явлинский или С. Федоров), с самого начала не имели шансов на победу. К несчастью для нас всех, в избирательной кампании задавали тон именно те кандидаты, которые могут принести стране только новые беды, - Б. Ельцин, Г. Зюганов, В. Жириновский. (Я опускаю фамилию А. Лебеда не потому, что он резко выделяется из этого ряда, а по той простой причине, что его политический профиль, похоже, остается загадкой даже для него самого.)

По поводу Жириновского российские немцы питали и питают меньше всего иллюзий. Несколько лет назад мы узнали из его интервью со "Шпигелем" о сногшибательном желании нашего обер-либерала - по примеру Екатерины II привлечь в Россию новых немецких переселенцев. Тем самым он продемонстрировал, что тоже не прочь пококлетничать с заграницей. В родной стране кандидату в Президенты нет нужды так грубо лицемерить, и в марте 1996 года он высказался по поводу Республики на Волге в привычном погромном стиле. В пресс-релизе, распространенном в Госдуме и правительственных учреждениях, ЛДПР и ее фюрер расценили планы восстановления нашей автономии как "гитлеровскую политику" и заявили, что будут "бороться против подобных решений". Как говорится, умри - а лучше не скажешь.

Несколько больше заблуждений имелось насчет тов. Зюганова. Их подогревали небезызвестные ветераны партии наподобие Г. Вормсбехера, не раз заявлявшего, будто лишь у КПРФ имеется "конструктивная концепция национальной политики". Но уж кого-кого, а российских немцев трудно было привлечь идеями, а тем паче реальными делами коммунистов любых мастей.

Чаще всего кривотолки возникали, конечно же, вокруг персоны нынешнего Президента. Результаты выборов на некоторое время дали в руки такого рода "иллюзионистам" и их поводырям дополнительные козыри. Поэтому я вынужден высказаться по поводу Б. Ельцина и его политики достаточно обстоятельно.

Не устаю удивляться, когда на Западе, а тем более у нас в стране говорят о нём как о "меньшем из зол". Исходя из этого, некоторые национальные организации даже заявили о поддержке его кандидатуры на выборах. Подобные галлюцинации особенно опасны - и из-за своей распространенности, и потому, что они зиждутся, по моему убеждению, на совершенно превратной оценке нынешних властей и, хуже того, ситуации в сегодняшней России.

Как известно, ельцинско-гайдаровские "реформаторы" любят клясться именами фон Хайека, Фридмана, Эрхарда и прочих "отцов" современной западной экономики. Увы, реальные действия наших правителей несравненно больше напоминают о ... Троцком. Именно он предрёк в своей книге "Преданная революция", написанной в далёком 1936 году, тот сценарий, который реализуется сейчас в России и ряде других стран СНГ.

Не перевелись еще простаки, верящие официальным рассказам, будто здесь проводятся некие экономические реформы. В действительности мы являемся свидетелями процесса, который навсегда заклеим прозвищем "прихватизация". Бюрократия, как и предполагал Троцкий, в конце концов, возжелала юридически присвоить государственную собственность, и без того находившуюся в ее полном распоряжении, утвердив себя вкупе с горсткой нуворишей в качестве имущего класса посткоммунистического общества.

Сам Троцкий был чрезвычайно обеспокоен этой возможной "реставрацией капитализма". На мой же взгляд, все рассуждения о том, в каком качестве - "социалистического" чиновника или частного собственника - более предпочтителен российский бюрократ, лишь уводят в сторону от понимания сути вопроса. Как говорится, оба хуже.

Проблема в другом: то растаскивание национального достояния, которое навязали России гайдары и чубайсы, чревато невиданным экономическим крахом. Что бы ни вешали их покровители и лизоблюды, трудно говорить всерьез о жизнеспособности "экономики", в которой основные агенты озабочены главным образом "грабежом награбленного", и где практически все виды деятельности, не считая торговли и так называемых посреднических операций, лишаются реального смысла.

Е. Гайдар цинично признал в своем последнем опусе "Государство и эволюция", что в посткоммунистической России происходит быстрое превращение государственной собственности в частно-бюрократическую. Он не забыл сослаться при этом на Троцкого, но предпочел умолчать о том, кто явился закоперщиком данного процесса, паразитический характер которого совершенно очевиден.

Пусть гайдары и иже с ними не морочат нам головы баснями об альтернативе, якобы, стоящей перед страной: движение в сторону рыночной экономики "западного типа" или к номенклатурному капитализму, еще одной разновидности "азиатского способа производства". Россия испокон веков (а не только последние 75 лет) больше всего страдала именно от сращивания власти с собственностью и его неизбежного порождения - всеобъемлющего государственного монополизма. Нынешние "реформы", наделившие бюрократию дополнительным мощным рычагом господства над обществом - частной собственностью на основные средства производства, лишь усугубляют эти страшные пороки, уводя нас все дальше от Европы в глухой тупик.

Если попытаться охарактеризовать политическую фигуру Президента Ельцина одним словом, то более подходящего термина, чем "разрушитель", найти, мне кажется, невозможно. Деятелей, готовых выступить в подобной роли, он, как правило, расставляет и вокруг себя. Многочисленные кадровые перестановки последних лет практически ничего не изменили в этом отношении. Парадоксально, но факт: человек с сугубо созидательной профессией стал одним из самых деструктивных государственных деятелей в новейшей истории.

Даже в тех немногих сферах, где в годы его президентства отмечено, казалось бы, нечто позитивное, оно с лихвой покрывается новыми зияющими руинами, либо просто уцелело с прежних времён. "Преодоление" опустылевшего товарного голода ценой обнищания огромной массы людей, искусственное сдерживание инфляции за счет наглого отказа государства от своевременной выдачи и без того мизерной зарплаты, сохранение горбачевской "гласности" при полном попустительстве махровой национал-социалистической пропаганде, "многопартийные" выборы, на которых побеждает в основном ничтожная кучка толстосумов и их ставленников, - вот подлинное обличье ельцинских "свершений".

Ситуация полнейшего развала, созданная или усугубленная многолетней президентской деятельностью Ельцина, - идеальная питательная среда для самых реакционных политических сил.

Сегодняшние правители России, не в обиду им будь сказано, очень напоминают деятелей типа фон Шлейхера или фон Папена (разумеется, не дворянским происхождением). Последних тоже можно считать далеко не худшим из зол для Германии 1932 года - если, конечно, забыть, кто прорвался к власти на их плечах всего несколько месяцев спустя.

Думаю, нет особой нужды доказывать, что коль скоро национал-социалисты любого сорта, не приведи Господь, овладеют Россией, то ни о каких перспективах российских немцев на её территории говорить больше не придется. Хотелось бы верить в возможность предотвращения этого фатального исхода. Однако, глядя в лицо реальности, нужно иметь мужество признать, что у нас остается не так уж много поводов для надежд. Ведь гремучая смесь красного с коричневым все гуще окрашивает российский политический спектр.

По моему глубочайшему убеждению, у России и её народов имеется лишь одна возможность избежать катастрофы - коренной поворот в области государственной политики, прежде всего экономической. В нашей стране, увы, не так много людей, которые могли бы с пользой для нее сменить у руля ельцинскую камарилью в сложившейся критической ситуации. Поэтому очевидно, что в будущих властных структурах должны быть представлены самые лучшие специалисты, независимо от политических убеждений.

Стабилизация обстановки, предотвращение скатывания к фашизму необходимы немцам не меньше, а, быть может, и больше, чем другим российским народам. Наше движение никогда не страдало национальной ограниченностью. Но сегодня нам предстоит ещё теснее увязать реализацию интересов российских немцев с борьбой за лучшее будущее для всех россиян.

Валуево - Люберцы - Москва, 1993-1996 гг.

Книга первая

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ – К ПОПЫТКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

*Через года слышу мамин я голос –
Значит, мне домой возвращаться пора...
(Из современной песни)*

Когда имеешь дело с некоторыми активистами нашего национального движения, особенно с его многолетним лидером Генрихом Гроутом, порой создаётся впечатление, что они просто не могли не стать поборниками интересов российских немцев и готовились к подобному поприщу чуть ли не с колыбели. Положа руку на сердце, не могу сказать этого о себе.

В детские годы у меня было множество увлечений, но они в большинстве своём не носили никакой национальной окраски, а в семье вовсе не стремились ограничить круг моих интересов немецкой тематикой. В моём родном городе соплеменники не насчитывали и пяти процентов населения, к тому же нигде не проживая компактно. И всё же моё детство было, без сомнения, немецким. Национальность во многом предопределила место и даже время моего появления на свет.

28 августа 1941 года вышел указ о поголовном выселении немцев, "проживающих в районах Поволжья", в Сибирь и Казахстан. Наша семья была изгнана из Маркштадта⁷ вместе с сотнями своих соседей 5 сентября. До столицы Республики немцев Поволжья, города Энгельса, их везли на барже, а оттуда - в знаменитом телячьем вагоне, описанном Солженицыным. Две недели спустя моих близких доставили, наконец, в Сибирь и высадили на станции Топчиха Алтайского края. Там бы мне и родиться, не будь родственники столь привязаны друг к другу.

Одна из младших сестёр матери, тётя Элла, живя в Маркштадте на другой улице, была выселена не на Алтай, а в Купинский район Новосибирской области. В октябре 1941 года её с мужем Петером Нихельманом переправили оттуда в кузбасский город Киселёвск, на строительство шахты. Тогдашняя мобилизация депортированных жителей АССР Немцев Поволжья на "Кузбассшахтострой" последовала за соответствующим ходатайством по адресу Берии со стороны руководства Новосибирской области, к которой в то время относился Кузбасс. После исчезновения мужа в трудармии в 1942 году тётюшка решила съехаться со своими близкими, оказавшимися в Топчихе.

Перебраться к ним она не могла, с шахты её бы никто не отпустил. Оставалось упрашивать НКВД разрешить родным переселиться к ней в Киселёвск.⁸ В мае 1946 года туда и прибыла после долгих хлопот наша семья - мать с двумя малолетними дочерьми и стариками-родителями. Все они поселились в тётюшкиной комнатке. В июне 1947 года к ним присоединился вернувшийся из трудармии отец.

⁷ Ныне - город Маркс Саратовской области.

⁸ В июле 1945 года появилось Постановление Государственного Комитета Обороны СССР, согласно которому немцы, мобилизованные в угольную промышленность, "закреплялись" за предприятиями, на которых они оказались. Взамен новоявленным крепостным разрешили вызывать к себе на постоянное жительство членов семьи.

Киселёвск, как и другие города Кузбасса, состоял из небольшого центра и посёлков, разросшихся вокруг шахт или крупных предприятий. В его архитектуре преобладал, выражаясь словечком поэта Евтушенко, стиль "баракко". Основная масса населения города очутилась в нём отнюдь не по своей воле. Непременной достопримечательностью подобных городов являлись так называемые спецпосёлки, само название которых свидетельствует о ссыльном происхождении их обитателей.

Пригнав в Кузбасс и другие угольные бассейны российских немцев, власти поначалу предпринимали строжайшие меры по полной изоляции "мобилизованных" от местного населения. На этот счёт в 1942-43 годах было издано несколько инструкций и приказов Наркомугля.

Немцы сводились в специальные отряды во главе с сотрудниками НКВД или военными. Начальники отрядов были обязаны бдительно следить за своими подопечными с целью пресечения "саботажа и диверсий", а также выявления "профашистских элементов"(!). Немецкие рабочие размещались в отдельных бараках, обнесённых заборами и колючей проволокой. В эти, с позволения сказать, жилища можно было пройти лишь через охраняемые проходные. "Жизнь" в бараках вполне соответствовала лагерным нормам: двухъярусные нары, организованный подъём, переключка, коллективная отправка на шахту, а для "нерадивых" - перевод на более тяжёлую работу, гауптвахта, суд.

На шахтах из немцев комплектовали особые участки, отделения и бригады, используя наших людей под землёй и для тяжёлых работ на поверхности. Руководить шахтовыми участками или обслуживать имевшиеся здесь немногочисленные механизмы им строго возбранялось. К работе с взрывчатыми веществами немцев допускали лишь в виде исключения, с персонального разрешения НКВД.

Наравне с юношами и пожилыми мужчинами⁹ в шахтах трудились немецкие женщины и подростки обоих полов. А ведь даже мобилизованные немцы-мужчины, в большинстве своём колхозники и служащие, были совершенно не готовы к работе в угольной промышленности.

Новоиспечённые шахтёры ходили на работу строем, под началом старшего. Возвращались, однако, вопреки предписаниям, зачастую поодиночке. Видимо, руководителям спецотрядов не очень-то улыбалась возложенная на них роль конвоиров. Или подкачала неспособность технической мысли обеспечить доставку на-гора всей смены одновременно, сократив тем самым потребность в охранниках?

Массовое поступление российских немцев на кузбасские шахты началось в конце 42-го, но особенно махровым цветом немецкие гетто расцвели здесь с середины 1943 года. В это время Сталин повелел НКВД и лично "тов. Берия" мобилизовать в угольную промышленность 25 тысяч их подопечных, включая 7 тысяч немцев-трудармейцев. По данным Ю. Киселёва (Кемерово), к апрелю 1944 года мобилизованные немцы насчитывали на шахтах Кузбасса уже 14,5 тысяч человек или четверть всего персонала. Около полутора тысяч мобилизованных попало в наш Киселёвск.

Правда, местная разновидность апартеида оказалась недолговечной. Наверху, похоже, сочли, что после разгрома внешнего врага больше не стоит так уж усердно нянчиться с его соплеменниками и "пособниками". Как говорится, слишком много чести.

В барачном посёлке возле шахты "Капитальная-1"¹⁰, где нашли приют мои близкие и вскоре предстояло родиться мне, немцы вели трудную борьбу за существование уже бок

⁹ Немцы-мужчины наиболее работоспособных возрастов в основном отбывали трудармейскую каторгу не в шахтах, а на лесоразработках и в других заведениях принудительного труда.

¹⁰ В честь усопшего угольного министра она удостоилась впоследствии имени Вахрушева. Его преемник А. Засядько доложил Берии в 1949 году, что на шахте Вахрушева спецпереселенцы

о бок с обездоленными многих других национальностей. В этих условиях не могли не получить распространения смешанные браки.

Так, добрыми соседями нашей семьи по бараку были Георгий Браун с женой Зинаидой Табаковой, выселенные из Саратова. Их дети, как это часто бывало в таких семьях, носили материнскую фамилию. Кто мог тогда подумать, что её всенародно прославит племянник тётки Зины Олег, ставший со временем популярнейшим киноартистом?

Семья Браун, в отличие от многих ей подобных, сложилась ещё до войны, когда межнациональные браки были среди российских немцев весьма редким явлением. В лихую годину выселения русским жёнам разрешалось отречься от немецких мужей и не ехать с ними в неизвестность. Правда, из архивных материалов, обнаруженных саратовским историком Аркадием Германом, вытекает, что сами организаторы депортации не очень-то жаловали таких запоздалых "патриотов" и порой даже включали их в списки на переселение.

Не могу представить, чтобы тётка Зина оказалась способной на подобное узаконенное предательство. В общении с этой сердечной женщиной и другими русскими соседями мы постепенно преодолевали те завалы взаимного недоверия, которые власти целенаправленно возводили между нашими народами.

Близкие всегда говорили обо мне: "Родился после трудармии". Вслед за второй дочерью, появившейся за год до войны, родители не успели обзавестись на Волге наследником. Сохранились фотографии нашей семьи, заснятые в интервале менее семи лет: одна - накануне выселения, другая - после трудармии. За эти страшные годы родители изменились до неузнаваемости. Трудно понять, как им вообще удалось меня произвести. Тем более что отцу в момент моего рождения было 47 лет, а матери - почти 39. Я уже не говорю о том, что чудом можно считать само возвращение отца. Из тех, кого отправили в трудармию вместе с ним, родные дождались очень немногих.

Как бы там ни было, в апреле 1951 года я появился на свет. В нашем далеко не немецком городе у меня было немало сверстников своей национальности. Уцелевшие немцы, едва успев прийти в себя, устроили настоящий демографический взрыв. Жизненный инстинкт народа пытался хотя бы количественно восполнить чудовищные потери. Результат налицо: статистика свидетельствует, что в 1945-51 годах по стране родилось более 130 тысяч немцев-спецпереселенцев.

О качественной стороне этого бума умолчу уже потому, что очень многие уроженцы нашего первого послевоенного поколения практически не владели немецким. Причина предельно прозаична: родители из страха и стремления избавиться от худшего хотя бы своих детей не общались с ними на родном языке.

Наша семья была в этом смысле исключением - по крайней мере, в том месте, где мы жили. В годы моего детства мы **никогда** не говорили дома друг с другом по-русски.

Я не раз размышлял об истоках этого феномена. Да, моя бабушка Мария-Доротея Глейм, урождённая Шауфлер, не знала русского языка¹¹, а мать продвинулась лишь чуть

размещены в "нормальных условиях". Эти ГУЛАГовские нормы я лицезрел несколько позже собственными глазами: полуразвалившиеся бараки, непролазная грязь вокруг, залитые помоями улицы, ямы для канализационных стоков прямо под окнами. В подобных трущобах вынуждены были жить все обитатели нашего посёлка - немцы и русские, ссыльные и "свободные".

¹¹ Мне довелось слышать от неё только одну русскую фразу - слова известной песни "Слався, слався, наш русский царь...", которой её обучили в гимназии. По-моему, бабушка так и не смогла примириться с мыслью, что царя больше нет. Я долго не мог понять, почему она изо всех советских вождей чтит одного Булганина. Ларчик, между тем, открывался просто: его имя

дальше его азов. Но ведь это можно считать как причиной, так и следствием полной немецкоязычности нашей семьи. Конечно, мы пытались в семейном мире отгородиться от кошмарного внешнего мира. Но такое стремление имелось в то время, вероятно, у всех российских немцев. Видимо, сыграло свою роль то обстоятельство, что бабушка и мать избежали трудармии и не работали в Сибири на производстве. (Матери, правда, пришлось устроиться в Топчихе в швейную мастерскую, но её коллегами оказались почти одни выселенные немки.) Однако главное, как мне кажется, в другом.

Мы часто забываем, что разрушение российско-немецкого этноса началось задолго до 1941 года. Особенно далеко оно зашло при большевистской власти. Уничтожались церкви - подлинные оплоты национального духа. Страх перед Богом был подменён обожествлением сильных мира сего. Среди российских немцев появились коммунисты и комсомольцы, которых судьба мировой революции волновала зачастую куда больше, чем проблемы своего народа. Тоталитарный режим неустанно принуждал людей сверять каждый шаг с изменчивыми веяниями политической конъюнктуры.

Моё счастье, что эти убийственные антинациональные тенденции не возымели желанного для властей действия на членов нашей семьи. Именно поэтому, я считаю, мы сумели остаться немцами.

Моя мать была настоящим кладом народного языка. Из неё так и сыпались сочные, подчас на грани приличия речевые обороты, характерные для немцев-колонистов. Я слышал от неё массу немецких прибауток, пословиц, поговорок, стихов и песен, некоторые из которых сохранились в памяти до сих пор.

У нас было множество немецких знакомых, выселенных не только из различных районов Поволжья, но и из иных мест. Прислушиваясь к их речи, я учился понимать диалекты, присутствующие в немецком языке в такой изобилии. Некоторые из них, особенно меннонитский "платдойч", воспринимались с трудом, но у меня ни разу не было случая, чтобы я не смог объясниться с другим немцем на нашем общем языке.

Иллюзию о понимании всех немецких диалектов я сохранил до тех пор, пока не оказался один на один в железнодорожном вагоне со швейцарскими туристами, возвращавшимися с Байкала. В их специфичном бернском говоре мне, по правде сказать, не удалось уловить почти ничего.

В детстве я очень редко бывал среди сверстников, поскольку почти непрерывно болел воспалением лёгких. Причину своих несчастий я случайно установил гораздо позже: у меня оказалась сильнейшая аллергия на кошек. Наш мирный домашний кот едва не отправил меня на тот свет. Но я пережил его, и мои дела пошли на поправку. Однако когда меня отдали в школу, кот-душегуб был ещё в полном здравии. Не удивительно, что мои познания в русском оставляли желать лучшего.

Пожалуй, больше всего я общался на этом языке со своим двоюродным братом Володей Нихельманом и его сестрами Ирмой и Ниной. Это были дети самой младшей сестры матери, тётки Фриды. Их семья, в которой иногда говорили по-русски, жила с нами в одной квартире, а затем на одной лестничной площадке с 1954 года. Но и в этом кругу мы всё-таки чаще пользовались немецким.

В результате я к семи годам научился выговаривать без акцента русские слова, хотя их активный запас был очень скуден, и моя русская речь едва ли заслуживала названия беглой. С правописанием дело обстояло лучше, так как я уже умел читать по-русски.

Мать часто рассказывала, как сердобольные интеллигентные знакомые рисовали перед ней мрачные перспективы моей будущей неуспеваемости. Она только махала рукой

(Николай Александрович) и отчасти внешность напоминали ей последнего императора, коронация которого состоялась в её гимназические годы.

и, не имея понятия о педагогике, оказалась права. Учёба давалась мне без труда, а по русскому я, как ни странно, оказался в первых учениках. Видимо, я подсознательно воспринимал чужой язык с более напряжённым вниманием, чем мои русские одноклассники.

Возможно, сказалась и наследственность по линии отца. Он учился русскому лишь в дореволюционной гимназии, но затем, работая с юных лет бухгалтером, ещё в Марксштадте освоил язык в совершенстве и говорил почти без акцента. Недавно я был изумлён, прочитав открытку, присланную им из трудармии в 1942 году. Она написана по-русски (трудармейцам запрещалось переписываться на немецком) практически без ошибок.

Увы, мне так и не удалось достичь подобных высот в родном немецком языке. Мы, как и подавляющее большинство российских немцев, говорили дома на диалекте, к тому же изрядно засорённом руссизмами. Некоторые особенности нашего "марксштадтского" жаргона, прежде всего использование винительного падежа вместо дательного и излишне твёрдое произношение согласных, докучают мне до сих пор.

Ещё задолго до школы я выучился читать по-немецки. Как сейчас помню мой красивый немецкий букварь с цветными картинками, среди которых на почётном месте - поясной портрет Вождя народов в одеянии генералиссимуса. Это экстравагантное издание, вышедшее, если не ошибаюсь, в Москве в 1952 году, через много лет после полного искоренения немецких школ в СССР, подарил мне знакомый, имевший доступ к книготорговле.

Мы нередко получали весточки от родных, написанные готическим шрифтом, которому их учили в школе, и бабушка по моей просьбе помогала мне разбираться в этих иероглифах. Однако письменный готический шрифт я до конца не усвоил и по сей день. А вот печатному готическому я у неё научился.

Но с чтением дело застопорилось: у нас практически не было немецких книг. Пришлось ограничиться духовной литературой, в частности роскошной Библией, напечатанной в Германии в прошлом веке. К сожалению, эти издания были для ребёнка маловразумительны, хотя мать и бабушка усердно помогали мне их осваивать. В Библии я больше всего любил разглядывать великолепные гравюры.

Немецкие книги для детей появились в нашей семье лишь в конце 50-х годов благодаря родственникам из Новосибирска, где в ту пору начали торговать изданиями ГДР. Тогда же отец выписал мне журнал для пионеров-тельмановцев. Позже публикации "братской" страны стали доступными и у нас в Киселёвске. Но их содержание меня чаще всего далеко не устраивало. Интересной литературы на русском было вокруг несравненно больше.

В отличие от старших сестёр, я имел возможность изучать немецкий в школе. Когда в 1962 году мне пришла пора заниматься языками, наш класс разделили на две подгруппы - немецкую и французскую. Все мои немецкие одноклассники (их было человек 5-7) смогли выбрать "родной" язык. Кавычки здесь, к сожалению, уместны вдвойне. Мы учили немецкий по программе преподавания иностранного языка, всего пару часов в неделю. К тому же у большинства из нас родным языком был русский, а познания в немецком почти полностью отсутствовали.

От меня, в силу сугубо немецкого домашнего воспитания, школьные уроки языка не требовали никаких усилий. Дома я, признаться, никогда к ним не готовился. Проку от такого обучения было, конечно, немного. Я стал чуть более бегло читать вслух, слегка пополнил свой словарный запас, усвоил элементарные правила грамматики, научился более "литературному" произношению, начал пользоваться словарём - вот, пожалуй, и все мои достижения школьных лет.

У тех моих немецких сверстников, которые не говорили на языке дома, прогресс был ещё скромней. Их познания к окончанию школы так и остались близки к нулю. За редким исключением они, увы, не поднялись над этим уровнем и в дальнейшем.

Очевидно, такой "результат" не объяснить в отрыве от программы и методов нашего обучения. Не будучи специалистом в этой сфере, могу высказаться лишь на основе собственного, гораздо более позднего опыта самостоятельного изучения иностранных языков - английского и ряда славянских. Я убедился, что для приобретения навыков беглого чтения нужно как можно больше заниматься письменными переводами со словарём. Что касается устной речи, то ее, разумеется, удаётся освоить только в процессе непосредственного общения, желательно - с людьми, умеющими хорошо говорить на соответствующем языке.

Обо всем этом прекрасно знают преподаватели. Тем не менее, языковые успехи их учеников чаще всего совершенно неудовлетворительны. А постановка преподавания языков в школах и вузах (не считая, быть может, специализированных) нацелена на что угодно, но только не на эффективное достижение практических результатов.

При желании здесь можно найти массу причин. Но все они, на мой взгляд, порождены главной: до сих пор знания языков в нашей стране были, по большому счёту, просто не нужны. Это прямое следствие герметичной "закрытости" советского общества и, с другой стороны, многолетней государственной политики, нацеленной на принудительную ассимиляцию национальных меньшинств, а не на их сохранение и развитие.

В школьные годы я совершенствовался в области родного языка не столько на уроках, сколько при чтении, пусть не очень регулярном, различных немецких изданий, а также в процессе переписки со школьником из ГДР.

Тогда было модно создавать всевозможные клубы и кружки "интернациональной дружбы". Правда, дружить полагалось лишь с "братьями по классу", желательно из соцлагеря. Посещая такой школьный кружок в пятом классе, я получил там адрес мальчика из Дрездена Франка Муштера. Мы переписывались с ним года полтора.

При этом я впервые осознал, насколько ограничены мои познания в немецком. Письма своего товарища я читал свободно, однако собственные послания давались мне с трудом. Но я очень старался писать пограмотнее и подлиннее, не желая ударить в грязь лицом перед заграницей. Каждое письмо я сначала сочинял на русском, а затем переводил со словарём. Помимо того, что это было хорошей языковой практикой, переписка пробудила во мне живой интерес к ГДР, а затем и к ФРГ, что, в свою очередь, значительно расширило круг моего немецкого чтения.

Хотя у нас дома было мало книг, это вовсе не значит, что родители с прохладцей относились к моей учёбе, как бывало и бывает во многих семьях наших соплеменников. Российские немцы - народ, в своё время насильственно лишённый интеллигенции, - увы, не так часто отличаются тягой к образованию. В оправдание обычно говорят: мы без этого прожили - проживут и наши дети. Мои отец и мать рассуждали, к счастью, совершенно иначе. Они очень сокрушались, что трудная жизнь помешала им получить достаточное образование, и стремились наверстать упущенное хотя бы в своих детях. В результате все мы стали обладателями вузовских дипломов - редкостное исключение для семей российских немцев той поры.

Наряду с родным языком, мать и бабушка активно приобщали меня к религии, которая имела в нашей семье глубокие корни. Мой дед по отцу был старостой лютеранской церкви в Маркштадте. В ней же пели в церковном хоре мать и тётя Элла, а ещё раньше - бабушка по матери. Двоюродный брат бабушки Даниэль Фишер играл в этой церкви на органе и был хормейстером. Меня научили в детстве молиться до и после

еды, перед сном и в других подобающих случаях. Некоторые из этих молитв, в частности немецкий "Отче наш", я помню до сих пор. Когда мне было 6 лет, самозванный местный пастор окрестил меня у нас дома по лютеранскому обряду. Тем не менее, я так и не стал верующим.

Причин на то немало - влияние школы и товарищей, официальная антирелигиозная пропаганда, моё раннее увлечение астрономией и космическими исследованиями, подорвавшее доверие к библейским сказаниям. Но наибольшую роль сыграли, как мне кажется, два фактора.

Во-первых, в нашем городе, как и всюду в Сибири в годы моего детства, и в помине не было лютеранских церквей. Наиболее богобоязненные немцы собирались помолиться на дому. Мать несколько раз водила меня после крещения на эти полулегальные молебны. Откровенно говоря, они производили жалкое впечатление. Скученность, духота, неопытные проповедники-самоучки, бесконечное распевание малознакомых мне псалмов - всё это едва ли могло способствовать моему приобщению к религии. Отец относился к подобным богослужениям откровенно скептически и никогда их не посещал, хотя на родине ходил в церковь, пока её не закрыли. Да и мать вскоре оставила эту свою затею.

Во-вторых, чрезмерно ревностные и недостаточно умелые попытки приобщить меня к религии породили во мне тягостное ощущение, что церковь проповедует ничтожество человека перед Богом. Конечно, тогда я не смог бы выразить свои чувства в подобной форме. Но мне было, к примеру, совершенно непонятно, почему я должен постоянно благодарить Бога. Я ведь слышал и видел, что всем, чем мы располагаем, я обязан неустанным усилиям своих близких. Такая школярская логика казалась мне убедительной, вероятно, потому, что я, как и многие в ту пору, не в меру тяготел к рационализму.

Не став верующим, я никогда не был и типичным атеистом. Преследования по религиозным мотивам, о которых я слышал в детстве, ещё тогда вызвали у меня возмущение. Ничего, кроме презрения, я не испытывал к частым в те годы публичным покаяниям бывших верующих и священнослужителей. Я уже не говорю о примитивных трюках, при помощи которых нам на пионерских сборах пытались внушить, что Бога нет.¹² Это неприятие казённого атеизма, насколько помнится, разделяли многие мои сверстники, причём не только немцы.

Таким образом, борьба семьи и государства за влияние на юные души закономерно приводила к "ничейной", если не сказать - к патовой ситуации. Это, несомненно, причинило огромный вред нашему поколению и вызвало нередкое среди нас духовное опустошение.

Мне было лет 10-11, когда я, находясь с родными под Алма-Атой, услышал разговор на эту тему отца с нашим близким знакомым Генрихом Фритцем. Они оба были далеки от религиозного фанатизма. Видимо, поэтому их слова прозвучали для меня особенно веско. Мой отец с совершенно не свойственным ему красноречием говорил о том непоправимом нравственном ущербе, который нанесла официальная борьба с религией. Именно этот многолетний шабаш, по его убеждению, в корне подорвал основы общественной морали, приведя к глубокому одичанию людей.

Отец всегда был для меня нравственным ориентиром, но очень редко высказывался на подобные темы. И вот его давно нет, а этот, казалось бы, незначительный эпизод жив во мне до сих пор.

¹² Меня приняли в пионеры именно на подобном сборище.

Элементарные представления о религии и церкви, привитые в детстве, позволили мне ещё тогда понять некоторые важные стороны жизни российских немцев. Мать часто рассказывала о взаимоотношениях различных конфессий. Маркштадт предоставлял в этом смысле уникальный материал для обобщения, будучи одним из немногих российско-немецких поселений, где сосуществовали католическая, лютеранская и православная общины.

Отношения между двумя последними были здесь, насколько я понял, довольно равными, но отчуждёнными. Практически их ничто не связывало, если не считать некоторого взаимного интереса верующих к непривычным чужим обрядам. Совсем иное дело - непростое, а подчас и конфликтное соседство лютеран и католиков. Страсти, разгоревшиеся в лоне христианской церкви с появлением учения Лютера, давали о себе знать и несколько столетий спустя.

Не мне быть судьей в этом непрекращающемся споре. Могу лишь сказать, что строгая, даже пуританская обрядность лютеранства мне, неверующему, куда более понятна и, если угодно, близка. Пышные церковные церемонии никогда не казались мне необходимыми для общения с Богом. Да и само время, породившее лютеранство и ряд других разновидностей протестантизма, то есть период Ренессанса, для меня гораздо ближе тех туманных исторических эпох, когда возникли другие известные мировые религии.

Если же говорить о католицизме, то не могу не признать, что, ознакомившись с рядом папских энциклик и католическим социальным учением, я нахожусь под впечатлением незаурядной способности этой конфессии приспосабливаться к меняющейся ситуации в мире.

Равнодушное отношение к религии уживалось во мне с большим пристрастием к церковным праздникам, особенно к Рождеству. Сочельник у нас в семье - несомненно, моё самое незабываемое детское впечатление. Вот тут уж родители превосходили самих себя. Они очень старались, чтобы всё было "как дома". Этот праздник был им настолько дорог, что они умудрились прихватить в Сибирь даже ёлочные игрушки, хотя вынуждены были оставить массу куда более нужных вещей.

В нашей семье все любили и умели петь. Я с детства запомнил множество рождественских песен, и впоследствии меня порой удивляло, почему их не знают мои немецкие сверстники. Причина, между тем, очевидна: такие праздники устраивали в те годы далеко не во всех семьях российских немцев - в первую очередь потому, что подобное занятие, мягко говоря, не поощрялось властями.

Подготовка к Рождеству и Пасхе всегда была окутана у нас дома пеленой таинственности. Как я теперь понимаю, взрослые не просто хотели порадовать меня сюрпризом, но и стремились избежать нежелательной огласки. Однако для наших русских соседей, разумеется, не было секретом, что мы, например, наряжаем ёлку за неделю до общепринятого срока и устраиваем в этот день песнопения. К их чести, никто на нас, насколько я знаю, ни разу не донёс. А ведь в этом случае отцу грозили крупные неприятности на работе. И ему было что терять: он уже в 50-х годах занимал должность главбуха на машиностроительном заводе, очень высокую по тем временам для немца, да ещё беспартийного.

Мои близкие отличались обычной немецкой законопослушностью. Но им, по моему, никогда не приходило в голову, что в угоду властям или ради карьеры можно отречься от самого дорогого - родной речи, религии, обычаев, немецких праздников. Известно мне об их поведении и при куда более серьёзных обстоятельствах, чем празднование Рождества.

В марте 1938 года арестовали Александра Бастерса - мужа самой младшей сестры отца, тёти Лиды. Ему вlepили чудовищное по абсурдности и возможным последствиям, но не столь уж необычное в ту пору обвинение - шпионаж на Японию(!). Он должен благодарить Бога и следователя, что отделался восемью с половиной годами тюрьмы и лагерей. Везение тем более завидное, если учесть убийственную словоохотливость дяди Шуры. В каждый свой приезд к нам он чуть ли не с порога принимался сочными фразами вспоминать о своём пребывании за колючей проволокой. Нетрудно представить, как жадно и оторопело я ему внимал.

Сногсшибательная эпопея дяди Шуры накрепко врезалась в мою детскую память и требует особого рассказа. "Виновником" дядиных несчастий стал его собственный дядя по матери Андрей Константинович Альберт (в действительности - Генрих Карлович Альберг), большевик с дореволюционным стажем. Для российского немца - случай, из ряда вон выходящий. (По данным израильского историка Б. Пинкуса, к 1917 году насчитывалось всего-навсего 89 членов партии большевиков немецкого происхождения.) После революции этот человек занимал многие крупные посты. При поддержке Кирова, который был его личным другом, Альберт дорос до одного из руководителей лесной промышленности страны и даже стал заместителем союзного наркома. С такой национальностью и биографией он, конечно, не имел никаких шансов выйти сухим из воды в 1937 году.

Однажды я прочел в книге Роя Медведева "О Сталине и сталинизме" поразившую меня историю о немце по фамилии Альбрехт, который тоже занимал высокий пост в лесной промышленности СССР. Автор сообщил, что Альбрехта, арестованного в 37-м, освободили два года спустя, когда возглавивший НКВД Берия развернул по указке вождя лицемерную борьбу с "последствиями ежовщины". А в августе 1939 года, во время "исторического" визита в СССР гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа, Альбрехт, якобы, умудрился проникнуть в германское посольство в Москве и попросил политического убежища. Сталин, переживавший медовый месяц в своем флирте с нацистскими камрадами, на радостях разрешил дороговому союзнику увезти бывшего зека в Фатерланд.

Вскоре, по рассказу Медведева, мудрейшему политику всех времен и народов пришлось об этом пожалеть. Не в меру прыткий беглец обнаружил еще и писательские наклонности, издав в Германии две разоблачительные книги о советской системе - "Бутырская тюрьма. Камера 99" и "Революция, которую предали". Любопытно, что вторая из них называется так же, как нашумевшее несколькими годами раньше сочинение Троцкого.

Узнав об этой захватывающей эпопее, я, естественно, предположил, что Альбрехт и Альберт – одно и то же лицо. Однако действительность, как это нередко бывает, оказалась более запутанной и замысловатой, чем любые вымышленные истории.

Поселившись в Германии, я случайно обнаружил на "блошином рынке" книгу К.И. Альбрехта "Революция, которую предали". Заглянул в нее – и тут же убедился, что Медведев никогда не видел этой книги. Достаточно сказать, что первое ее издание вышло в свет в 1938 г., когда Альбрехт, по версии автора нашумевших разоблачительных сочинений о сталинской системе, еще томился в советских тюрьмах.

Дальше – больше. Альбрехт, как ни странно, оказался вовсе не российским немцем, хотя и занимал высокие посты в советской промышленности. Он был германским политэмигрантом, советские власти арестовали его еще в 1932 г., затем приговорили к расстрелу за "шпионаж", но в 1934 г. неожиданно выслали назад в Германию, к тому времени – уже нацистскую.

В книге нет никаких свидетельств, что Альбрехт был хотя бы знаком с Альбертом. Между тем служебные пути этих людей однажды прямо пересеклись. В начале 1932 г., когда образовался Наркомлес СССР, Альбрехту предложили стать в этом ведомстве заместителем наркома. Тот, по его словам, отказался, т.к. от него потребовали взамен принять советское гражданство, чего он категорически не желал. Так вот, на этот высокий пост был тут же назначен Альберт – мистика, да и только!

И дядя Шура, и члены семьи Альберта, с которыми я близко познакомился в Ленинграде в 70-х годах, безоговорочно утверждали, что он был расстрелян в 37-м. Аналогичные сведения приведены и в списках "Жертвы политического террора в СССР", выставленных в Интернете обществом "Мемориал". Казалось бы, все ясно – информация однозначна, а Р. Медведев направил нас по ложному следу. Но не тут-то было! В Энциклопедии "Немцы России", к изданию которой я был причастен, содержатся совсем уже умопомрачительные данные об А.К. Альберте: арестован в 37-м, освобожден весной 39-го, в том же году эмигрировал в Германию, где стал – ни много, ни мало – политическим советником министерства иностранных дел...

Во всей этой предельно противоречивой информации для меня пока ясно только одно: не я первый спутал Альбрехта с Альбертом - моим предшественником в этом плане был не кто иной, как Р. Медведев. Сообщив о книгах, написанных Альбрехтом, он почему-то присовокупил к этому даты ареста и предполагаемого освобождения Альберта. Пишу "предполагаемого", т.к. никакой уверенности в том, что Альберт был освобожден, а не расстрелян, приведенные мной данные, конечно же, не дают.

Одним словом, очень темная история, достойная пера нового Юлиана Семенова.

Не менее темной оказалась и судьба дяди Шуры. После ареста своего высокопоставленного родственника он, живший под Ленинградом, почувствовал, что петля все туже затягивается вокруг него самого. Это заставило его вернуться в Маркштадт, где была, по крайней мере, надежда на помощь многочисленной родни со стороны жены, если ему предстояло разделить судьбу А. Альберта.

Разумеется, НКВД и здесь преследовал племянника матерого "врага народа" по пятам. Через месяц после приезда дядя Шура, на минуту расслабившись, некстати вспомнил в обществе соседей о своей излюбленной привычке и рассказал политический анекдот. Вездесущие органы обработали слушателей, и один из них под угрозой ареста написал на дядю донос.

В энгельсской тюрьме, куда вскоре доставили А. Бастерса, сидели едва ли не все бывшие руководители и значительная часть интеллигенции Республики немцев Поволжья. По словам дяди, среди следователей и тюремного персонала он не встречал немцев. Как теперь известно, таковых к тому времени уже вычистили из здешних "органов".

Изо всех сокамерников дяди Шуры пытались выбить стереотипные признания в шпионаже. Лишь недавно я узнал, почему именно в это время АССР НП охватила невиданная шпиономания: 31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) предписало Ежову продолжить "операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов" в составе советских граждан, имевших родственные этносы за границей. В их число попали, конечно же, и российские немцы.

Не могу забыть, с каким восхищением дядя вспоминал о своих братьях по несчастью. Эти мужественные люди организовали в камере нечто вроде тюремного университета. Они читали целые циклы лекций по темам своей научной и профессиональной деятельности. Дяде Шуре, который был самым малообразованным среди них и не поднялся выше должности завгара, доверили вести автодело. По его словам, он нигде так многому не научился, как в энгельских застенках. Между тем его

тамошние учителя были в большинстве своим обречены на смерть и не питали на этот счёт никаких иллюзий.

Так уходили из жизни интеллигенты, которых Вождь революции любил сравнивать с известным пахучим веществом и считал ходячим олицетворением малодушия.

Товарищи популярно объяснили моему остолбеневшему родственнику, что коли уж его бросили в эту камеру, то обвинения в шпионаже не избежать и ему. Дяде посоветовали не дожидаться, пока его забьют на допросах, и оперативно выдать требуемые показания. Но предупредили: ни в коем случае нельзя "признавать" себя германским шпионом - это верная "вышка"; на худой конец надо изобрести нечто более безобидное.

В актуальности данного совета родич убедился очень скоро. Однажды на его допрос заглянул высокий чин местных "органов", по национальности армянин. (Видимо, это был А.А. Давтянц, являвшийся начальником отдела НКВД АССР НП и даже депутатом Верховного Совета Немреспублики.) Узнав, что подследственный никак не хочет сознаваться, визитёр приказал не миндальничать и использовать коронный метод местных "органов". Он оказался простым, как всё гениальное: бить табуретом по голове привязанного заключённого вплоть до победного конца. Не горя желанием испытать на себе это новейшее достижение человеческого разума, дядя Шура немного покумекал со следователем и сошёлся с ним в экзотичном для Поволжья шпионаже на далёкую восточную страну.

Когда это измышление было, наконец, состряпано, "шпионская" кампания, похоже, уже миновала свой апогей. Во всяком случае, дядю осудили не как японского агента, а по статье 58-10 (антисоветская или контрреволюционная пропаганда или агитация).

Отбыв причитающийся срок, дядя Шура в очередной раз забыл об осторожности и задал на прощание сакраментальный вопрос: *"Так за что же я всё-таки сидел?"* Лагерный начальник, видимо, опешил и ткнул наглого зека в его дело, где красовался соседский донос. Выйдя на свободу, дядя поклялся разыскать своего обидчика, чтобы "просто посмотреть ему в лицо".

Эта голубая мечта осуществилась у нас на глазах, поскольку бывшего соседа угораздило поселиться в близлежащем Новокузнецке. В 1962 году, в первый же свой приезд к нам, дядя Шура, вопреки увещеваниям родных, уговорил мою сестру Эрику съездить с ним в этот город, где она в то время училась. Застав доносчика дряхлым, трясущимся от страха стариком, дядя выдал пару лагерных афоризмов, плюнул и ушёл, о чём и поспешил поделиться с любимыми родственниками.

Родителей, конечно, очень смущали подобные разговоры при ребёнке, но остановить дядю Шуру было немислимо. Да и не стал бы мой деликатный отец осаживать столь дорогого гостя. Во всей этой истории дядю, как и меня, больше всего потрясло то, что после ареста от его жены с малолетними детьми отвернулись почти все родственники. По словам дяди Шуры и тётки Лиды, мои родители были среди очень немногих, которые помогали им всем, чем могли. Думаю, не нужно объяснять, чем награждали в те годы за подобную связь с семьёй "врага народа".

Я не раз пытался выяснить у отца мотивы его далеко не стандартных действий в этой смертельно опасной ситуации. Он лишь пожимал плечами и, по-моему, просто не мог понять моих вопросов. Как объяснить такое парадоксальное сочетание лояльности и нелояльности к беспощадной власти, которое долго ставило меня в тупик?

Теперь мне всё это представляется достаточно очевидным. Конечно же, отец и даже моя аполитичная мать терпеть не могли большевистскую тиранию. Иного отношения после всего, что они выстрадали с 1917 года, от них трудно было бы ожидать.

Они, в отличие от дяди Шуры, тщательно скрывали своё неприятие "советской" власти, хотя временами их всё-таки прорывало. Я, однако, совершенно не могу представить себе родителей в роли борцов с ненавистным строем - уже потому, что религия накрепко вдолбила в них безапелляционный догмат: всякая власть от Бога! Но эта же максима противопоставляла их режиму каждый раз, когда они видели, что богоданная власть нагло попирает божественные заветы. Важнейшие моральные нормы, усвоенные с детства из Десяти заповедей, впитались в плоть и кровь отца и матери настолько глубоко, что уже не могли быть вытравлены никакими репрессиями.

Мартин Лютер писал: *"Природа веры, собственно, в том и состоит, что она доказывает свою силу в страхе, смерти, грехах и во всём, из-за чего человек становится боязливым и падает духом"*. Вспоминая своих родителей, особенно отца, я понимаю, почему именно верующие часто оказывались самыми стойкими узниками концлагерей - как гитлеровских, так и сталинских. Для меня это не просто абстрактная тема. Отец прошёл через пекло "трудоармейского" ГУЛАГа и, насколько я знаю, достойно вынес и это нечеловеческое испытание.

Во времена горбачёвской гласности, когда приоткрылась завеса над преступлениями тоталитарного режима, некоторые бросились заверять, что не имели о них понятия. Обо мне, да и о многих моих немецких сверстниках этого уж точно не скажешь. Я услышал о насильственной коллективизации, массовом голоде, разрушении церквей, 37-м годе, выселении, трудармии, спецкомендатуре и тому подобных "свершениях" ещё до того, как пошёл в школу. И произошло это совсем не потому, что близкие намеренно заботились о моём политпросвещении. Отправной точкой политического ликбеза послужила, конечно же, моя национальность.

Уже нечастые детские контакты с русскими сверстниками, где то и дело проскальзывало малопонятное, но жуткое слово "фашист", наводили меня на мысль, что у нас, немцев, какая-то особая судьба. А о том, что мы немцы, я знал с тех пор, как себя помню.

Когда порой говорят: "Я горжусь, что я немец (русский, казах и т.п.)", мне не очень понятно, о чём идёт речь. Это чувство для меня столь же недоступно, как, к примеру, гордость по поводу того, что ты уродился высокорослым или блондином. Мои родители не гордились своей национальностью и не стыдились её. Они воспринимали принадлежность к немцам как непреложную данность, которая не подлежит оценке и, тем более, пересмотру. Эту позицию унаследовал от них и я.

Между тем суровая действительность не давала нам забыть, что национальность, как это ни чудовищно, очень даже может оцениваться категориями добра и зла. Чаще всего я сталкивался с подобным явлением именно в детстве.

В целом мне не резон особо жаловаться на отношение к нам, немцам, со стороны окружающих. Но ситуация в этой деликатной сфере складывалась крайне неоднозначно. Она зависела от региона, группы населения, периода и целого ряда других факторов.

Даже в таком небольшом городе, как наш Киселёвск, положение в разных районах было в этом смысле далеко не одинаковым. Когда мы в мои 8 лет переехали с изрядно люмпенизированной окраины в более цивилизованный центр, я, признаться, вздохнул с облегчением. Здесь к людям моей национальности относились гораздо терпимей, и с тех пор я начал забывать эпитет "фашист".

Однако в новой школе одноклассники первым делом спросили меня, давно ли мы с родителями приехали из Германии. Вспоминаются и частые рассказы матери об ещё более пикантной ситуации. В последние дни войны к ним забежала счастливая русская соседка, между прочим - жена директора МТС, восклицая: *"Эмма, мы заняли ваш Берлин!"*

За этими нелепыми сценами скрывалась, конечно, не злонамеренность, а лишь полное отсутствие сведений о проживании немцев в России. Как часто я сталкивался в жизни с этим продуктом многолетней государственной лжи и как далеко простирается подобное дремучее невежество за пределы кругозора домохозяек и учеников начальной школы!

Примечательно, что лучше всего к нам относились наши ближайшие соседи. Чем меньше нас знали и имели с нами дело, тем легче люди поддавались официальной антинемецкой истерии, тем чаще разум уступал место тёмным инстинктам, которые преступное государство заботливо насаждало и подогревало. Для власть имущих, в отличие от наших рядовых сограждан, немцы были и остаются костью в горле. Убедить нас в обратном могут лишь реальные дела, а не опостылевшие красивые фразы.

Не могу умолчать и о том, как, в свою очередь, относились в нашей семье к окружающим других национальностей. Что касается русских, то у родителей попросту не было их единого восприятия. Очень уж разные русские люди попадались им на жизненном пути. Наиболее близкие отношения существовали, по словам родственников, с теми немногими русскими, которые жили вместе с ними в Маркштадте. Почти все они, проведя долгое время среди немцев, знали их язык. Он и был в данном случае языком межнационального общения.

Моему поколению с детских лет внушали, что в подобном качестве должен непременно фигурировать великий и могучий русский язык. Но нашим предкам было бы бессмысленно говорить об этом: поволжские немцы, особенно крестьяне, очень редко бывая за пределами родных мест, владели русским слабо, а зачастую не знали его совсем.

Я никогда не слышал от родителей и их немецких земляков о каких-либо межнациональных конфликтах в Маркштадте. Поскольку о них не упоминают и те русские, которые жили в этом городе до войны, остаётся предположить, что отношения между представителями разных народов складывались здесь вполне мирно. Более того, немцы и русские нередко дружили семьями. Это относится, насколько мне известно, и к соседям иных национальностей.

Я не в силах забыть невообразимый эпизод, о котором мне рассказал муж моей сестры Эльвиры Александр Фишер, безвременно ушедший из жизни летом 1992 года. Он был призван на военную службу в марте 41-го, сразу же попал на Западную Украину и оказался одним из многих тысяч своих соплеменников, встретивших войну в рядах Красной Армии. В первые месяцы рядом с ним воевал его друг-казах, которого он знал ещё по Маркштадту. В тяжкую пору бесконечного отступления от Дрогобыча на Львовщине до Рогачёва на Днепре товарищ был смертельно ранен. Он умер у моего зятя на руках, сказав последние слова на привычном ... немецком языке!

А. Фишер - единственный известный мне российский немец, который прошёл войну от первого до последнего дня и вернулся живым домой, - если это слово применимо к ссыльному Новосибирску, куда власти забросили его родителей. До осени 41-го он был рядовым бойцом, а после долгожданного выхода из окружения, когда его запоздало настигли страшные вести об изгнании близких из Поволжья и немецких военнослужащих из действующей армии, - фронтовым шофёром.

Если мне не изменяет память, его оставили на фронте по настоянию командира, которого он прикрыл от пули собственным телом. И это притом, что А. Фишер, в отличие от некоторых наших соплеменников, не скрывал на войне ни фамилию, ни национальность. Зная своего зятя, я уверен, что он бы никогда не пошёл на такой шаг. Да это и не могло ему помочь - его бы тотчас выдал сильный немецкий акцент, от которого он не избавился даже много лет спустя.

Людей с подобной судьбой, видимо, можно пересчитать по пальцам. Но А. Фишер был бесконечно далёк от того, чтобы кичиться своей уникальной биографией, и вспоминал о войне крайне неохотно. В своих редких рассказах на эту тему он раз за разом возвращался к одним и тем же сюжетам, которые я за десятилетия общения с ним усвоил, вероятно, не хуже его самого, - к хаосу первых дней, когда бойцы Красной Армии в одночасье остались без управления, без техники, без боеприпасов и - что не менее существенно в тех условиях - без сухарей; к гибели своего друга, о котором шла речь; к выходу с боями из окружения; к впечатлениям от заграницы, которая потрясла его не меньше, чем сами боевые действия; к памятнику Иоганну Штраусу на венском кладбище, куда его забросило в последние дни войны.

Увы, несмотря на все мои усилия, я так и не услышал от него о том, что мне казалось самым важным в этой невероятной истории: каково было ему находиться 4 долгих года в гуще людей, которым неустанно прививалась "наука ненависти" к **каждому** немцу; что он ощутил, попав после фронта на спецпоселение, - так сказать, из огня да в полымя?

Не услышал, думаю, потому, что Александр Фишер был куда больше расположен трудиться до седьмого пота и выполнять свой долг в любых условиях, чем рассуждать о чувствах, которые он при этом испытывал. Так уж воспитали в Маркштадте и моего незабвенного зятя, и большинство его земляков, которых мне посчастливилось знать.

Вполне естественно, что в кошмарные дни выселения маркштадтцы всех национальностей горевали вместе с немцами.

С жителями близлежащих русских сёл, насколько я могу судить, немцы, как правило, не поддерживали столь тесных отношений. Рассказы моих родственников на этот счёт вполне подтверждают вывод А. Германа: *"В Немреспублике в полускрытой форме на бытовом уровне (...) постоянно существовало определённое отчуждение между немецким и русским населением"*.

Однако мне не приходилось слышать и о том, чтобы здесь возникали серьёзные раздоры на межнациональной почве. Видимо, имевшиеся при этом связи носили в основном деловой характер - тем более что немецкие и русские хозяйства в определённой степени дополняли друг друга. Немцы, к примеру, покупали у русских рыбу, продавая им колбасы или табак.

Реакция этих дальних соседей на выселение была, как мне говорили, совершенно иной, чем у жителей Маркштадта. Зависть к чужому добру и желание им поживиться парализовали у некоторых сограждан элементарные нравственные начала. Но об этом речь впереди.

В Сибири мои близкие оказались в куда более пёстром национальном окружении. Помимо русских здесь жило немало украинцев, татар, чувашей, евреев и представителей других народов. Моя мать, несмотря на слабое владение русским, была чрезвычайно общительна и знала массу инациональных соседей. Она прекрасно шила, великолепно вела дом, обожала комнатные цветы и охотно делилась всем своим мастерством. При этом мать никогда не упускала случая поучиться у других. Каюсь, мне в детстве порой надоедали её бесконечные беседы на хозяйственные темы с немецкими, русскими, украинскими, татарскими и прочими знакомыми.

Общались мы и с евреями. Среди наших знакомых была даже немецко-еврейская семья. Мать очень часто вспоминала, как хорошо ей работалось в ужасные годы войны под началом еврея, эвакуированного из Ленинграда, в топчихинской швейной мастерской, где шили обмундирование для фронта. Она была в восторге от профессиональных качеств этого человека, от его умения ладить с людьми и, с другой стороны, не упускать собственной выгоды. Но я погрешил бы против истины, сказав, что отношения двух

наших народов складывались безоблачно. Слишком трагичное прошлое тяготело над нами.

По словам И. Фляйшхауэр, схожесть российских немцев и евреев с точки зрения их склонности к индивидуализму вела к появлению многочисленных точек соприкосновения и хорошим взаимоотношениям между ними. Если этот вывод и верен, то уж никак не применительно к данному периоду, когда евреи не могли забыть о нацистском холокосте, а немцы - о том, что евреи составляли заметную часть начальства спецкомендатур и трудармейских лагерей.

Строго говоря, у евреев не было оснований таить обиды на российских немцев. Рапорты гитлеровских наместников с оккупированной территории СССР пестрят доносами на местное немецкое население за его нежелание участвовать в антиеврейских акциях. Но кто мог знать об этом в Сибири во время или после войны? Между тем подстрекательский призыв Эренбурга "*Убей немца!*" слышали и читали все.

Вдова расстрелянного при Сталине писателя П. Маркиша вспоминала, что её муж выступил в эти годы на заседании президиума Еврейского антифашистского комитета (созданного, как явствует из мемуаров ветерана-чекиста П. Судоплатова, по инициативе НКВД) с предложением образовать на территории уничтоженной АССР Немцев Поволжья ... еврейскую республику, считая подобную метаморфозу "актом исторической справедливости".¹³

Если такой пещерный подход к национальной проблематике демонстрировали люди, которых принято считать интеллигентами, то что говорить о так называемом "человеке с улицы"? Оказавшись в 60-х годах в командировке в Москве и попав на квартиру к еврейской семье, мой отец имел несчастье убедиться, насколько ещё жив в сознании людей антинемецкий синдром военных лет. Глубокие раны, нанесённые евреям и российским немцам, могло залечить только время.

Куда более сложно, чем на Волге, складывались в Сибири и отношения с русскими. Бытовой национализм расцвёл в те годы по понятным причинам несравненно сильнее, чем это было, судя по всему, до войны. Но даже не он причинял российским немцам наибольшие страдания. Настоящим бедствием становились для них контакты со всевозможными чинушами - в основном, разумеется, русскими.

Признаться, моя мать, говоря о начальниках, не стеснялась в выражениях. И это притом, что она знала данную породу не с самой худшей стороны, обшивая в Киселёвске жён местных сановников. Более сдержанный отец обычно не позволял себе крепких слов. Работая на производстве, он к тому же понимал лучше матери, что начальники бывают разными и их отношение к подчинённым определяется не только национальной принадлежностью.

Но и отец далеко не жаловал начальство. Дослужившись до главного бухгалтера, он так и остался среди заводских руководителей инородным телом, предпочитая не иметь с ними в нерабочее время никаких контактов. Это его стремление было настолько сильным, что он наотрез отказался даже от установки квартирного телефона. Лишь высочайший профессионализм, невероятная работоспособность и ровные отношения со всеми без исключения коллегами помогли ему, насколько я понимаю, доработать в этой роли до пенсии.

Со знакомыми работягами, независимо от национальности, он чувствовал себя намного свободнее. Да и они его, помнится, любили, что уж никак не типично для

¹³ Не потому ли, что власти склонялись тогда к этому решению, другой лидер данного комитета, упомянутый И. Эренбург, был назначен ими в депутаты Верховного Совета СССР именно по Энгельскому избирательному округу?!

отношения рабочих к главбухам. Отец иногда запрягал лошадь на заводском конном дворе, и мы ездили с ним по хозяйственным делам. Попадавшиеся навстречу знакомые начальники, видя коллегу в фуфайке и с вожжами в руках, смотрели на отца, как на очумелого.

У меня с детства имелась склонность к рациональному восприятию окружающей действительности. Поэтому я уже тогда мучительно пытался объяснить себе, по каким причинам мы, немцы, попали в положение изгоев. Разумеется, эти детские размышления не могли породить никаких примечательных выводов, хотя времени отнимали немало. Но его-то у меня, так часто прикованного к постели, было - при отсутствии телевизора и нехватке интересных книг - более чем достаточно.

Не могу сказать, что подобные мысли находились в центре моего внимания. Однако они вызвали во мне серьёзную тягу к познанию недавнего прошлого, тем или иным образом связанного с судьбой российских немцев.

Мои родные оказались в щекотливой ситуации. Конечно, им хотелось дать мне представление о наших корнях, о своей былой жизни в незабвенном Поволжье - тем более что я сам их к этому подталкивал. Но подобная тематика была небезопасной, и они старались обходить наиболее острые, на их взгляд, вопросы. Эта дилемма привела к тому, что у взрослых выработалась как бы двойная тактика: умалчивание (наиболее характерно для отца) или уход в сугубо бытовую сферу (мать). Были и редкие исключения типа дяди Шуры, когда речь велась обо всём подряд.

Если близкие считали, что им удаётся оградить ребёнка от нежелательной информации, то они глубоко ошибались. Сопоставление сведений из разных источников, подслушивание разговоров взрослых, контакты с посторонними - да мало ли какие возможности есть у детей, чтобы узнать то, что от них пытаются скрыть. Очень рано убедившись в запретности многих тем истории российских немцев, я с тем большим рвением пытался к ним подступиться.

Пристрастие к новейшей истории закономерно подогревало во мне интерес к текущей политике. В нашей семье удовлетворению моей политической любознательности мог способствовать разве что отец. В годы моего детства он, работая главбухом, вынужден был подписываться на "Правду" и читал её внимательно, но с заметным отвращением. Он недоумённо наблюдал, как я за недостатком более подходящего чтения приохотился к газетам ещё в дошкольном возрасте.

Позднее отец выписывал "Известия", затем, уже по моей просьбе, еженедельник "За рубежом" - популярный в ту пору обзор заграничной прессы, однако разговоров о политике по-прежнему избегал. Он не раз предостерегал меня от опасного интереса к политическим реалиям и советовал крепче держать язык за зубами при их обсуждении.

Ненавистная политика преследовала отца от рождения до самой смерти. Уже когда он лежал в колыбели, страну потрясли роковые политические катаклизмы - война с Японией и Первая русская революция. Политика напомнила о себе и в самый последний день жизни отца - 1 декабря 1978 года.

Помню, мы разговорились в тот вечер о годовщине убийства Кирова, а в половине одиннадцатого по обыкновению уселись всей семьёй посмотреть программу "Время". Первым её сюжетом был, если не ошибаюсь, репортаж о сессии Верховного Совета РСФСР. Лучшие места в президиуме заняла никому не известная верхушка марионеточного "органа власти", а Брежнев с компанией расположились позади, как было принято в этих случаях. Мать, не сведущая в подобных ритуалах, выразила вслух своё недоумение и спросила, кто эти люди на переднем плане. И тут отец, досадливо махнув рукой, сказал: *"Какая разница? Ведь это всего лишь пешки! Настоящие хозяева сидят за ними"*.

Я так и не успел понять, с чего это он вдруг произнёс явную политическую крамолу, что случилось с ним крайне редко. Через несколько минут отец скоропостижно скончался у нас на глазах...

Чего я достиг в итоге своих детских историко-политических изысканий? Практически обо всех заинтересовавших меня событиях удалось узнать, **как** они в общих чертах происходили. Увы, извечный детский вопрос "**почему?**" при этом оставался без ответа.

Полную неудачу я потерпел лишь в попытках выяснить подробности переселения наших предков в Россию и их жизни в новых краях. Когда-то мне казалось, что здесь кроется некая совсем уж сногшибательная тайна, которую от меня прячут особенно тщательно. Но постепенно я понял, что взрослые и сами не имеют понятия об этих материях. Да и откуда бы ему взяться? Ведь ещё с 70-х годов минувшего века Российское государство принялось вытравливать из своих немецких подданных всякие познания о прошлом, особенно о связях с Германией.

Не дошла до нас и достоверная устная информация о периоде переселения. Видимо, крестьян, составлявших большинство российских немцев, не слишком занимала та далёкая эпоха - тем более что она была для их предков крайне безотрадней.

Немногим лучше обстояло дело и с выяснением происхождения нашей семьи. Оба деда и одна из бабушек ушли из жизни ещё до моего рождения. Но об этом поколении предков (особенно по материнской линии) у нас дома, по крайней мере, часто вспоминали. Что же касается их родителей, не говоря уже о более отдалённых пращурах, то от них, помимо обрывочных сведений и нескольких фотографий, в нашей семье не осталось ровным счётом ничего.

Лишь в самые последние годы я смог более или менее разобраться в своем генеалогическом дереве. Прежде всего это коснулось предков отца, хотя именно здесь мне предстояло, казалось бы, столкнуться с наибольшими трудностями. Отец был младшим сыном в огромной семье, и сочетание поздних детей в двух поколениях дало неслыханную разницу в возрасте между мной и дедом - 90 лет!

Некоторые сведения о далеких предках по отцу я получил уже в ходе своей первой поездки в Маркс весной 1991 года. Тогдашний директор городского музея Н.В. Титов любезно показал мне копию интереснейшего акта, датированного маем 1798 года. Его полное название - "Ведомость, учиненная Конторы опекунства иностранных Товарищем Главного судьи Надворным Советником Поповым в колонии Екатеринштадт".

Происхождение данного документа раскрылось передо мной после прочтения содержательной рукописи военного медика из Москвы Иосифа Дитриха "Очерк истории немцев Поволжья", ныне живущего в Германии. Упомянутая саратовская контора, управлявшая немецкими колониями на Волге и существовавшая в 1766-82 годах при Екатерине II, была восстановлена ей сыном, императором Павлом I, в 1797 году. Для налаживания своей деятельности, совершенно запущенной за истекшие 15 лет, контора провела год спустя инспекцию колоний заодно с переписью их населения. Большинство из них инспектировал указанный С. Попов.

Этот безвестный чиновник зафиксировал в числе 142-х семей, населявших тогда Екатериненштадт, под № 71 "вдову Христину по мужу Дисендорф(?), по отцу Дельц" с семью детьми, а под № 103 вдовца Карла Лооса (девичья фамилия моей бабушки по отцу) с двумя сыновьями. Поскольку в ведомости эти фамилии больше не встречались, а предки отца издавна жили в Екатериненштадте, я решил, что обнаружил следы своих пращуров. Они оба родились ещё до начала переселения и, следовательно, не в России: Х. Дельц - в

1756 году, а К. Лоос - в 1730-м.¹⁴ Я не нашёл в этой ведомости предков по матери и долгое время не знал, когда и как они оказались в Екатериненштадте.¹⁵

Данная колония была заложена 27 июня 1766 года и, судя по динамике её населения, в начальный период своего существования (не считая самых первых лет) почти не имела притока новых жителей.

Это тем более закономерно, что она относилась к так называемым вызывательским колониям. Усилиями барона Кано де Борегардта, который считается основателем Екатериненштадта, и других подобных лихоимцев-вербовщиков первые обитатели этих поселений оказались в особо бедственной ситуации. (Это, однако, не помешало властям окрестить самое крупное из них Баронском. Долгие годы Екатериненштадт так и носил двойное название.) Едва отменили вызывательское положение, означавшее для колонистов дополнительные тяготы, как была временно ликвидирована упомянутая Контора опекуства, что повлекло за собой новые бедствия.¹⁶

Сказанное привело меня к выводу, что большинство обитателей Екатериненштадта 1798 года составляли, видимо, семьи поселенцев, прибывших в числе первых, а также их детей. Если это относилось и к моим названным предкам, то получалось, что все их дети, судя по возрасту в 1798 году, родились уже в этой колонии. Любопытно, что большинство имён детей часто встречается и в следующих поколениях нашего рода.

В семье Христины Дизендорф (Дельц) росло четверо сыновей, у каждого из которых могли быть потомки по мужской линии. Следы одного из этих потомков я обнаружил также во время своей первой поездки в Маркс. На разорённом вконец местном немецком кладбище чудом сохранилась едва ли не единственная надгробная плита с надписью, наполовину вросшая в землю. Немного её откопав, я обнаружил на ней ... свою фамилию: *"Johann Peter Diesendorf. Geboren den 1. Mai 1820, gestorben den 19. Mai 1872"*. По возрасту этот человек мог быть моим прадедом, но того звали Христианом. Сегодня мне известно, что под плитой похоронен двоюродный брат прадеда, сын Якоба-Карла (1786 года), младшего сына в семье первых поволжских Дизендорфов.

Совсем недавно я смог установить, что отцом моего прадеда, Иоганна-Христиана, был старший сын в этой семье – Иоганн-Адам (1777 года). Но еще до этого саратовский историк И. Плеве сообщил мне, что у Иоганна Дизендорфа, отца прапрадеда, было две жены – рано умершая Христина Распе, уроженка Лейпцига, и уже известная нам Христина Дельц, причем два старших сына прапрадеда происходили от первой из них.

¹⁴ Здесь и далее годы рождения указаны в соответствии с возрастом на май 1798 года, приведенным в ведомости.

¹⁵ Теперь мне известно, что Глеймы, предки моего деда по матери, переселились в Екатериненштадт из правобережной колонии Гримм в 1-й половине XIX века. Шауфлеры, предки бабушки по матери, обосновались в Екатериненштадте в тот же период, но откуда они туда прибыли, я пока что установить не смог.

¹⁶ "Бесконторный" период имел для немцев Поволжья далеко идущие пагубные последствия. Именно тогда местная верхушка навязала колонистам традиционную русскую систему общинного землепользования. Между тем поначалу им гарантировали, что они смогут целиком передавать своё хозяйство по наследству младшему сыну. Не нарушь власти и это своё обещание, поволжские немцы, подобно их соплеменникам на юге России, избежали бы быстрого сокращения наделов в результате дележа полученных участков между многочисленным мужским потомством. Мировой опыт свидетельствует, что уравнительное распределение земли среди наследников обычно практикуется лишь при избытке земельных площадей, которого на Волге не имелось. Но и в такой ситуации, как отметил Р. Пайпс, подобная система препятствует поступательному развитию аграрных отношений, формированию стабильного и эффективного деревенского устройства, возникновению преэминентности дворов и, следовательно, понятию родовитости на селе, характерным для Западной Европы и Японии.

Таким образом, линия замыкается. Я оказался прапраправнуком колониста-первопоселенца Иоганна Дизендорфа и его жены Христины Распе. Это подтверждает давний рассказ моего отца, который слышал, что наш предок приехал в Россию холостым и обзавёлся семьёй уже здесь.

К сожалению, я могу только предполагать, откуда прибыл в Поволжье Иоганн Дизендорф. И. Дитрих поместил в приложениях к своей упомянутой рукописи ксерокопию уникального документа, датированного 1857-м годом. Он называется "Ведомость землям владеемым колониями Саратовской и Самарской Губерний, с показанием числа душ в каждой состоящих, и мест, из коих оне выселились в Россию". Мне нередко попадались сведения о времени основания и численности населения немецких колоний Поволжья, но я больше не встречал перечня земель, из которых прибыли их первопоселенцы.

Согласно данной ведомости, жители Екатериненштадта происходят из Франции (уже включавшей тогда Эльзас и Лотарингию), Саксонии и Гессен-Дармштадта. Один из знатоков немецких фамилий, с которым я консультировался, склонился в отношении моих предков по отцу к "эльзасскому варианту". Познакомившись с жителем тех мест господином Роже Вильцем и услышав от него эльзасский говор, сильно напоминающий наш, я был готов в это поверить. Однако затем родственники сообщили мне, что наши предки, возможно, приехали из Саксонии-Ангальт.

Остаётся неясным и происхождение нашей фамилии. Брат отца Александр, оказавшийся в Первую мировую войну в немецком плену, с удивлением узнал, что в Германии его фамилия отсутствует. Не раз побывав на предполагаемой исторической родине, я могу лишь подтвердить эту информацию. С другой стороны, мне стало известно, что село Дизендорф есть в Австрии. Однако имеет ли оно отношение к нашей фамилии, не знаю.

Конечно, фамилия могла быть и искажена по прибытии в Россию. У дяди Александра, помнится, имелась версия её первоначального звучания - Цинцендорф. Данная фамилия принадлежала в Германии известному дворянскому роду. Наиболее видный его представитель, рейхсграф Николаус Людвиг фон Цинцендорф, был крупным религиозным деятелем XVIII века, основоположником общины гернгутеров. Уже после его смерти её представители отправились в Россию и основали знаменитую немецкую колонию Сарепта (на южной окраине нынешнего Волгограда).

Н.Л. фон Цинцендорфу принадлежат слова популярного хора "Jesu, geh' voran" ("Иисус, веди меня"), знакомого мне с детских лет. Не могу сказать, имеет ли его автор какое-либо отношение к моим предкам. Известно, однако, что среди первых колонистов попадались и обедневшие выходцы из дворян.

С другой стороны, я не раз слышал о своих однофамильцах из числа российских немцев. Один из них, Николай Давыдович Дизендорф, лейтенант Красной Армии, погиб на Одере в начале 1945 года. Кому-то из однофамильцев, видимо, принадлежал и хутор Дизендорф, располагавшийся к западу от Палласовки.

Если наша фамилия действительно возникла в результате ошибки российского писаря XVIII века, то может статься, что все её носители произошли от Иоганна Дизендорфа, привезённого в Россию ребёнком два с четвертью столетия назад.

Хочется надеяться, что я нащупал одну из тех тонких и, казалось бы, безвозвратно утерянных нитей, которые и образуют в своей совокупности запутанную малоисследованную историю нашего народа. Восстановить и донести её во всей полноте до будующих поколений - наш святой долг.

ДОВОЕННАЯ ИДИЛЛИЯ

Заразившись в детстве интересом к истории, я всегда отдавал предпочтение периоду 20-х и 30-х годов, о котором близкие рассказывали особенно часто. И хотя эти повествования были далеко не розовыми, в них неизменно сквозила тоска по прошлому, по родным местам, по неповторимой молодости, по её мечтам и надеждам, которые так никогда и не сбылись.

Мои родители, насколько мне помнится, не пели нашу трогательную полузабытую песню *"Zu Hause war alles so schön..."*¹⁷, но выраженное в ней чувство глубоко коренилось в их душах, невзирая на все тяготы довоенного бытия.

"Довоенный синдром" присущ, разумеется, не только российским немцам. В юности мне очень нравилась повесть популярного в то время Виля Липатова "Ещё до войны". Я не уверен, что глухая сибирская деревня последних предвоенных лет описана им до конца достоверно. Очарование этого произведения в другом - в той неподдельной любви, с которой автор рассказывает о нелегкой тогдашней жизни своих земляков. Жизни, так скоро и безвозвратно оборванной безумием торжествующей смерти.

Особенность моих соплеменников в том, что война лишила их не только отчего крова и невообразимого множества близких. Было отнято то, на чём зиждется бытие любого народа: родная земля, доброе имя, фактически само право на существование. У людей украли главное, что поддерживает человека, - надежду.

В материальном отношении моим близким, судя по их рассказам, жилось в Сибири уже в 50-е годы не хуже, чем до войны. Однако я никогда не мог избавиться от ощущения, что нынешнее существование кажется им каким-то призрачным, не настоящим. Оно отличалось от прошлого так же, как относительно сытое, размеренное пребывание за решёткой - от трудной и непредсказуемой жизни на воле.

И это притом, что у российских немцев была до войны на редкость своеобразная "воля". Услышанные по отдельности, воспоминания близких о Поволжье ещё оставляли впечатление определённой двойственности. Горести и радости были в них перемешаны, хотя и далеко не поровну. Но когда я пытался выстраивать эти повествования в цепочку, мне становилось не по себе. Осознавали это мои родственники или нет, но жизнь немцев Поволжья после 1917 года, увиденная их глазами, вызывала однозначное ощущение бедствия, предвещавшего неминуемую национальную катастрофу...

Расспрашивая близких о прошлом, я не в последнюю очередь пытался выяснить их отношение к революции и гражданской войне. Увы, подобных разговоров у нас в семье упорно избегали. Правда, однажды я с изумлением услышал, что мой прадед Иоганн-Корнелиус Шауфлер, умерший в 1918 году, перед смертью предрекал ужасные последствия прихода большевиков. Трудно сказать, чем было вызвано это его вещее пророчество. К сожалению, у меня нет точных сведений даже о социальном статусе прадеда. По одним данным он торговал пшеницей, по другим - был всего лишь столяром. В последнем случае предок принадлежал бы к тем самым рабочим и крестьянам, именем которых прикрывалась заклёйменная им новая власть.

Ещё более странным мне казалось то, что мой отец, которому в 1917 году было уже 13 лет, делал вид, будто совершенно не помнит событие, без конца превозносимое советской пропагандой в качестве величайшего в XX веке. Если отец и упоминал о первых месяцах большевистской власти, то только как о периоде, когда царили полный произвол и дичайший грабёж.

¹⁷ "Дома всё было так прекрасно..."

Что это означало на практике, выразительно описано у И. Фляйшхауэр. Красногвардейцы врывались в немецкие колонии Поволжья, разоружали захваченные врасплох органы самообороны, пытавшиеся противодействовать насилию, арестовывали местную администрацию, объявляли "военное положение" и налагали на поселения так называемую контрибуцию (на войне как на войне!). Так, в Екатериненштадте эта дань составила - ни много, ни мало - 2 миллиона(!) рублей. Коль скоро послушные колонисты откупались вовремя и в требуемом размере, они подвергали себя риску всё новых разбойничьих "контрибуций". В противном случае новоявленные хозяева прибегали к произвольным "реквизициям", а то и к вооружённым репрессиям.

Эти события нашли отражение и в документах самих местных властей. Так, в опубликованном А. Германом приказе так называемого "Совнаркома Николаевской Уездной Социалистической Трудовой Коммуны"¹⁸ от 8 мая 1918 года большевистские грамотеи сетовали на своём бесподобном жаргоне, что "благодаря(!), по-видимому(!)", проникновению в их славные ряды "разного рода паразитов трудящихся - хулиганствующих и уголовных элементов" в уезде повсеместно творится "что-то невероятное": "некоторые красноармейцы, красногвардейцы и даже представители Совдепов устраивают над гражданами различные насилия, произволы, учиняют истязания их плетью, наносят побои, злоупотребляют оружием и т.д. и даже мародёрствуют".

Очевидно, николаевским "наркомам" не пришло в голову, что они выставили далеко не лестное свидетельство своей "народной" власти, которая, едва возникнув, тут же обросла тучами всевозможных "паразитов".

Вскоре развернулось и невиданное духовное насилие. Свежеиспечённые правители рьяно принялись вытравливать из людей всякую память о прошлом. Все улицы Екатериненштадта получили новые названия: Коммунистическая, Маркса, Карла Либкнехта, Энгельса, Бебеля, Лассалья, Рабочая, Свободы, Красная, Красноармейская, Интернациональная и т.п. Мало того - ликами большевистских вождей велено было украсить каждый дом. Мой дед по матери выбрал конный портрет Ворошилова. Видимо, именно красавец-рысак примирил деда Карла с необходимостью постоянно лицезреть куда менее привлекательного наездника.

По соседству с этим скопищем коммунистических символов, конечно, не могло найтись места Екатерине II. Поэтому пришлось не только переименовать улицу, названную в честь неё, но и снести памятник императрице, воздвигнутый ещё в 1852 году, в ознаменование 90-летия её манифестов о привлечении иностранцев в Россию.

Монумент, созданный на средства колонистов в мастерской знаменитого скульптора П. Клодта, считался одной из главных достопримечательностей Екатериненштадта. Вокруг бронзовой фигуры, изображённой с манифестом в руках, был разбит парк, который стал излюбленным местом отдыха здешних жителей. Большевистские власти, проявив свойственную им бдительность, радикально пресекли эти гуляния, на версту смердевшие монархическим духом. Памятник переместили во двор местного музея, а позднее уничтожили. Отец рассказывал, что скульптуру с большим трудом удалось расплющить под прессом на заводе "Коммунист", где он работал бухгалтером. Плоская императрица ещё долго валялась на "свалке истории", то бишь на заводском дворе. А тем временем был переименован и сам Екатериненштадт.

Имени Маркса, в отличие от его многочисленных российских "учеников", удостоился один-единственный город в СССР. Такая высокая честь, разумеется, не могла быть случайной. Мне представляется, что большевистская верхушка создала Автономную

¹⁸ К Николаевскому уезду Самарской губернии относился в то время и Екатериненштадт. Николаевск - ныне город Пугачёв Саратовской области.

область немцев Поволжья с центром в Екатериненштадте чуть ли не в качестве одного из форпостов "мировой революции".

Если это предположение, к которому я ещё вернусь, справедливо, то становится понятной особая непримиримость при искоренении прежней символики и насаждении новой. Не во всех же, к примеру, российских городах бесследно исчезли исконные названия улиц. И сохранились ведь в Ленинграде памятники Екатерине II и прочим самодержцам.

Лишь недавно, расспросив в Германии выехавшую туда последнюю оставшуюся в живых сестру отца, тётю Лиду (она умерла в 1999 г.), я узнал в подробностях, что произошло в этот период революционного угара с их семьёй.

Дед Адам арендовал в то время сообща со своим сыном Давидом двухэтажный постоянный двор, где имелась и чайная. Их обслуживанием было занято едва ли не всё громадное семейство деда. Екатериненштадт поддерживал оживлённые хозяйственные связи со многими сёлами и городами, и у деда не было отбоя от постояльцев.

Но большевиков, оказавшихся у власти, меньше всего интересовали проблемы сферы обслуживания, не говоря уже о правах её презренных непролетарских "хозяйчиков". По плебейским представлениям новоиспечённых местных правителей, постоянный двор был всего лишь злачным местом. Они стали вламываться к деду в любое время дня и ночи, требуя задарма закусок и, разумеется, вина. Добропорядочное заведение начало превращаться в арену постоянных комиссарских оргий.

Дед очень скоро увидел, что эти набеги разорят его дотла и с новыми властями ему каши не сварить. Поэтому он отказался от аренды постоянного двора в пользу Давида и вернулся к привычному крестьянскому труду. Вплоть до коллективизации дед Адам с домочадцами хозяйствовал на хуторе Нойе Бруннен, находившемся в степи, километров в тридцати к востоку от Маркштадта.

Своевременное решение спасло деда от куда более крупных неприятностей во время не замедлившей последовать "красногвардейской атаки на капитал". Тётя Лида рассказывала, что первый председатель местного Совета Александр Дотц тоже в какой-то мере помог уберечь деда от экспроприаторских и карательных поползновений своих ретивых коллег. Будущего большевистского деятеля, отец которого служил у моего деда извозчиком, частенько подкармливали в детстве на постоялом дворе. Видимо, это логово мироедов не вполне соответствовало штампам коммунистической пропаганды. Иначе чем объяснить, что насквозь сознательный потомственный пролетарий столько лет хранил благодарность к его классово чуждым обитателям?

Уход из постоянного двора положил начало распаду, а затем и упадку патриархальной дедовой семьи. А предвестницей этих роковых событий явилась безвременная кончина от болезни сердца хозяйки дома, моей 51-летней бабушки. Эта поразительная женщина сумела родить не менее 16 детей (точную цифру не смог мне назвать никто), из которых выжило 11. К моменту её смерти старшему сыну было уже за 30, а младшей дочери - всего лишь 6. Для отца, оставшегося без матери в 13 лет, эта утрата была незаживающей раной всю его жизнь.

У тёти Лиды сохранилось извещение о кончине матери, напечатанное готическим шрифтом в местной типографии и распространённое по городу: *"Настоящим сообщаем Вам с опечаленным сердцем, что всемогущему Господу было угодно отозвать в вечность после долгих тяжёлых страданий нашу горячо любимую супругу, мать и бабушку **Элизабет Дизендорф**, урожд. Лоос. Присутствовать при выносе её бранных останков из местной церкви 5 июня в половине шестого вечера просят глубоко скорбящие, осиротевшие Адам Дизендорф и дети".*

Мой дед был одним из самых уважаемых жителей Екатериненштадта, и выносу гроба из лютеранской церкви сопутствовало невиданное для тех мест стечение людей. По тогдашнему обычаю, в этот момент звонили церковные колокола.

Поскольку дело было летом 1917 года, то можно считать, что в те дни екатериненштадтцы распрощались не только с нашей бабушкой, но и со всей своей прошлой жизнью. Вряд ли кто-то из них слышал слова, послужившие эпиграфом для ещё не написанного тогда романа Хемингуэя: *никогда не спрашивай, по ком звонит колокол, - он звонит по тебе*. И уж тем более никто из этих людей не мог знать, что оставшиеся в живых станут вскоре завидовать мёртвым.

Моя совсем ещё молодая бабушка ушла в мир иной, оставив после себя около двух десятков детей и внуков. Младший внук Анны-Элизабет Дизендорф - автор этих строк - появился на свет, как по заказу, в день ее 85-летия. Со временем число прямых потомков бабушки далеко перевалило за сотню. Многие из них живут сегодня в Германии. Но где бы мы ни оказались, нам не забыть ни о нашей родоначальнице, ни о том роковом годе, который оборвал не только ее жизнь, но и целую историческую эпоху.

1917-й год оказался переломным и в судьбе моего отца, тогдашнего гимназиста. Своему младшему сыну дед хотел дать приличное образование, которого были лишены остальные дети. Отец вспоминал о гимназии с лёгкой иронией. Он особенно любил рассказывать, с какими муками его одноклассники заучивали непривычные для слуха слова на уроках французского языка. Но как бы там ни было, фундамент, заложенный гимназией, оказался на удивление прочным. Отец стал довольно образованным человеком, чего никак не скажешь, например, о моей матери и её сестрах, посещавших уже советскую школу.¹⁹ После прихода большевиков гимназию, разумеется, прикрыли, а "классово чуждому" отцу пришлось вскоре прервать образование и впрячься в трудовую лямку, которую он тянул более полувека, почти до конца своих дней.

А. Герман отмечал, что в немецких колониях на Волге "не имелось социальной базы для осуществления социалистической революции". С не меньшим основанием этот вывод можно отнести и ко всей тогдашней России. Не считать же, в самом деле, приверженцами ленинского социализма патриархальных крестьян, составлявших львиную долю её жителей?! Трудно возразить Солженицыну, сказавшему по этому поводу с убийственным сарказмом: *"Но ещё и до всякой Гражданской войны увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена"*. Несложно уяснить и то, что в мире не было и нет ни единой страны, где социальная база для "социализма" в большевистском понимании существовала бы в готовом виде.

Но если уж проводить параллель между Россией в целом и территорией проживания немцев Поволжья, то нужно отметить, на мой взгляд, и принципиальную разницу. Рискну утверждать, что в первом случае старый режим действительно рухнул под бременем собственной несостоятельности, как нас учили с младых ногтей, а во втором - отнюдь нет. При всех проблемах, накопившихся в немецких колониях на Волге к 1917 году (нагляднейший пример - постоянно усугублявшееся малоземелье), здешний строй жизни был вполне способен и к развитию, и, разумеется, к дальнейшему существованию. А гибель здорового органа вместе с обречённым телом выглядит особенно противоестественно и нелепо.

¹⁹ Таким образом, наша семья может служить наглядным подтверждением вывода А. Германа о глубоком кризисе, поразившем систему школьного образования немцев Поволжья в годы Советской власти.

События 1917 года были восприняты огромным большинством немцев Поволжья как нечто совершенно чуждое, навязанное со стороны. Тем более это относится к гражданской войне.

В начале 1921 года на территории Области немцев Поволжья орудовали отряды Вакулина и Пятакова. Эти антибольшевистские крестьянские формирования, вытесненные с Дона на Волгу, выродились здесь в заурядные банды. Не считая батальи по их ликвидации, продолжавшихся несколько месяцев, а также ещё более скоротечных боёв с деникинцами летом 1919 года на юге правобережной части области, гражданская война, к счастью, не затронула родные места моих близких.

Данная территория была одной из немногих в Поволжье, которая почти неизменно оставалась в руках большевиков. Видимо, это связано с тем, что Красная Армия упорно защищала важный зерновой район, а местное немецкое население мало сочувствовало белым, стоявшим за "единую и неделимую".

Эмигрантский автор Ф. Штейнман писал в 1921 году в издававшемся в Берлине "Архиве русской революции": *"Колонист хлебороб в одно и то же время отличный солдат и злейший враг коммунизма. Ему присуща, как и каждому богатому крестьянину, а в особенности немецкому, крупная доля консерватизма, а за землю свою он готов отдать жизнь"*.

Едва ли эту оценку разделяли вожди белого движения. По сообщению автора, в 1919 году жители зажиточных немецких сил под Одессой были полны решимости защищать родные места от красных. Однако белое командование наотрез отказалось объявить всеобщую мобилизацию колонистов и всячески препятствовало действиям сформированных ими батальонов самообороны. Памятуя о недавней войне с Германией, близорукие белые "стратеги" относились к российским немцам с нескрываемым недоверием. (Точно так же, впрочем, они не жаловали и других "инородцев".)

Что касается банд Вакулина-Пятакова, то несколько десятков их жертв было свезено в Маркштадт, откуда направлялась кампания против мятежников, и захоронено по высшему большевистскому разряду. При открытии памятника на братской могиле присутствовал сам Калинин.

Я ещё в детстве видел фотографию этого обелиска, воздвигнутого рядом с православной церковью, и слышал о нём от родителей. Однако они ничего не рассказывали о тех событиях, которые вызвали появление этой единственной местной реликвии, почитаемой властями поволжской автономии. Мать говорила, что в могиле покоится и её однофамилец. Вряд ли этот человек с редкой фамилией Глейм не приходился нам родственником. Но и на сей счёт мои близкие предпочитали не распространяться.

В конце 1918 года в Саратове был создан по приказу Троцкого 1-й Екатеринбургский коммунистический немецкий полк в 2.000 штыков, направленный затем на Украину. Его комплектованием руководил военком Трудовой Коммуны немцев Поволжья Г. Шауфлер – скорее всего, мой дальний родственник по матери. А в 1920 году в Маркштадте формировалась ещё и кавалерийская бригада.

Невозможно представить, чтобы в эти части не попал никто из нашей огромной родни, почти поголовно проживавшей в местах их комплектования. Но мне никогда не доводилось слышать об этом от родителей. Между тем они часто рассказывали о родственниках, воевавших в первую мировую в российской армии на турецком, а также германском фронтах. У нас сохранилась даже пасхальная открытка, присланная Фридрихом Глеймом, братом моего деда, с турецкого фронта.

В чём же причина этого демонстративного молчания об одной кровавой войне на фоне словоохотливости о другой? Видимо, братоубийство гражданской войны выглядело в глазах моих близких настолько непристойно, что заслуживало лишь полного забвения.

Подобную позицию нельзя не считать закономерной, зная о том, что за ней стояло. А. Герман сообщил, к примеру, что насильственная мобилизация в упомянутый немецкий полк вызвала широкое возмущение крестьян Екатеринбургского уезда, а в селе Паульском (ныне Павловка) по этому поводу прошёл массовый митинг мобилизованных. Его разогнал не кто иной, как благодетель моего деда А. Дотц, уложив на месте троих и ранив нескольких других митингующих.

Помню, в детстве я с гордостью обнаружил, что мой отец родился почти одновременно с Аркадием Гайдаром. О том, что последний в 16 лет командовал на гражданской полком, положено было знать каждому советскому школьнику. Поделившись с отцом своим открытием, я не удержался и предположил вслух, что он тоже мог бы оказаться на месте прославленного героя. Отец смерил меня долгим уничтожающим взглядом и по обыкновению промолчал.

Но обратимся к тем событиям прошлого, которые, в отличие от перечисленных, активно обсуждались в нашей семье. В упомянутом разговоре отца с Г. Фритцем, который я услышал в детстве, была затронута, наряду с религией, и другая жгучая тема - коллективизация и раскулачивание.

Я уже немало знал о коллективизации, прежде всего из рассказов матери. Она и не пыталась скрывать своё крайне негативное отношение к этой ужасающей акции. Её отец, крестьянин до мозга костей, по словам матери, прекрасно понимал всю пагубность большевистского аграрного "эксперимента" и, тем не менее, одним из первых вступил в колхоз. Его позиция была предельно проста: *"Если мы не подчинимся властям, они нас всех уничтожат. К тому же мы обязаны им следовать, ведь всякая власть от Бога"*.

Мать часто говорила, чем обернулось создание этого колхоза. В нём одним махом "социализировали" не только скот, но и домашнюю птицу. Это никак нельзя считать результатом местного самодурства, на которое в своё время было принято сваливать вину за подобные подвиги: решение о полном обобществлении крестьянского имущества, включая мелкий скот, птицу и домашнюю утварь, вынес первый съезд колхозников АССР Немцев Поволжья в декабре 1929 года. Аналогичную директиву спустил в то время на места и пленум обкома партии.²⁰

Забота о птице была доверена, по рассказам матери, самым классово сознательным товарищам. Экспроприировав птичек и определив их скопом в большой сарай, социализаторы сочли свою миссию исчерпанной. О том, что курица нуждается не столько в коммунистических лозунгах, сколько в пище с водой, они, похоже, не задумывались. Финал был скорым и закономерным. Я подозреваю, что куриные мозги слишком буквально восприняли слова известной революционной песни, которую высоко идейные опекуны наверняка исполняли в присутствии своих незрелых подопечных: *"И за желанную свободу мы как один умрём, умрём, умрём, умрём"*. Верна или нет моя квазинаучная гипотеза, но куры дружно переложились.

В других отношениях заря колхозной жизни оказалась примерно столь же "светлой". Принцип отрицательной селекции, последовательно реализованный в птицеводстве, стал в новоиспечённом колхозе нормой кадровой политики. Крестьянами руководил кто угодно, включая горожан-"двадцатипятипятитысячников", имевших в массе

²⁰ Через несколько месяцев, как отметил А. Герман, партийные боссы осудили это своё решение. Но мазохистская страсть к самобичеванию разыгралась в них, очевидно, лишь потому, что в нашумевшей статье "Головокружение от успехов" ловко отмежевался от рьяных исполнителей собственных указаний сам Верховный Обобществитель.

своей такое же понятие о сельском хозяйстве, как упомянутые кураторы кур. По данным А. Германа, питерский пролетариат делегировал в АССР НП более 300 подобных "специалистов".

При этой организованной шизофрении дед Карл, конечно, не мог рассчитывать на место у руля. Да и зачем оно могло понадобиться человеку, который любил вкалывать, а не командовать? Насколько я знаю, дед был назначен в колхозе чем-то вроде контролёра на общественных началах. Наряду с собственным трудом, он занимался проверкой качества работ, показывал, как их надо выполнять, журил нерадивых. Никакой власти у него не было. Зато Karlvetter²¹ имел немалый авторитет в глазах тех колхозников, которые ещё не утратили пресловутого чувства хозяина и хотели работать, невзирая ни на что.

Эти люди во главе со своими неформальными лидерами постепенно вдохнули подобие жизни даже в насквозь порочный колхозный строй. Но для системы, основанной на принудительном труде, они были инородным телом, и она их, в конце концов, истребила.

Как мне представляется, дед Карл мог бы символизировать закат российско-немецкого крестьянства. Он завёл самостоятельное хозяйство в начале века и был, по выражению дотошных большевистских классификаторов, "крепким середняком". Эта категория составляла костяк немецких крестьян Поволжья.

Дед, считаясь горожанином, в действительности жил в Маркштадте только зимой. С ранней весны до поздней осени он с домочадцами обитал в глинобитной избушке, обрабатывая степной надел, который находился почти в 20 километрах от города. Дед Карл выращивал пшеницу, рожь, кукурузу и подсолнечник, имел большую бахчу с арбузами и дынями, держал лошадей, корову, свиней, овец и верблюдов, разводил кроликов и кур.

Как и в подавляющем большинстве немецких крестьянских хозяйств на Волге, у него не было наёмных работников. Лишь изредка их в количестве одного-двух человек привлекали к срочным сезонным работам. Вся тяжесть крестьянского труда падала на членов семьи. По словам матери и её сестёр, им приходилось гнуть спины от зари до зари.

Эти усилия в сочетании с благоприятной погодой (которая бывала в тех местах далеко не всегда) обеспечивали определённый достаток - правда, весьма скромный. Хозяйство деда являлось мелкотоварным, и на стороне приобретали только самое необходимое. В результате большую часть года мясо, а тем более кофе и сладости были для семьи практически недоступны. Покупка одежды и обуви становилась целым событием.

Несмотря на нескончаемые трудовые заботы и скромное образование, дед упорно тянулся к знаниям. Простудировав от начала до конца местную немецкую газету, он зимними вечерами любил пересказывать и комментировать её содержание своим менее начитанным соседям. Ещё больше его интересовали агрономические новшества. Таким образом, деда Карла можно отнести к тем российским крестьянам, которых Вождь революции именовал в зависимости от политической конъюнктуры то "культурными", то "кулаками".

Большевистский режим взирал на такого рода крестьян настороженно: они явно не относились к "пролетариям всех стран", которым надлежало соединиться. С другой стороны, дед не предавался и самому страшному антикоммунистическому греху - он, выражаясь словами поэта, не "грабил прибавочную стоимость", а посему его было затруднительно "за руку поймать с поличным". До поры до времени власти выжимали из таких крестьян все соки, но не уничтожали их хозяйства до конца.

²¹ Распространённая форма обращения у российских немцев.

Коллективизация окончательно покончила с этим шатким нэповским укладом и явилась для деда настоящей трагедией. Он часто говорил, что никогда не смог бы работать по фабричному гудку и по указке сверху. Теперь, на склоне лет, ему пришлось-таки усваивать эту пролетарскую добродетель.

Дед очень горевал, что его единственного сына Густава тянуло к технике, а не к лошадям. Но молодым людям, имевшим возможность выбора, редко приходило в голову надевать на себя колхозное ярмо. Оставшиеся крестьяне уподобились вымирающим мамонтам. Судьба деда и двух десятков его потомков в этом смысле более чем красноречива: профессию Карла Глейма не унаследовал из нас **ни один**.

Выселенный в Топчиху, дед, уже разменяв седьмой десяток, устроился шорником на МТС и тем самым еще раз оказался причастным к привычному труду. Тяжкая ответственность за близких, включая двух маленьких внучек, оставшихся без отца, поддерживала его жизненные силы всю войну. И это - несмотря на унижительное бесправие и нищету, на гибель сына, сестры и многих других близких.

После переезда в Киселёвск и возвращения моего отца из трудармии дед окончательно надломился. Он больше не мог заниматься крестьянским ремеслом, и его жизнь лишилась смысла. В последние месяцы дед Карл подолгу сидел на завалинке у барака и оживлялся только при виде любимых лошадей.

Он ушёл из жизни 23 апреля 1948 года, не дотянув и до семидесяти. В свидетельстве о смерти написано "старческий паралич". В действительности, я думаю, дед умер от безысходной тоски, от полного крушения того дела, которому он посвятил всего себя.

В тёплый весенний день дед чинил забор возле нашего барака и на глазах у младшей внучки внезапно осел на землю. Рядом чистили выгребную яму японские военнопленные, которые и занесли его в квартиру. Он жил ещё три дня, но в сознание больше не приходил. Иоганн-Карл Глейм завершил свой жизненный путь там же, где и всё немецкое крестьянство СССР, - в бараках и на помойках.

Узнав о смерти деда Карла, своего давнишнего товарища, брат моей бабушки по отцу Иоганн-Николаус Лоос написал: *"Если подвести итог его земному бытию, то оно состояло лишь из обманутых надежд, хлопот и труда"*. Точнее, думаю, не скажешь.

В последний раз я навестил могилу деда в конце 1997 г. Точнее, не могилу, а дочиста разоренное кладбище, на котором она находилось. Не найдя более подходящего места, едва ли не на костях деда Карла и его соседей по последнему приюту построили жилые дома. А нам, потомкам, остаётся верить в упокой дедовой души, покинувшей его бренные останки задолго до надругательства над ними.

Хотелось бы также надеяться, что дед не успел до конца осознать страшную правду о стране, благу которой он отдал все свои силы: **здесь плюют на мёртвых столь же безоглядно и цинично, как и на живых...**

Чудовищный развал села в результате насильственной коллективизации вызвал безотлагательную массовую потребность в козлах отпущения. Недолго думая, к ним отнесли всех сколько-нибудь зажиточных или недовольных экзекуцией крестьян, получивших произвольное собирательное название "кулаки".

Операция по их изничтожению началась в АССР Немцев Поволжья в феврале 1930 года и была проведена по всем правилам военного искусства, после тщательной подготовки. Краевое руководство (республика с 1928 года входила в состав Нижне-Волжского края) повелело обнаружить в Немреспублике 7.000 кулацких хозяйств - значительно больше, чем в других административных единицах края. На месте это почётное задание разверстали по кантонам (немецкое наименование районов) и

категориям кулаков. Последних было установлено 4 - в зависимости от тяжести намеченных репрессий.²² Для расправы с кулаками двух наиболее злобедных категорий приняли особый оперативный план ОГПУ по их аресту и выселению. Наконец, задействовали милицию и войска, и погромная акция взяла разбег.

Реальные масштабы истребления "кулаков" в АССР НП далеко превзошли первоначальные намётки. Это вполне соответствовало линии партии на перевыполнение спущенных сверху заданий любой ценой и широкое развёртывание "встречного планирования". По данным А. Германа, за время раскулачивания из республики было изгнано свыше 25 тысяч человек, а по оценке немецкого историка В. Квинга - 65 тысяч.

О том, как это выглядело на практике, я услышал ещё в детстве на примере сестры отца Эммы Виншу. В её семье имелись лошадёнка, корова и, кажется, пара верблюдов, обычных в те годы для данных мест. Этого непозволительного "изобилия" с лихвой хватило, чтобы отнести тётушкино хозяйство ко 2-й кулацкой категории. 1.600 подобных хозяйств намечалось депортировать из АССР НП за пределы Нижне-Волжского края. Но по указке из ЦК эту цифру резко увеличили, и в июле-августе 1931 года, как сообщил А. Герман, была организована самая массовая акция такого рода, жертвой которой стали почти 2.500 семей.

Видимо, в эту партию, изгнанную в Казахстан, попали и мои родственники. Тётушку с семьёй вывезли в район будущей Караганды и бросили в голой степи. Их старшие дети погибли, а тётя с мужем чудом остались в живых.

В 1941 году эта семья, теперь уже, к счастью, не подлежащая выселению, стала связующим звеном между своей многочисленной роднёй, разбросанной кто куда. А в июле 1954 года они первыми из родственников отца навестили нас в Киселёвске. После этого у нас дома особенно часто рассказывали об ужасах раскулачивания.

Официальная пропаганда расписывала "колхозное строительство" совсем иначе. Я узнал об этом, листая учебники сестёр и прочую подобную макулатуру. Почерпнутыми отсюда сведениями я и поспешил поделиться с отцом и его знакомым в вышеупомянутом разговоре, хотя сам относился к такого рода источникам без особого доверия. Меня поразила необычайно резкая реакция отца.

Лишь от тётки Лиды в Германии мне стало известно, что у него были для этого более чем веские личные основания. 17 ноября 1929 года отца вместе с сестрой и дедом Адамом выбросили из родного дома. Это произошло накануне массового раскулачивания, и нетрудно догадаться, что намеревались сделать с ними в дальнейшем.

Сам отец, будучи не крестьянином, а совслужащим, раскулачиванию формально не подлежал. Почему-то не тронули и 18-летнюю тётку Лиду. А деду пришлось под угрозой выселения скрываться в самых неожиданных местах - от опрокинутого корыта в сарае дочери Амалии возле Маркштадта до комнатки тётки Лиды, которая тем временем вышла замуж и переехала под Ленинград.

Помимо крестьянского прошлого, за дедом Адамом тянулся целый шлейф непростительных грехов перед большевистским государством: был церковным старостой, когда-то держал постоянный двор, а при царе дважды избирался - страшно сказать - главой местной администрации.²³ Найди ОГПУ следы деда в угаре своей охоты на крестьян - не сносить бы старику головы.

Его, как и в 1917 году, спасли собственная предусмотрительность и неистребимое пристрастие Советской власти к кампанейщине. Узнав о том, что он числится в списках на

²² Менее изобретательные центральные власти сумели придумать лишь три категории.

²³ Согласно архивным данным, мой дед, последний сельский староста Екатеринбургского уезда, занимал эту должность в 1910-13 гг. и с 1915 г. до лета 1917 г.

выселение, дед в январе 1931 года ударился в бега по длинному извилистому маршруту: Маркштадт - село Боон (Гоккерберг) - Саратов - Маркштадт - Вольск - Ленинград. Шли месяцы, раскулачивание завершилось, и вскоре о беглых "кулаках" начали забывать.

Ничего странного в этом нет, ведь антикулацкая вакханалия преследовала целью не наказание конкретных людей, а уничтожение целого "класса". Поэтому нужно было - кровь из носу - выдать в срок соответствующие валовые показатели. А когда их достигли и, более того, намного перекрыли, подоспела следующая политическая кампания, которая опять же потребовала полного ангажирования карательных органов.

Деду Адаму дали знать, что угроза миновала, и после возвращения в Маркштадт его никто не тронул. Но силы старика были окончательно подорваны. Шутка сказать: когда тебе 70, вдруг перейти на образ жизни подпольщика, к которым дед и смолоду не имел касательства. Он ещё успел пожить в небольшом домике, купленном к тому времени моим отцом. А в нескольких шагах находилась украденная властями родовая усадьба, в которую дед вложил столько сил и средств. Не думаю, что такое соседство помогло продлить его дни.

Иоганн-Адам Дизендорф, родившийся через месяц после отмены в России крепостного права, скончался в совершенно иную историческую эпоху. Это произошло 1 ноября 1934 года, ровно за месяц до убийства Кирова.

Зная о кровавом безумии, развязанном властями после этого акта, когда стали хватать едва ли не всех, кто ранее преследовался большевистским режимом, я прихожу к убеждению, что мой дед умер вовремя, - сколь бы кошунственно это ни звучало. Ему, в конечном счёте, крупно повезло: он не увидел ни 37-го года, ни выселения, ни многого другого, чего не пожелаешь пережить даже злейшему врагу. Счастливее деда из наших родственников оказалась в этом смысле разве что его жена, не дожившая нескольких месяцев до Октябрьского переворота.

Дед упокоился рядом с ней, в одной семейной могиле, как было принято тогда. Через 17 лет гроб бабушки выглядел как новый - сказались сухая песчаная почва и, очевидно, то, что в 1917 году ни одному здешнему немцу не могло прийти в голову сляпать подобное изделие абы как.

Судьба хранила останки этих моих предков и в дальнейшем: их могила, как ни странно, уцелела. Когда я побывал на ней несколько лет назад, мне первым делом подумалось установить там памятник. Но я никак не могу на это решиться - боюсь, что немецкая фамилия станет желанным поводом для надругательства над последним пристанищем дедушки и бабушки со стороны тех жителей города Маркса, которые, похоже, окончательно утратили человеческий облик. Невыразимо страшный вид разорённой немецкой части местного кладбища, увы, подтверждает мои худшие опасения...

О голоде близкие рассказывали гораздо чаще, чем о коллективизации. Видимо, эта тема не казалась им политически острой. Между тем голод на Волге - как в 21-м, так и в 33-м годах - был явно спровоцирован властями. Но об этом я узнал, разумеется, не в детстве. Особенно много мне приходилось слышать о чудовищном голодоморе 1921-22 годов, какого, по словам Солженицына, "не знала Русь и в Смутное Время". Меня очень давно мучит вопрос о причинах этой катастрофы, и я считаю своим долгом воспроизвести все её важнейшие обстоятельства, которые теперь известны.

Предыстория голода восходит к лету 1918 года, когда по указанию Ленина в Поволжье была послана первая большевистская продовольственная экспедиция во главе со старым партийцем, уполномоченным Союза коммун Северной области С. Малышевым. Она везла с собой товары крестьянского обихода, предназначенные для обмена на хлеб.

Цель вояжа состояла не только в снабжении уже голодавших столичных городов. Он имел и куда более возвышенный смысл - налаживание так называемого прямого продуктообмена, любимой задумки коммунистических вождей. Многие из них, имея весьма туманное понятие о скучных экономических материях, носились с безумной идеей ликвидации денег и перехода к отношениям между городом и селом на основе бартера, если воспользоваться модным словцом последних лет. В этих благородных целях власти выделили в марте 1918 года немалые по тем временам средства для закупки потребительских товаров, намереваясь обменять последние на 2 миллиона тонн(!) зерна.

Малышев со товарищи не случайно отправились именно в Николаевский уезд Самарской губернии. Эта территория была в тот момент одним из немногих крупных зерновых районов, остававшихся в руках большевиков.

Положение на месте превзошло все ожидания. Участник экспедиции И. Бабель взахлёб живописал в рассказе "Иван-да-марья" степь под Баронском (Екатериненштадтом), покрытую "таким тяжёлым золотом пшеницы, какое есть только в Канаде", и заваленную "коронами подсолнухов и масляными глыбами чернозёма". Но больше всего экспедиторов поразила давно не виданная дешевизна хлеба в "нашей Калифорнии". Местные крестьяне, ещё не разорённые большевистским режимом, охотно отдавали излишки зерна в обмен на привезённые товары.

Бабель задним числом возвестил, что данный уезд мог бы, "по вычислениям учёных", прокормить "при правильном на нём хозяйствовании" всю Московскую область. Он лишь забыл добавить, что представления тогдашних правителей о правильном хозяйствовании страдали, мягко говоря, некоторой оторванностью от грешной реальности. Рассказ - не документальный очерк, но изображение этих давних событий пером опытного литератора более чем красноречиво.

Аккуратненький хлебосольный Екатериненштадт показался товарищам из разорённого центра раем на земле. Правда, неприятно поразило отсутствие самогона, которого немцы²⁴ "что хошь делай, не держат". Судя по сюжету Бабеля, беда со спиртным оказалась частично поправимой. Капитан парохода "Иван-да-марья", доставивший из Саратова винтовки и снаряды, недолго думая, сгонял на своём судне в одно из русских сёл, которое находилось всего-то в 40 верстах. При возвращении в Екатериненштадт конторщик продовольственной экспедиции, приобщившийся к заготовительной деятельности несколько иного рода и прочистивший горло самогоном, порадовал местных жителей диковинными вокальными руладами.

Однако восторги по случаю удачного самогонного рейда были, увы, преждевременными. Пароход встретили не только мирные немцы, но и подоспевшие чапаевские тачанки. По рассказу Бабеля, чапаевцы уложили наповал капитана и арестовали матросов за ... разбазаривание горючего.

Как бы там ни было, уже за первые два дня своей деятельности членам экспедиции удалось закупить в немецких сёлах вокруг Екатериненштадта 42 тысячи пудов хлеба, о чём они и поспешили сообщить Ленину. Узнав о блестящих успехах заготовителей, вождь удостоил их начальника С. Малышева телеграммы с приветствиями и ценными указаниями, направленной в Екатериненштадт 17 августа 1918 года. Этот опыт показался большевистской верхушке настолько значимым, что позднее Малышеву не раз поручалось курсировать с приманкой своих "передвижных баржелавок" по другим хлебным местам.

²⁴ Примечательно, что автор назвал их "потомками голландских фермеров". Видимо, в начале 30-х годов, когда был напечатан рассказ, уже считалось неприличным писать правду о происхождении российских немцев.

С учётом последующих событий нельзя не прийти к выводу, что заготовительно-алкогольный вояж 1918 года сыграл в судьбе немцев Поволжья поистине роковую роль. Польстившись на привезённые товары, наивные немецкие крестьяне невзначай выдали московским правителям бесценную информацию: зерно есть, и в большом количестве!

Тогдашняя идиллия, надо полагать, ещё мерещилась С. Малышеву, когда он год спустя очутился в числе уполномоченных, обиравших тех же крестьян до нитки. Небезынтересен и дальнейший жизненный путь этого большевистского деятеля. Экономист и историк Н. Валентинов оставил красочный словесный портрет Малышева середины 20-х годов. Последний возглавлял в то время Нижегородскую ярмарку и запомнился рассказчику как невероятно грубый и невежественный хам, пытавшийся копировать старорежимного купчину. Несмотря на этот букет "достоинств" (или благодаря ему?), Малышеву, по словам Валентинова, весьма благоволил Сталин.

Расположение верхов зашло настолько далеко, что в 1933 году Малышев удостоился редкостной в ту пору чести - ему было дозволено напечатать книжку воспоминаний о встречах с Лениным. В ней автор, разумеется, не умолчал и о своём доблестном выполнении директив бывшего вождя в Поволжье. Нельзя не отметить также, что год смерти Малышева - 1938-й - более чем типичен для слишком словоохотливых представителей ещё уцелевшей "ленинской гвардии".

Бабель, не чуждый киплингеским ноткам, кокетливо писал: *"Мы каждый вечер наново чувствовали себя завоевателями"*. Независимо от того, что он имел в виду, его словам не откажешь в сермяжной правде. Решив, что найдена заветная коммунистическая курочка, из которой можно без конца вытрясать дармовые золотые яички, центральные власти повели себя на этой земле хуже всяких завоевателей. В итоге цветущий край был в считанные месяцы разорён дотла.

В дни бурной деятельности малышевской экспедиции появилось и известное предписание, направленное Совдепам Саратовской и Самарской губерний за подписью Ленина, а также руководителей ряда наркоматов. Советская историография трактовала этот документ как проявление особой заботы вождя о своих немецких подданных. Но коли так, то откуда же здесь терминология, уместная разве что на оккупированной территории: *"Всякие контрибуции, конфискации и реквизиции хлеба среди немецких колонистов Поволжья могут иметь место только с согласия Комиссариата по немецким делам в Саратове"*? Чтобы у адресатов не возникло никаких сомнений насчёт того, какого рода заботу призван проявлять данный комиссариат, кремлёвские правители указали, что он предназначен "для борьбы с кулаками и контрреволюцией немецких колоний", а во главе его стоят "испытанные товарищи коммунисты Петин и Рейтер", то бишь беспардонные посланцы "мирового пролетариата".

Зная о дальнейших действиях центральных властей на территории проживания немцев Поволжья, можно безо всякого труда установить подлинный смысл ленинского предписания: не смей грабить немецких крестьян, этими ходячими трофеями мы с успехом распорядимся сами!

Как только начали иссякать скромные запасы товаров, имевшихся в распоряжении государства для уплаты за зерно, стала очевидной авантюризм планов "прямого продуктообмена". Ясно и то, что эта затея плохо увязывалась с другой заветной мечтой новых властей и их люмпенизированных сторонников - об уравнительном распределении. Поскольку более здравых экономических идей в арсенале большевистских теоретиков явно не имелось, оставалось прибегнуть к универсальному средству - насилию.

В начале 1919 года в образованной к тому времени Автономной области немцев Поволжья была, как и всюду, введена продразвёрстка, предусматривавшая изъятие зерна у крестьян уже фактически безо всякой компенсации. А в самом конце года из Москвы

недвусмысленно телеграфировали в область, что "сборка хлеба путём самотёка, товарообмена совершенно неосуществима" и что хлеб даёт "только организация систематического нажима на деревню".

Советские историки заученно оправдывали подобные меры тяготами войны и разрухи. Ленин, сам приложивший руку к распространению этого мифа, был куда откровеннее своих изолгавшихся последователей. В феврале 1919 года он рубанул с поистине большевистской прямоотой: *"Мы хотим идти вперёд к социализму, к правильному распределению хлеба между всеми трудящимися. Все излишки хлеба должны быть по справедливой цене отданы Советскому государству, а государство должно распределить их между трудящимися поровну"*.

Итак, грабительская продовольственная политика большевиков - отнюдь не вынужденная мера, а некая экономическая система, необходимая, по замыслу их вождя, для продвижения к социализму. Разумеется, он при этом предполагал, что "правильность" распределения хлеба, наличие "излишков" и "справедливость" цен на них будут устанавливать исключительно его опричники.

Известнейший большевистский борзописец первых послереволюционных лет К. Радек привёл тогда в хвалебной статье о Троцком фразу, якобы, сказанную тем на партийном съезде в 1920 году: *"Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых"*. В действительности Троцкий говорил нечто иное. Но более чем показательным, что измышление Радека не вызвало публичных протестов ни у его тогдашнего кумира, ни у других кремлёвских вождей (лишь Сталин, обозлённый панегириком по адресу своего соперника, назвал статью в кулуарах "идиотской болтовнёй"). Сама мысль о том, что существуют цели, ради которых можно пустить по миру собственную страну, казалась большевистским лидерам, очевидно, вполне приемлемой.

Убеждён, что, абстрагируясь от этого разбойного менталитета, просто невозможно понять то, что случилось после 1917 года с Россией или её немецким населением. А политика нынешних "демократических" правителей нагляднейшим образом свидетельствует, что идейные наследники Стеньки Разина далеко не перевелись в российских коридорах власти.

Едва ли продрозвёрстка, сама по себе жестокая акция, проводилась ещё где-либо с таким же безоглядным варварством, как в Области немцев Поволжья. В этих условиях экономика новоиспечённой автономии стремительно покатила в пропасть, к катастрофе 1921 года. А. Герман не так давно восстановил хронику этого смертного марша. Он же попытался найти и ответ на вопрос, почему именно на данной территории творилось такое безумие.

Вот что говорил на этот счёт по свежим следам член облисполкома А. Моор: *"В Центре было определённое мнение - выкачать из Области всё, что только возможно. (...) Приехавшие сюда из центра товарищи были настроены так, что здесь хлеба неистощимые запасы. (...) Большинство (организаторов заготовок - В.Д.) составляли приезжие товарищи, в руках которых находилась и руководящая роль, в результате чего и производился несуразный нажим"*. Это свидетельство очевидца чрезвычайно важно - как констатация, хотя и не как объяснение.

Мне думается, что разгадку нужно искать в дьявольском сочетании беспощадности и некомпетентности, столь типичном для большевистских вождей. Анализируя действия реквизиторов и тех, кто их направлял, трудно отделаться от мысли, что представления всех этих новоявленных государственных деятелей о сельском хозяйстве, немецких крестьянах Поволжья и их реальном положении не выходили за пределы кругозора зауряднейших дилетантов. Зато готовности шагать по трупам в светлое будущее имелось хоть отбавляй.

Уже весной 1919 года Ленин потребовал от губпродкома Немецкой коммуны экстренного вывоза хлеба в Астрахань и Москву. В связи с этим нормы развёрстки были резко увеличены. Руководители области отнеслись к данной мере неоднозначно. Одни считали новый уровень явно завышенным, другие выступили за беспрекословное выполнение директив центра. К последним принадлежал и не раз упомянутый мною А. Дотц. В кардинальных вопросах этот "мягкосердечный" большевик и не думал "поступаться принципами".

Судьбе было угодно, чтобы он дожил до июля 1965 года и в составе второй делегации российских немцев был принят А. Микояном. Пытаясь обосновать необходимость восстановления автономии на Волге, А. Дотц сказал о своём участии в её создании в голодные годы и напомнил: *"Мы очень много помогали хлебом. Мы выполняли все приказы о продовольствии, и выполняли досрочно. Нам не нужно было применять силу, чтобы собирать хлеб. Достаточно было написать только записку, и люди отдавали всё. Была высокая дисциплина"*. В ответ на эту чудовищную тираду Микоян дипломатично промолчал...

Реагируя на обращение облизполкома о смягчении развёрстки, Ленин и нарком продовольствия Цюрупа приказали в июне 1919 года безусловно выполнить доведённое задание. Через месяц Ленин вторично подстегнул местных функционеров. Для форсирования заготовок Екатериненштадт²⁵ посетили в июле Калинин, а в сентябре - комиссия ЦИК и ЦК партии во главе с Молотовым.

В практике советских "компетентных органов" хорошо известен приём "плохого и хорошего следователя". Гибкое чередование уговоров и мордобоя заслуженно считается одним из самых эффективных способов сломить упрямого зека. Калинин зарекомендовал себя в большевистском руководстве как виртуозный "главноуговаривающий". Его, выходца их крестьян, чаще других посылали выступать перед публикой, когда ей предстояло всучить в цветистой упаковке какую-нибудь гадость. После речей Калинина "народ" можно было брать, что называется, голыми руками.

Выступление "всероссийского старосты" на собрании местной верхушки в Марксштадте 25 июля 1919 года - один из недурных образчиков подобного жанра. В присущем ему душещипательном стиле гость не требовал, а "искренне просил" войти в бедственное положение красных столиц. И чтобы окончательно пристыдить аудиторию, рассказал о сытости, обнаруженной им в немецком областном центре. Его слушатели, конечно, знали, что после полугода продразвёрсточной вакханалии сытых можно было встретить здесь разве что в том заведении, где потчевали самого оратора. Но не заикаться же правоверным партийцам перед светлыми очами "великого гостя"²⁶ о такой скользкой теме!

Вскоре московский пряник вновь сменился уже привычным кнутом. Марксштадтским властям предписали из центра "отвлечься от местных (...) нужд и интересов и стать на общегосударственную точку зрения". Для более успешного "отвлечения" продовольственные органы были полностью выведены из-под влияния здешней верхушки. В конце сентября Ленин и Цюрупа потребовали от руководства области карать крестьян, воспротивившихся продразвёрстке, вплоть до отправки в концлагеря(!). В начале ноября зерновая развёрстка была удвоена, а через месяц Ленин предписал поставить из области 250 тысяч пудов мяса.

И тогда же умеренная часть областного руководства открыто выступила против разбойной политики центра, впервые заявив об угрозе голода. Москва отреагировала на этот крик чиновной души предупреждением о том, что срыв развёрстки будет караться

²⁵ Он стал к тому времени областным центром и был переименован в Марксштадт.

²⁶ Эпитет, использованный в обращении к Калинину местным вельможей.

арестами местных Советов, полной реквизицией у крестьян продуктов и скота. А на областных партконференциях и советских съездах по-прежнему звучала бравурная ложь о наличии в автономии излишков продовольствия.

Москву не нужно было долго упрашивать об их изъятии. В 1919-20 годах верхи выкачали из области 14,5 миллионов пудов зерна, львиная доля которого поступила непосредственно в столицу, в распоряжение Наркомпрода. Для сравнения: в 8 раз большая по площади Саратовская губерния поставила за это время лишь 36 миллионов пудов. В этой связи зельманские крестьяне даже потребовали летом 1920 года выхода из "своей" немецкой автономии и включения их сёл в состав соседнего Новоузенского уезда, где размеры заготовок были намного ниже.

Но власти плевать хотели на подобные отчаянные демарши. Они признавали только один метод общения с недовольными - их устранение. В феврале 1920 года областной ЧК во главе всё с тем же А. Дотцем арестовал группу руководителей области, пытавшихся образумить центр и воззвать если не к гуманизму, который большевики всегда презирали, то хотя бы к чувству реальности. Забывшимся чиновникам предъявили стандартные обвинения в саботаже заготовок и защите интересов кулаков.

Одновременно власть в области была фактически передана Чрезвычайному продовольственному совещанию, где числилась и местная верхушка, но правил бал столичный уполномоченный Наркомпрода. Вскоре диктаторский орган с тяжеловесным названием преобразовали в благозвучный для большевистского уха Ревком. Он так рьяно принялся обирать крестьян, что многие из них пошли на немыслимый для добропорядочного бауэра шаг - махнули рукой на посевную и припрятали последние остатки зерна.

А из Москвы поступали директивы одна другой страшнее. В конце мая Ленин и Цюрупа потребовали выполнить поставки за 1919-20 годы к 15 июня. В августе было запрещено использовать рожь нового урожая для посева озимых. Площади под ними сократились в результате столь же катастрофично, как и под яровыми. А в октябре воинственные вожди прислали "боевое задание" - отправить в центр сверх плана более ста вагонов с хлебом. Но к этому моменту вывоз зерна уже практически прекратился: возможности крестьян были исчерпаны.

Тем не менее, в декабре областной съезд Советов принял под нажимом большевистской фракции ещё одно параноидное решение о строгом выполнении плана поставок. Чтобы выбить требуемые Москвой результаты, местное руководство призвало на подмогу большой вооружённый продотряд из Тулы. Конфискации, мародёрство, аресты, порки, издевательства над беременными женщинами, фиктивные расстрелы - вот образ действий этих наёмных ландскнехтов на фактически оккупированной ими земле.

Беспощадный террор позволил продолжить заготовки даже в то время, когда голод уже свирепствовал всюду. В довершение всего из центра приказали лишить область с февраля 1921 года всякой государственной помощи, не забывая, разумеется, требовать обеспечения поставок. В конце февраля Ленин предписал областным руководителям отправить в столицу в течение восьми дней 6 "ударных маршрутов" с хлебом. А через месяц Москва повелела немедленно вывезти из автономии семенное зерно.

Это людоедское указание отказалось выполнять даже сервильное областное руководство. Но поезд, увы, давно ушёл. Положение не могло спасти и то, что после объявления НЭПа власти сняли некоторые запреты на торговлю крестьян зерном. Весной 1921 года сеять было больше нечем. Чудовищный голод уже стучался в ворота. Первые умершие были зарегистрированы в Области немцев Поволжья в начале января. Истощённые люди тысячами заболели тифом и холерой.

Лишившись последних запасов хлеба, население принялось забивать скот. Затем в ход пошло всё - вплоть до кошек и собак. В семье моей матери, насколько я знаю, особой популярностью пользовались суслики. Я слышал в детстве массу рассказов о том, как этих загадочных зверьков, которых мне доводилось видеть только на картинках, изгоняли водой из их норок в степи, варили или жарили и с аппетитом поедали. Мать даже утверждала, что их мясо напоминает по вкусу куриное. Как бы там ни было, я охотно верю, что это специфичное блюдо не могло не казаться деликатесом в кошмарных условиях тех лет.

Последствия безудержного ограбления крестьян, наложившиеся на засуху 1920-21 годов, были катастрофичны. Весной 1921 года комиссии из центра пришлось признать крайне тяжёлое положение в области в результате "неурожая, громадного недосева, продразвёрстки, бандитизма и восстаний". Большевицские власти, как обычно, смешали в кучу причины и следствия. Но то, что продразвёрстка стоит в одном ряду с бандитизмом, столичные товарищи подметили очень точно.

А в январе 1922 года областная партконференция констатировала полное истощение всего населения, массовую гибель от голода, распространение тифа, всё возрастающее бегство людей, прекращение всякой хозяйственной деятельности. Если уж подобную картину рисовали сами партийцы, то что же здесь должно было твориться в действительности?

Даже в советской печати тех лет сообщалось о гибели 50-70 тысяч поволжских немцев. Официальная статистика свидетельствует о падении численности населения в Области немцев Поволжья с конца августа 1920 г. до начала 1922 г. на 114 тысяч человек – более чем на четверть. Саратовский историк О. Винс утверждает, что жертвой голода стал **каждый четвёртый** житель немецкой автономии. А вот официальные данные по Маркштадту: только за 1921 г. здесь умерло свыше 1500 человек – почти 10% населения.

Моя мать говорила, что её отцу вменили в обязанность объезжать по утрам с повозкой близлежащие дома и собирать трупы. Умиравшие соседи из последних сил просили у него хлеба. Судя по воспоминаниям близких, дед обладал суровой крестьянской натурой. Но выносить такие сцены он был органически не способен. Шатаясь от голода, дед Карл брёл домой и выпрашивал у бабушки ломтик из нищенского семейного рациона. Несколько раз дед по возвращении с хлебом заставал просителей уже мёртвыми.

А. Герман опубликовал фотографию, изображающую перевозку на кладбище умерших от голода в Маркштадте. Фигуру возницы на небольшом снимке трудно опознать, и глядя на неё, я всякий раз думаю: уж не мой ли дед запечатлён во главе этой скорбной процессии?

Никогда не забуду и рассказ матери о множестве трупов на берегу Волги. Лишь недавно я узнал из книги А. Германа "Немецкая автономия на Волге", откуда они там взялись. Оказывается, в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК, было решено эвакуировать из области 10 тысяч голодающих. В конце сентября 1921 года их свезли в Маркштадт, удвоив тем самым население вымирающего города. Полуживых людей держали здесь два месяца(!) - стало быть, октябрь и ноябрь - под открытым небом, поскольку в Москве ... не выписали наряды на транспорт.

Услышав эту немыслимую историю, трудно в очередной раз не подивиться уникальной способности большевицкого режима обращать во зло даже самое, казалось бы, благое деяние.

Останки умерших в городе и на пристани сваливали в кучи, не успевая хоронить. Одно из советских изданий 20-х годов даже поместило фотографию, запечатлевшую гору детских трупов в Маркштадте.

Судя по рассказам матери, население вымерло бы полностью, не подоспей зарубежная помощь. Мать, тогда 9-летняя девочка, была навсегда поражена необычными и, как ей показалось, невиданно вкусными американскими бобами, которые и спасли их семью.

Эта помощь, направляемая международными благотворительными организациями АРА, МСПД и другими, стала поступать в Область немцев Поволжья с конца октября 1921 года. К данному моменту здесь голодало уже 90% жителей. В период самого ужасающего голода весной 1922 года зарубежные фонды снабжали едой почти всё местное население.

30 ноября 1921 года в Маркштадт прибыл знаменитый полярный исследователь, руководитель МСПД (Международного союза помощи детям) Фритьоф Нансен. В сопровождении помощников он посетил детские дома, столовые, больницы и коллекторы, прошёл по домам голодающих и велел снять увиденное на киноплёнку. Картины небывалого голода, мёртвые и полуживые, похожие на скелеты дети потрясли Нансена и его спутников. Нансеновская организация кормила в Маркштадте сначала детей, а потом и взрослых. Именно МСПД и Нансену мои близкие, а значит, и я обязаны своей жизнью.

Было бы несправедливо утверждать, что сами большевистские вожди не уделяли внимания борьбе с голодом. По итогам пребывания в Области немцев Поволжья высокой комиссии были приняты решения Оргбюро ЦК РКП(б), а затем ВЦИК. Оказание помощи поручалось Наркомпроду - тому самому органу, усилиями которого верхи довели область до катастрофы. Он и "помог" как умел, потребовав первым делом выполнить развёрстку под угрозой обычных неминуемых кар. В июле 1921 года Ленин предупредил местные власти, что им нечего рассчитывать на снижение ставок продналога, установленного после отмены продрозвёрстки.

В августе Маркштадт опять посетил товарищ Калинин. Но на сей раз он был больше озабочен не организацией голода, как двумя годами раньше, а преодолением последствий своих тогдашних деяний. Всероссийский староста высочайше повелел создать в области комиссию по борьбе с голодом, куда предлагалось включить не только правоверных партийцев, но и авторитетных деятелей прежних времён. 25 августа комиссия была благополучно образована.

А на следующий день вновь откликнулся Ленин. В письме Сталину и членам Политбюро главный вожь яснее ясного показал, какие аспекты борьбы с голодом волновали его больше всего.

В центре месяцем раньше был создан аналогичный орган с участием ряда бывших министров Временного правительства, уцелевших лидеров давно разогнанных дооктябрьских партий, а также представителей российской интеллигенции, авторитетных на Западе, - Всероссийский комитет помощи голодающим во главе с Л. Каменевым. Но один из ближайших соратников Ленина А. Рыков донёс вождю, что видный деятель комитета Прокопович позволил себе высказать на собрании несколько неуместных слов о мудрой политике нового режима. А тут ещё Нансен неосторожно вылез с "наглейшим предложением" (эпитет самого Ильича) привлечь бывшего члена кадетской партии из состава комитета к распределению зарубежной помощи. Этого было достаточно, чтобы привести Ленина в неопишуемый гнев.

Последовал целый букет погромных предложений: решением ВЦИК тотчас разогнать "Кукиш" (эта изящная ленинская аббревиатура должна была обозначать названный комитет и складывалась из обрывков фамилий его активистов), немедленно арестовать Прокоповича, выслать под надзор из Москвы остальных членов комитета. Кремлёвский гуманист предвкушал успехи в борьбе с голодом, которые сулило принятие предложенных им мер: Нансену-де удастся поставить ясный "ультиматум", а "больной зуб

будет удален сразу и с пользой во всех отношениях". Однако Политбюро предложения лидера показались, видимо, недопустимо мягкотелыми, и младшие вожди решили на всякий случай отправить за решётку не только Прокоповича, но и "всех без изъятия" некоммунистических членов Комитета помощи.

Одновременно ВЧК было велено усилить надзор за иностранцами, приехавшими помогать голодающим. А ещё раньше чекисты с согласия Ленина развернули "особую чистку" населения в районах, охваченных голодом, в том числе в Области немцев Поволжья.

Любителям оправдывать подобные акции жестокими условиями тех лет советую обратиться к книге "Ленин в Самаре", написанной давним знакомым Ильича В. Водовозовым и изданной в Москве в 1933 году. Здесь живописуется, как в 1891 году начинающий адвокат В. Ульянов "вёл систематическую и решительную пропаганду" против местного комитета помощи голодающим Поволжья. И это за 3 десятилетия до "похода Антанты", гражданской войны и послевоенной разрухи!

Писатель В. Короленко, согласившийся стать в 1921 году почетным председателем Всероссийского комитета помощи, писал Горькому (также члену комитета) по поводу роспуска этого органа: *"Вообще история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство и худшее из политиканств, политиканство правительственное"*. А в своём дневнике Короленко с горечью констатировал: *"Таким образом, коммунисты ещё раз сфальшивили"*.

Дальнейший ход событий известен - Нансен не испугался ленинских ультиматумов и продолжал помогать голодающим, а разгон единственного общественного органа, способного скоординировать помощь Поволжью, если и обернулся "пользой во всех отношениях", то явно не для тех бесчисленных земляков вождя, которые пали жертвами изуверской политики "рабоче-крестьянской" власти.

Конечно, участие Ленина в борьбе с голодом не ограничилось одними ультиматумами. Почти в те же дни Вождь мирового пролетариата впервые призвал на помощь этот самый пролетариат. Узнав о данном факте, нельзя не спросить: а что, собственно, мешало обратиться раньше - ведь с начала голода прошли уже многие месяцы?!

Отвечая на этот вопрос, историк Д. Лонг (США) справедливо усматривает причину в откровенной неприязни центра к немецким колонистам - не как к немцам, а как к крестьянам, к "буржуазным и кулацким элементам", преобладавшим, по мнению верхов, в поволжских сёлах. Подобная публика была ненавистна большевикам независимо от её национальности. Истребление восставших русских крестьян в соседней Тамбовской губернии, организованное Москвой в это же время, говорит само за себя.

С другой стороны, вожди никак не могли вовсе закрыть глаза на голод в Поволжье. С подачи Горького и других независимых авторитетов весть об этой трагедии уже разлетелась по всему миру, и некоторые зарубежные организации даже успели заявить о готовности помочь. Полная бездеятельность Советского правительства в этих критических условиях не встретила бы понимания ни у кого, включая и любезных ему "пролетариев всех стран".

Причины голода 1933 года во многом аналогичны уже отмеченным: вновь людоедские эксперименты правителей (на сей раз - в форме всеобщей насильственной коллективизации), опять продразвёрстка - хотя и в новой обёртке. Но эти события имели и свою специфику. В отличие от 1921 года, голод был не просто спровоцирован, но и сознательно вызван властями - в первую очередь для того, чтобы сломить сопротивление крестьян коллективизации.

В немецких поселениях на Волге в пытке голодом не было особой нужды. Уже в июне 1931 года власти АССР НП всенародно объявили, что республика первой в СССР завершила сплошную коллективизацию. Через месяц эту радостную весть официально подтвердил союзный ЦИК.

Лояльные богобоязненные бауэры не оказывали "великому перелому" серьёзного противодействия. Единственные массовые выступления немецкого крестьянства Поволжья, имевшие место в нескольких десятках сёл на рубеже 1929/30 годов, были спровоцированы не столько коллективизацией как таковой, сколько зверствами начавшегося раскулачивания, а также варварским разрушением и закрытием церквей.

При фактическом отсутствии одной из важных побудительных причин голод 1933 года не приобрёл в Поволжье таких катастрофических масштабов, как на Украине, в ряде южных областей России или в Казахстане. Тем не менее, только в АССР НП (прежде всего в Правобережье), по подсчётам А. Германа, в результате голода умерло около 55 тысяч человек. Даже в Марксштадте, сравнительно меньше затронутом голодом, смерть унесла в 1933 году 5,9% жителей. А в целом за 1920-34 годы с территории республики "исчезло" **более трети населения.**

Ряд историков высказывает мнение, что немцы пострадали от голода 1933 года сильнее других народов Поволжья. Это едва ли можно объяснить разной степенью сопротивления коллективизации: крупных крестьянских восстаний не было на Волге практически нигде. В отличие от 1921 года, трудно говорить и о существенной разнице в подходе центра к отдельным районам данной территории.

Мне представляется, что в поисках разгадки не обойтись без констатации неприглядного, но, увы, бесспорного факта: руководство АССР НП, управлявшее людьми, основная часть которых относилась к режиму с глухой, но несомненной антипатией, больше других лезло из кожи вон, чтобы выслужиться перед Москвой и тем самым подкрепить своё шаткое положение. Отсюда и первое в стране завершение коллективизации, и особенно тяжёлый упадок села после неё, и, понятное дело, её ужасные последствия для населения.

Вместе с тем нельзя не согласиться и с Б. Пинкусом, который со ссылкой на официальную публикацию тех лет пишет об особой неприязни к немецким крестьянам (в первую очередь - из наиболее зажиточных сёл на юге Украины и в Причерноморье), которых власть имущие, как и в 1921 году, считали чуть ли не поголовными кулаками. В результате, по оценке германских историков, немцы составили 10-15% от общей массы советского "кулачества", тогда как их удельный вес в крестьянском населении СССР едва достигал 1%.

Несмотря на определённые местные особенности, предыстория голода 1933 года, восстановленная А. Германом, во многом типична. Во 2-й половине 1932 года Республике немцев Поволжья, чей аграрный сектор был под корень подрублен авантюрной коллективизацией, спустили сверху такие объёмы поставок сельхозпродукции, которые намного превышали возможности колхозов и ещё уцелевших крестьян-единоличников. Местным властям пришлось вести заготовки путём грубого насилия.

В сентябре руководство республики, выполняя знаменитую (на геростратовский манер) первую сталинскую заповедь, предупредило, что распределение в колхозах по трудодням должно производиться только после выполнения плана обязательной сдачи зерна государству, возвращения заёмных семян, засыпки собственных семян и кормов. В большинстве колхозов в остатке ничего не осталось. Но так как план засыпки семян был, тем не менее, провален, то в начале 1933 года обком ВКП(б) постановил использовать на семена всю наличную пшеницу, в том числе предназначенную для еды. В итоге драко-

новских мер властей крестьяне уже к началу зимы практически лишились продовольствия, и новый голод стал неминуем.

По сообщению А. Германа, этой безумной политике попытались воспротивиться даже некоторые члены партии, отказавшиеся сдавать последнее зерно в семенной фонд. Власти не замедлили ответить особо изощрённой карой: в апреле 1933 года 33 семьи непокорных партийцев были высланы не куда-нибудь, а в Сибирь, на станцию Усяты.

Это название знакомо мне с детства - так именовалась тогда железнодорожная станция в соседнем Прокопьевске. Таким образом, коммунистам АССР НП пришлось и здесь сыграть "авангардную роль": они появились в наших краях в числе первых, за 8 с лишним лет до доставки основной массы своих земляков.

Отец часто вспоминал, как в разгар голода отпросился в отпуск и поехал за хлебом под Ленинград, где жила его сестра. Привезённый им мешок, по его словам, помог выжить ему и близким. Многие жители республики спаслись бегством. Только в 1933 году, по данным А. Германа, АССР НП покинули более 110 тысяч человек. Но далеко не все могли прибегнуть к подобным мерам.

В наибольшей степени жертвами голода стали сами кормильцы, превращённые Сталиным не то в крепостных, не то в рабов: колхозники, ничего не получавшие по трудодням, а тем более одиночные, раскулаченные и репрессированные крестьяне. Особенно высокая смертность наблюдалась среди их детей.

Мой дед-колхозник и его семья были доведены в результате коллективизации до такой нищеты, что мать, а затем и тётя Элла решили отправиться в начале 30-х годов на заработки в Москву. Для них это было настоящим актом отчаяния: они не то что в столице, но и в Саратове никогда не бывали. Но вот немецких девушек стали приглашать на роль прислуги в семьи московских начальников и даже в иностранные посольства. Голод - не тётка, и среди робких провинциалок, почти не говоривших по-русски, нашлось немало желающих. Чуть подзаработав и, главное, подкормившись, большинство из них вернулось по домам.

Я не знаю никаких подробностей поездок в Москву моих близких и случайно услышал об этом лишь в 1990 году. Матери уже не было в живых, а жившая со мной тётушка наотрез отказалась обсуждать данную тему. Видимо, хлеб чужбины выдался настолько горьким, что вспоминать о ней не было сил и шесть десятилетий спустя.

...Сегодня об этих и многих других событиях расспросить больше некого: тетя Элла ушла из жизни 31 октября 1995 года. Несмотря на давно подорванное здоровье, она одна из старшего поколения нашей семьи дожила до 80 лет и оставалась ее доброй хранительницей до конца своих дней. Не представляю, кто и как сможет теперь поддерживать всё более хрупкие контакты между нами и нашей огромной роднёй, рассеянной по всему свету.

Муж тети Эллы был отправлен в трудармию в апреле 42-го и бесследно сгинул в Ивдельлаге полгода спустя. Прожив с ним чуть больше двух лет, не успев обзавестись собственными детьми, тётушка почти полвека всегда была вместе с нами. Не так давно она рассказала, как пеленала меня в младенчестве по ночам, пока рядом спали мои родители, которых в те годы можно было разбудить разве что пушечным выстрелом. Тётя Элла приносила мне почти все мои детские книжки - и русские, и немецкие. Не пристрастился я так рано к чтению благодаря ей, - как знать, куда завели бы меня жизненные перепутья?

Тётушка была единственной из близких, кто с пониманием и интересом отнёсся к моей работе в штаб-квартире "Возрождения". И это притом, что именно она сильнее всех страдала от моих бесконечных метаний между Кемерово и Москвой.

В последний раз тетя Элла заботливо собрала меня в дорогу 30 сентября, ровно за месяц до своей смерти. Накануне вечером, будто предчувствуя, что мы с ней уже не увидимся, я попросил её продиктовать единственное оставшееся у нас письмо деда Карла. Никто, кроме тётушки, не стал бы хранить этот ветхий клочок бумаги целых полвека. Никому больше не удалось бы разобрать выцветшие строки, кое-как нацарапанные готическими иероглифами непривычной к таким занятиям крестьянской рукой. После тётиних похорон я раздал компьютерные распечатки этого письма своим близким - в память о ней и о дедушке.

Моя мать немного говорила ... по-английски. Она объясняла это тем, что помогала готовить уроки племяннице отца, посещавшей школу в Маркштадте и жившей в семье моих родителей. Поскольку мать отнюдь не отличалась склонностью к языкам и никогда не занималась учёбой собственных детей, я не мог не удивляться этим её неожиданным познаниям. Не менее странно было и то, что во времена непроницаемого "железного занавеса" у нас дома имелась потрепанная детская книга на английском, изданная где-то за границей. Мне очень нравился изображённый в ней "apple pie" - огромный яблочный пирог. Но в детстве я, разумеется, и подумать не мог, что эту книжку, как и обрывки английских фраз, мать вывезла из Москвы, где работала в семье американцев - насколько я знаю, сотрудников посольства США.

Вскоре контакты с иностранцами стали считаться тягчайшим криминалом. Страх перед последствиями "греха молодости" - если не для себя, то для своих детей - камнем висел на душе матери до конца её дней. Уже незадолго до смерти она попросила одну из подруг, с которой работала в столице, никогда не рассказывать об этом мне и моим сёстрам.²⁷

Политику верхов в период голода 1933 года нельзя назвать иначе, как преступной. Они продолжали экспортировать продовольствие и, в отличие от 1921 года, практически блокировали поступление зарубежной помощи. Правительство категорически отрицало само наличие голода в стране.

Сталинские прислужники в АССР НП ревностно следовали за центром. В мае 1933 года секретарь обкома Е. Фрешер договорился в докладной записке в ЦК до того, что большинство голодающих в республике - это, дескать, антисоветские элементы, не заслуживающие милосердия²⁸. Подлой "изобретательности" властей не было предела: голодных людей сгоняли на собрания и заставляли принимать резолюции протеста против "лжи фашистской пропаганды" о голоде в Поволжье.

Отечественным палачам умело ассистировали зарубежные коллеги. В Германии к акции помощи голодающим немцам СССР подключился сам новоявленный рейхсканцлер Гитлер, лично пожертвовавший 1.000 марок. И это притом, что ему всегда было глубоко наплевать и на российских немцев, и на их трагичную судьбу.²⁹ Разумеется, фюрер понимал, что участие тогдашнего германского правительства в оказании помощи даёт Сталину прекрасный повод, чтобы с порога её отвергнуть.

²⁷ По словам очевидца У. Кэррола, последние подобные работницы были выселены из Москвы в 1941 году, одновременно с изгнанием немцев из Поволжья. Эту информацию подтвердила мне наша дальняя родственница Элиза Виншу, также работавшая в столице.

²⁸ Показательна дальнейшая судьба этого деятеля. В июне 1937 года он ещё разоблачал с пеной у рта очередных "врагов народа" в АССР НП. А уже через месяц сам оказался в их числе.

²⁹ Современный биограф Гитлера И. Фест отметил со ссылкой на другого известного исследователя национал-социализма А. Буллока, что демагогический темперамент фюрера ярче всего проявлялся в его подходе к немецким меньшинствам за рубежом. В зависимости от политической конъюнктуры Гитлер то напрочь о них "забывал", то раздражался буйным возмущением насчёт "невыносимой несправедливости к этим вернейшим сынам нации".

Одновременно нацистские чиновники, прежде всего геббельсовское Министерство пропаганды, всячески препятствовали деятельности общественного комитета "Братья в нужде", который собрал в помощь голодающим соплеменникам немалые суммы.

Со своей стороны Гитлеру подыграли власти АССР НП, объявившие всю поступающую из-за рубежа гуманитарную помощь "фашистской", а её получателей - "фашистскими агентами"³⁰.

Нельзя не отметить и то, что кампания в поддержку голодающих российских немцев, развёрнутая в Германии в июле 1933 года, прекратилась почти тотчас, как только советские власти принялись разыгрывать оскорблённую невинность. За этим политическим виражом стояли, по сведениям историка Л. Бабиченко, Гитлер и Геринг. Словом, власти двух стран в очередной раз использовали наш народ в качестве объекта своих гнусных интриг.

А тем временем эти привычные политические ристалища начали попахивать большой кровью. "Вечная дружба" двух тоталитарных режимов с августа 39-го по июнь 41-го³¹ не должна заслонять от нас тот факт, что в течение 6 лет до этого их родственная близость оборачивалась непрерывными "семейными разборками". Нетрудно было представить, чем это чревато для несчастных детей двух амбициозных враждующих наций - российских немцев. Общение с близкими позволяет мне прийти к выводу, что смутное предчувствие неминуемой беды появилось у них уже вскоре после прихода Гитлера к власти.

Что касается рассказов о голоде, то они, несмотря на частую повторяемость, были для меня несколько абстрактной материей. Ко времени моего рождения самые голодные годы остались, наконец, позади. Но я не мог не видеть тех глубоких следов, которые впечатало постоянное недоедание в моих родителей. Они старались накапливать съестные запасы, значительно превышавшие наши текущие нужды, даже в ущерб всем прочим своим потребностям. И от этого болезненного стремления им уже не дано было избавиться...

Одним из наиболее кошмарных воспоминаний для моих верующих родственников навсегда осталось уничтожение церковей. В конце 1929 года власти раздули в АССР НП, как и в других местах, разнузданную антирелигиозную истерию. В силу глубокой религиозности немцев она ударила по ним особенно болезненно.

Эта кампания не случайно совпала по времени с разгулом коллективизации. Официальная пропаганда без устали трубила, что новое социалистическое крестьянство нуждается, подобно рабочему классу, не в Господе Боге, а в мудром руководстве партии и лично товарища Сталина. В данной связи упомянутый I съезд колхозников АССР НП не замедлил провозгласить ликвидацию религии и церковей одной из важнейших задач колхозного движения.

³⁰ Согласно одному из местных партийных документов, обнаруженных А. Германом, в Маркштадте было зафиксировано "до 200 случаев" получения дойчмарок, преимущественно в виде помощи от германских благотворительных организаций. Ни о чём подобном близкие мне не рассказывали.

³¹ Этот неожиданный для многих политический флирт тоже, разумеется, не обошёлся без разыгрывания "нашей" карты. Как отметил Б. Пинкус, в 1939 году Гитлер недвусмысленно сигнализировал Москве, что проблема российских немцев больше не будет камнем преткновения между двумя братскими странами. (И это через год после того, как Геринг громогласно объявил Третий рейх защитником всех немцев, где бы они ни проживали!) Одно официальное германское издание даже имело наглость призвать по этому случаю российских немцев "избегать всего, что могло бы омрачить отношения между Германией и Россией". Подобные кощунственные фразы, увы, доводилось слышать и многим активистам нашего нынешнего национального движения.

В итоге этой вакханалии все три церкви, имевшиеся в Маркштадте, были разорены дотла. Православную церковь превратили в зерновой склад, а вскоре, не мудрствуя лукаво, попросту взорвали.³² Она была построена настолько добротна, что разлетелась не "по швам", а на мелкие куски. Моя мать говорила, что из них удалось слепить с грехом пополам лишь жалкую школу в пригородном селе Боаро (ныне Бородаевка). В обезображенной католической церкви был организован кинотеатр. В 1986 году отцы города смели его с лица земли. О том, что это каменное здание, возведённое ещё в 1824 году, представляет собой самую старую из уцелевших немецких культовых построек Поволжья, никто из властей, разумеется, не вспомнил. Я часто разглядывал в детстве фотографии трёх маркштадтских церквей, не уставая дивиться давно погубленной красоте.

Мать могла без конца рассказывать о своей любимой лютеранской церкви с таким чувством, как говорят о родном доме: о службах - особенно рождественской и пасхальной, церковных обрядах, божественном звучании органа³³, церковном хоре и многом другом. Эта церковь считалась самой красивой в немецких поселениях Поволжья. По часам на её колокольне сверяли время на проплывавших волжских судах.

Большевистским варварам было в высшей степени начхать и на красоту, и на чувства людей. Церковь обезглавили - сбили кресты, а позднее разрушили могучую колокольню. Я видел в музее города Маркса фотографию, запечатлевшую момент этого изуверства. Видимо, грядущим поколениям надлежало ею гордо любоваться. В изуродованном здании устроили Дом культуры завода "Коммунист"(!), а напротив вывесили огромный транспарант с кощунственной надписью: "*Religion ist Opium für das Volk*" ("*Религия есть опиум для народа*").

У нас сохранилась фотография пастора Пауля Фридриха фон Кульберга, который служил в этом приходе в трудные годы войн и революций. Ещё чаще родственники вспоминали последнего пастыря маркштадтской лютеранской общины Артура Юлиуса Клюка, высланного в 1929 году в Сибирь.

Недавно мне в руки попали стихи, по преданию написанные пастором Клюком в ссылке. Как человеческий документ они просто потрясают. Это своеобразное прощальное послание обрывается словами:

*Meine Speise sind die Tränen,
Die ich weine Nacht und Tag,
Sterben ist mein einzig' Sehnen,
Doch der Herr hat's mir versagt.*³⁴

Насколько я могу судить, автор ошибся только в одном: дни пастора Клюка были уже сочтены.

Его участь долгое время оставалась неизвестной, но в конце 90-х годов я обнаружил упоминание о нем в книге памяти жертв политических репрессий "Боль людская", изданной в Томске. Как оказалось, Артур Вильгельмович Клюк провел свои последние месяцы в нарымской ссылке и был расстрелян в Томске в 1937 г.

³² По сообщению А. Германа, каждая подобная акция проводилась по особому решению Президиума ЦИК АССР НП, которое обычно мотивировалось ... острой необходимостью в стройматериалах.

³³ Он был произведён фирмой Валькер из Людвигсбурга в 1895 году. Мой бывший коллега по Форштанду МГСН Александр Браун работал в Энгельсе вместе с человеком, который утверждал, что холодной зимой 1941/42 годов растаскивал этот орган на дрова.

³⁴ *Моя пища - слёзы, / которые я выплакиваю ночью и днём, / смерть - моё единственное стремление, / но Господь отказал мне в ней.*

По данным Б. Пинкуса, почти одновременно с Клюком "органы" отправили из Маркштадта за колючую проволоку пробста Гепнера. А. Герман сообщил, в свою очередь, о пробсте Нафанаиле Гептнере, арестованном в 1922 году за связи с иностранцами, которые помогали голодающим. Два года спустя, в период относительного ослабления политических репрессий, власти предложили его амнистировать. Очевидно, речь идёт о том же человеке, вновь брошенном за решётку в начале 30-х годов.

В целом по стране в 1929-39 годах подверглись аресту и депортации 89 евангелических пасторов и проповедников. А за 20 лет своего существования большевистский режим уничтожил только в Поволжье свыше 100 лютеранских церквей, репрессировав при этом более 50 пасторов.

Российско-немецкие священники взошли на сталинскую Голгофу, до конца сохранив верность своей религии и своему народу. Одному из таких мужественных людей, пастору из неназванного немецкого села под Маркштадтом Адаму Фризоргеру, посвящены проникновенные строки Варлама Шаламова в "Колымских рассказах". (Личность А. Фризоргера остается, к сожалению, невыясненной. Человек с такой фамилией упоминается в одной из работ по истории лютеранской церкви в России, однако там он значится жителем омского села Александровка.) Но кто и когда поведает о крестном пути остальных?..

Судя по рассказам моих родителей, среди маркштадтских партайгеноссе не нашлось лиц, способных организовать "перестройку" лютеранской церкви. Пришлось привлечь посланцев Коминтерна, "товарищей" из самой Германии. Они-то и продемонстрировали тёмным поволжским крестьянам новейшие образцы "культуркампа". Правда, те так и не сумели оценить по достоинству преподанный им урок. А некоторые даже попытались бороться с цивилизованным варварством своими доморощенными методами.

Молва гласила, что германского культуртрегера Л. Кампгаузена, который подстрекал снести с церкви кресты, поймали, облили бензином и собрались, было, поджечь. Но передовой представитель европейского пролетариата оказался, как и следовало ожидать, более динамичным и спасся бегством.

Не так давно, побывав очередной раз в Марксе, я услышал жуткое продолжение этой истории. Мне рассказали, что власти втянули в свою грязную затею ещё одного человека без местных корней - сироту, воспитанного в детдоме. Тому, якобы, удалось покончить с крестом на церковной колокольне, но, не удержавшись на головокружительной высоте, он одновременно рухнул вниз и сам.

Несколько иная версия тех давних событий приводится в красочном повествовании их очевидца Арвида Либерта, опубликованном в 1995 году петербургским лютеранским журналом "Дер Боте". Автор сообщил, что протест против надругательства над святыней вылился в форменный народный бунт. Возмущённые горожане, главным образом женщины и юноши, ворвались в бывшую церковь и принялись тут же восстанавливать её исконный облик. Власти пригнали конную милицию, сопровождаемую партийцами с винтовками наперевес.

По рассказу А. Либерта, крест на колокольне был уничтожен местным часовщиком, спилившим его поперечины. Что касается инцидента с бензином, то он предстаёт в устах автора всего лишь полушутливой угрозой со стороны немецких женщин, адресованной к тому же не Кампгаузену, а партработнику Кинасу.

Не берусь отделить в этих рассказах реальность от легенды. Однако из исторической хроники А. Германа известно, что 5 июня 1930 года местные жители действительно протестовали в Маркштадте против закрытия лютеранской церкви. Очевидно, это и было то событие, о котором я слышал в детстве от близких. Обком

партии расценил данную акцию как антисоветскую, и многие её участники подверглись репрессиям.³⁵

В числе пострадавших оказался и брат отца Александр, который работал в местном исполкоме. "Свидетели" донесли, что дядя Саша, якобы, приговаривал, наблюдая за протестующими горожанами с крылечка своего учреждения: *"Правильно, так и нужно!"* И хотя в действительности дяди вообще не было в тот день в Маркштадте, это ничуть не помешало осудить его на 10 лет за "антисоветскую агитацию".

А. Герман обнаружил и дополнительные сведения о кипучей деятельности упомянутого Л. Кампгаузена. Оказывается, тот, возглавляя Маркштадтский кантональный Совет безбожников, под дулом пистолета заставил патера и церковный совет местной католической церкви подписать заявление о передаче храма государству. Главсуд АССР НП близоруко отнёсся к новаторскому почину и приговорил профессионального безбожника к 2,5 годам заключения. Однако местное головотяпство было исправлено политически зрелым Верховным Судом РСФСР, заменившим наказание на условное.

Мои близкие - глубоко мирные люди. Рассказывая о неудачном покушении на импортного богохульника, они старались выглядеть беспристрастными. Но по их глазам можно было безошибочно определить, кому они сочувствовали в этой умопомрачительной ситуации. Вполне понятно, что встречи с подобными гражданами Германии не могли усилить симпатий родителей к этой стране. Впрочем, особых оснований для любви к Фатерланду у них и без того не имелось.

Тех коминтерновских громил, как и большинство российско-немецких партийцев, поглотила пучина 1937 года. Но родителям не могло бы прийти в голову расценить такого рода финал как свершившуюся Божью кару. Слишком неизгладимым ужасом навечно впечатался в их сознание этот проклятый год.

Мои отец и мать поженились в феврале 37-го. В эти же дни в Кремле уголовники из сталинского ЦК детально обговорили на своей сходке (выражаясь по "партийной фене", - на пленуме), как бы пустить в расход побольше не вполне достойных сообщников. Что из этого получилось, хорошо известно: бешено раскрученные жернова Большого террора принялись перемалывать всех и вся.

В Маркштадте перестали спать по ночам, пытаюсь угадать, в какой из домов должны постучать сегодня. У отца был припасён под кроватью чемоданчик с вещами, которые могли понадобиться в случае ареста. Однажды ночью свора энкаведешников вломилась и к моим родителям. Но они пришли брать соседа, а отца привлекли лишь в качестве понятого. Медовый месяц родителей протекал, что называется, на высоком душевном подъёме.

В списках "Жертвы политического террора в СССР", подготовленных обществом "Мемориал" и выставленных в Интернете, значатся однофамильцы всех моих дедушек и бабушек: Шауфлер – 53 раза, Глейм – 105, Лоос – 133, Дизендорф – 184. А ведь данные фамилии отнюдь не принадлежали к самым распространенным в стране.

Видимо, все эти люди доводились нам родственниками, по большей части - дальними. Но в "расстрельные" 30-е ушли в небытие и многие наши близкие, хотя ничто, казалось бы, не предвещало их участи жертв политического террора - они не были приобщены ни к какой политической деятельности и никогда не занимали высоких постов.

³⁵ Эта история позволяет по достоинству оценить кощунственную фразу из справки, которую направили в ЦК КПСС члены первой делегации российских немцев в 1965 году: дескать, в АССР НП "влияние религии на умы людей было незначительным".

Когда у нас в семье говорили о жертвах 1937 года, чаще всего назывались имена двоюродных братьев матери, Андреаса и Артура Виншу. Артур учился в Маркшадтском механическом техникуме с моим дядей Густавом Глеймом и запечатлён совсем юным вместе с ним на пожелтевшей студенческой фотографии. Этот снимок стал одним из последних для них обоих.

Строго говоря, гибель братьев Виншу не относится к 1937 году – они оба ушли из жизни летом 38-го. Но это свидетельствует лишь о том, что кошмарное явление под названием "тридцать седьмой" не имело точной календарной привязки.

Андреас Виншу дожил до 38 лет, имел семью, работал заведующим детдомом для умственно отсталых детей в пригородном селе Боаро. Судя по справке Саратовского областного Управления КГБ, он был арестован 7 апреля 1938 года, 25 июля приговорён Постановлением ОСО НКВД СССР к расстрелу "по обвинению в антисоветской агитации" и 19 августа умерщвлён в Энгельсе.

Те, кто знал Андреаса, в один голос говорили мне, что он был на редкость добрым и порядочным человеком. Каким мерзавцам могло понадобиться оборвать его достойную жизнь? Кого он мог "агитировать" против кровавой "советской" власти - своих несмышлёных воспитанников?! Сообщив, что Андреас Виншу реабилитирован в 1989 году, скромные труженики из саратовского УКГБ на эти вопросы, разумеется, не ответили.

Его брата Артура сначала исключили из техникума, а арестовали чуть погодя, когда он уже работал нормировщиком Мюллерфельдской МТС под Маркшадтом. 31 января 1936 года Спецколлегия главсуда АССР НП (местная разновидность знаменитого ОСО) приговорила его к 10 годам. "Правосудие" не особо утруждало свою фантазию, и Артура обвинили в тех же смертных грехах, что и позднее Андреаса. Смертных, поскольку статья 58-10, предрешившая судьбу братьев Виншу и многих других моих близких, оговаривала нижний, но не верхний предел "наказания".

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1960 года дело против Артура Виншу прекратили "за недоказанностью предъявленного обвинения". Но ему самому это давно уже было безразлично. Я слышал от родственников, что след Артура оборвался в печально известной бухте Нагаево возле Магадана. Эту информацию подтверждает запись в недавно появившейся Книге памяти Магаданской области: приговорен "тройкой" при УНКВД по Дальстрою 10 мая 1938 года, обвинение - антисоветская агитация; расстрелян 5 июня 1938 года.

В 1937-38 годах исчезли и двое братьев отца - Карл и Адам. Судьбу последнего приоткрывает справка, присланная всё из того же саратовского УКГБ. Она свидетельствует, что Адам Дизендорф был арестован 4 марта, приговорён к расстрелу ОСО НКВД "по обвинению в антисоветской фашистской(!) агитации" 21 июля и казнён в Энгельсе 20 августа. Почти в точности то же, что и в "деле" Андреаса Виншу. Сколько же жертв поглотило в те дни людоедское ОСО?

Как явствует из письма Ленина наркому юстиции Д. Курскому, расстрельная статья за "антисоветскую агитацию" появилась на свет по личному настоянию вождя. Но тот размах, с которым ею воспользовался - как с применением "вышки", так и без оной - его лучший ученик, едва ли мог пригрезиться даже Кремлевскому мечтателю. По данным узника и исследователя ГУЛАГа Жака Росси, в 30-х годах заключенные по статье 58-10 составляли **четверть** всех обитателей сталинских тюрем и лагерей.

Словосочетание "тридцать седьмой год" я слышал ещё в раннем детстве, когда перечислялись даты смерти наших родных и знакомых. Мне долго отказывались объяснить, какая же эпидемия косила в то время людей. Спасибо дяде Шуре, он просветил меня настолько, что я уже лет в 12 мог читать лекции на эту тему своим сверстникам.

В последние годы порой пытаются определить, люди каких национальностей были сравнительно больше затронуты ужасами 37-го. Я тоже считаю, что это принципиально важно, - не ради выявления рекорсменов по части страданий, а для прояснения сути сталинского террора.

По официальным данным, на 1 января 1939 года среди заключённых лагерей ГУЛАГа числилось 18.572 немца, что составляло 1,4% всех их узников (при этом доля немцев в численности населения СССР едва превышала 0,7%). Впрочем, то был далеко не предел: к началу войны цифра возросла до 19.120, а к ее завершению – даже до 22.478 (3,1%). По сведениям В. Бруля, в Алтайском крае немцы репрессировались в конце 30-х годов в 2,5 раза чаще, чем представители других национальностей.

Таким образом, имеется немало свидетельств особенно широкого размаха политических репрессий в отношении российских немцев. Если данный вывод будет всесторонне подтверждён фактами и документами, меня это ничуть не удивит.

Солженицын писал: *"А скажи крымскому татарину, калмыку или чечену "тридцать седьмой" - он только плечами пожмёт"*. Не берусь судить, верно ли это по отношению к перечисленным репрессированным народам. Но мне не доводилось встречать соплеменников, которые бы утверждали, что 1937-й год прошел для них незаметно.

Совершенно очевидно, что именно немцы - наиболее удобные кандидаты на роль "фашистских шпионов и вредителей", которых, по тогдашней официальной версии, вырывали с корнем в безумном 37-м.

Сегодня известно, что массовые аресты среди российских немцев под предлогом их контактов с Германией и чтения тамошней периодики начались уже в 1934 году. А летом 1935 года, по данным А. Германа, в АССР НП была направлена из Саратова специальная краевая комиссия для расследования "фашистской подрывной деятельности". Она выявила кошмарную серию "буржуазно-националистских" и "фашистских" деяний: поддержание связей с родственниками из Германии, соблюдение национальных традиций, религиозных ритуалов и т.п. Нетрудно представить, что сделали с обнаруженными "виновниками" в 1937 году, - если они, конечно, паче чаяния до него дожили.

Нельзя, однако, не отметить, что в то время ещё пытались создать какую-то видимость правосудия и для каждого случая считали нужным сочинить, как это было с дядей Шурой, отдельную легенду о баснословных преступлениях. Через 4 года всё стало несравненно проще, если не сказать топорней. Великое дело - не размениваясь на мелочи, объявлять врагами целые народы!

По справедливому выводу Б. Пинкуса, насильственное деклассирование и депортация в 30-х годах значительной части российских немцев, особенно крестьян, - не что иное, как предвестие и прелюдия той катастрофы, которая постигла их всех в 1941 году, определив тенденцию и содержание будущей общенациональной судьбы.

Но это произошло уже в новую историческую эпоху. А довоенные годы, как ни парадоксально, так и вошли в нашу народную память, подёрнутые идиллической дымкой. Впрочем, ничего особенно странного в этом нет: кошмары 20-х и 30-х не могли не померкнуть на фоне невыразимого ужаса 40-х.

ГЕНОЦИД

Советские власти основательно подготовились к геноциду по национальному признаку. По данным Б. Пинкуса, ещё весной 1934 года ЦК ВКП(б) потребовал собрать полные и точные сведения обо всех немцах, работающих в СССР. Сей титанический

"труд" осуществлялся на местах по линии наркоматов и других госучреждений. При этом никто из непосвящённых не должен был знать, что верхи интересуются данным вопросом. С тех пор погромные списки дожидались в сейфах своего часа.

В это же время нас "взяли на карандаш" и в нацистской Германии. Германскому зарубежному институту (Deutsches Auslandsinstitut) в Штутгарте было поручено составление центральной картотеки с данными на всех немцев за рубежом. К концу 1939 года институт учёл уже 300 тысяч российских немцев, включая проживающих за океаном.

Эта процедура, в ходе которой фиксировались фамилия, имя, возраст, происхождение, профессия, место жительства, а также наличие в прошлом собственности в России, должна была, по замыслу инициаторов, подготовить почву для завязывания контактов с российскими немцами и использования наших людей германскими властями на территории СССР.

Нельзя не отметить, что национал-социалистские бонзы всю спекулировали на положении российских немцев ещё до своего прихода к власти, и не только по случаю упомянутой помощи голодающим. Так, остзейский немец А. Розенберг, который считался в то время ближайшим соратником Гитлера и главным экспертом НСДАП по проблемам немецкой диаспоры на Востоке, требовал от правительства Веймарской республики оказания материальной помощи российским немцам, желающим эмигрировать из СССР, и даже грозил советским властям, чинившим препятствия выезжающим, разрывом дипломатических отношений. Но в полной мере отношение нацистов к нашей национальной группе высветилось, конечно, только начиная с 1933 года.

По подсчёту историка А. Буллока, за пределами Третьего рейха (в его первоначальных границах) проживали - ни много, ни мало - 27 миллионов немцев. Политике в отношении этой массы людей, разбросанных по странам и континентам, гитлеровцы придавали серьёзное значение. Использованием немецкой диаспоры в целях пропаганды и сбора информации занималось, по меньшей мере, семь(!) нацистских органов.

В 30-х годах была создана так называемая заграничная организация НСДАП во главе с молодым честолюбцем, гаулейтером Э. Боле, родившимся в Англии и выросшим в Южной Африке. Задним числом фюрер мотивировал данный шаг несостоятельностью германской дипломатии, которая-де "не удосужилась взять под опеку зарубежных немцев, ознакомить их с нашими идеями и обеспечить их общее руководство". При этом Боле одновременно были переданы функции статс-секретаря МИДа.

Выступая на Нюрнбергском партайтаге в 1935 году, он возвестил: *"Сейчас мы переживаем разгар борьбы за создание нацистской Германии за границей. (...) Мы знаем лишь одно понятие - абсолютного немца, который всегда и везде остаётся немцем и только немцем. Это же делает его нацистом. Кровь должна быть сильнее паспорта!"*

К ведомству Боле была близка соответствующая организация СС во главе с "сильным человеком" Гимmlера В. Лоренцем, созданная в 1935 году. Но ведущую роль в политике по отношению к немецкой диаспоре играл до поры до времени Гесс, заместитель Гитлера по партии. А с 1939 года "опека" зарубежных немцев была поручена ещё и Гимmlеру, назначенному рейхскомиссаром и уполномоченным НСДАП "по укреплению германской народности" (deutsches Volkstum). Гимmlеровская спецслужба относилась к СС и подчинялась лично фюреру, занимаясь возвращением зарубежных немцев в Рейх и подготовкой новых территорий для немецкой "колонизации".

Как справедливо отметил Б. Пинкус, громогласная пропаганда перечисленных ведомств могла лишь усилить подозрения сталинской верхушки и побудить её еще более агрессивно относиться к немецкому меньшинству, которым, якобы, "дирижировали

извне". Но какое дело было нацистам до последствий их политики для тех, кого они столь "заботливо" опекали!

Выступая перед представителями немецкой диаспоры в 1934 году, Гитлер совершенно недвусмысленно выразил свой подход к ним: *"В ваши задачи не входит отстаивать парламентские права и ограниченные свободы зарубежных немцев. В дальнейшем эти права и свободы скорее станут для нас обузой, чем поддержкой. Исходя из этого, вам следует не своевольничать, руководствуясь своими благими намерениями, а ждать команды, которая прозвучит из-за вашей спины. Сверху виднее: то, что кажется вам полезным, на самом деле может оказаться вредным. Таким образом, я требую от вас слепого повиновения. Не вам решать, что вам делать на своём участке"*.

Более чем закономерно, что никакие "компетентные" службы и лица не были в состоянии приблизить чванливых гитлеровских всезнаек к пониманию проблем российских немцев. По свидетельству главы Данцигского сената Г. Раушнинга, Гитлер говорил ему всё в том же 1934 году: *"Германия и Россия удивительным образом дополняют друг друга. Они просто созданы друг для друга. Но именно в этом и заключается опасность для нас: Россия может засосать и растворить наш народ в своих просторах. Замечали ли Вы, что немцы, долго прожившие в России, никогда не могут вновь стать немцами? Они заморожены огромными пространствами"*.

Приходится ли удивляться, что Э. Боле так и не удалось сколотить на подобной "идейной базе" организацию НСДАП вокруг германского посольства в Москве, чтобы обеспечить пресловутое "общее руководство" российскими немцами?

Неадекватный, мягко говоря, уровень представлений о нашем народе фюрер сохранил и в дальнейшем. В одной из своих излюбленных "застольных бесед", рисуя фантастические картины "колонизации" завоёванных восточных территорий, он воскликнул: *"Те, кто вырастет там, полюбят свою родину и однажды, подобно немцам Поволжья, навсегда свяжут свою судьбу с этими землями"*. И это было сказано, заметим, в феврале 1942 года, когда немцы Поволжья давно уже находились за тридевять земель от их родных мест! Не менее фантазмагорично изречение Гитлера полгода спустя: *"Не стоит удивляться тому, что у многих жителей Украины явственные признаки принадлежности к нордической расе. Ведь там когда-то были огромные германские поселения"*.

Едва ли сам фюрер смог бы вразумительно объяснить, какие "германские поселения" он имел в виду. Очевидно лишь, что не те реальные немецкие колонии, которые образовались на Украине в XVIII-XIX веках и ещё отчасти сохранились к моменту данного словоизвержения. Они не могли способствовать распространению "нордической расы" уже потому, что их обитатели жили замкнуто и почти не вступали в межнациональные браки.

Между тем оба преступных государства вынашивали в отношении нашего несчастного народа далеко идущие планы. В то время, когда мы понадобились Сталину в роли козлов отпущения и безотказной дармовой рабсилы далеко на востоке, рейхсминистр оккупированных восточных территорий Розенберг советовал Гитлеру переселить немцев Поволжья и Кавказа (не считая "менее ценных элементов") в Прибалтику, Западную Польшу или Украину и даже включить Республику на Волге в состав расширенной Донской казачьей области либо Украинского государства, "чтобы полностью вывести её из-под русского влияния".

Эти абсурдные идеи вполне соответствовали представлению фюрера о дальнейшей судьбе зарубежных немцев: либо завоевать территории их расселения, либо "забрать" оттуда немцев в Германию. В противном случае, считал Гитлер, неизбежно вырождение и гибель этих немецких групп от "инцухта" (кровосмешения). Лучшие их элементы, по его

мнению, регулярно поступали на государственную службу стран своего проживания, утрачивая при этом национальные черты. *"Если производить такой отбор на протяжении веков, - философски заметил фюрер, - то в итоге останется одно дерьмо."*

Оригинальным в этих измышлениях являлся разве что специфичный гитлеровский лексикон. Сам же вывод о том, что зарубежные немцы находятся "не на месте", был сделан пангерманистами задолго до появления подобных мифов в "Майн Кампф", программе НСДАП или речах фюрера.

Так, Комитет по германской восточной политике, следовавший ориентации одного из будущих попутчиков Гитлера, генерала Людендорфа, ещё в 1917 году предложил поменять местами(!) российских немцев с народами прибалтийских губерний России. По замыслу инициаторов, 2 миллиона трудолюбивых и многодетных немецких крестьян явились бы для Германии хорошей компенсацией за войну, поскольку "живой капитал всегда стоит больше мёртвого". Вот кем мы были (и во многом остаёмся) для политиков с исторической родины!

Советский диктатор, держа нужную категорию населения в своих руках, без труда опередил германского коллегу-соперника. Информация о выселении немцев Поволжья донеслась до Третьего рейха в начале сентября 1941 года и несколько позже была обнародована в германской печати. Однако, по данным И. Фляйшхауэр, фюрер узнал о депортации от Розенберга лишь 29 сентября, когда она уже практически завершилась. Но министр был настолько далёк от реальности, что и тогда ещё убеждал скептически настроенного Гитлера в возможности переселения немцев Поволжья на Кавказ.

А заодно ведомство Розенберга издало "Директивы для радиопропаганды по высылке немцев Поволжья в Сибирь", в которых требовало в виде возмездия за выселение Сталиным немцев депортировать из Центральной Европы на восток ... местных евреев.

Поражает омерзительная идентичность образа мыслей и действий двух кровавых режимов. Та же шизофреническая "геополитика", основанная на насильственном перемещении огромных масс людей, то же наказание целых народов за "преступления", о которых они узнавали лишь от своих палачей.

А вот по многообразию подобных акций Адольф и в подмётки не годился старшему брату. Да и то сказать, у Иосифа было в запасе куда больше драгоценного времени. Он использовал его сполна, успев поголовно депортировать 15(!!!) народов и национальных групп - от корейцев с Дальнего Востока в середине 30-х годов до греков из Грузии в конце 40-х. По словам Солженицына, человеческая память не сохранила воспоминаний о злодеяниях подобного рода.

В "секретном" докладе на XX съезде КПСС Н. Хрущев также по-своему заклеил сталинскую депортацию народов ("забыв" по обыкновению упомянуть о выселении российских немцев): *"Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил"*. Многие западные комментаторы восприняли эту фразу буквально. Между тем она вызвала в зале, как это ни чудовищно, ... смех и оживление.

К сведению любителей кладбищенского юмора с партбилетами и без оных: в 1962 году адмирал И. Исаков поделился с писателем К. Симоновым ещё одной подобной информацией. Оказывается, Величайший геополитик совершенно серьёзно рассуждал во время советско-финской войны о выселении всех жителей Финляндии: *"В чём дело - население Финляндии меньше, чем население одного Ленинграда! Можно переселить"*. Увы, блицкриг против небольшого мужественного народа обернулся конфузом, и пришлось утешиться депортацией его российских соплеменников - финнов-ингерманландцев.

Говоря о выселении Сталиным российских немцев, автор "Архипелага ГУЛАГ" отметил: *"Это был его первый национальный эксперимент подобного рода, это было ему интересно теоретически"*. Что верно, то верно - восточный вождь отличался поистине убийственной склонностью к теоретическим изысканиям.

Так, в 1913 году, когда будущий фюрер ещё и не думал садиться за "Майн Кампф", Сталин с подачи Ленина уже размышлял о судьбах национальных меньшинств России, разбросанных по её территории. Вердикт, вынесенный в наиболее известном сталинском опусе по национальному вопросу, гласил: ввиду экстерриториальности не считать их нациями и тем самым не числить за ними права на самоопределение.

Дальше - больше. В тезисах к X съезду партии в 1921 году Сталин отказал этим народам, названным им "текучими" и "вкрапленными" в инонациональное компактное большинство, даже в наличии "классового строения"(!). В качестве примера приводились поляки, евреи, а также латыши с эстонцами. ЦК воспринял новое слово в теории без возражений.

Зная о будущей участи перечисленных народов, невозможно отделаться от впечатления, что всё это - не просто бред безграмотного большевистского лидера. Нетрудно заметить, что в "особом списке" оказались одни европейские этносы, которые Сталин выкорчёвывал в годы своего правления с особым рвением.

Отдавая дань "теоретическому" обоснованию национальной политики, прагматичный вождь никогда не отрывался от грешной практики. В конце 1920 года он с энтузиазмом доложил на съезде народов Терской области о многообещающем эксперименте: поскольку казачество оказалось, по мнению большевистских властей, вероломным, "пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами". А чтобы осчастливленные горцы не забывались, Сталин прозрачно дал им понять, что от аналогичного "наказания" не застрахован никто.

До полного торжества идеи "коллективной национальной вины" оставался по историческим меркам совсем пустяк - каких-то два десятилетия.

Будто предчувствуя это эпохальное событие, грузинский поэт Г. Леонидзе воскликнул, обращаясь к Хозяину в 1937 году:

*Солнцу подобен, по тверди и водам
Мудрость свою ты разлил навсегда.
Гнёзда навеки вернул ты народам,
Выпавшим встарь из родного гнезда.*

Тот не замедлил в очередной раз явить свою мудрость и для начала разогнал все национальные районы и сельсоветы³⁶. А несколько раньше он сам пророчески выдал наиболее хлесткую оценку своего "нового" подхода к национальной проблеме: *"Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма"*.

Красноречивым свидетельством поворота в области национальной политики можно считать Постановление ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 года "О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях", породившее настоящий разгул политических репрессий в отношении неугодной национальности. Заявив, что "в районах, населённых немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу", ЦК обязал партийцев разъяснить немцам, "что советская власть не потерпит малейших попыток антисоветских

³⁶ К началу 30-х годов в СССР имелось более десятка немецких районов и около 550 немецких сельсоветов.

действий и не остановится перед тем, чтобы отказать им проживать в СССР и изгнать из пределов СССР".

Хотя в качестве предлога использовались при этом реальные факты получения некоторыми российскими немцами индивидуальной гуманитарной помощи из-за рубежа в условиях голода 1933 года, "логика" и тональность данного демарша как две капли воды напоминают зловещий указ от 28 августа 1941 года: то же предъявление совершенно абсурдных и бездоказательных обвинений, та же депортация "виновного" народа (на сей раз - за границу) под предлогом его мифических подрывных действий.

Думается, прав Б. Пинкус, который отметил, что в 30-х годах основные тенденции сталинской политики, направленной на постепенное уничтожение национальных культур, выявились достаточно чётко. От этого страдали в первую очередь наиболее незащищенные нацменьшинства, у которых не было своих территориальных образований или имелись лишь соответствующие структуры низших рангов. Именно для того, чтобы иметь в запасе побольше подобных уязвимых народов, и была затем осуществлена беспрецедентная сталинская акция по массовой ликвидации национальных образований и изгнанию их жителей.

Четвёртому классическому марксизму было не с руки довольствоваться эпитетом "враг народа", изобретённым еще во времена якобинского террора и широко использовавшимся большевиками в первые годы их пребывания у власти. Он ввёл во внутривластную жизнь новое гениальное понятие "народы-враги". В результате принцип "разделяй и властвуй", который всегда был излюбленным орудием коммунистических вождей, приобрёл невиданные доселе очертания.

Это, разумеется, не означает, что у Сталина имелась тщательно продуманная и спланированная стратегия национальной политики. Ничего подобного у него не было, впрочем, и во всех других областях государственной деятельности. Взамен, однако, хитромудрый вождь обладал поистине дьявольским тактическим чутьём, позволявшим почти безошибочно предпринимать лишь такие действия, которые бы в максимальной степени способствовали усилению его и без того тотальной власти над страной.

Воплотив некоторые свои задумки в 30-х и 40-х годах, искушённый теоретик и практик геноцида не утомился и к началу 50-х. В стране развернулась невиданная по масштабам и разнузданности борьба с "низкопоклонством перед Западом".

Сам Сталин, по свидетельству К. Симонова, высказался по поводу происхождения ненавистных "поклонов" вполне недвусмысленно: *"Эта традиция отсталая, она идёт от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами"*. Однако даже непревзойденному корифею, видимо, не удалось придумать, чем же ещё уязвить затравленных вконец российских немцев. Пришлось обратить свои взоры на другого традиционного "внутреннего врага".

После ареста "врачей-вредителей" Сталин разжёл такую яркую антисемитскую кампанию, что трудно было не прийти к выводу: грядёт новое свершение - изгнание евреев по-советски. Есть свидетельства, что подготовка к нему велась полным ходом, пока не сыграл в ящик сам вождь и учитель всех народов.

А ведь к этому времени Нюрнбергский трибунал, а затем ООН давно уже признали выселение и депортацию народов преступлениями против человечества. Была даже принята международная конвенция о предупреждении и наказании геноцида, предусматривавшая ответственность за это тягчайшее злодеяние любых виновных лиц, включая государственных деятелей. Нечего и говорить, что преступления сталинской клики против народов СССР полностью соответствовали всем признакам геноцида, сформулированным в этом документе.

Лицемерие и лживость коммунистического режима всегда были его характернейшими атрибутами³⁷. Но едва ли эти качества принесли бы правителям СССР столько политических дивидендов, не будь западные страны, считающие себя демократическими, в такой мере привержены бесстыдной практике "двойного стандарта". Её суть наиболее доходчиво растолковал Президент США Т. Рузвельт применительно к одной из подопечных латиноамериканских "горилл": *"Да, это сукин сын, но это наш сукин сын!"*

В результате на Западе с пеной у рта бичевали геноцид во вражеской Германии и спокойно закрывали глаза, когда он творился в СССР, коль скоро эта тираническая империя фигурировала среди партнеров "демократий". А советские словоблуды во главе с непревзойдённым гуманистом А. Вышинским тем временем изощрялись в клятвах верности правам человека на всевозможных форумах "демократических наций".

Как это обычно бывает с диктаторами, Сталин не оставил после себя достойной смены. Его ученики и соратники оказались по части политического камуфляжа сущими младенцами. Похоже, они всерьёз восприняли собственные измышления о причинах поголовной депортации целого ряда народов СССР.

Согласно новым веяниям, в хрущёвско-брежневские времена больше не велено было числить наших соплеменников по ведомству диверсантов и шпионов. Но власти тем охотнее подогревали бредовые рассказы об отправке российских немцев в глубокий тыл ради их же блага в условиях приближения германских войск.

Какая душещипательная отеческая забота! И нас хотели заставить поверить, что она была, якобы, проявлена в то самое время, когда в окружении оставлялись целые армии, а на оккупированных территориях бросались на произвол судьбы десятки миллионов людей?!

Смягчив, а затем приостановив репрессии против национальных меньшинств, недалёкие сталинские наследники, очевидно, не подозревали, что подрубают под корень сами основы вскормившей их системы. Тоталитарный режим коммунистического помёта обладал уникальной особенностью, далеко ещё не осознанной в должной мере. Он попросту **не мог существовать** без непрерывной борьбы с "врагами".

На первые десятилетия для выживания системы хватило классовых недругов - помещиков, капиталистов, нэпманов, "кулаков" и прочая, и прочая, и прочая. Но к середине 30-х их всех успешно извели. Пришла пора подбросить в государственную топку новый горючий материал.

Искусно раздувая и провоцируя внешние конфликты, предусмотрительный вождь не забыл и о поиске внутренних врагов. В лице целых народов их было под рукой более чем достаточно. Оставалось лишь настроить репрессивную машину на преследования по чисто национальному признаку. Благо, опыт по доставке в ГУЛАГ национального контингента (разного рода групп "врагов Советской власти" из Закавказья, Средней Азии, а затем и других регионов) накапливался в СССР ещё с начала 20-х годов.

Фабриковать извергов, исходя из содержания так называемой пятой графы, оказалось технически несравненно проще, чем следовать туманным "классовым" критериям³⁸. Единственным неудобством являлась при этом традиционная

³⁷ В этой связи достаточно напомнить слова Сталина, изречённые незадолго до развязывания массовых репрессий в отношении многих неугодных ему народов: *"Не бывало и не может быть случая, чтобы кто-либо мог стать в СССР объектом преследования из-за его национального происхождения"*.

³⁸ Отмечу хотя бы, сколь нелегко было объяснить невежественным сталинским опричникам, как с первого взгляда разглядеть в крестьянине "кулака".

интернационалистская фразеология большевизма. Однако когда дело касалось личной власти и коренных интересов режима, для Сталина не существовало идеологических догм.

И вот его преемники неосторожно решили, что коммунистическая система может ограничиться борьбой с внешними врагами. С этого момента она лишилась своей главной цементирующей основы.

Сегодняшние наследники тоталитаризма, выраженные в демократические вицмундиры, пытаются сохранить и укрепить свою власть, избавившись от Советов и, в то же время, вернувшись к охоте на внутренних врагов по классическим "советским" образцам. Если подобные потуги увенчаются успехом, тоталитарный режим может обрести второе дыхание, и тогда ни один из народов бывшего СССР не будет застрахован от новых, быть может - ещё более страшных ГУЛАГов. Закрывать глаза на эту опаснейшую тенденцию, по моему глубокому убеждению, попросту преступно.

...Б. Пинкус справедливо отметил, что насильственное переселение немцев Поволжья явилось одной из первых широкомасштабных акций, осуществлённых Советским государством после выхода из паралича начального периода войны. Какое бы значение ни придавалось в СССР "национальной политике", столь завидная оперативность, отнюдь не типичная для тогдашней правящей клики, объяснима, видимо, лишь при одном условии: **планы депортации российских немцев в случае войны с Германией были подготовлены загодя.** Полагаю, что полное вскрытие потайных кремлёвских архивов тех лет позволит подтвердить этот вывод.

По некоторым данным, для подготовки выселения немцев с берегов Волги нашли время съездить в Энгельс в июле 1941 года даже В. Молотов и Л. Берия. Сумасбродная, на первый взгляд, затея была досконально продумана и имела дальний прицел. Она немедля создавала леденящий образ гигантской "пятой колонны", на которую обывателю надлежало взвалить вину бездарных сталинских "стратегов" за военную катастрофу лета 41-го. С другой стороны, ГУЛАГ, который уже в первые месяцы войны лишился более 400 тысяч узников, "переданных" в Красную Армию, получал жизненно необходимую людскую подпитку. Не считая некоторых нюансов, связанных с конкретной ситуацией, аналогичны, на мой взгляд, и цели депортации других народов СССР.

В последнее время предпринимаются попытки установить конкретных инициаторов и виновников этих чудовищных акций. Так, В. Успенский в романе "Тайный советник вождя" возлагает ответственность за них, как и за все прочие преступления большевистского режима, на сталинских оппонентов или приспешников с еврейскими фамилиями. К примеру, в качестве творца геноцида против российских немцев здесь фигурирует Л. Каганович.

Остаётся только сожалеть, что на эту дурно пахнущую стряпню "клюнул" Вильям Гергерт, автор изданных в Перми мемуаров о судьбе российского немца "Мечта и грешная земля". Наш соплеменник пишет, что его наблюдения и известные ему факты подтверждают версию Успенского, но ни фактов, ни наблюдений, доказывающих именно вину Кагановича, как ни странно, не приводит.

Сын Берии Серго, напротив, обеляет "железного наркома" (и заодно, разумеется, своего отца), направляя критические стрелы в адрес "русских националистов" Жданова и Хрущёва.

На мой взгляд, подобные домыслы лишь уводят в сторону от сути проблемы. Ещё ни одному историку не удалось убедительно показать прямую зависимость деяний того или иного большевистского вождя от его национальной принадлежности. Думаю, это и не может удаться - уже потому, что политика коммунистического режима не отвечала коренным интересам ни одного из народов СССР, а об особой линии отдельных советских лидеров в рамках жёсткого общепартийного курса, как правило, не могло быть и речи.

В поисках виновников расправы над российскими немцами следует обратить внимание, очевидно, не на национальность возможных действующих лиц, а на выполнявшиеся ими функции. С этих позиций ведущая роль Л. Кагановича, никогда не ведавшего национальными проблемами и уже миновавшего к 1941 году пик своей политической карьеры, а, тем более, тогдашних региональных партбоссов Жданова и Хрущева представляется крайне сомнительной. Между тем многочисленные документы доказывают, что депортация наших соплеменников была организована аппаратом партии, правительства и НКВД, возглавлявшимся соответственно Маленковым, Молотовым и Берией. А инициатором и идейным вдохновителем акции такого масштаба и характера мог быть, конечно, только сам Сталин.

Кстати говоря, литератор Илья Окунев засвидетельствовал со слов своего отца, представлявшего АССР НП в Наркомнаце и хорошо знакомого со Сталиным, который в своё время возглавлял это ведомство, что "Вождь народов" всегда отличался особо неприязненным отношением к российским немцам.

К сожалению, в нашей семье не сохранилась газета с указом от 28 августа 1941 года. Поэтому я очень долго не мог составить себе представления о депортации немцев Поволжья, так сказать, по первоисточнику. На мои детские расспросы о содержании этого акта близкие только повторяли особенно врезающуюся им в память бредовую фразу о "неисчислимых тысячах диверсантов и шпионов"³⁹, которые, якобы, имелись среди их немецких земляков. Это беспрецедентное по нелепости и лживости утверждение ставило в тупик даже окружавших меня взрослых, не говоря уже обо мне самом.

Все мои соплеменники слышали об указе о выселении, но только немногие знают, что процедура депортации немцев Поволжья была регламентирована приказом Берии № 001158. Когда я несколько лет назад ознакомился с этим документом, то не сразу обратил внимание, что он датирован ... 27(!!!) августа. Не менее примечательно, что нарком НКВД сослался в своём приказе на соответствующее постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). Оно было принято ещё днём раньше, имело порядковый номер 2056-933сс ("совершенно секретно") и называлось "О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей".

Таким образом, и эта акция проделала по инстанциям накатанный большевистским режимом путь: партия и правительство - карательные органы - марионеточные Советы. Последним доверили лишь самое грязное дело - "обоснование" геноцидного решения задним числом. ЦК и Совнарком погнушались взять это на себя: их постановление от 26 августа не приводит никакой мотивации.

В ряде опубликованных репрессивных актов, а также в работах Н. Бугая и А. Германа имеются ссылки и на постановление этих органов от 12 августа № 2060-935сс "О расселении немцев Поволжья в Казахстане". Данная информация явно ошибочна. Акт с таким названием и номером был отменён Постановлением Кабинета Министров СССР от 6 июня 1991 года, однако в перечне отменённых актов он датирован 12 **сентября**⁴⁰. Да и как можно представить, что власти сначала приняли акт о расселении ещё не депортированных немцев и лишь через две недели - об их переселении?

По сведениям А. Германа, 27 августа партийная верхушка АССР НП угодливо одобрила смертоносное решение Москвы и порешила неуклонно руководствоваться им в дальнейшей "деятельности". Но даже это последнее и самое чудовищное предательство

³⁹ В буквальном обратном переводе с немецкого того текста, который слышали и читали мои родственники, она звучит именно так. Формулировка русского оригинала чуть умеренней - "тысячи и десятки тысяч...".

⁴⁰ Как ни странно, основополагающий депортационный акт от 26 августа до сих пор не фигурирует среди отменённых ни в одном официальном документе.

своего народа со стороны немецко-поволжских большевистских бонз уже не могло им помочь. Немецких руководителей республики вышибли с их постов, выселили, а затем задним числом исключили из рядов родной партии. При этом кое-кому из них вменили в вину некие мифические действия, "имеющие характер антисоветской демонстрации, направленные на дискредитацию" указа от 28 августа. Вот она, знаменитая сталинская "благодарность"!

Берия поручил осуществление грандиозного замысла своим самым близким приспешникам. Для организации доселе невиданной акции он командировал на Волгу оперативную группу НКВД СССР во главе с заместителем наркома И. Серовым. Другому заму В. Чернышеву предписывалось скоординировать всю "работу" по переселению, перевозке и расселению немцев Поволжья. Подготовка и проведение операции в АССР НП были по праву возложены на начальника ГУЛАГа(!) НКВД СССР В. Наседкина.

Заплечных дел мастер И. Серов был переведён из армии в аппарат НКВД по инициативе самого Берии, когда того назначили наркомом. Начиная с 1939 года, бойкий новобранец отличился при депортации целого ряда национальных групп, а в 40-м стал начальником Главного переселенческого управления НКВД СССР, игравшего ведущую роль в планировании и проведении подобных акций.

За заслуги на этом поприще Серов был вместе с Берией удостоен ордена Суворова I степени, учреждённого для генералов, отличившихся при руководстве армиями в ходе боевых действий(!). (Правда, в 62-м власти сочли за лучшее отменить Указ 1944 года о награждении организаторов депортаций.) "Боевая" карьера Серова увенчалась чином генерала армии и званием Героя Советского Союза.

Серов приобрёл широкую известность как особо доверенное лицо "антисталиниста" Хрущёва, который в годы своего правления поставил его во главе КГБ. На склоне лет, диктуя мемуары, Хрущёв сказал: *"Я считал и считаю, что Серов очень честный человек. Если что за ним и было, как за всеми чекистами, то он стал жертвой(!) общей политики, которую проводил Сталин"*. Опираясь на столь "авторитетное" мнение, Серов осаждал Андропова и Горбачёва с домогательствами о своей, так сказать, реабилитации.

Никакие мнимые или подлинные жертвы палача не помешали его завидному долголетию: он умер в 1990 году. Этого не скажешь о его подельниках В. Чернышеве и В. Наседкине, отправившихся вдогонку за своими жертвами ещё в начале 50-х.

Сталинская банда организовала поход против собственного мирного населения с таким размахом и основательностью, которые осенью 1941 года и не снились истекавшим кровью фронтам. В одну лишь Республику немцев Поволжья было направлено 1.200 сотрудников НКВД, 2.000 работников милиции, 7.350 красноармейцев из состава войск НКВД во главе с уроженцем этих мест комбригом М. Кривенко, в недалеком прошлом – прямым участником чудовищного "Катынского дела".

После обнаружения указа о выселении немцам запретили покидать места своего проживания. Связь с внешним миром и даже между населёнными пунктами АССР НП была прервана. Изгнанников предписывалось вывозить в эшелонах, каждый из которых был рассчитан на 2.200-2.500 человек. На эшелон выделялся начальник из начсостава войск НКВД, оперативный работник и 21 человек караула.

С европейской части страны ушло на восток 344 подобных состава с российскими немцами, в том числе 154 - из Республики на Волге.

Выселение немцев Поволжья было осуществлено в указанный сверху срок - с 3 по 20 сентября.⁴¹ Только из АССР НП подручные Берии вывезли, по официальным данным, более 375 тысяч человек. Большевицкий режим вновь продемонстрировал своё непревзойдённое мастерство в проведении карательных акций - единственном роде деятельности, где он неизменно оказывался на высоте.

На Алтае, куда отправили моих родственников, тоже было кому позаботиться о них. Берия командировал сюда для этой цели начальника отдела первого управления НКВД А. Лангфанга, одного из самых кровавых сталинских палачей.⁴²

Ко времени, когда была доставлена наша семья, на Алтай уже прибыло 13 эшелонов с выселенными немцами. А всего этому краю пришлось принять более 27 тысяч немецких семей общей численностью 95.000 человек. Эта цифра была предопределена указанным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, согласно которому на Алтай намечалось переселить 91.000 немцев.

В сентябре 1941 года составы с изгнанниками шли мимо далёкой Топчихи сплошным потоком. По данным, опубликованным А. Германом, я установил, что за 10 дней после прибытия моих близких здесь проследовало около половины(!) из полутора сотен эшелонов, вывозивших обитателей АССР НП. (А ведь в эти же дни везли и немцев Поволжья, живших за пределами Немреспублики.)

Прошёл и эшелон № 751, на котором направлялись из Энгельса в Новосибирскую область тётя Элла и тётя Фрида с мужьями. В это время на станции находились мои мать и дед, которые смогли ещё раз пообщаться с близкими перед долгой разлукой. С одним из них, мужем тётки Эллы Петером, они не увиделись больше никогда.

В те дни члены нашей семьи, как и все новоиспечённые жители Топчихи, старались по мере возможности не отлучаться далеко от станции, чтобы при случае встретиться с родными и знакомыми, которым предстояло ехать дальше. Иногда по ходу очередного эшелона удавалось лишь сообщить свой топчихинский адрес. Но и эта информация значила очень много, помогая не потерять окончательно следы друг друга.

Тяжёлые условия транспортировки вкупе с невероятным нервным потрясением закономерно приводили к тому, что для многих изгнанников путь на чужбину оказывался последним. Умершие, насколько мне приходилось слышать, имелись буквально в каждом эшелоне.

Раньше всех погибали обычно самые слабые - дети и старики. Охрана уносила трупы на первой же остановке, лишая путников возможности по-человечески проститься со своими близкими. У одной из наших маркштадтских знакомых в эшелоне умер ребёнок. Родные прятали его весь оставшийся путь и наспех погребли лишь по прибытии к месту следования.

А через несколько лет на восток потянулись поезда с безвинными изгоями из числа других репрессированных народов. Никогда не забуду страшный рассказ матери, как в Топчиху в начале 1944 года привезли калмыков. Чуть живых стариков, детей и женщин выбрасывали из вагонов прямо в снег. Здесь же сваливали многочисленные трупы тех, кто не вынес крестного пути в Сибирь. Эти штабеля так и лежали у рельсов, пока снег не стал

⁴¹ Имеются, правда, и свидетельства о более ранних сроках выселения, в частности, о депортации 3.000 немцев из АССР НП ещё в начале войны. Это, на мой взгляд, вполне возможно - тем более, что решение о выселении принималось в несколько этапов и, судя по всему, готовилось заблаговременно.

⁴² После XX съезда КПСС, когда власти демонстрировали "восстановление социалистической законности", он оказался среди немногих коллег по заплечному ремеслу, угодивших за решётку.

таять и трупы не начали растаскивать бродячие собаки. Только тогда местные власти, опасаясь эпидемий, дали команду зарыть бранные останки.

Горы трупов на бескрайних просторах СССР и многих других стран - таков большевистский апофеоз смерти, который едва ли было бы под силу изобразить и десятку художников Верещагиных.

Трудно передать моё потрясение от слов Солженицына в глубоко почитаемой мною книге "Архипелаг ГУЛАГ": *"По своей сути ссылка немцев была то же, что раскулачивание, только мягче, потому что больше вещей разрешали взять с собой и не слали в такие гиблые, смертные места"*.

В действительности "больше вещей" (до тонны на семью) разрешалось брать только на бумаге. Да и как их было разместить в битком набитых эшелонах и пароходах? Вся "мягкость" нашей депортации свелась к тому, что поначалу изгнанников доставили в относительно обжитые районы вблизи железных дорог. Иначе не могло и быть: даже всеильному Отцу народов не удалось бы в одночасье загнать в глушь сотни тысяч человек. Но очень скоро российских немцев стали отправлять и на Таймыр, и в Воркуту, и в Нарым, и во все прочие "смертные места".

Не могу поверить, что маститый писатель обо всём этом не знал. Тем более что он общался со многими нашими соплеменниками в ГУЛАГе, а затем в ссылке под Джамбулом. Видимо, дело в том, что не так-то просто проникнуться чужой болью, даже если ты - Солженицын.

Чтобы описать всё, что я услышал о выселении из уст множества старших соплеменников ещё в детстве, понадобилась бы целая книга. Эта тема возникала всякий раз, как только начинались воспоминания об ужасающем прошлом. Воспроизведу лишь то, что особенно запомнилось из рассказов родителей.

30 августа, по личному указанию Берии, республиканские газеты АССР НП опубликовали указ о выселении. Одновременно Красная Армия наконец-то овладела первыми немецкими населёнными пунктами с начала войны. Самым крупным из них и был Маркштадт. Военные по-хозяйски расположились в жилых домах и принялись для поддержания боевого духа упражняться в артиллерийских стрельбах по отдельно расположенному вражескому объекту - немецкому кладбищу.

Вслед за войсками, гебистами и милицией в город потянулись жители окрестных русских сёл, которые, не мешкая, занимали роскошные, по их понятиям, немецкие дома, а заодно прихватывали в качестве трофеев всё, что плохо лежало. (К примеру, у моих родителей увели корову.) Повсеместно отключили электричество, и по ночам в непроницаемой тьме без умолку выли собаки. Эта апокалипсическая картина столько раз снилась мне в детстве, что я представляю её так живо, будто сам был свидетелем депортации.

Распространено мнение, что подготовка к изгнанию сопровождалась провокациями спецслужб. Говорят, например, будто в АССР НП были сброшены на парашютах оперативные работники местного НКГБ (по другим версиям - красноармейцы или бежавшие от Гитлера германские коммунисты), одетые в нацистскую униформу. Положительную реакцию немецкого населения при виде "своих" намечалось-де использовать для подтверждения его причастности к пресловутым "шпионажу и диверсиям".⁴³

Об этом "советском Глейвице" впервые упомянуто в мемуарах польского генерала Андерса, опубликованных в Лондоне в 1949 году. Благодаря любезному содействию

⁴³ Писатель В. Войнович, мальчишкой встретивший воину в Запорожье, вспоминал об аналогичных слухах вокруг тамошних немецких колонистов.

первого секретаря посольства Польши в Москве г-на Яна Дрожджа и его предшественника г-на Стефана Пивовара я стал обладателем последнего польского издания этой книги.

В. Андерс, формировавший в СССР польскую армию, попал в октябре 1941 года в Саратов, где встречался с И. Серовым и, очевидно, услышал о батальоне парашютистов из НКВД в немецких мундирах. В публикациях последних лет его свидетельство обросло новыми подробностями.

Пишут также о тысячах поволжских немцев, расстрелянных ещё до депортации за хранение флагов и вымпелов со свастикой, которые были розданы населению советскими властями в 1940 году, к якобы намечавшемуся посещению Немреспублики Гитлером.

С другой стороны, бывший сотрудник КГБ А. Кичихин утверждает, что с января по март 1941 года местными органами, несмотря на настойчивое подталкивание из центра, не было заведено ни одного дела по "немецкому шпионажу". С 22 июня до 10 августа, по его же данным, за "шпионаж" арестовали лишь двух, а за "диверсионные намерения" - трёх жителей АССР НП.

Общение с родителями и другими возможными очевидцами не позволяет мне ни подтвердить, ни опровергнуть данные сюжеты. Я допускаю, что о десанте в центре республики (по одной из версий - в Зельманском кантоне) могли не узнать жители её северной части (Марксштадт), - тем более, если он был сброшен в условиях ограниченного передвижения и отсутствия связи между населёнными пунктами. Вполне возможно и то, что мои близкие просто не хотели высказываться на такую рискованную тему.

Но очень трудно поверить, чтобы в обстановке всеобщей шпиономании столь многие немцы, даже политически тёмные, могли целый год хранить у себя смертельно опасные нацистские эмблемы. И уж совсем невероятно, чтобы НКВД-НКГБ не сфабриковал какие-либо подтверждения официальной версии о причинах депортации. Это суперпедантичное ведомство всегда стремилось любой ценой "документировать" сколь угодно фантастические измышления властей. Поэтому я убеждён, что слухи о его провокациях накануне выселения когда-нибудь обростут неопровержимыми доказательствами.

Выселяемые немцы могли взять с собой лишь самое необходимое: одежду, домашнюю утварь, семейные реликвии и, конечно, запас пищи на свой долгий путь. Остальное имущество, включая дома, хозяйственные постройки и инвентарь, мебель, домашний скот, зерно, надлежало сдавать под расписку местным властям.

Помнится, у нас дома хранилась приёмная квитанция, выданная отцу и содержащая перечень всего, что он нажил напряжённым трудом, с указанием "остаточной стоимости". Если не ошибаюсь, приёмщик оценил многолетние усилия отца в несколько тысяч рублей.

Но эта цифра не означала, как правило, ничего реального: государство, с момента создания демонстративно попиравшее имущественные права своих граждан, меньше всего намеревалось компенсировать, а тем более возвращать добро, награбленное у поставленных вне закона российских немцев. Лишь немногим из них удалось получить по прибытии на место скудный запас хлеба взамен за сданное перед выселением зерно.

Для чего вообще понадобилось раздавать липовые расписки? Скорее всего, власти, зная о почитании немцами всевозможных документов, хотели этим актом предотвратить нежелательные волнения. А может быть, всё объясняется ещё проще - изуверской страстью тоталитарных режимов к тщательному фиксированию своих преступлений "для истории"?

Мой отец всегда избегал оценивать вслух обездолившую его советскую державу. Мне приходилось слышать от него лишь один соответствующий эпитет: **грабительское государство**. А мать до конца своих дней повторяла непере译имый афоризм, услышанный ею в молодости от какой-то иностранки: *"In Sowjetrußland besteht nur ein guter Stahl - der Diebstahl"*. (Буквально: *"В Советской России имеется лишь одна хорошая сталь - воровство"*.)

Кстати говоря, мать по-своему предрекала грядущую катастрофу СССР. Она была глубоко убеждена, что Бог не может не покарать государство, которое так нагло грабит, обманывает и убивает своих граждан. Думаю, над этим выводом малограмотной крестьянской дочери не грех поразмыслить и многим нынешним российским политикам, кичащимся своими учёными степенями и академическими званиями.

Немцам Поволжья сообщили о предстоящем выселении, но не назвали его точных сроков. К тому же тем, кого отправили самыми первыми, оставался для сборов всего один день - 31 августа. Отсюда сцены, о которых пишет Б. Пинкус со слов еврейских беженцев, попавших в Поволжье из западных областей и заселённых в немецкие дома. Эти люди увидели накрытые столы, полупустые тарелки, открытые в спешке шкафы и сундуки.

Как известно, нечто подобное осталось и после вулканического извержения в древней Помпее. С точки зрения организации катаклизмов большевистские правители вполне могли потягаться с необузданной природой.

В 1991 году мне впервые удалось побывать в Энгельсе - бывшей столице нашей уничтоженной республики. Проезжая по городу, я увидел здание явно довоенной постройки, вызвавшее у меня какие-то смутные ассоциации. Когда я разглядел красовавшуюся на нём надпись, моя кровь застыла в жилах. Это был тот самый вокзал, с которого моих близких отправляли в Сибирь.

Не уверен, что местным властям когда-нибудь придёт в голову увековечить память немцев Поволжья, истреблённых в годы сталинского геноцида. Но если паче чаяния такая идея всё-таки возникнет, то более подходящего места, чем энгельсский вокзал, найти для её воплощения просто невозможно. Здесь начался крестный путь из родной земли **более ста тысяч** моих соплеменников. Почти никто из них не вернулся назад.

Наша семья была доставлена сюда под вечер 5 сентября 1941 года и провела в этом месте многие часы под открытым небом, ожидая эшелона в окружении бесчисленных земляков. Когда моросил холодный осенний дождь, отец и дядя Густав упрашивали жителей окрестных домов пустить под крышу хотя бы мать с двумя крошечными детьми. Никто из изгнанников не знал, когда будет отправка, куда их повезут и, тем более, что им уготовано впереди.

В эти нескончаемые минуты перед глазами окаменевших маркштадтцев вновь представало прощание с их единственным и незабвенным городом. Мои родители расстались со своим домом, который дался отцу с таким трудом, и где ему не довелось прожить и десятка лет, ещё вечером накануне выселения. Последнюю, самую тяжкую ночь близкие решили провести вместе, в доме деда по матери, который жил напротив.

Наутро, когда родственников с их жалким скарбом сажали на грузовики, чтобы доехать до маркштадтской пристани, к матери, державшей на руках годовалую дочь, подскочил ухмыляющийся энкаведешник. Он помахал перед носом ребёнка пистолетом и с чувством исполненного долга изрёк: *"Ну что, допрыгалась, маленькая фашистка?"* Это и было последнее напутствие большевистского режима моим близким перед тем, как отправить их в вечное изгнание.

По данным, приведённым в книге А. Германа "Немецкая автономия на Волге", мне удалось установить, что наша семья была вывезена из Энгельса 7 сентября в эшелоне №

869 и, проследовав через Уральск, Актюбинск, Кзыл-Орду, Чимкент, Джамбул, Алма-Ату, Семипалатинск, Рубцовск, прибыла в Топчиху 19 сентября. Немцев везли по этому круглому марафонскому маршруту, поскольку Транссибирская магистраль была забита в те дни куда более нужными Советскому государству грузами.

Эшелон насчитывал 56 небольших двухосных вагонов для перевозки скота, в каждый из которых гебисты запихали около 10 семей или более 40 человек. Большинство путников были обитателями Маркштадта, а также сёл Эндерс и Швед Красноярского кантона АССР НП. Всего в составе было перевезено 549 мужчин, 765 женщин и 1.074 ребёнка. Эти цифры отражают не только многодетность немцев Поволжья, но и огромное (в данном случае на 40%) преобладание среди них женского населения - прямой результат многолетних репрессий и голода.

Согласно инструкции НКВД, по пути следования эшелона было намечено свыше 20 остановок, где железнодорожные буфеты должны были обеспечивать людей горячим питанием. В действительности, насколько я знаю от родителей, их не кормили вообще. Впрочем, плохая организация питания отмечалась даже самими "органами".

Среди составов, отправленных из АССР НП, в эшелоне № 869 была зарегистрирована самая высокая смертность в пути - 13 человек или 1/10 общего числа умерших. (Правда, по многим эшелонам данные на этот счёт отсутствуют.) Все умершие - 12 детей и 1 взрослый - скончались, по сведениям А. Германа, от дизентерии. Она была вызвана как непригодной для питья водой, особенно при следовании по территории Казахстана, так и вопиюще антисанитарными условиями транспортировки.

В то же время пассажирам этого эшелона в некотором смысле повезло: по прибытии в Топчиху оперативник, ехавший с ними, заявил начальнику местного НКВД, что компрометирующих материалов на своих подопечных передать не может, "так как у него всё перепутано". Если не отца и деда, то более импульсивного и политизированного дядю Густава это могло спасти от ареста по доносу после прибытия эшелона, как нередко бывало с другими выселенцами.

Всех пассажиров эшелона № 869 разместили в Топчихинском районе, хотя последнему, по сведениям В. Бруля, поначалу предписывалось принять лишь 1.750 переселенцев. По данным переписи населения 1959 года, к тому времени в Топчихинском районе насчитывалось около 5 тысяч немцев. Видимо, почти все они были выселенцами или их потомками, поскольку до войны немцы в этих местах практически не проживали. Поэтому закономерен и быстрый отток отсюда немецкого населения, как только это стало возможным. К 1989 году здесь осталось менее 2 тысяч немецких жителей.

Мои близкие обосновались в Топчихе, устроившись на местную МТС: отец - бухгалтером, дед - шорником, а дядя Густав - механиком. Тем, кто попал в окрестные сёла, было гораздо трудней найти подходящую работу. Но зато, как вскоре выяснилось, здесь чуть меньше свирепствовал голод.

В одном из романов Александра Рекемчука описано, как жители Топчихи тех лет торговали на станции мороженым молоком и другими продуктами. К немцам, лишённым скота и приусадебных участков, это, конечно, относиться не могло. Они, напротив, вынуждены были выменивать на еду последнюю одежду и немногочисленные ценные вещи, привезённые с собой.

Руководство Алтайского края отапортовало в Москву, что подготовило жильё для 100 тысяч переселенцев. При ближайшем рассмотрении оказывается, что более половины из них было намечено разместить в "уплотнённых" квартирах местных жителей. В подобном положении оказалась и наша семья, получив освободившуюся комнату в топчихинском бараке. Остальные изгнанники и вовсе угодили в заброшенные бараки или дома.

Почти все маркштадтцы попали после выселения в сельскую местность, что прямо противоречило постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года, предписавшему расселять городских жителей "в районных центрах и других городах (...), кроме областных центров". Это обстоятельство ещё более усугубило положение тех переселенцев, которые не имели отношения к сельскому хозяйству.

Закономерно, что именно они, наиболее образованные и социально активные, раньше других стали выражать возмущение чудовищным произволом, которому были подвергнуты безвинные немцы. Среди наших близких такого рода люди имелись, прежде всего, в обширном потомстве братьев бабушки - Якова и Густава Шауфлеров. Кому-то из этих родственников, видимо, принадлежит и процитированная А. Германом фраза, сказанная в Алтайском крае неким немцем Шауфлером бригадиру в присутствии других переселенцев: *"Мы там работали, а здесь нам ничего не заплатили, и здесь за 800 грамм хлеба мы работать не будем"*.

Накануне выселения к моему деду зашёл попрощаться один из Шауфлеров. Он верил в Советскую власть и потому пребывал на грани протрации. Дед Карл, не веривший никаким властям, был внешне спокоен. Но когда гость стал стенать по поводу непостижимой несправедливости и звать к догматам "пролетарского интернационализма", дед не выдержал и сразил его убийственным вопросом: *"Неужели ты до сих пор не понял, что реальная жизнь - это нечто другое, чем текст вашего "Интернационала"?"*.. "

Говорят, будто некоторые выселяемые немцы твёрдо верили в скорое возвращение. Среди родственников я таких не встречал. У нас дома никогда не говорили о подобных надеждах и не строили никаких планов на случай обратного переезда в Поволжье. Тема возвращения несколько раз прозвучала в нашей семье лишь в середине 60-х годов, когда поползли слухи о возможном восстановлении Республики на Волге.

Начало войны с Германией породило у российских немцев особенно зловещие предчувствия. Многие ещё помнили, чем обернулась для нашего народа предыдущая баталия России с тем же противником - Первая мировая война. "Отчуждение" земель и прочей недвижимости немцев в западных губерниях, увенчавшееся изгнанием отсюда немецкого населения; намеченная всеобщая экспроприация и, как следствие, депортация российских немцев; запрещение преподавания и богослужения на немецком языке, немецких газет и собраний; антинемецкие погромы в Москве, Петрограде и Одессе; создание правительством "Особого комитета по борьбе с немецким засильем" - вот далеко не полный перечень "благодеяний", которыми отблагодарил царизм своих немецких подданных за их всегдашнюю лояльность к российской короне и пролитую ради неё кровь.

Осознанно или подсознательно восполняя комплекс собственной неполноценности агрессивным самоутверждением, царская верхушка спровоцировала в стране настоящую шовинистическую истерию. Немцам, как и прочим "иностранцам", были приписаны все мыслимые пороки и подрывные планы. Такая, с позволения сказать, национальная политика, которую граф С. Витте презрительно окрестил "охотнорядской", могла опираться, конечно, лишь на отребье общества - излюбленный объект для манипулирования со стороны прогнивших антинародных режимов.

Составители "Истории российских немцев в документах" В. Ауман и В. Чеботарёва утверждают, будто царские власти выселили только немцев Волыни, и называют сообщения о том, что Николай II подписал указ о депортации немецких колонистов в Сибирь, сложившимся в публицистике "мифическим представлением".

Непонятно, для чего авторам понадобилось запутывать этот достаточно простой и изученный вопрос. Во-первых, как известно (хотя бы из работ И. Фляйшхауэр или С.

Нелиповича), в Первую мировую войну немцы выселялись ("эвакуировались") не только из Волынской, но и из Киевской, Подольской, Черниговской, Ковенской, Гродненской, Минской, Сувалкской, Люблинской, Холмской, Лифляндской, Курляндской, Бессарабской и других губерний. Никаких царских указов по этому поводу не принималось. Да они и не были нужны: массовая депортация немецкого населения со всех приграничных территорий по существу предопределялась высочайше утвержденными "ликвидационными законами" от 2 февраля и 13 декабря 1915 года.

Во-вторых, Большую Советскую Энциклопедию, на которую я ссылаюсь ниже, трудно отнести к публицистике. Вряд ли авторы согласились бы и с подобной квалификацией своего собственного труда. Между тем в его 1-м томе опубликован закон, утверждённый Николаем II 6 февраля 1917 года и распространивший положения актов 1915 года на **все основные регионы проживания российских немцев**.

Думаю, не обязательно быть профессором истории, чтобы прийти к несложному выводу: у немцев, фактически полностью лишившихся данным законом их земли и остальной недвижимости, оставались лишь две перспективы - либо всем миром выйти на паперть, либо (куда более реально) отправиться по указу или без него накатанным путём в Сибирь. Нечего сказать, хороша "мифология"...

Большая Советская Энциклопедия под редакцией академика О. Шмидта, упомянув о предусмотренной депортации российских немцев при Николае II, констатировала в 1939 году: *"Свержение монархии помешало осуществлению этого варварского мероприятия"*. Два года спустя всемирно известный полярник и учёный никак не отреагировал на аналогичное "мероприятие" сталинских извергов против своих соплеменников. В стране, где власти давно задушили общественное мнение, гонимые народы и граждане были обречены оставаться наедине со своей трагедией.

Все вышеупомянутые репрессивные акции, как справедливо отметила В. Чеботарёва, были вызваны стремлением царской верхушки взвалить на "инородцев", в первую очередь на российских немцев, вину за свою бездарную и губительную политику. Таким образом, сталинская клика явилась прямым плагиатором николаевской правящей камарильи.

Сегодня это вполне очевидно, но в начале войны, несмотря на уже состоявшиеся рецидивы (пример - выселение немцев из западных пограничных областей СССР в середине 30-х годов), мало кто из наших соплеменников мог предположить, что "интернационалистский" советский режим пойдёт по стопам национальной политики последнего самодержца. Я уже не говорю - предвидеть то, что произошло в действительности.

Единственный брат матери Густав Глейм оказался в 1941 году одним из самых прозорливых среди своих сородичей. Незадолго до войны он возвратился со срочной службы в армии. 22 июня дядя бросился в военкомат, чтобы отправиться на фронт, но получил от ворот поворот. Он вернулся домой неузнаваемо удручённым. Дядя Густав понял истинный смысл своей неудачи и сказал родственникам: *"Готовьтесь к худшему, теперь с нами могут сделать что угодно"*.

Мрачный дядин прогноз подтвердился очень скоро - и в отношении всех российских немцев, и, тем более, что касается его собственной судьбы. В начале 1942 года дядю Густава вместе с моим отцом отправили из Топчихи в одно из заведений за колючей проволокой, которые преступно-фарисейскому государству было угодно именовать рабочими колоннами.

Они попали на север Молотовской (ныне Пермской) области, в лагпункт "Тимшер" системы Усольлага, а позднее Ныроблага. Этот страшный островок Архипелага ГУЛАГ описан в газете "Нойес Лебен", а затем в ежегоднике Землячества немцев из России (ФРГ)

"Хайматбух" Фридрихом Лорешом из Копейска, ныне живущим в Германии, который ехал с ними на Урал в одном эшелоне.

Молотовская область, особенно её северная часть, стала местом массовой ссылки спецпереселенцев ещё во времена "раскулачивания". Лагеря для политзаключённых и уголовников-рецидивистов появились в этих краях в 1932 году, а двумя годами позже вошли в состав ГУЛАГа СССР. Они с самого начала специализировались на лесоповале и "славились" высокой смертностью.

Чердынский район, где находился "Тимшер", известен тем, что там отбывал в 30-е годы одну из своих ссылок поэт О. Мандельштам. А вскоре глухие лагерные места оказались пристанищем множества наших соплеменников.

К декабрю 1941 года в молотовских "стройбатальонах", то есть в будущих трудармейских лагерях, находилось всего 748 немцев. Но пару месяцев спустя, по мере всё новых мобилизаций в "трудармию", численность немецких лагерников начала расти как на дрожжах. Так, по данным П. Ремпеля, только в Усольяге насчитывалось в 1942 году 6.500, а в 1944 году 8.400 "трудмобилизованных" немцев. В октябре 1945 года Молотовская область опережала по количеству немцев-трудармейцев все республики, края и области СССР, не считая лишь Кемеровской области.

Участь узников "Тимшера" и других подобных лагерей была предрешена на высочайшем уровне. По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) № 21 от 31 августа 1941 года на востоке Украины подлежали "мобилизации" в строительные батальоны и передаче НКВД "для использования в восточных областях СССР" все трудоспособные немцы-мужчины от 16 до 60 лет. На основании Приказа наркома обороны СССР № 35105 от 8 сентября 1941 года военнослужащие немецкой национальности "изымались" из действующей армии и направлялись в так называемые рабочие колонны. С другой стороны, Постановление Совнаркома СССР № 2130-972сс от 7 октября 1941 года предписало сформировать "рабочие колонны" общей численностью 300 тысяч человек из необученных военнообязанных старших возрастов. Эти акции и положили начало организации пресловутой трудармии.

Далее последовало Постановление Государственного Комитета Обороны № 1123сс от 10 января 1942 года за подписью Сталина. Оно предписало мобилизовать на время войны "в целях рационального использования" немцев-мужчин от 17 до 50 лет, выселенных в Западную Сибирь и Казахстан, - всего 120 тысяч человек. Наиболее многочисленная часть из них - 45 тысяч - разделила судьбу отца и дяди, будучи переданной в лапы НКВД для работы на лесозаготовках. (По словам Солженицына, лагерники называли в те годы три недели лесоповала "**сухим расстрелом**".) Постановление поручало органам сурово карать мобилизованных за неявку при отправке, а также нарушение дисциплины, отказ от работы, дезертирство из "рабочих колонн" и т.п. Их дела должно было рассматривать знаменитое ОСО, награждая "наиболее злостных" высшей мерой.

Приказом Берии № 0083 от 12 января 1942 года 80 тысяч мобилизованных, направленных в распоряжение НКВД, были распределены по лагерям. 5 тысяч человек - все из Алтайского края - попали в Усольлаг, как и мои близкие. Берия повелел создать для мобилизованных немцев особые лагпункты, содержать их на основе полной самокупаемости, организовать здесь питание и промтоварное обслуживание по нормам ГУЛАГа. "Агентурно-оперативное обслуживание" этих лагпунктов поручалось оперативно-чекистским отделам соответствующих лагерей. На "укрепление" оных было направлено 100 "опытных чекистов-командиров, освобождающихся с оборонительных работ".

За этой мобилизацией последовали другие, и уже через несколько месяцев в "трудармии" оказалось всё наиболее работоспособное немецкое население: мужчины от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45. При этом женщин, во избежание их "дезертирства" с трудового фронта в результате известного рода контактов, заботливо разлучали с мужчинами. Не подлежали отправке в трудармию лишь женщины беременные и имевшие детей до трёх лет.

Но власти не гнушались преступать и эти палаческие нормы. Моя мать рассказывала, что её пытались забрать, когда младшей дочери ещё не исполнилось 3 года. И только потому, что для матери и других немецких женщин не нашлось применения по прибытии на место доставки, их отпустили восвояси.

Все мобилизации производились наркоматом обороны совместно с НКВД, обычно через местные военкоматы. Поэтому некоторые не в меру наивные мобилизованные считали, что их собираются отправить на фронт. Отец и дядя, насколько я знаю, были далеки от подобных иллюзий.

Проведение ряда мобилизаций, включая и ту, что была организована в январе 1942 года, возлагалось на заместителя наркома обороны СССР Е. Щаденко. Этот бывший портной выбился в своё время в члены Реввоенсовета Первой конной армии, но лавров на ратном поприще так и не снискал. Если бы не близость к Сталину еще со времён гражданской войны и не активное участие в истреблении командных кадров РККА в 30-е годы, не видать ему высоких чинов. Не отличившись в боях, он, однако, имел полный успех на войне с собственным народом. Это и немудрено, если иметь в виду его недавний карательный опыт и надёжного помощника в лице НКВД.

Немногие сохранившиеся письма из трудармии дают лишь очень отдалённое представление об её каждодневном ужасе. Но иногда по недосмотру тогдашней цензуры из них через толщу лет прорывается к нам настоящий крик души. Передо мной сбережённое тётёй Эллой письмо брата Густава из Усть-Тимшера от 5 мая 1942 года. Он писал: *"У меня одна мечта, лишь бы скорее выбраться отсюда - а потом всё бы пошло"*.

На сей раз дядино пророчество сбылось только наполовину. Он действительно вскоре выбрался из "Тимшера", - но отнюдь не на "свободу", как, очевидно, надеялся. Сердце его матери оказалось куда прозорливей. В единственном сохранившемся у нас письме деда Карла он писал тётё Элле 1 апреля 1943 года, что от моего отца и дяди давно не было весточки и, хотя отец сообщил в последнем письме об удовлетворительном здоровье обоих, "мама совсем поседела - она всё время думает, что Густава больше нет в живых". В сущности, бабушка была права: её сын уже находился там, откуда не было возврата.

Лишь недавно, благодаря нашим известным активистам Виктору Кислингу и Эдвиу Грибу из Пермской области, я узнал некоторые детали его дальнейшего лагерного пути, о которых отец мне так и не рассказал. 5 марта 1943 года дядю Густава арестовали в лагере вездесущие органы НКВД. Как явствует, к примеру, из книги моего товарища Г. Вольтера "Зона полного покоя", подобные случаи были в трудармии далеко не единичными. В сентябре судколлегия облсуда при Усольяге НКВД приговорила дядю в Соликамске к 10 годам всё по той же смертоносной статье 58-10. Стало быть, отсидев полный срок, он вышел бы на свободу точь-в-точь в день смерти Сталина. Увы, к этому долгожданному моменту мой дядя давно канул в небытие.

Густав-Эрнст Глейм умер от пеллагры - то есть голодной смертью - 5 декабря 1943 года и погребён, если верить справке "учреждения АМ-244" из Соликамска, на кладбище селения с символичным названием Омут. Ему было 27 лет.

Едва ли кто-то оплакал его в этот день. Близкие ни о чём не знали, а родной стране было не до слёз над несуществующим гробом своего бывшего сына. Она торжественно

отмечала седьмую годовщину Сталинской Конституции, раструбившей на весь мир о нерушимом равенстве и братстве советских народов.

Тема трудармии всегда связывалась в нашей семье с изничтоженной молодой жизнью дяди Густава. Трудармейская душегубка поглотила множество моих родичей. Но в большинстве своём они сложили безвинные головы в более зрелом возрасте. Память этих павших чтят сегодня их дети и внуки.

А после дяди не осталось ни жены, ни детей. У него была невеста – Эмма Шульц, но она по какой-то причине вышла замуж ещё до войны, когда дядя Густав служил в армии. Узнав о выселении, он рвался в Сталинград, чтобы увезти с собой любимую женщину, у которой уже был ребёнок. (С этим посевшим к тому времени ребенком я познакомился и подружился летом 1992 года. Это - Эдмунд Ландсберг, возглавлявший общество "Возрождение" в Ростове.) Власти избавили их от лишних волнений, настрого запретив немцам самостоятельно покидать АССР НП. Его бывшая невеста до последних дней переписывалась с нами и не могла забыть своего Густава. Но и её давно нет в живых.

Ушли почти все, кто был рядом с ним при жизни. Теперь в долгу перед его памятью те близкие, которые знают о Густаве Глейме только по рассказам, фотографиям и немногим сохранившимся документам.

"Мёртвые остаются молодыми" - так назвала одну из своих книг Анна Зегерс. Я смотрю на пожелтевшие дядины фотографии и вижу всё такого же молодого человека с открытым волевым лицом.

Сегодня мне уже гораздо больше лет, чем было суждено прожить ему. Родные находят нас похожими, а бабушка даже стала перед смертью называть меня именем своего единственного сына. Мне трудно судить о внешнем сходстве: я не видел его мимики, характерных жестов, движений, не слышал голоса. Но я хотел бы надеяться, что унаследовал хоть частицу его незабвенной личности.

Судьба Густава Глейма является для меня воплощением того, как одно преступное государство при соучастии другого решило погубить и почти сгубило целый народ. Дядя был, судя по рассказам, человеком многогранно одарённым. Он закончил Маркштадтский механический техникум и прекрасно разбирался во всевозможной технике. Дядя Густав рисовал, пел, играл на музыкальных инструментах, увлекался стихами и фотографией. У нас сохранились сделанные им снимки, а также натюрморт, который он написал маслом.

Сколько же талантливых соплеменников, которые составляли или могли составить цвет нашей нации, не досчитались мы стараниями кремлёвских и берлинских палачей!

И вот теперь те, кто сменил их в коридорах власти, знай себе, сетуют на неотёсанность российских немцев и непочтительность их лидеров по отношению к государственным вельможам. К тем самым, которые думали и думают не о деяниях во благо нашего многострадального народа, а о том, как бы, спекулируя его судьбой, половчее пустить кому надо пыль в глаза.

Не сомневаюсь, что доживи дядя Густав до наших дней, он оказался бы в рядах российско-немецкого национального движения. В этом убеждают известные мне черты его кипучей натуры. Перед глазами пример знаменитого дядиного земляка и ровесника Эдуарда Айриха. А двоюродный брат дяди, находившийся с ним в "Тимшере", и одновременно близкий знакомый Э. Айриха по Маркштадту Давид Шауфлер еще в начале 90-х годов активно участвовал в культурной жизни немцев Башкирии.

Кто скажет, каким бы мог быть сегодня наш народ, не потеряй он сотни тысяч лучших сынов и дочерей? И, прежде всего, - в навеки проклятой трудармии.

От отца я слышал очень мало рассказов о трудармии. Даже вместе взятые, они позволяли представить себе этот конвейер смерти только в самых общих чертах. Сегодня, в первую очередь благодаря публикациям Ф. Лореша, а также беседам и переписке с ним, мне известно о трудармейской эпопее моих близких гораздо больше.

В сохранившейся у нас записной книжке дяди Густава под датой 15 января 1942 года помечено: *"Призыв в армию - всех"*. Первая крупная партия мобилизованных, куда попали отец и дядя, включала более тысячи немецких мужчин из Топчихи и окрестных районов. 25 января их отправили на станцию Алтайская, что неподалёку от Барнаула, где они прождали эшелона до 5 февраля.

Через 10 дней трудармейцы прибыли в Соликамск - "столицу" Усольялага. Здесь пополнение ГУЛАГа было зарегистрировано, и с 15 февраля исчислялся согласно документам их трудармейский "стаж". С 18 по 22 февраля им пришлось прошагать вдоль Камы и по таёжным тропам 180 километров на северо-запад, до места впадения реки Тимшер в Южную Кельтму. Шли день и ночь с короткими привалами, волоча на самодельных санках свою немудрёную поклажу. Уже в пути появились первые погибшие от стужи.

Достигнув, наконец, Усть-Тимшера, мобилизованные, к своему ужасу, оказались в очищенном от заключённых концлагере с четырёхметровым бревенчатым забором, вышками, часовыми, собаками и колючей проволокой. На лесозаготовках трудармейцам пришлось начать работу с тех самых участков, где её недавно прервали зеки.

По словам отца, в бараке было настолько холодно, что приходилось спать на нарах в одежде и укутываться телогрейками, которые к утру покрывались инеем. Как сообщил Ф. Лореш, холод был вызван, в частности, тем, что оконные проёмы бараков вместо стёкол заполняли ... стеклянные банки. Он же засвидетельствовал, что узники "Тимшера" получали в день не более 800 граммов хлеба и двухразовую жидкую баланду. Это и была обещанная Берией "полная самокупаемость". В лагере свирепствовали инфекционные болезни, прежде всего дизентерия. Ослабевшие истощённые трудармейцы умирали десятками каждую неделю.

Вспоминая о царившем в трудармии голоде, отец говорил, что её узникам рекомендовали в качестве спасительного средства как можно тщательнее прожёвывать пищу. Некоторые стали жевать свою жалкую пайку до полного изнурения, но, как и следовало ожидать, это никому не помогло. Летом трудармейцы, зачастую не имевшие понятия о грибах (немцы Поволжья их, как правило, не ели), срывали в лесу, что попадётся под руку и затем варили, а то и сразу съедали. Судя по описанию отца, это были главным образом поганки и мухоморы. В результате обезумевших от голода людей настигало не спасение, а мучительная смерть.

Из рассказов отца вытекает, что умерщвление голодом в "Тимшере" по существу программировалось. Значительную часть года к лагерю, отрезанному от внешнего мира, было практически невозможно подвезти продовольствие. Но начальство и не думало запастись достаточно провианта заранее. При этом трудармейцев загоняли всё дальше в глухую тайгу, где с незапамятных времён не ступала нога человека. Лишь иногда, по словам отца, на деревьях находили зарубки периода войны с Наполеоном(?!). Долгими зимними ночами над трудармейскими бараками полыхало северное сияние.

Мало кому суждено было вернуться из этого заповедного уголка. Отцу необычайно повезло: в трудармии пригодилась именно его пресная и непрестижная профессия бухгалтера. Попади он на общие работы в лес, его, человека непривычного к тяжёлому физическому труду, да ещё и со слабыми лёгкими, ожидала неминуемая смерть.

После ареста дяди Густава отец долго ничего не знал о его судьбе. Осенью 1943 года моя мать выслала брату посылку с одеждой и скудным запасом продуктов. Через

полгода пакет вернулся с надписью о времени и месте смерти Густава. Не будь этой оказии, нас бы, скорее всего, вообще не известили о его гибели. Тётя Элла, к примеру, так и не дождалась сообщения об участии мужа.

Получив от жены известие о кончине Густава, отец стал хлопотать о поездке к его последнему приюту, находившемуся километров в двадцати к востоку от Усть-Тимшера. Поскольку отцу по работе иной раз приходилось бывать в близлежащих лагпунктах, ему, в конце концов, представилась эта возможность. Он удостоверился в регистрации смерти и постоял у рва, куда сбросили дядю вместе с десятками других узников ГУЛАГа. Кто укажет место этой безымянной могилы теперь, когда отца давно уже нет?

Говоря о трудармии, отец всегда вспоминал товарищей - живых и павших, хотя это было для него мучительно тяжело. О себе он практически ничего не рассказывал. Но однажды в детстве я услышал о нём из других уст. К нам приехали трудармейские знакомые отца, и за столом начался горький обмен воспоминаниями о совместно пережитом кошмаре. Меня тут же отправили спать. Однако в таких случаях от меня было не так-то просто отделаться. Лёжа в кровати, а затем стоя у закрытой двери, я вслушивался в каждое слово. Услышал я и о том, как товарищи благодарили отца, который делился с ними последним куском хлеба.

На первый взгляд, в этом факте не содержалось ничего особенно примечательного. Отец был шуплым, небольшого роста, ел мало. Дома он отдавал лучшие куски старшему и младшему, то есть бабушке и мне. Тем не менее, рассказ о поведении отца перед лицом смерти явился для меня откровением. Не потому, конечно, что у меня были сомнения в его нравственных качествах. Просто я не мог представить себе скромного домашнего человека в столь нечеловеческой обстановке.

Слушая в детстве страшные рассказы о трудармии, я нередко задавал естественный с виду вопрос, на который, однако, невозможно однозначно ответить: почему же оттуда не бежали? Между тем о некоторых таких побегах мне со временем довелось узнать.

В одном из них участвовал муж тёти Фриды Александр Нихельман (брат Петера, сгинувшего в трудармии мужа тёти Эллы). В трудармии он попал в одно из самых гиблых мест. Через несколько месяцев дядя и пара его товарищей изголодали до такой степени, что решились на побег. Уже то, что такая сумасбродная затея могла прийти им в голову, лучше всего характеризует их тогдашнее состояние. Далеко ли могли убежать из таёжной глухомани полуживые люди, почти не владевшие русским языком? Их, разумеется, тотчас поймали и доставили в тюрьму.

В Кривошековском лагере Новосибирска дядя Саша оказался в одном бараке со своим старшим братом Карлом, бесследно исчезнувшим ещё в 1937 году. Это единственный известный мне случай подобной встречи двух ГУЛАГовских "поколений" российских немцев. Братья Нихельман не успели порадоваться уникальной случайности: Карл умер от голода на глазах дяди Саши 14 августа 1943 года. А тот, находясь на грани смерти, по его словам, едва заметил кончину брата. Дядю постигла бы, конечно, та же участь, но судьба преподнесла ему ещё один подарок. Тётя Фрида, отбывавшая трудармию в Кривошеково, случайно узнала о местонахождении мужа и стала передавать ему крохи из своего голодного пайка.

Трудармия явилась тягчайшим испытанием для всех, кто имел несчастье в ней оказаться. Она высветила в каждом из них такие черты, о которых они, быть может, и не подозревали. Я не могу поверить тем, кто говорит о трудармии чуть ли не как о жизненной школе. Отцу подобная мысль показалась бы, несомненно, кощунственной. Если трудармия и была школой, то - школой выживания.

Не имея понятия о полемике В. Шаламова с А. Солженицыным по поводу воздействия сталинских лагерей на заключённых, отец высказывался на этот счёт почти

теми же фразами, что и Шаламов. Трудармия, как и любой концлагерь, никого не сделала лучше. Она могла только искалечить - физически, нравственно, духовно. Даже тех сильных духом людей, которых не удалось сломить в трудармии, она наградила тяжкими телесными недугами и подорванной психикой.

Отца трудармия преждевременно состарила. После неё он заболел диабетом, который, в конце концов, свёл его в могилу. Те, кто знал отца до войны, говорили, что он и по характеру сильно изменился. На моей памяти отец был обычно молчалив и печален, часто уходил в себя. Его карие глаза будто выцвели, и казалось, что на них навсегда лёг отсвет тимшерских снегов.

Какие цели преследовал изуверский режим, организуя трудармию как особый тип концлагерей? Чисто экономическая выгода от любых заведений ГУЛАГа весьма иллюзорна. (Единственный экономический резон существования сталинских лагерей, как справедливо отметил Солженицын, состоял в том, что без них некоторые виды работ оказались бы в тогдашних условиях попросту невыполнимыми.) Да и не могло Советское государство, создавая эти чудовищные фабрики смерти, иметь в виду в первую очередь экономические соображения. Последние всегда были для него лишь средством достижения и укрепления безраздельной власти над обществом. А столь амбициозная самоцель требовала, прежде всего, "воспитания нового человека" - в этом отношении насквозь лживая коммунистическая пропаганда возвещала святую правду.

Трудармия должна была выдавать своих выживших узников сломленными, лишёнными лучших национальных и общечеловеческих качеств, пронизанными покорностью и страхом перед властью. Конечно, так получалось далеко не всегда, но ведь никто ещё не придумал стопроцентно действенного воспитательного средства. Что касается погибших, то они являлись для режима такими же отходами производства, как, скажем, шлак для металлургов.

Точное число российских немцев, павших в эти ужасающие годы, едва ли будет когда-нибудь установлено. Но примерную цифру потерь несложно оценить по имеющейся статистике.

По данным Землячества немцев из России (ФРГ), к началу войны в СССР проживало 1.553.000 немцев. По оценке Землячества, примерно 100 тысяч из них, будучи во время войны вывезенными в Германию, избежали последующей депортации в СССР (70.000 остались в западных оккупационных зонах, а 30.000 сумели выехать за океан). Стало быть, численность, от которой нужно отталкиваться при сравнении с послевоенным периодом, составляет 1.450.000.

В октябре 1946 года в стране было зарегистрировано 774.178 немцев-спецпоселенцев и 121.459 мобилизованных, итого - около 900.000. В данное число не попадает лишь небольшая доля немецкого населения. Это, прежде всего, - старики, часть женщин и дети, жившие до войны на Урале и к востоку от него, избежав тем самым выселения, и не попавшие в трудармию. Общая численность немецких жителей этой части СССР составляла перед войной примерно 270 тысяч человек.⁴⁴ По данным историка Н. Бугая, почти 120 тысяч из них были мобилизованы в трудармию, а с конца 1945 года постепенно переведены на положение спецпереселенцев. Следовательно, искомая категория насчитывает около 150 тысяч, а число немцев к концу 1946 года можно приближённо оценить в 1.050.000.

Данная цифра не включает узников тюрем, "обычных" (не трудармейских) лагерей и "исправительно-трудовых" колоний. Известно, что перед войной эти заведения были

⁴⁴ Оценка Б. Пинкуса, по которой их насчитывалось около полумиллиона, основана на явном недоразумении. Она совершенно не согласуется с итогами переписи населения 1939 года. Между тем с этого момента и до начала войны немцы в массовом порядке на восток не переселялись.

густо заполнены российскими немцами, но с началом войны производились их массовые расстрелы. В конце и сразу после войны к выжившим узникам добавилась большая группа немцев, вывезенных из Европы. Многие из них, однако, не имели отношения к исследуемому вопросу, проживая в 1941 году на территориях, не входивших в состав СССР. Поскольку с учётом указанных факторов общее количество заключённых из числа российских немцев, скорее всего, ненамного изменилось за 1941-45 годы, можно полагать, что отсутствие полных данных по этой группе незначительно искажает общее число погибших.

Учтя, наконец, прирост немецкого населения с мая 1945 года по октябрь 1946 года (приблизительно 20 тысяч при темпах роста 1,5% в год) и общую рождаемость в годы войны (порядка 30 тысяч, если в год рождалось 5 человек на 1000 населения)⁴⁵, получаем, что российские немцы лишились за 4 самых чёрных года своей истории около **450.000** соплеменников - почти одной трети. Этот убийственный итог перекликается с выводом Б. Пинкуса о гибели 30% депортированных немцев СССР.

Невозможно комментировать такие невообразимые цифры. Лучше всех сказал о том, что за ними стоит, пожалуй, А. Галич, который написал по другому поводу:

*Не солдатами – номерами
Помирали мы, помирали...
От Караганды по Нарым
Вся земля - как один нарыв.*

Невольно вспоминается и песня о многострадальных белорусах, понёсших самые страшные потери на войне: "*Каждый четвёртый - в битве с врагом...*" Так в каких сражениях и во имя чего пал **каждый третий немец** приснопамятного СССР?

Думаю, большевистское государство было не прочь истребить и всё своё немецкое население. Закончились бы, наконец, опостылевшие державные хлопоты о полной унификации этих вечно оригинальничающих европейских выродков. Чем более безлика толпа, тем, как известно, легче с ней управляться. Но часть немцев, увы, выжила. Пришлось изобретать для них очередное ярмо.

Муки творчества продолжались недолго. Уже 8 января 1945 года появилось Постановление Совнаркома СССР № 35 "О правовом положении спецпереселенцев". Этот документ более 10 лет являлся, так сказать, нормой жизни наиболее свободных российских немцев - тех, кто не находился в трудармии и других местах за колючей проволокой.

Сам термин "спецпереселенцы" насчитывал к тому времени уже полтора десятилетия и применялся сначала к "кулакам", затем к переселённым в 30-х годах нацменьшинствам, наконец, к жителям Прибалтики, изгнанным из родных мест после их аннексии Сталиным. С 1936 года переселенческое дело было передано из ведения Наркомзема в Переселенческий отдел НКВД и приняло открытый репрессивно-принудительный характер. Но такого размаха, как теперь, после поголовной депортации целых народов, спецпереселение ещё не знало.

Если трудармия представляла собой новое издание рабства, то сменившую её систему уместно сравнить с худшими разновидностями крепостничества. Спецпереселенцы не имели права без разрешения комендатуры НКВД покидать зону, "обслуживаемую" ею, и должны были раз (а поначалу даже дважды) в месяц отмечаться у коменданта.

⁴⁵ Для сравнения: по данным Б. Пинкуса, в тяжелейший период 1918-26 годов темпы роста немецкого населения СССР находились на уровне 1,8% в год, а в 1927 году рождаемость среди немецких жителей европейской части страны составила 51,6 человек на 1000.

К концу 40-х годов на территории СССР имелись 3.063 подобные комендатуры. В нашем Киселёвске создали, если не ошибаюсь, две зоны, и немецкие жители каждой из них не могли свободно посещать другую.

Самовольная отлучка рассматривалась как побег и каралась в уголовном порядке. Главы семей спецпереселенцев обязаны были в течение 3-х дней сообщать в комендатуру обо всех изменениях в составе семьи (рождение, смерть и, разумеется, побег). Иначе говоря, их пытались превратить в павликов морозовых наоборот: отцов или матерей заставляли доносить на своих детей, а заодно и на остальных домочадцев.

Побеги дисциплинированных немцев со спецпоселения, несмотря на все его тяготы, были редкостью. По официальным данным, на октябрь 1948 года в бегах находилось лишь 2,2% немцев, тогда как соответствующий средний показатель по всем категориям спецпоселенцев составлял 3,7%. Немцы опережали в этом отношении только безропотных калмыков. Да и куда бежать, если вся страна превратилась в огромную зону? Гораздо чаще (особенно после войны) в семьях спецпоселенцев наблюдалось пополнение - рождались новые обитатели зон, постепенно возвращались выжившие трудармейцы.

Прибытие отца обернулось, насколько я знаю, не только огромной радостью, но и немалым потрясением. Через пять с лишним лет - и каких лет! - немцы с трудом узнавали своих невероятно постаревших и измождённых близких.

Когда отца забирали в трудармию, моим сёстрам было соответственно четыре и полтора года. Эльвира, старшая из них, ждала отца и говорила, что ещё помнит его. Так это или нет, но она, более сдержанная по натуре, старалась не выдать своих чувств в присутствии незнакомого пожилого человека. А 7-летняя Эрика, видя чужого старика, подпоясанного "солдатским" ремнём, бежала от отца как от огня.

У нас долго хранился этот широкий кожаный ремень с металлической пряжкой, привезённый из трудармии. Помнится, отец умело правил на нём бритву. Куда труднее было выправить искалеченные судьбы российских немцев, едва начавших приходить в себя. Тем более, что Советское государство всё никак не оставляло их своими палаческими заботами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года устанавливалось, что немцы, как и другие депортированные народы СССР, выселены навечно. За попытку самовольно покинуть предписанные места поселения им было обещано по 20 лет каторжных работ. Подобные дела поручалось рассматривать всё тому же длиннорукому и беспощадному ОСО.

После раскулачивания это первый случай массового бессрочного выселения. Примечательно и то, что каторга была специально введена Сталиным в 1943 году, чтобы карать "фашистских убийц" и их пособников. К каторжным работам на срок от 15 лет и более приговаривали военно-полевые суды. Ну как было удержаться от распространения этих драконовских мер на "народы-пособники"?!

Мне приходилось слышать, что данный акт был, якобы, воспринят российскими немцами куда более болезненно, чем даже указ о выселении. Я не могу это подтвердить. Не припомню, чтобы у нас дома хоть раз говорили об указе 1948 года. Думается, те немцы, которые в 1941 году питали какие-то иллюзии касательно своих жизненных перспектив, за 7 неописуемо страшных лет уже в значительной мере от них избавились. Да и в реальном положении нашего народа новый людоедский акт, подписанный сменившим М. Калинина Н. Шверником⁴⁶, мало что менял.

⁴⁶ Кстати говоря, - близким знакомым моего упомянутого сваяка А.К. Альберта.

И всё же гнетущее воздействие указа на немцев, узнавших об очередном "благодеении" до боли (точнее говоря: до нестерпимой боли) родной Советской власти, вполне понятно. Редко что так потрясает людей, как слово "навечно". Тем паче, если оно вдруг фигурирует в официальном документе, который определяет их дальнейшую судьбу.

Смысл указа 1948 года, на мой взгляд, кристально ясен: боевитому вождю и его разбойной дружине были по-прежнему позарез необходимы народы-враги. Не берусь укорять за это тогдашних власть имущих. С таким же успехом можно гневно клеймить волка, пожирающего всё новых и новых овецек.

Пожалуй, наиболее пикантным аспектом данного указа является то обстоятельство, что через две недели после его принятия ООН утвердила и провозгласила Всеобщую Декларацию прав человека. Сталинская клика отреагировала по обыкновению двусмысленно: СССР и его сателлиты воздержались при голосовании, однако не решились выступить против, бросив прямой вызов мировому сообществу.

Но при этом, на фоне своей привычной болтовни о переходе "из царства необходимости в царство свободы", кремлёвские бонзы ничтоже сумняшеся наплевали на призыв организации, в которой так рвались играть первую скрипку: наделить каждого человека всеми правами и свободами независимо от национального происхождения, обеспечив право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации.

На примере Вышинского и Деканозова Сталин наглядно показал, что в его государстве палачам доступно очень многое - вплоть до дипломатической карьеры. Но разделение труда между ведомствами иностранных и внутренних дел, тем не менее, сохранялось: одни трепали языками, другие делали дело.

Указ 1948 года - отнюдь не изолированное явление. Именно в это время ссылка приобрела, по словам Солженицына, "новое государственное значение свалки - того резервуара, куда сваливаются отходы Архипелага, чтобы никогда уже не выбраться в метрополию".

Что касается судьбы российских немцев, то она, помимо всего прочего, в очередной раз испытала пагубное влияние международного климата - резкого ухудшения отношений СССР с бывшими союзниками по поводу дележа поверженной Германии, следствием чего явился Берлинский кризис, спровоцированный Сталиным именно в 1948 году.

Система спецпоселения приобрела чудовищные масштабы. К началу 1954 года на учёте МВД находилось более 2,7 миллионов спецпоселенцев, из них 1,24 миллиона немцев. В одной нашей Кемеровской области в 1951 году насчитывалось более 145 тысяч спецпоселенцев, почти 43% которых составляли немцы.

Впрочем, - это смотря как считать. Солженицын с полным основанием писал о депортированных народах: *"Едут не только все возрасты и оба пола: едут и те, кто во чреве - и они уже сосланы тем же Указом. Едут и те, кто ещё не зачат: ибо суждено им быть зачатыми под дланью того же Указа, и от самого дня рождения (...) они уже будут спецпереселенцы, уже будут сосланы навечно"*.

А теперь наиболее сногшибательные, на мой взгляд, цифры: в 1949 году среди немецких спецпоселенцев СССР имелось **2415 членов и 458 кандидатов в члены ВКП(б)**. Удивляет, конечно, не низкий уровень партийности, который всегда был характерен для российских немцев.⁴⁷ Гораздо поразительней то, что люди, превращённые по воле партии в изгоев, вообще могли находиться в её славных рядах. Признаться, мне,

⁴⁷ Даже в АССР НП, где немцы составляли две трети населения, их доля в численности членов ВКП(б) насчитывала лишь от четверти до половины. А к началу горбачёвской "перестройки" удельный вес партийных немцев был почти вдвое ниже среднего по стране.

выросшему в сугубо беспартийной среде, психологическая сторона этого феномена никогда не была ясна до конца.

Отец, продолжавший после возвращения из трудармии работать бухгалтером, должен был ездить с отчётами в соседний Прокопьевск, сопровождаемый вооружённым сотрудником органов. Отцу было не привыкать ходить под пистолетом, и он не обращал на это "неудобство" особого внимания. А вот одного из конвоировавших его охранников, так и не сумевшего освоиться с нормами ГУЛАГа, подобная ситуация, похоже, тяготила. По рассказам отца, тот явно манкировал своими обязанностями. Довезя подконвойного до определённого пункта, сотрудник договаривался с отцом о времени и месте встречи для организованного следования назад, а сам удалялся восвояси.

Столь преступного разгильдяйства со стороны беспощадных органов и представить нельзя было, к примеру, в 37-м. Но наступили другие времена, и тоталитарная система в классическом сталинском варианте стала ощутимо трещать по швам.

Тем не менее, российские немцы продолжали регулярно отмечаться в комендатуре. Здесь бывало людно. Помимо немцев переключки должны были посещать и другие категории депортированных.

В Киселёвске находилось немало высланных из Западной Украины так называемых бандеровцев или, выражаясь официальным языком, "оуновцев". Эта категория спецпоселенцев занимала в нашей области второе место после немцев. Украинцы не говорили по-русски и, по словам матери, приветствовали собратьев по несчастью возгласом: "*Пана нема?*" Под паном имелся в виду, конечно, не Господь Бог, а его зональный наместник - всесильный комендант.

Трудно сказать, сколь долго могли бы ещё повторяться подобные сцены, не прерви Всевышний затянувшиеся земные деяния самого Начальника Социалистического Лагря. Российские немцы, как правило, не склонны говорить о Сталине. В отношении нашего обер-палача мы, не подозревая того, переняли обычай, описанный в поэме Е. Евтушенко "Фуку" применительно к южноамериканским индейцам, - негласный запрет на произношение имени. Видимо, поэтому мне доводилось слышать от своих соплеменников очень немного рассказов о смерти тирана.

Насколько я знаю, мои близкие отнеслись к этому немислимому событию со смешанным чувством облегчения и тревоги. Я не оговорился - именно тревоги, ибо никто не мог знать, не принесут ли политические потрясения, неизбежные при смене правителей, новых бед и страданий нашему народу.

К своему стыду, я оказался среди немногих российских немцев, оплакавших Сталина. В день похорон мать пошла со мной к русской соседке, послушать трансляцию с погребальной церемонии (у нас дома в то время ещё не было радиоприемника). Под впечатлением от душераздирающей траурной музыки, надрывных гудков фабрик, заводов и транспортных средств, залпов прощального артиллерийского салюта, всхлипываний присутствующих я не выдержал и разревелся. Не могу с точностью сказать, действительно ли я в свои неполные два года смутно запомнил этот конфузный момент или просто слышал о нем впоследствии от матери.

А вот сообщение о казни Берии помню достаточно отчетливо. 24 декабря 1953 года мы уже собрались, было, по обыкновению рассестся около рождественской ёлки, как вдруг наш новоприобретённый приемник "Москвич" сообщил еще одну ошеломляющую новость. Взрослых пришлось долго возвращать к праздничному настроению, а я никак не мог понять, почему слова человека, каким-то образом умудрившегося залезть в маленький радиоящик, показались им важнее нашей замечательной ёлки с её чудесными украшениями и соблазнительными подарками.

Запомнились мне и треволения, связанные со спецкомендатурой, точнее говоря, - семейные дебаты летом 1955 года по поводу дальнейшей учёбы старшей сестры. Она с отличием закончила школу. Однако, придравшись к ошибке в выпускном сочинении, её лишили не только золотой, но и серебряной медали, которую она в любом случае заслуживала. Директор школы сказал без обиняков: *"Она немка и всё равно никуда не поступит"*. Но у нас дома решили иначе и собрались отправить сестру в Сталинский (ныне Новокузнецкий) пединститут.

По тем временам это был крайне необычный шаг: российские немцы практически не обучались в вузах уже полтора десятилетия. Сначала предстояло решить вопрос с комендатурой. Не получив её согласия, сестра не смогла бы не то что учиться в Сталинске, но и просто поехать туда. Комендант, в отличие от директора школы, шагал строго в ногу со временем и дал "добро". Сестра стала первой студенткой в нашей семье.

А 13 декабря 1955 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии немцев с учёта спецпоселения и их освобождении из-под административного надзора МВД. Этот документ, несомненно, связан с состоявшейся тремя месяцами ранее первой встречей в верхах между СССР и ФРГ.

Хотя Землячество немцев из России снабдило германскую делегацию материалами о положении российских немцев, в ходе визита в Москву Федерального канцлера К. Аденауэра эта проблема напрямую не затрагивалась. Во всяком случае, ни в официальных сообщениях, ни в обширных мемуарах Аденауэра ничего не сказано на сей счёт.

Однако канцлер настойчиво ставил перед советским руководством вопрос о "задерживаемых лицах", имея в виду не только оставшихся военнопленных, но и российских немцев, получивших германское гражданство, насильственно возвращённых в СССР и желающих выехать в ФРГ. И после его поездки немцы первыми из репрессированных народов удостоились освобождения от спецпоселения, а в 1958-59 годах были заключены соглашения между двумя странами о воссоединении семей - сначала по линии Красного Креста, а затем и на межправительственном уровне.

В связи с вышеназванным указом в Кемеровской области произошла почти детективная история. Как и большинство официальных документов по нашей национальной проблематике, он не подлежал опубликованию в открытой печати. С его содержанием немцев должны были знакомить надзиравшие за ними коменданты. Однако две работницы прокопьевского суда, спеша порадовать своих немецких соседей, скопировали и передали им текст, полученный по ведомственным каналам. Так он попал в руки знакомого моих родителей Г. Дизендорфа. Тот, в свою очередь, стал сам копировать долгожданный акт и распространять его среди немцев, пока 14 января 1956 года его не застукала за запретным занятием милиция.

Через две недели начальник областного Управления МВД подробно изложил этот захватывающий сюжет в письме на имя первого секретаря обкома КПСС(!), а спустя ещё несколько месяцев органы юстиции доложили в обком, что провинившимся работницам вкатили по строгому. О наказании их немецкого поделщика не сообщалось.

Не берусь сказать, слышали ли об этом деле родители. Я узнал о нём недавно, после обнаружения ряда секретных документов о кипучей деятельности нашего бывшего обкома.

На первый взгляд, ситуация совершенно абсурдна. Высокопоставленные должностные лица тратят массу сил и времени на преследование людей, которые всего-навсего распространяют официальный законодательный акт. При этом "крамольный" документ не только не предусматривает привычных новых репрессий, а, напротив, облегчает положение целой национальной группы, обездоленной государством. И всё это

происходит уже в сравнительно либеральные хрущёвские времена. Так что же, власти устыдились собственной доброты?

Мне представляется, что данный инцидент уходит корнями в глубоко поразившую советское общество шпиономанию, отнюдь не исчезнувшую вместе со Сталиным, её главнейшим носителем. В результате засекречивалось всё и вся, зачастую безо всякой необходимости.

В то же время надо признать, что у авторов указа 1955 года имелись определённые основания утаивать его текст от тех, кого он, казалось, должен был облагодетельствовать. Ведь в нём недвусмысленно подчёркивалось, что снятие немцев со спецучёта не влечёт за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и они по-прежнему лишены права проживать в местах, откуда были депортированы.

Попутно с пресечением нежелательного настроения среди российских немцев власти принялись их шантажировать, кощунственно выдавая вынужденную реакцию подневольных людей за свободное волеизъявление.

10 апреля 1956 года министр внутренних дел СССР Н. Дудоров доложил в этой связи в ЦК КПСС, что подавляющее большинство немцев, снятых со спецучёта, "выражая чувство глубокого удовлетворения и благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству за проявленную о них заботу, заявило о своём желании оставаться жить и работать на прежних участках и обязуется ответить на принятое решение о снятии с учёта спецпоселения безупречным трудом в колхозах, совхозах и на предприятиях".⁴⁸

Думаю, этот бесподобный образчик тоталитарного новояза настолько красноречив сам по себе, что не требует комментариев. Хочу лишь отметить, что, по данным министра, в Кемеровской области "желающих" остаться оказалось аж 90%! Скорее всего, эта внушительная цифра - "липа" чистейшей воды. Я не слышал от родителей, заставляли ли их при снятии со спецучёта давать "подписки о невыезде". Но если бы власти действительно стремились заполучить такие заявления в массовом порядке, то чего им стоило довести требуемый показатель до привычных 100%?

Как бы там ни было, в течение 1956 года российские немцы перестали быть спецпоселенцами. Самая тяжкая эпоха в истории нашего народа наконец-то завершилась.

Надеюсь, читатель поймёт, почему в книге появились две предыдущих главы. Затронутые в них события, охватившие четыре долгих десятилетия XX века, сыграли в судьбе российско-немецкого этноса поистине роковую роль. За этот период были в корне подорваны сами основы существования нашего народа, он целенаправленно и методично подвергался сначала обработке в "классовой" мясорубке, а затем геноциду по национальному признаку.

Именно на почве страстного стремления российских немцев преодолеть причинённые им невыносимые злодеяния, восстановить поруганную властями справедливость возникло и действует наше национальное движение. Уже поэтому ни один его историк не может пройти мимо прослеженных мной катаклизмов.

⁴⁸ Этот деятель отличился в те годы и в другом отношении: он пришёл к сногшибательному выводу, что "создание автономии для немцев сейчас, когда они рассеяны по всему Советскому Союзу, было бы делом формальным". Если перевести эту фразу на нормальный человеческий язык, то получится буквально следующее: АССР НП ликвидирована, её немецкие жители разогнаны, а посему она не заслуживает восстановления. Ознакомившись с выступлениями противников Республики на Волге, можно без труда убедиться, что через 40 лет после Дудорова их "аргументация" осталась практически на том же уровне.

Пытаясь рассказать о них, я не счёл возможным ограничиться текстами и анализом соответствующих документов. Это разрушило бы канву моей книги, основанную на повествовании о конкретных событиях и жизни реальных людей.

Непосвящённому читателю содержание этих глав может показаться слишком односторонним, сконцентрированным лишь на драматичных моментах. Разумеется, в судьбах моих близких, как и других российских немцев, даже в тот ужасный период были и светлые эпизоды. На фоне национальной катастрофы текла, как ни странно, простая будничная жизнь с её нехитрыми радостями и заботами. Но я сознательно не касаюсь этой тематики. Как бы ни складывался быт, не он определяет положение и жизненные перспективы народа как целого.

Описанный период, безусловно, неоднороден. Отец - и, конечно, не только он - всегда выделял в позитивном смысле времена НЭПа. Он с удивлением вспоминал, как быстро встала на ноги после провозглашения НЭПа экономика Области немцев Поволжья, и с уважением отзывался в данной связи о государственном уме Ленина. Эта позиция поразительно напоминает позднейшие сочинения "прорабов перестройки". К сожалению, она умалчивает о главном: не являлся ли НЭП вынужденным экспромтом в попытке выйти из тупика, куда завела страну сама большевистская диктатура? Ленин, как правило, называл НЭП временным отступлением. Так оно и получилось. Эта политика обернулась лишь мимолётным послаблением, в том числе и для российских немцев.

Когда говорят о судьбе определённых людей, неизбежен вопрос, насколько она типична. При всей драматичности услышанных мной рассказов я далёк от мысли, что именно нашей семье пришлось пройти сквозь самые тяжкие испытания. Те, на чью долю они выпали, практически все погибли. Поэтому воспоминания оставшихся в живых едва ли могут отразить весь трагизм пережитых ими событий.

С другой стороны, мои близкие - вполне обычные российские немцы. Они не принадлежали к наиболее бедствовавшим слоям, но были не менее далеки от власти и богатства.

Их родной Марксштадт являлся до войны самым крупным из населённых пунктов СССР, большинство жителей которых составляли немцы. В 1926 году в городе проживало 12.457 человек. 11.260 (более 90%) из них были немцами. При этом он по условиям жизни и даже по величине не так уж отличался от окрестных немецких сёл. Немалую часть его обитателей составляли те же крестьяне, работавшие за городом. Попав в Сибирь и трудармию, родственники вновь оказались в местах самого массового скопления российских немцев. Поэтому мне представляется, что их жизненные перипетии в значительной мере отражают судьбу нашего народа.

Многие поколения правителей России и СССР пытались вытравить из него историческую память и, увы, немалого достигли. Манкуртизм пустил среди моих соплеменников глубокие ядовитые корни. Но до конца превратить нас в беспмятное быдло оказалось не так-то просто. Есть особого рода память - та самая, о которой столь пронзительно сказал поэт К. Батюшков: *"О память сердца! ты сильнее рассудка памяти печальной..."*

Мне грех жаловаться на память. Однако у меня, как и у моих близких, она далеко не феноменальна. И я, конечно же, мог запомнить их рассказы о горестной и трагичной судьбе российских немцев, как успел забыть многое другое. Тем более что мне пришлось всё это слышать несколько десятков лет назад. Но бесхитростные повествования родных глубоко запали мне в сердце, и их уже ничем оттуда не вытравить.

А с 1991 года я стал бывать в Марксе, где мои предки жили в течение целой исторической эпохи - примерно 175 лет. Здесь, на улице Рабочей, сохранились дома отца,

дедов и даже прадедов. И теперь то, что я слышал от близких в детстве, обрело для меня как бы новую жизнь.

Учитывая основную тему своей книги, не могу не добавить к сказанному, что эта улица (называвшаяся до 1917 года, насколько я знаю, Endestraße/Крайняя и Waagestraße/Весовая) явилась по загадочной причине уникальным рассадником кадров национального движения российских немцев.

В тех же двух её соседних кварталах, где стоят дома всех перечисленных моих предков, жило до войны, по меньшей мере, 5(!) известных наших активистов: Герман Арнгольд – бывший председатель Союза немцев Республики Башкортостан "Видергебурт"; Гуго Шауфлер – бывший председатель Республиканского общества немцев Крыма, ныне живущий в Германии; Элеонора Гердт – одна из зачинательниц движения в Поволжье, руководитель Марксовского немецкого культурного центра, ныне покойная; Виктор Пауль – бывший председатель Кемеровского городского общества "Видергебурт", ныне живущий в ФРГ; Роберт Вейлерт – художник-график, активист движения из Москвы, также переехавший в Германию. Недавно я узнал от Г. Арнгольда, соседа моего отца и дяди Густава по родине, что он и в трудармии оказался в одном лагере с ними.

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ

Я вырослел, меньше общался с близкими и постепенно отдалялся от национальной тематики. Да и родители всё реже возвращались к воспоминаниям о прошлом. Обо всём уже было говорено и переговорено, и не хотелось вновь беречь больные проблемы. Тем более что ничто не предвещало их разрешения.

В нескончаемую эпоху безвременья, сменившую лихолетье геноцида, произошло лишь несколько крупных событий, имевших прямое отношение к нашей безотрадной национальной судьбе. Одно из самых важных среди них – появление "Нойес Лебен" в мае 1957 года. К сожалению, у нас в семье не знали, что ещё с памятного декабря 1955 года на соседнем Алтае стало выходить первое за много лет немецкое издание – газета "Арбайт".

Выпуск общесоюзной газеты о российских немцах после долгого тотального замалчивания нашего существования явился огромным сюрпризом для моих близких, как и для большинства соплеменников. Мы сразу же подписались на неё и поначалу читали каждый номер вслух от первой до последней страницы. Сколько бывало радости, когда попадалась знакомая фамилия, – особенно, если речь шла о людях, давно потерянных из вида! Выйдя на пенсию, отец стал активным распространителем "Нойес Лебен", и его не раз поощряли за это библиотечками немецких книг. Правда, за недостатком отечественных изданий редакция присылала в основном неходовую литературу выпуска ГДР.

Но постепенно интерес к газете пошёл у нас на спад. Приелась казённая политическая трескотня, которой она была пропитана точно так же, как и другие издания тех лет. С решениями партийных съездов и пленумов, как и с речами государственных мужей, мы могли бы при желании ознакомиться и по русским газетам. Теперь родители читали "Нойес Лебен" выборочно – немецкие юморески, рассказы, стихи и песни неполитического содержания, а также публикации о своих знакомых и объявления о розыске родных. За помощью в поисках следов исчезнувшего мужа-трудармейца пару раз обратилась в редакцию тётя Элла – увы, безрезультатно. А я, признаться, одно время и вовсе забыл о существовании "нашей" газеты.

Что же касается моей национальной принадлежности, то о ней я по многим причинам не смог бы забыть, даже сам желая того. А тут ещё подоспело время получать паспорт, где имелась и имеется знаменитая "пятая графа" – запись о национальности.

Видимо, стремление рассортировать своих подданных на основе этого критерия было одним из важных мотивов введения Сталиным паспортной системы в начале 30-х годов. Ведь именно тогда Вождь народов начал откровенно отбрасывать традиционную "пролетарско-интернационалистскую" мишуру, подспудно удобряя почву для массовых репрессий по национальному признаку. Б. Пинкус подтверждает со слов очевидца, что при подготовке всеобщей "паспортизации" имелся в виду, в частности, особый подход к немецкому меньшинству.

Слухи о возможном изъятии из паспортов "пятого пункта" циркулировали, помнится, ещё в хрущёвские времена. Однако это произошло в России лишь в конце 90-х годов. Причем есть все основания полагать, что российские "демократические" власти пошли на это не для устранения неприглядного реликта тоталитарной системы, а ради ускорения ассимиляции национальных меньшинств. Иначе чем объяснить их последующий беспрецедентный акт – изъятие вопроса о родном языке из переписного листа Всероссийской переписи населения 2002 года?

При получении паспорта мне и в голову не пришло, что в пятой графе у меня могло бы значиться не "немец", а нечто иное. Между тем подобные случаи бывали, в том числе и в то время: российские немцы меняли национальность, фамилию, имя, отчество – что угодно, лишь бы не выделяться из общей массы. Но таким путём подчас достигался обратный эффект.

Одного из немцев, который перешёл на фамилию русской жены, я хорошо знал в детстве, живя с ним в одном бараке. Помню, соседи, независимо от национальности, относились к нему с явной издёвкой. Видимо, перекрашивание в русского было тому одной из немаловажных причин. Каюсь, и я не питал сочувствия к этому человеку.

Прошли годы. За время работы в штате "Возрождения" мне пришлось иметь дело с множеством просителей, которые добиваются "восстановления правды" и утверждают, что им обманном путём или под давлением обстоятельств вписали в паспорта искажённые данные о национальности. И хотя я сам, дважды получая советский паспорт (в 1967 и 1979 годах), с такими проблемами не сталкивался, полагаю, что у меня и других наших активистов нет и не может быть морального права отказывать в подобных случаях в посильной помощи. Я давно взял себе за правило высказывать оценочные суждения не по поводу людей, спрятавших свою национальность, а по адресу государства, которое подстрекало своих граждан к этому шагу.

К сожалению, германские власти, вынося вердикты о приёме российско-немецких переселенцев, придерживаются прямо противоположной позиции. В печально известных безразмерных анкетах ("антрагах") претендентам на выезд устраивают настоящий допрос с пристрастием, пытаясь докопаться, достаточно ли твёрдо обездоленные российские немцы противостояли насильственной ассимиляции, организованной всемогущей сверхдержавой.

Да простят меня достойные чиновники из ФРГ, но я явственно ощущаю в этом их подходе душок своего инфантильного национал-максимализма полувековой давности. Чтобы приподняться над таким уровнем понимания наших проблем, видимо, мало созерцать их из благополучного далека.

В начале 1965 года наш свояк М. Зубов, бывший народным заседателем в суде и потому иной раз читавший "Ведомости Верховного Совета СССР", поспешил сообщить нам важную, по его мнению, новость о выходе первого за ряд лет указа по российско-

немецкой проблематике. В это было трудно поверить, тем более что "Нойес Лебен" хранила по данному поводу гробовое молчание.

Но вот газете, наконец, позволили обнародовать этот поздний плод хрущёвского реформаторства. Нас постигло горькое разочарование. В указе признавалась "неосновательность" обвинений поволжских немцев в "активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам", но не было ни слова о восстановлении антиконституционно ликвидированной Республики на Волге. Более того, пытаясь снять эту проблему с повестки дня, высший государственный орган лживо заявлял, что прежние районы нашего проживания заселены. Российским немцам, "укоренившимся" в местах ссылки, предложили здесь и оставаться, а властям – и впредь оказывать нам в этом "помощь и содействие".

Куцый и двусмысленный указ 1964 года породил у немецкого населения лавину недоумённых вопросов. В. Бауэр и Т. Иларионова опубликовали письмо на этот счёт, адресованное тогдашним редактором "Нойес Лебен" Г. Пшеницыным Президиуму Верховного Совета СССР. Люди спрашивали у газеты, в частности, о том, почему принудительное выселение прервало их стаж, что приводило к дискриминации при начислении пенсий, а учителя просили разъяснить, нельзя ли включить в их педагогический стаж вынужденную работу не по специальности.

Не уяснив до конца смысл этих вопросов, авторы изложили их в основном тексте своей книги в такой интерпретации: *"Чем была трудармия, прервавшая стаж, заставившая переменить профессию, не учитываемая при начислении пенсий?"*

Между тем в подобной форме этот вопрос к тому моменту уже частично утратил актуальность: в январе 1957 года, согласно Разъяснениям Госкомтруда СССР, было предусмотрено включать в трудовой стаж время нахождения в "рабочих колоннах". Проблема, однако, в том, что документально подтвердить своё пребывание в них и по сей день не может почти никто из трудармейцев. Если даже нашим современникам нелегко разобраться в хитросплетениях советских нормативных актов, то что говорить о рядовых немцах тех времён?

Мне не раз доводилось присутствовать при тогдашнем обсуждении такого рода проблем. Мой отец, имея огромный опыт работы бухгалтером, досконально знал трудовое и пенсионное законодательство – совершенно необычное качество для российского немца послевоенных лет. К тому же он был на редкость безотказным и бескорыстным человеком.

Поэтому к нам постоянно приходили немецкие знакомые, и отец им что-то объяснял, писал за них заявления, письма, петиции во всевозможные инстанции. Помню, в детстве меня особенно поражало, когда он выводил своим красивым почерком сакраментальный адрес – "Москва, Кремль..."

У нас в семье никогда не было пылких поклонников Хрущёва, хотя отец отдавал должное некоторым его начинаниям. И в 65-м, когда "дорогого Никиту Сергеевича" уже успели сместить, а до нас только дошёл его откровенно издевательский, полуконспиративный "привет", не напечатанный нигде, кроме упомянутых изданий, никто не пожалел об отставке взбалмошного правителя.

В тот момент мы в своём неприятии фарисейского указа не очень-то размышляли о его внешнеполитической подоплёке. Между тем она вполне очевидна: Хрущёв надеялся наладить отношения с преемником жёсткого Аденауэра, внешне более покладистым Л. Эрхардом, шла подготовка к первому в истории визиту советского руководителя в ФРГ. Как всегда в подобных случаях, российские немцы оказались объектом политической игры. Трудно сказать, во что она могла бы вылиться для нас, – дни пребывания у власти тогдашних лидеров обеих стран были уже сочтены.

К счастью, среди соплеменников нашлись люди, которые восприняли хрущёвский указ не просто как очередную оплеуху или интригу, а в качестве сигнала к действию. В конце 1965 года наш близкий киселёвский знакомый, маркштадтец Иоганн Сабельфельд, получил увесистый пакет – если не ошибаюсь, из Абакана. В общей тетради подробно сообщалось о поездках в Москву первых делегаций российских немцев и приводилась запись их бесед с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. Микояном, а также с работниками аппарата ЦК КПСС. Делегаты привезли с собой более 5.000 подписей своих соплеменников в поддержку восстановления АССР НП.

Эти вести поразили членов нашей семьи подобно удару молнии. Мы без конца перечитывали тетрадку, исписанную старательным, хотя и корявым почерком. Сегодня, когда эти материалы частично опубликованы, я вижу, что штудировал в детстве тот же самый текст, и даже вспоминаю отдельные фразы, хранившиеся в памяти три десятилетия.

По правде сказать, я и был самым внимательным читателем тетради у нас в семье. И дело не только в моём раннем интересе к политике и нашей национальной проблеме. В отличие от старших, я со своим юношеским энтузиазмом находил основное требование делегатов о восстановлении Республики на Волге вполне осуществимым. Более того, мне бы ничего не стоило немедленно туда переехать. Здесь сказалась, очевидно, присущая подросткам тяга к "романтике дальних дорог". К тому же родители своими увлекательными рассказами о неповторимой Родине и явно выраженной неприязнью к месту ссылки сформировали во мне, сами того не желая, несколько искажённое представление о сравнительных достоинствах Поволжья и Сибири.

Мои близкие отнеслись к информации из тетради совсем иначе, чем я. Они давно уже разуверились в том, что в стране их проживания немцы могут стать равноправными гражданами. Глубоко сомневаясь в перспективе воссоздания республики, старшие, тем не менее, этого страстно желали. Не с целью туда вернуться, а просто потому, что только такой акт представлялся им торжеством справедливости по отношению к своему отверженному народу.

Насколько же правы были родители в своём тогдашнем скепсисе! Едва ли они предвидели, как будет разворачиваться противоборство вокруг восстановления Республики на Волге. Однако многолетняя судьба изгоев вполне могла подтолкнуть их, скажем, к такому выводу: война с Германией была лишь удобным поводом для ликвидации немецкой автономии – в действительности эта акция имела куда более глубокую подоплёку и с самого начала задумывалась как необратимая.

Сегодня это подозрение, посещавшее, видимо, многих российских немцев, может быть документально подтверждено. Так, начальник отдела спецпереселений НКВД СССР И. Иванов по секрету сообщал периферийным "органам" ещё в январе 1942 года: *"Вы должны себе ясно представлять, что немцы-переселенцы (...) переселены навсегда. На свои старые места жительства они возвращены не будут"*. Не удивлюсь, если когда-нибудь подобные прорицания будут обнаружены и в горбачёвских или ельцинских архивах.

С 1965 года проблема восстановления нашей государственности неизменно находилась в сфере моих интересов. Я не уставал восхищаться мужественными людьми, сумевшими проникнуть прямо "в Кремль". Это было тем более поразительно, что мне с трудом удавалось представить в подобной роли своих родных и немецких знакомых. Хотя мне стукнуло всего 14 лет, в безумных мечтах я уже видел себя в составе будущих делегаций. Содержание тетрадки, особенно увёртки Микояна и чиновников ЦК, крайне неуклюжие даже с точки зрения подростка, не оставили у меня сомнений, что с ходатайствами в Москву придётся отправляться ещё не раз.

Мог ли я тогда вообразить, что власти сорвут демарши наших соплеменников в столице в 67-м и 72-м, а до поездки следующей делегации пройдёт целая вечность – 23 года?

К сожалению, о делегациях 1965 года до сих пор известно не так уж много. Не считая ряда материалов, напечатанных в 1992 году в книге красноярского активиста и ветерана нашего движения Виктора Фукса "Роковые дороги поволжских немцев", а позднее – в "Нойес Лебен" и в "Истории российских немцев в документах", мне нечасто попадались значимые публикации на эту тему. Но на основе данных изданий, записей в давней тетрадке, а также бесед с тогдашними делегатами Владимиром Гонштейном из Караганды (ныне проживающим в Германии) и Вольдемаром Шнайдером из Красноярского края я всё же составил себе определённое представление об этом важном событии в национальной жизни российских немцев.

Уже стало общим местом утверждение, что те делегаты явились прямыми предшественниками нашего нынешнего движения. Если иметь в виду основной лозунг – восстановление Республики на Волге, – то это, несомненно, так. И всё-таки между нами, пожалуй, больше различий, нежели сходства. А как же иначе – ведь и эпоха на дворе совсем другая, и положение нашего народа, если даже аналогично, то только в смысле неизменной безотрадности.

Делегации 1965 года – феномен, возможный лишь при авторитарном режиме с сильными элементами популизма. Наиболее известные прототипы тогдашних ходатаев – это, конечно, знаменитые ленинские ходоки. Такая параллель проводилась, между прочим, и самими делегатами.

В условиях, когда отсутствуют представительные органы, свободно избираемые народом, тот естественным образом стремится решать свои насущные проблемы в прямых контактах с правителями. Но если последние – законченные тираны, то и такая возможность отпадает. Поэт А. Твардовский точно подметил, характеризуя сталинские времена: *"Уже не баловал Калинин кремлёвским чаем ходоков"*. Да что говорить, ведь даже в "вегетарианский" брежневский период к Москве полтора десятилетия и близко не подпускали никаких делегаций российских немцев.

Особенность ситуации 1965 года в том, что политический климат в стране уже явно портился, а возможность заявить о своих правах у нашего народа только ещё появлялась. У людей, не представляющих тех времён, возникает соблазн сказать: зачем, дескать, понадобилось дожидаться хрущёвского указа – можно было побывать в Москве и без него. Разумеется, можно – если хотеть попасть не к Микояну, а к Семичастному (тогдашний шеф КГБ).

Я не сомневаюсь, что ещё за несколько месяцев до этих поездок делегатов просто не пустили бы в Москву, отловив где-нибудь по дороге. Впрочем, так пытались делать и в 65-м. Ловили, стращали, увольняли с работы, обрабатывали в органах, но при этом – не сажали. И всё потому, что между Москвой и Бонном только что слегка потеплело. А впереди, между тем, была долгая, хотя и умеренная политическая зима.

Власть имущие, как всегда в подобных случаях, практиковали свою излюбленную тактику "кнута и пряника". В. Бауэр и Т. Иларионова отметили, что одних делегатов исключали из партии и притесняли по службе, в то время как другим помогали вступить в Союз писателей, устроиться на работу в "Нойес Лебен" и даже получить московскую прописку. Как всё это похоже на "дифференцированный подход" соответственно к "радикалам" и "своим людям" из числа нынешних активистов нашего движения!

Отнюдь не случайно, что костяк делегаций 1965 года составляли коммунисты с довоенным стажем. Они ещё были в состоянии представить себя полноценными гражданами, для них не выглядели абсурдом апелляции к руководителям государства.

Ветеранам, как могли, ассистировали более молодые товарищи по партии, а также беспартийные, питомцы хрущёвской "оттепели". Все они в качестве последнего аргумента ссылались на бесконечно растяжимые нормы "ленинской национальной политики". Увы, делегаты и их собеседники, не меньше поднаторевшие в этих самых "нормах", лишь с большим трудом понимали друг друга.

Участник тех делегаций Г. Кайзер вспоминал о примечательном эпизоде, приключившимся с ним незадолго до первой поездки в Москву. В ответ на письмо в ЦК его вызвали в обком и дали понять, что Республика на Волге была бы неуместна, поскольку уже имеется социалистическая ГДР. Чем, спрашивается, не ленинский подход, если учесть, что автономия в Поволжье создавалась вождём именно с прицелом на революцию в Германии? Так неужели нужно было убеждать Микояна, что восстановленная республика способна, к примеру, подтолкнуть переход к социализму в ФРГ?

Такими доводами образца 20-х годов делегаты, конечно, не оперировали. Они говорили о восстановлении справедливости, о желании немцев вернуться на Волгу, о пользе для государства от воссоздания Немреспублики. А им в ответ – наглая ложь: мол, справедливость уже восстановлена, немцы – равноправные граждане, возвращаться в Поволжье им ни к чему, всё там заселено, денег в стране нет, а посему воссоздавать республику невозможно и не нужно.

Наиболее убедительные возражения отыскал, пожалуй, заведующий приёмной ЦК КПСС Строганов в беседе с членами несостоявшейся третьей делегации летом 1967 года. Его золотые слова выражают самую суть национальной и любой другой политики в Советском государстве: ***"Мало ли чего хотят немцы. Партия не считает это нужным. (...) Партия не должна плестись в хвосте у народа, она делает всё, что считает нужным"***.

Судя по всему, ленинские ходяки очень редко добивались полного удовлетворения своих ходатайств. Но и совсем безрезультатными их апелляции тоже обычно не бывали. Так получилось и полвека спустя.

Потакать каким-то немцам в восстановлении их республики правящая верхушка в то время и не думала. Но кое в чём до нас, тем не менее, снизили: напечатали в "Нойес Лебен" прощальный хрущёвский указ, санкционировали газету "Фройндшафт" в Казахстане и немецкое радиовещание на Алтае, позволили в мизерном количестве издавать книги на родном языке. Не появившись в Москве делегации, – скорее всего не дали бы и это.

Как говорится, отрицательный результат – тоже результат. Провал попыток воссоздания Республики на Волге в 60-х годах подвёл многих российских немцев к более чем обоснованному умозаключению, что никто в СССР не собирается решать их коренные проблемы. Этот вывод, в свою очередь, резко усилил стремление к эмиграции – единственно возможной спасительной мере, к которой испокон веков прибегали российские немцы, получив очередную порцию пощёчин от властей своей бесцеремонной страны.

Надеюсь, не будет преувеличением сказать, что с 1965 года начался и мой малозаметный, очень медленный путь к участию в российско-немецком национальном движении. Это выразилось, прежде всего, в том, что я стал жадно собирать любую информацию по нашей проблеме, делаясь своими изысканиями с близкими и знакомыми. Беседы немецких делегаций в Москве навсегда убедили меня, что сердцевиной этой проблемы является вопрос о собственной государственности. Поэтому я в первую очередь заинтересовался всем, что имело отношение к немецкой автономии на Волге. Пришлось возобновить расспросы родственников.

К сожалению, они мало что могли сообщить об истории этого образования, в котором прожили более 20 лет, – даже о том, когда и как оно было сформировано и ликвидировано. Единственное, что запомнилось им твёрдо, – это факт личного участия Ленина в его создании. Мне даже приходилось слышать, что вождь был заинтересован в этом событии, якобы, из-за своих немецких корней, а также потому, что он тоже являлся волжанином.

Уже имея некоторое представление о политической фигуре Ленина, я усомнился, чтобы он мог руководствоваться в государственной деятельности родственными или местническими мотивами. Но лишь много позже мне стали ясны подлинные причины внимания Ленина к немецкой автономии – как общие, так и частные.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что Ленин, став правителем страны, в корне пересмотрел отношение к её устройству. До этого он и вся его партия категорически отвергали идею федерации в любой её форме. Поэтому вполне закономерно, что ещё в апреле 1917 года, на собрании уполномоченных немецких колоний Поволжья, группа екатериненштадтских большевиков резко выступала против автономии на Волге.⁴⁹ В январе 18-го ситуация круто изменилась – было провозглашено образование РСФСР, а Ленин превратился в пламенного поборника федеративного государства.

Тем не менее, когда конгресс колонистов Поволжья высказался через месяц за автономию, центральные власти отнюдь не поспешили пойти навстречу. По сведениям Б. Пинкуса, причина была проста: Советское правительство успело принять негласное решение, что для начала надлежит вырубить под корень все независимые национальные организации. И лишь когда к маю 1918 года эта задача по отношению к немцам Поволжья была успешно решена, а взамен уничтоженных традиционных форм самоуправления здесь, как и всюду, стали насаждаться Советы, центр, так сказать, повернулся к немцам лицом, используя в качестве нового проводника автономистской идеи назначенный Москвой Поволжский Комиссариат по немецким делам.

Его местные большевистские подголоски, разумеется, тотчас забыли о былом неприятии ими автономии. Умело раздув свои заслуги в её организации, они приобрели в глазах части немецкого населения ореол поборников его интересов, и это в немалой мере способствовало мирному установлению Советской власти на данной территории.

Создание большевиками федеративного государства нередко преподносится как прямой результат их известного программного положения о праве наций на самоопределение, фигурировавшего ещё в резолюции I съезда РСДРП в 1898 году. Это неверно уже потому, что данное право было поддержано верхами большевистской партии задолго до признания ими целесообразности федерации и национальной автономии.

Ленин с самого начала отбросил эти умеренные идеи, популярные в то время среди западных социал-демократов, и по существу занял в вопросе о самоопределении позицию "всё или ничего" – либо полное государственное отделение, либо равенство прав "трудящихся" при отсутствии каких-либо национальных образований. И это притом, что изо всех народов тогдашней России открыто требовали отделения лишь поляки и финны!

Сталин, сходящий у большевиков за специалиста по национальному вопросу, отрубил в 1921 году с трибуны партийного съезда: *"У нас говорится в программе не о национальном самоопределении, – лозунг совершенно расплывчатый, – а о лозунге более отчеканенном и определённом – о праве народов на государственное отделение"*.

⁴⁹ Эта идея не находила в то время поддержки и среди остальных поволжских немцев. Так, в сентябре 1917 года предложение о создании в Поволжье федеративной демократической республики прозвучало на очередном колонистском форуме, но не встретило никакого резонанса.

Фактически отсюда вытекала концепция унитарного, а отнюдь не федеративного государства. Как отметил ещё известный английский историк Э. Карр, РСФСР, вопреки своему названию, и представляла собой, строго говоря, унитарное государство. Хотя большевики категорически отрицали этот факт, их пристрастие к унитаризму никогда не вызывало сомнений. Так, Сталин прямо заявил в апреле 1918 года: *"В России федерализм должен сыграть переходную роль к социалистическому унитаризму"*.

Несмотря на двусмысленные, если не сказать демагогические представления большевиков, а также других дооктябрьских партий о национальном самоопределении и автономии, российские немцы пытались обратить эти лозунги в свою пользу.

Очень любопытный пример такого рода приводит И. Фляйшхауэр. В 1917 году немецкие организации Сибири потребовали "экстерриториальной" и "персонально-культурной" автономии для живших здесь немцев. Наряду с восстановлением существовавшего когда-то самоуправления общин, церковей и школ, авторы вкладывали в эти формы и явно нетрадиционный смысл. Так, предлагалось, чтобы систему самоуправления увенчал национальный представительный орган, уполномоченный регулировать все возникающие проблемы с государственными властями. А из права наций на самоопределение выводилась необходимость свободного решения колонистами вопроса о своём гражданстве.

Таким образом, уже в то далёкое время был поднят ряд проблем, урегулирования которых нам не удаётся добиться и по сей день. Не удаётся, думаю, во многом потому, что, несмотря на появление соответствующего закона, ключевое понятие "национально-культурной автономии", которое с подачи Ленина и Сталина долго считалось антимарксистской крамолой, до сих пор не приобрело у нас в стране реального содержания и используется главным образом в роли орудия противников территориальной автономии.

Национальный вопрос всегда рассматривался большевистскими теоретиками лишь в рамках их пресловутого "классового подхода" и имел для них сугубо подчинённое, тактическое значение. Отсюда и конъюнктурное отношение к раздутому ими "праву на государственное отделение", и более чем своеобразное понимание автономии и национального самоопределения.

Уже через несколько месяцев после прихода к власти Ленин заявил во всеуслышание, что-де для любого марксиста "интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение". А Сталин изрёк в мае 1918 года, что большевикам нужна лишь такая автономия, "где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов".

Он же не постеснялся заявить на партсъезде в 1923 году, что коль скоро право на самоопределение противоречит "праву рабочего класса на укрепление своей власти", то "первое должно отступить перед вторым". В качестве иллюстрации не нашлось ничего лучшего, чем напомнить о бесславном марше Красной Армии на Варшаву в 1920 году в безумной надежде спровоцировать "пролетарскую революцию" в Польше, а затем и во всей Европе.

Можно ли после этого усомниться в готовности большевистских лидеров упразднить любое национальное образование, если такой акт почему-либо показался бы им выгодным?

Однако на определённом этапе они явно предпочитали жонглировать лозунгами федерации и автономии. По мнению А. Авторханова, Ленин после долгих поисков пришёл к выводу, что только при федеративной системе большевистская империя будет выглядеть добровольным объединением свободных суверенных народов.

Независимо от того, входило ли создание новой Российской империи в планы самого Ленина, её основы были заложены именно им. Фактическое сосредоточение законодательных, исполнительных и контрольных функций в руках партийных органов (а отнюдь не игрушечных Советов) неминуемо приводило к безраздельной власти московской партийной олигархии над якобы свободными советскими республиками. Тем более что в уставе партии никогда не признавалась даже формальная автономия парторганизаций этих республик.

Ленин и Сталин являются архитекторами той иерархичной большевистской структуры национальных образований различных "рангов", которая долгие годы камуфлировала нерешённость национальных проблем и вызревание серьёзных очагов межэтнических конфликтов.

В октябре 1920 года Сталин превознёс достоинства этой системы, допускающей "самые разнообразные формы и степени (...) развития" автономии – от "узкой, административной" (в качестве примера фигурировали, между прочим, немцы Поволжья) вплоть до "высшей", то есть взаимоотношений, построенных на договорной основе.

Накопленный с тех пор опыт позволяет сделать однозначный вывод: многообразие указанных форм "диалектически" сочеталось с их единым содержанием – полной подчинённостью всех разновидностей советской автономии бюрократической верхушке в Москве.

Подлинное положение национальных образований в СССР неплохо иллюстрирует история с принятием первой Конституции АССР НП, изложенная А. Германом. Местное руководство добивалось, в общем-то, немногого – большей самостоятельности республики в решении её собственных проблем и в сфере отношений с немецкими выходцами из Поволжья, проживавшими за границей. Поэтому власти АССР НП стремились чётко зафиксировать в Конституции права и законодательные прерогативы Немреспублики. Напротив, центр по обыкновению предпочитал размытые формулировки, допускающие произвольное толкование. В спущенном сверху тексте Основного Закона не было и в помине термина "государство", который, по мнению руководства АССР НП, имел бы "большое декларативно-политическое значение", а "суверенной" республике не давалось права даже на издание собственных законов.

Апелляции обкома по этому поводу в ЦК ВКП(б), а также в ЦИК РСФСР ни к чему не привели. И всё это происходило, заметим, в 1925-26 годах, то есть в сравнительно либеральные нэповские времена. Как тут не согласиться с оценкой А. Германом Конституции АССР НП 1926 года: *"По сути дела никакой автономии не было, имело место лишь ограниченное местное самоуправление"*?

Небезынтересно и такое обстоятельство, отмеченное тем же автором: после принятия в 1936 году Сталинской Конституции, по которой Немреспублика выводилась из состава Саратовского края и приобретала "самостоятельность", её партийная организация ещё полгода пребывала в подчинении прежнего крайкома, а в 1937 году АССР НП пришлось представлять на утверждение Саратовского обкома ВКП(б) ... свою новую Конституцию!

Опираясь на исторические факты, трудно не прийти к выводу, сделанному Б. Пинкусом, что создание немецкой автономии на Волге было бы немислимо без внешнеполитических расчётов и соображений. В первую очередь это относится, конечно же, к "пролетарской революции" в Германии, которую так рьяно пытались подтолкнуть большевики. Трудовая Коммуна Области немцев Поволжья (первое название автономии) – это не что иное, как действующая модель Коммуны для самой Германии.

Кремлёвские правители вполне резонно погнушались доверить малочисленным и непопулярным местным партийцам создание этого важного коммунистического анклава, а

также приобщение тёмных немцев Поволжья к светлым марксистским идеалам. Организатором Коммуны стал немецкий военнопленный Эрнст Рейтер, который и возглавил её первый исполком.⁵⁰ Военный комиссариат и ЧК поволжской Коммуны организовали австрийские военнопленные, соответственно А. Эбенхольц и К. Петин.

В пору, когда необходимо было загнать немецких крестьян в чуждую их основной массе Красную Армию и в то же время беспощадной рукой выколотить из автономии непостижимое количество хлеба, такая ставка на пришельцев являлась более чем оправданной. По сообщению А. Айсфельда, тогдашний нарком иностранных дел РСФСР Чичерин говорил: *"Рейтер – единственный комиссар, посылающий нам зерно"*.

Курс на "варягов" продолжался и после отбытия закордонных товарищей восвояси. Первым партийным вожаком немцев Поволжья был назначен некто П. Чагин⁵¹. В конце 1920 года, после успешной организации голода, его вместе с упомянутым А. Дотцем предусмотрительно ушли и в порядке "плановой переброски" отправили в Закавказье. Но на смену явились опять же чужаки.

Потенциальная роль немцев Поволжья в европейской и мировой революции представлялась большевистскому руководству настолько весомой, что их делегации доверили даже участвовать в Учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 года. В президиуме этого форума рядом с Лениным восседал Г. Клиндер – представитель новоявленной немецкой автономии в Наркомнаце, некоторое время после конгресса входивший в состав коминтерновской верхушки.

Осенью 1923 года в Германии при активном содействии высокопоставленных посланцев Москвы, казалось, наконец-то вспыхнула "пролетарская революция". Одним из этих эмиссаров был не кто иной, как В. Шмидт – кажется, единственный немец среди многих сотен советских наркомов и министров (в сталинских "расстрельных списках" он, правда, числился русским).

Однако, вопреки известному изречению, дурной пример наркома отнюдь не заразил его соплеменников, включая и обладателей партбилетов. Когда властям Области немцев Поволжья поступили директивы ЦК о возможном использовании местных добровольцев для "справедливой войны в поддержку немецкого пролетариата", бюро обкома дипломатично ответило два месяца спустя(!), что немецкие крестьяне на Волге предпочли бы ограничиться экономической и моральной поддержкой германской революции.

Национал-революционные поползновения большевистских властей не встретили отклика и по ту сторону границы: как отметил А. Герман, трудящиеся Германии в большинстве своём относились к АССР НП вполне равнодушно. Тем не менее, в августе 1925 года Политбюро ЦК ВКП(б) ещё раз отметило "важное политическое значение" Немреспублики во внешнеполитических планах СССР, предписав делегациям партии в

⁵⁰ В конце 1918 года его вернули в Германию, чтобы помочь разжечь не по-большевистски вялую местную революцию. Весной 1919 года вслед за ним из Области немцев Поволжья отбыли по распоряжению Коминтерна и остальные "коммунисты-интернационалисты", которых, по данным А. Германа, насчитывалось несколько десятков. Заодно в Германию были посланы на подмогу 9 партайгеноссе из числа поволжских немцев. Позднее Рейтер, напрочь разочаровавшись в коммунизме, оказался в стане германской социал-демократии. После Второй мировой войны он был влиятельнейшим бургомистром Западного Берлина и духовным наставником молодого политика Вилли Брандта, который на склоне лет вспоминал о нём с обожанием.

⁵¹ Поэт С. Есенин застал через 4 года Чагина в Баку, где тот подвизался уже в роли редактора газеты. Сломив немецкую крестьянскую стихию на Волге, он, похоже, стал считаться универсальным специалистом по разного рода процессам, которые надлежало подчинить воле партии, – вплоть до нефтедобычи. Во всяком случае, поэт счёл нужным написать в одном из своих бакинских опусов: *"В стихию промыслов нас посвящает Чагин"*.

Коминтерне и Крестинтерне шире привлекать "немецких товарищей" из Поволжья к революционной деятельности в Германии.

Подытоживая, приходится констатировать, что немецкая автономия должна была стать одним из важных элементов создаваемой псевдофедерации, а заодно явиться примером решения национального вопроса для подотставших трудящихся Запада.

Нынешнему читателю может показаться неправдоподобным, что кремлёвские стратеги возлагали такие амбициозные надежды на крошечное национальное образование. Между тем в своё время из этого не делали особого секрета.

Ставя перед центром в конце 1923 года вопрос о преобразовании автономной области в республику, местные власти ссылались главным образом на престиж немецкой автономии за рубежом. В Постановлении областного съезда Советов в январе 1924 года, когда была провозглашена АССР НП, сказано совершенно недвусмысленно: *"Съезд обращает внимание борющегося германского пролетариата на нашу маленькую автономию"*. А в 1926 году представитель АССР НП при ВЦИК Э. Гросс откровенно писал о Республике немцев Поволжья, что её создание было связано с интересами германской революции и со стремлением продемонстрировать преимущества советской системы даже культурным западным крестьянам.

Сегодня нередки иные объяснения на этот счёт – наподобие тех, о которых мне говорили в детстве, а также ещё более сногшибательной ссылки на то, что немецкая автономия была, якобы, навязана Германией в условиях Брестского мира. Видимо, некоторые дилетантствующие "политологи" так и зациклились на уровне замшелых обывательских представлений. Они даже не удосужились узнать, что РСФСР денонсировала Брестский договор всего через три недели после принятия декрета о создании автономии на Волге. А когда это образование стало реально формироваться, большевики о Брестском мире уже и думать забыли.

Нельзя отрицать, что немецкое население России возлагало на мирный договор с Германией немалые надежды, ожидая от него правовых гарантий своей собственности и личной безопасности. Однако при подготовке этого акта германская сторона поставила во главу угла вовсе не подобные благие пожелания, а идею переселения немецких граждан в Рейх, наваянную остзейскими эмигрантами. За непродолжительный срок действия Брестского договора его соответствующей статьёй сумели воспользоваться в РСФСР только очень немногие немцы – главным образом лица, уже имевшие германское подданство.

Таким образом, при наличии необходимых познаний о предмете и, разумеется, элементарной добросовестности невозможно не согласиться с выводом И. Фляйшхауэр, что Брестский договор, лишь мимоходом касавшийся проблем российских немцев, не принёс им сколько-нибудь серьёзной долговременной выгоды.

Если Германия и повлияла на создание автономии в Поволжье, то совсем не потому, что усиленно её добивалась. Напротив, архивные документы, обнаруженные А. Германом, свидетельствуют, что это образование было создано не в последнюю очередь в противовес планам Рейха, чтобы нейтрализовать возможные "германские поползновения" в России.

Я вполне осознаю, что вскрытие чисто конъюнктурного подхода партии большевиков и её вождя к созданию автономии на Волге может произвести весьма неблагоприятное впечатление на российских немцев, особенно на ещё имеющих поклонников Ленина и коммунизма. Но это всё-таки не повод для замалчивания исторической правды. Не будем писать о ней мы – напишут, извратив её в своих целях, так называемые антиавтономисты. Нам необходимо очень чётко разделять два

совершенно разных вопроса – причины первоначального формирования автономии и мотивы нынешней борьбы за её восстановление.

Подход движения российских немцев к этой проблеме абсолютно ясен и ещё никем не опровергнут. Как бы ни относиться к созданию национальных образований на заре Советского государства, они давным-давно стали неотъемлемым элементом политического ландшафта страны. Попытки перечеркнуть одним махом этот исторический факт, к которым готовы прибегнуть и многие нынешние самозванные демократы, могут привести лишь к новой гражданской войне и, в конечном счёте, к распаду России. Если кто-то ещё сомневается в этом, ему достаточно вспомнить о печальном примере фактически расколовшейся Грузии.

Сегодня, по наущению российских властей, со всех сторон льётся разухабистая "критика" в адрес существующего национально-государственного устройства страны. При этом оппоненты договариваются подчас до полного абсурда. Так, Д. Волкогонов, стремясь половчее лягнуть своего вчерашнего кумира, совершенно голословно утверждал, будто именно ленинская идея федерации, якобы, привела в условиях тоталитарного государства к "возможности наказания целых народов, их депортации, лишению общечеловеческих прав".

Придворный историк, как ни странно, "забыл", что Сталину ничего не стоило депортировать любые народы, включая и те, у которых не было собственных автономий, – корейцев, турок-месхетинцев, греков и т.д. С наименьшей лёгкостью диктатор высылал, к примеру, и немцев, живших за пределами АССР НП.

Если уж искать идейные корни "наказания" целых народов, то в первую очередь следовало бы обратить учёный взор на концепцию "коллективной вины". Она действительно появилась в большевистском арсенале с благословения Ленина, но при чём здесь, спрашивается, федеративное устройство?

В то же время трудно не согласиться с Р. Пайпсом, отметившим, что "щедрое" ленинское обещание о неограниченном праве наций на самоопределение, фактически не оговорённое законом и не защищённое независимым судом, вполне закономерно привели к прямо противоположным результатам.

Признавая неизбежность дальнейшего существования национальных автономий, нельзя не согласиться с необходимостью таких образований для всех российских народов, которые их лишены и хотели бы восстановить или создать. Любой иной подход означает увековечивание национального неравенства и, в конечном счёте, отказ "безавтономным" народам в праве на существование.

В России сегодняшнего дня и обозримого будущего это именно так, что бы ни говорили доморощенные поклонники федерации по типу США или "единого и неделимого" унитарного государства. Не считая цыган и отчасти евреев, не имеется ни единого примера успешного самосохранения подобных народов в условиях национально-государственного устройства, унаследованного Российской Федерацией и рядом других республик от бывшего СССР.

В Киселёвске времён моего детства было практически невозможно достать документы и материалы о нашей автономии. Мне не смогли помочь найти даже акт об её образовании, хотя, как я узнал позднее, он содержался в многотомных "Декретах Советской власти", пылившихся на полках местной библиотеки.

В 1968 году я поступил на математический факультет Новосибирского университета. В те глухие годы у меня не было никаких шансов воплотить свою заветную мечту, посвятив себя изучению истории российских немцев. Но в крупнейшем городе Сибири в моём распоряжении были, по крайней мере, прекрасные библиотеки, чем я не

замедлил воспользоваться. Здесь мне удалось ознакомиться с рядом интересовавших меня правовых актов, в том числе и с Декретом Совнаркома РСФСР о создании Области (Трудовой Коммуны) немцев Поволжья, подписанным Лениным 19 октября 1918 года.

А осенью 1970 года я, наконец, обнаружил в Новосибирской областной библиотеке документ, который так давно жаждал прочесть, – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья". Библиотекарша без возражений принесла мне пыльную подшивку "Ведомостей Верховного Совета СССР" за 1941-й год, и свет померк в моих глазах. Вот я и увидел тот незаметный на газетной странице, трижды проклятый акт, который бесповоротно сломал судьбу моего народа.⁵²

Принявшись лихорадочно переписывать текст на сохранившийся до сих пор листок бумаги (хотя спешить мне было абсолютно незачем), я никак не мог вникнуть в содержание указа. Дело заключалось, думаю, не только в моём состоянии, но и в полном отсутствии в этом документе всякого подобия логики.

Основываясь лишь на мифических "достоверных данных, полученных военными властями", указ выдвигал против немцев Поволжья совершенно немыслимые обвинения: наличие среди них десятков тысяч диверсантов и шпионов, укрывательство последних всем остальным немецким населением и даже намерение производить диверсионные акты.

Однажды кто-то, помнится, задал риторический вопрос: а что же могли бы при желании взорвать эти вражеские полчища "по сигналу, данному из Германии" в местах поселения немцев Поволжья, где практически не было заметных промышленных объектов, – собственные дома, колхозные поля?! Признаться, мне этот контраргумент не приходил в голову. Трудно искать рациональные доводы там, где столь беспардонно демонстрируется воинствующий иррационализм.

Не считая "Ведомостей Верховного Совета", указ поместила лишь печать самого Поволжья. Думается, это не случайно. Он был сляпан настолько топорно, что его едва ли имело смысл широко использовать в пропагандистских целях, даже в расчёте на самую тёмную аудиторию. Гораздо выгоднее – создать вокруг депортации атмосферу непроницаемой таинственности, порождающую совершенно невероятные слухи.

Мать, например, рассказывала мне, что местное население на Алтае пыталось обнаружить у немцев, прибывших, как полагали, из Германии, – рога(!)⁵³. Абсурдно? Но разве содержание указа о выселении было менее абсурдным?

По нормальной человеческой логике диверсантов и шпионов следовало, очевидно, немедленно арестовать и судить по законам военного времени. А указ предписывал переселить этих извергов в Сибирь и Казахстан, наделив там землёй и угодьями, и даже оказать им государственную помощь по устройству в новых районах. Кто после этого смог бы утверждать, что подписавший сей "документ" дедушка Калинин не страдал маниакальным пристрастием к филантропии?

У нас в семье к "всесоюзному старосте" относились, пожалуй, хуже, чем к любым другим советским руководителям. Мои политически лояльные родственники называли его

⁵² Отмечу, что в то время это издание выходило в форме газеты. Я был весьма удивлён, узнав из "Истории российских немцев в документах", что, по мнению её составителей В. Аумана и В. Чеботарёвой, указ от 28 августа вообще не публиковался в "Ведомостях Верховного Совета СССР". Желаящих прояснить для себя этот вопрос отсылаю к "Ведомостям" № 38 за 2 сентября 1941 года.

⁵³ Под впечатлением от газетных карикатур или от "псов-рыцарей" из популярного тогда кинобоевика "Александр Невский"?

не иначе, как "Козлобородым". И всё потому, что именно подпись Калинина стояла первой под геноцидным указом.

Сея нонсенс, власти пожинали ответный. Люди изошрялись в персонификации судьбоносных решений правящей клики, которая в бюрократическом государстве не может не быть обезличенной.

Потрясённый текстом указа от 28 августа, я уже не мог листать подшивку дальше. В результате мне лишь годы спустя довелось увидеть ещё один указ – от 7 сентября того же года.⁵⁴ В нём сталинская камарилья поспешила разделить шкуру ещё не добытого медведя, сиречь Республики немцев Поволжья. Хотя формально республика не была ликвидирована (это не сделано и по сей день), её территория передавалась в распоряжение наместников Саратовской и Сталинградской областей. Тут уже напрашивается аналогия не с охотником, а с паханом воровской шайки, торопливо распределяющим награбленное добро между своими "шестёрками".

Знакомство с печальной историей нашей автономии послужило для меня убедительным подкреплением того вывода, к которому я внутренне был уже готов: республика ликвидирована вопреки законам, установленным самим коммунистическим режимом; её восстановление – не только безотлагательная мера по спасению нашего народа, но и единственно приемлемый в данной ситуации акт исторической справедливости.

Даже если я не выражал тогда свои мысли в подобной форме, их смысл был именно таким. Оставался, однако, кардинальный вопрос: а что нужно делать для достижения этой жизненно важной цели? Увы, я ещё очень долго не мог найти на него ответа.

В последние месяцы правления Хрущёва нашу проблему едва ли не впервые после войны затронуло издание, доступное самому широкому кругу читателей. Я имею в виду взволновавший меня и многих моих соплеменников сюжет из романа Константина Симонова "Солдатами не рождаются".

Здесь был выведен поволжский немец Гофман, разведчик Сталинградского фронта, который при попустительстве своих командиров сумел остаться на передовой даже после того, как его соплеменников изгнали из Красной Армии. В конце концов, и он разделил общую участь: "доброжелатель" донёс по начальству о вопиющем факте, Гофман наотрез отказался прибегнуть к предложенной компромиссной мере и выдать себя за еврея, его покровителей взрели, а ему указали на дверь (ведшую, по всей видимости, в трудармейский концлагерь).

Основываясь на реальном случае, Симонов написал о храбром разведчике-немце с явной симпатией, а о его гонителях – со столь же демонстративной неприязнью. В письме российско-немецкому активисту Г. Кайзеру автор подчеркнул, что коснулся больной темы сознательно, понимая её важность. Думаю, так оно и есть – хотя бы потому, что даже маститому писателю наверняка было очень непросто протащить подобный эпизод через тогдашнюю цензуру. Б. Пинкус с полным основанием отметил, что положительный образ немца, во что бы то ни стало желающего остаться самим собой, означал настоящий прорыв в русской и советской литературе.

К. Симонов и другие классики "социалистического реализма" плохо поддаются однозначным оценкам. Воспевая большевистскую тиранию, вольно или невольно извращая жизненную правду в угоду власти имущим, они погрязли в тяжких грехах перед литературой и своим народом. Но всё-таки и в этих людях не до конца погибло

⁵⁴ Он был принят по обыкновению вдогонку за соответствующим постановлением ЦК ВКП(б), изданным 6 сентября 1941 года и не опубликованным до сих пор. Указ от 7 сентября перепечатало одно из официальных изданий в 1968 году, но я узнал об этом намного позже.

пушкинское: *"И милость к падшим призывал"*. Хотелось бы надеяться, что на каком-нибудь Высшем суде Симонову зачтётся его реплика в защиту оболганных и униженных российских немцев, произнесённая ещё в ту пору, когда все, кто мог возвысить свой голос по этому поводу, как в рот воды набрали.

Тем временем, не в силах приблизить решение своей общенациональной проблемы, наши соплеменники принялись выбираться из многолетней ссылки поодиночке. После упразднения спецучёта многие потянулись из Сибири в менее суровые края. Ввиду запрета на возвращение в места прежнего проживания ехали главным образом на юг Казахстана и в Среднюю Азию, стараясь селиться рядом с родственниками, которые имелись здесь почти у всех.

Массовая миграция российских немцев, наблюдавшаяся во второй половине 50-х и в 60-х годах, убедительно зафиксирована статистикой. С 1959-го по 1970-й годы немецкое население РСФСР сократилось на 60 тысяч человек, тогда как в Казахстане оно выросло на 200(!) тысяч, а в Киргизии и Узбекистане удвоилось.

Парадоксально, но факт – этот очевидный процесс остался совершенно без внимания такого известного летописца трагедии репрессированных народов, как Солженицын. Ни один из русских писателей не говорил о нас столь лестных слов: *"Где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край?"* И в то же время мало кто так кардинально заблуждался по поводу дальнейших планов депортированных российских немцев: *"Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь (да и что за родина у них была на Волге или на Маньчже?). (...) Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до первой царской милости, а – навсегда"*. Нет нужды комментировать эту нелепую фразу. Её давно опровергла сама жизнь.

В 1961-62 годах мы с близкими ездили "на разведку" в село Узун-Агач под Алма-Атой. Пребывание в этом приветливом, солнечном, но слишком жарком и непривычном крае оставило у нас двойственное впечатление. Однако отец уже загорелся идеей переселения на юг. Эти настроения особенно усилились, когда в киргизском городе Токмаке нашлась его тётушка Амалия, сестра давно умершей матери, с детьми и внуками.

Но отец рвался в те места не только и не столько из желания жить поближе к родственникам. (В Сибири и на Урале у нас было родни никак не меньше.) Он очень тосковал по собственному дому, который украло разбойное государство, по яблонькам и вишням в своём саду. Мысль о возвращении к прежнему, более спокойному и гармоничному образу жизни сидела в нём как заноза.

В 60-х годах в нашей семье велось множество бурных дискуссий о переезде в Киргизию, но силы были явно неравны. Лишь я в какой-то мере поддерживал отцовские устремления. Однако, наслышанный о специфических порядках при получении высшего образования в южных республиках, не скрывал, что в любом случае намерен учиться в российском вузе.

Несмотря на свою сугубо приземлённую профессию, отец был, пожалуй, единственным романтиком у нас в семье. И прагматическое начало, как это нередко бывает, взяло верх. Сегодня я с содроганием думаю, что мы могли бы тогда, подобно множеству соплеменников, ринуться на юг, чтобы сейчас, как и они, оказаться у разбитого корыта.

Во время второй поездки под Алма-Ату нас настигла страшная весть о кончине бабушки. Дата её смерти – 7 августа – стала роковой для нашей семьи. Через 28 лет в этот же день ушла из жизни моя мать. Смерть бабушки Марии была первой утратой близкого мне человека и, в сущности, означала для меня окончательное расставание с детством.

Никто, даже родители, не повлиял так сильно на моё воспитание, как она. Бабушка всегда была рядом и казалась мне живым олицетворением всего немецкого – от языка, песен и религиозных обрядов до её неповторимых обеденных блюд. Не знаю, как бы я, выросший в иноэтничном окружении, стал относиться к своей национальности, окажись на месте бабушки человек иного склада. Но она была такой, как была: бесконечно доброй, терпимой, заботливой. И образ немца с детских лет ассоциируется у меня с двумя людьми, очень схожими по характеру, несмотря на отсутствие прямого родства, – бабушкой Марией и отцом.

Не сумев вырваться из постылой Сибири, отец устремился в родные места. Ни он, ни другие мои близкие никогда не говорили о желании туда вернуться. Память о трудной жизни на Волге и уж тем более об изгнании была ещё слишком жива. Но отцу очень хотелось увидеть свою родину после 30-летней разлуки.

Мне кажется, это стремление нечаянно подогрел упомянутый двоюродный брат матери Давид Шауфлер. В конце 1967 года мы получили от него пакет с подробным описанием поездки в Маркс и множеством фотографий собственного изготовления с видами родного города.

Не могу сказать, что заснятые им дома и улицы произвели на меня особое впечатление. (По красочным рассказам близких я представлял себе их родину несколько иначе.) Совсем иное дело – мои родители. Они вглядывались в незатейливые изображения горящими глазами, как во сне. В это было почти невозможно поверить, но через столько лет многое из того, что им пришлось оставить навсегда, всё ещё существовало. Отец увидел даже тот дом, где он появился на свет, и откуда его вместе с дедом выбросила Советская власть задолго до выселения. После этого поездка отца в родные края стала лишь вопросом времени.

Такая возможность представилась ему в мае 1972 года, когда он возвращался в Сибирь из кавказского санатория. В то время в Марксе проживал отцовский племянник Николай Шефер. Он сумел вернуться на родину ещё до снятия ограничений на прописку немцев – кажется, благодаря русской жене. Отец заехал к нему с тем, чтобы провести в родном городе несколько дней.

Подойдя к своему дому, он застал на скамейке у ворот незнакомого пожилого человека и присел рядом с ним. Это был теперешний русский хозяин, успевший пожить в Республике немцев Поволжья и даже не забывший немецкий язык. Узнав, что обитает в доме своего собеседника, старик, понятное дело, смешался. Отец успокоил его, заверив, что приехал лишь затем, чтобы взглянуть на всё в последний раз. Никаких вещей нашей семьи в доме уже не осталось. Лишь в саду отец обнаружил несколько посаженных им деревьев.

На кладбище он увидел, что разорение, начатое ещё военными накануне депортации, практически завершено. Правда, могила его родителей каким-то чудом уцелела. А невдалеке валялся выломанный из неё чугунный крест.

Отец вернулся из поездки печальным и потерянным. Встреча с прошлым не удалась – от него остались одни руины. Сильнее всего отца потрясла крайняя запущенность, обветшалость Маркса, когда-то ухоженного и чистого городка. После увиденного он, по моему, окончательно смирился с тем, что закончит свои дни в сибирском изгнании.

Наряду с переездом на юг, в эти годы в нашей семье всё чаще дебатировалась тема эмиграции. До массового исхода было пока далеко, но его предчувствие, как мне теперь кажется, уже витало в воздухе.

В бытность моих близких в Поволжье оттуда эмигрировали многие немцы. Один из них, Антон Прешер, был добрым знакомым нашей семьи. Он принадлежал к той сотне

тысяч немцев, которые переселились из России за океан в первом десятилетии XX века. К 1914 году в Америке насчитывалось уже 400 тысяч немецких переселенцев из Поволжья – как осевших навсегда, так и выехавших на заработки. До сих пор помню рассказы деда Антона о далёкой баснословной стране. Он уже был здесь преуспевающим фермером, когда родители по какой-то причине попросили его навестить родные места. Но вскоре началась Первая мировая война, и обратный путь в США был перерезан, что называется, всерьёз и надолго.

Мы слушали симпатичного старика с огромным интересом, однако мои родители так и не изменили скептического отношения к эмиграции. Оно ещё больше усилилось, когда они узнали о безвременной кончине в ФРГ Генриха Фритца и его жены Амалии, которые выехали туда первыми из наших близких знакомых. Это у них в гостях под Алма-Атой мы провели чудесные дни в начале 60-х годов.

Особенно бескомпромиссной противницей эмиграции была моя мать. Она унаследовала это отношение от своего отца. Его брат Фридрих долго носился с идеей отъезда в Америку и, видимо, изрядно докучал своими прожектами моему консервативному предку. Дед, а вслед за ним мать всегда повторяли по данному поводу известное библейское изречение: *"Bleib im Lande und nähre dich redlich"*.⁵⁵ Думал ли дед Карл, что честный труд и солидная крестьянская оседлость не уберегут его от "переезда" в Сибирь, казавшуюся тогдашним жителям Поволжья немногим ближе Америки?

Один из персонажей последнего романа Анатолия Рыбакова "Прах и пепел" говорит о немцах Поволжья вскоре после их выселения: *"Законопослушные российские подданные, освоили Заволжье. (...) И всё равно – чужой народ, хотя прожили здесь без малого два века, инородное тело, после войны, если будет возможность, все уедут в Германию"*.

Думаю, в данной фразе неправомерно спроецированы в прошлое представления сегодняшних дней. Чтобы массовая эмиграция российских немцев стала реальностью, понадобился целый переворот в их сознании. Основная часть наших соплеменников ещё совсем недавно относилась к возможности выезда с ничуть не большим энтузиазмом, чем мои родители. Но власти России и СССР совершили за последнее столетие, кажется, всё мыслимое и немислимое, чтобы извести немцев на территории своей страны. И копившаяся долгие годы невероятная усталость человеческого материала породила его бесповоротный разрыв.

Не раз процитированный мной А. Галич, пожалуй, точнее всех сказал о чувствах, подталкивающих российских немцев к лавинообразному исходу:

*Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом...*

*Угловым жильцом, что копит деньгу
Расплатиться за хлеб и кров.
Он копит деньгу, и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!*

Думаю, большинство выезжающих подписалось бы и под такими словами этого большого поэта:

*И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена –*

⁵⁵ Буквально: *"Оставайся в [своей] стране и живи честным трудом"*. В русском каноническом переводе Библии эта фраза имеет иной смысл – *"Живи на земле и храни истину"*.

*Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!*

*Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари –
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови!*

Когда я читаю тошнотворно-сладенькие "интернационалистские" речи нынешних политиков стран бывшего СССР и слышу плоды их неустанных трудов в виде всё более частых воплей совковых люмпенов, возмнивших о своём национальном превосходстве: "*Катитесь в свой Фатерланд! Все наши несчастья от таких чужаков, как вы!*", меня интересует только одно – на кого будут сваливаться беды России, Казахстана, Узбекистана и т.д., когда с их просторов успешно изгонят нежелательных инородцев? В том, что козлы отпущения понадобятся и найдутся, к сожалению, не позволяет усомниться многовековой кровавый опыт.

Тупиковое состояние национальной проблемы закономерно породило с конца 60-х годов коллективные акции российских немцев в пользу свободного беспрепятственного выезда. Наиболее известной из групп с подобной целью было созданное в 1972 году "Объединение немцев СССР, желающих выехать" ("Vereinigung ausreisewilliger Deutscher der UdSSR"), о деятельности которого написано у Б. Пинкуса.

Необходимо отметить, что всплеск эмиграционной активности имел место на крайне неблагоприятном фоне. В течение 50-60-х годов в рамках "воссоединения семей" смогли выехать в ФРГ лишь немногим более 20 тысяч наших соплеменников. При этом ручеёк выезжающих, начавший, было, расширяться на рубеже 50-х и 60-х, стал затем всё явственнее иссякать.

К сожалению, информация о деятельности указанных групп чрезвычайно скудна, особенно в изданиях стран бывшего СССР. Первые поборники эмиграции давно живут в ФРГ, а потому отсутствует личная преемственность между ними и нашим нынешним национальным движением. Тем не менее, их можно, на мой взгляд, считать его идейными предтечами с тем же основанием, что и участников немецких делегаций 60-х годов.

В отличие от последних, эмиграционные активисты не проявляли особого почтения к властям и, более того, установили контакты с возникшим в те годы общедиссидентским движением. Однако и они выставили требование о возрождении Республики на Волге. В случае отказа восстановить автономию некоторые предлагали для начала сосредоточить всех российских немцев, желающих выехать из страны, в Калининградской области. Видимо, из этой утопичной идеи и развился со временем пресловутый "калининградский вариант".

Группы по содействию выезду возникли в целом ряде районов Казахстана и Средней Азии, но не на территории РСФСР. Думается, это связано с тем, что в Сибири, куда немцы выселялись в основном из Поволжья, мало у кого были родственники в ФРГ. Поэтому и эмиграционные настроения созрели в наших краях довольно поздно.

Гораздо раньше и наиболее интенсивно стремление к выезду проявилось в республиках Прибалтики. В отличие от Калининградской области, они одно время действительно служили своеобразным перевалочным пунктом для выезжающих российских немцев. Местные власти, ни в коей мере не заинтересованные в дальнейшем наводнении своих территорий инородцами, чинили желающим выехать сравнительно меньше препятствий. Наиболее активные группы содействия выезду существовали именно здесь.

Б. Пинкус выделил следующие формы деятельности этих групп в 70-х годах, близкие к тактике других национальных движений тех лет, особенно крымско-татарского и еврейского: подача индивидуальных и коллективных петиций с переправкой копий в различные зарубежные инстанции, направление делегаций в Москву, демонстрации, голодовки, отказ от советского гражданства и от воинской службы, нелегальное бегство за границу, установление контактов с влиятельными иностранцами, выпуск самиздата.

На немецких активистов, требовавших всего-навсего реализации общепринятых положений международно-правовых актов о свободе выбора места проживания, обрушились жестокие репрессии: их преследовали, избивали, арестовывали. По данным Б. Пинкуса, только за 1974-77 годы было осуждено более 40 таких людей. В самый канун "перестройки" шеф КГБ В. Чебриков всё ещё докладывал наверх о пресечении "враждебной" деятельности "ряда инспирированных эмиграционных настроений среди лиц немецкой национальности". Но никакие преследования уже не могли сдерживать стремления российских немцев к эмиграции в ФРГ. Напротив, развитие ситуации подталкивало к его неуклонному усилению.

Диссидентское движение, развившееся в СССР к 70-м годам, оказало российским немцам немалую моральную поддержку. Особенно выделялся в этом смысле, конечно же, академик Андрей Сахаров.

Уже в первой своей известной правозащитной публикации "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" Сахаров написал об огромной массе погибших в результате депортации многих народов и подчеркнул: *"Антинародный характер сталинизма ярко проявился (...) в преступном переселении целых народов, обрекая их на медленное вымирание"*. В "Памятной записке", направленной Брежневу в 1971 году, академик призвал принять решения о полном восстановлении прав выселенных народов, а также законы, гарантирующие всем гражданам СССР свободный выезд и возвращение в страну. О проблемах эмиграции А. Сахаров упоминал и в своей Нобелевской лекции, и в целом ряде других выступлений. Он отметил также возникновение движений евреев и немцев за право на эмиграцию и сохранение своей национальной культуры.

Наиболее детально Сахаров высказался по проблеме российских немцев в работе "О стране и мире", написанной в 1975 году. И сегодня нельзя без волнения читать строки, где он говорит об ужасающих страданиях, лишениях и несправедливости наших людей на протяжении целых десятилетий. Тем более должна была потрясать эта картина аудиторию, особенно зарубежную, двадцать лет назад.

При огромной популярности выступлений Сахарова на Западе там не могла остаться незамеченной и его горькая констатация: *"До сих пор эмиграция советских немцев в ФРГ встречает очень слабую поддержку за рубежом, тут большая доля вины ложится на их соотечественников, на общественные организации, на государственных деятелей ФРГ. (...) Некоторые мои зарубежные друзья говорят, что многим прибывшим в ФРГ немцам трудно приспособиться к новой жизни, что они становятся там обузой. Но ведь здесь всем, решившимся на выезд, просто невозможно жить, они просто погибают"*.

Сахаров болел заботами депортированных народов до самого конца своих дней. Выступая при закрытии первого Съезда народных депутатов СССР 9 июня 1989 года, он вновь подчеркнул, что судьба этих народов является важной проблемой национальной политики, что они должны получить возможность вернуться к родным местам.

Многие его коллеги-депутаты прямо или косвенно, своим молчанием, приложили руки к долголетней разнузданной травле этого выдающегося учёного и борца за права человека. И теперь, когда у Сахарова впервые появилась возможность открыто

высказаться с высокой трибуны, они устроили ему гнусную обструкцию на глазах у всего мира. Нечего и надеяться, что подобным людям могло прийти в голову прислушаться к его предложениям, в том числе по национальной проблематике.

...С конца 60-х годов, в отрыве от родных и прежних знакомых, мои контакты с соплеменниками становились всё более мимолётными. За время учёбы в Новосибирске едва ли не единственной отдушиной в этом смысле явилось для меня участие в работе секции ГДР университетского Интерклуба. Там я встретил российских немцев – руководителя секции Евгения Гертеля, Виктора Сабельфельда (они оба сейчас живут в Германии) и других. Наш вожак приехал из Фрунзе и приходился, насколько мне помнится, сыном учителю О. Гертелю, входившему в состав первой делегации российских немцев и подвергнутому после этого властями массивной травле. Захаживали к нам, конечно, и студенты иных национальностей, тем более что секция участвовала в ежегодном туристском обмене с Дрезденским техническим университетом.

В августе 1970 года в составе такой тургруппы удалось побывать в ГДР и мне. У меня было мало шансов туда попасть: в то время к подобным поездкам привлекали в основном комсомольских активистов и прочих проверенных товарищей. И тут мне впервые помогла моя национальная принадлежность. Меня взяли с расчётом, что я буду полезен в качестве переводчика. Так оно и случилось. С каждым днём поездки мой ломаный немецкий звучал всё уверенней.

Трёхнедельное пребывание в ГДР под заботливой опекой нашего неутомимого гида Петера Ландрока и его очаровательной жены Мартины навсегда осталось в моей памяти. Местные жители проявляли к нам немалый интерес. Он подкреплялся тем, что именно в эти дни в Москве был подписан знаменитый советско-западногерманский договор. Собеседники особенно оживлялись, узнав, что в группе присутствуют этнические немцы.

Я с изумлением обнаружил, что в ГДР не имеют ни малейшего понятия о нашем существовании. Мои рассказы о трагической судьбе российских немцев производили настоящий фурор. Мы смогли воочию убедиться, что тотальное оболванивание людей коммунистической диктатурой простиралось далеко за пределы советских границ, на весь так называемый соцлагерь. Добиться этой цели в ГДР было несравненно труднее, чем в обители "старшего брата". Местные жители свободно слушали западногерманское радио и во многих районах могли принимать телепередачи из ФРГ. Стало быть, в те годы наша национальная тематика фактически замалчивалась и тамошними средствами массовой информации.

Обескураженный этим информационным вакуумом, я, с другой стороны, был чрезвычайно воодушевлён пребыванием в немецкоязычной среде. Значение постоянного общения на родном языке, дарованного родителями с колыбели и отнятого у них уже в зрелом возрасте, в полной мере раскрылось передо мной только здесь. Это окончательно убедило меня, что лишь воссоздание мест компактного проживания способно возродить наш этнос к новой жизни.

Одним из самых непривычных явлений, встретившихся нам в ГДР, показалось мне, как ни странно, отсутствие отчества при обращении к собеседнику. Ведь мы, российские немцы, полностью переняли сугубо русскую традицию использования имени и отчества. А если ещё учесть тенденцию к русификации имён, то нетрудно представить, насколько режут немецкое ухо наши обращения друг к другу. К примеру, моего отца называли в Сибири Фёдором Адамовичем. А мать и некоторые близкие, опасаясь использовать "запятнанное" имя Фриц, звали его просто Федя. Признаться, меня это всегда корбило, тем более что имя Фёдор мне почему-то не по душе.

После поездки в ГДР я стал просить не называть меня по отчеству, а если уж его использовать, то именно в "немецком" варианте, вписанном в мой паспорт. Когда в 1972

году я начал свою трудовую деятельность в роли школьного учителя физики, мои питомцы изрядно намучились, пытаюсь выговорить труднопроизносимое отчество. Но с тех пор окружающие, видимо, привыкли к этой "экстравагантности" и больше на неё не жалуются.

Я намеренно уделил столь много места такому, казалось бы, мелкому вопросу. На мой взгляд, возрождение национальных традиций должно начинаться у российских немцев с восстановления немецких имён и манеры обращения. До тех пор, пока мы будем называть себя Иванами Ивановичами, нас с полным основанием можно считать русскими.

Поездка в ГДР резко повысила мой интерес к немецкому языку, литературе и истории. Постепенно у меня образовалась неплохая библиотечка немецких художественных и общественно-политических изданий. Среди них – немало переводов, в том числе дефицитных в ту пору русских книг. Систематическое чтение на немецком лет с двадцати заметно улучшило моё владение языком. Вот только разговорной практики по-прежнему очень не доставало.

Не могу не отметить, что в 70-80-х годах жителям крупных сибирских городов было грех жаловаться на недостаток литературы издания ГДР. Увы, после исчезновения этого государства с лица земли найти в продаже свежую немецкую книгу и даже газету стало в наших краях практически невозможно. Мыслимо ли в таких условиях всерьёз говорить о возрождении языка и культуры российских немцев? А ведь именно в Сибири проживает основная масса тех из нас, кто ещё остался на территории России. Здесь есть над чем призадуматься, в том числе и нашим друзьям в Германии.

Откровенно говоря, отношение к этой стране всегда было у меня непростым. Не иначе обстоит дело и с большинством моих соплеменников, включая сверстников. Мы хорошо знали о непоправимой вине Германии за искалеченную судьбу российских немцев, но из-за многолетнего "железного занавеса" вокруг СССР весьма туманно, а то и искажённо представляли себе современные реалии германских государств, особенно ФРГ. Помню, например, каким откровением явились для меня едкие насмешки многих собеседников в ГДР над излюбленным мифом тамошней пропаганды о двух немецких нациях – социалистической и капиталистической.

Осознав ущербность своих познаний о послевоенной Германии и тесную зависимость положения российских немцев от развития ситуации на исторической родине, я твёрдо решил углубиться в актуальные проблемы ФРГ в той сфере, которая представлялась мне наиболее важной и интересной, то есть в экономике.

Для этого мне пришлось в 1971 году распрощаться со своей любимой математикой и пойти учиться на экономический факультет Ленинградского университета. К счастью, в 70-е годы экономическую литературу из ФРГ уже можно было свободно читать в наиболее крупных советских библиотеках.

Я написал дипломную работу о тенденциях в распределении национального дохода между различными слоями западногерманского общества, основываясь на данных официальной статистики ФРГ. Мои выводы в корне отличались от лживой картины "обнищания трудящихся при капитализме", которую живописали услужливые официальные "теоретики" в СССР и ГДР. Как и следовало ожидать, это доставило мне немало неприятностей при защите.

Приступив к преподавательской работе в вузе, я продолжил изучение экономической истории ФРГ и занялся проблематикой "приобщения к собственности" широких слоёв населения, включая лиц наёмного труда. Результаты, достигнутые на данном поприще, а, тем более, внимание в стране к этой сложнейшей проблеме показали мне весьма впечатляющими.

Мог ли я подумать, что известный лозунг времён Людвига Эрхарда "Собственность для всех!" так скоро станет столь же ходячей, сколь и бессодержательной фразой у нас дома? И можно ли было представить, что лихие российские "реформаторы", взявшись за преобразование тоталитарной экономики в рыночную, будут так беззастенчиво игнорировать богатейший опыт, накопленный в этом отношении в ФРГ?

Думаю, Эрхард перевернулся бы в гробу, узнай он о том, что его новоявленные "последователи" из России сочли важнейшими проблемами пост-тоталитарного общества не подъём производства, не далеко идущую "диффузию собственности" и даже не демонополизацию экономики, а ... номенклатурную "приватизацию" вкупе с искусственным подавлением инфляции ценой развала всей экономической жизни, полного обнищания основной массы населения.

...А вокруг нашей национальной проблемы царил тем временем тот же застой, что и в других сферах общественной жизни. Правда, в конце 1972 года власти отменили многолетний запрет на прописку немцев в тех местах, откуда они были выселены. Тем самым было, наконец, выполнено обещание, данное ещё Микояном в январе 1965 года первой делегации российских немцев. Но это решение содержалось в "закрытом" указе, о котором мы в те годы не ведали ни сном, ни духом. Естественно, что оно не могло иметь серьёзного практического значения.

Мне всё сильнее хотелось узнать, помнят ли вообще власть имущие о нашем существовании. Не придумав ничего лучшего, я написал в середине 70-х годов большое письмо в "Нойес Лебен".

В нём напоминалось, что российские немцы остаются едва ли не единственным народом, чья незаконно ликвидированная государственность так и не восстановлена. Такое положение, подчёркивал я, лишено всякого основания и оправдания. Между тем данные переписей населения свидетельствовали о стихийной концентрации немцев в ряде южных районов страны, прежде всего – в Казахстане. В этой связи я ставил вопрос: почему бы не использовать данное явление, чтобы хоть немного сдвинуть с мёртвой точки нашу проблему? Если по каким-то причинам невозможно сразу восстановить Республику на Волге, отчего не создать для начала национальные образования в местах нынешнего скопления российских немцев?

Через много лет, после III съезда российских немцев, прошедшего в Москве в 1993 году, я с некоторым удивлением констатировал, что мои выводы 20-летней давности оказались довольно близки к той позиции, с которой мы вышли на съезд. Дело здесь, конечно, не в моей тогдашней прозорливости, а в том, что наша национальная проблема так и вращалась с тех пор в порочном круге.

Я не ожидал получить от редакции "Нойес Лебен" развёрнутого ответа, ведь проблематикой государственности российских немцев на её страницах и не пахло. Однако мне резонно казалось, что единственная общесоюзная немецкая газета не сможет и просто отмахнуться от моих вопросов. А любая её реакция позволяла судить, каковы настроения в верхах по нашему поводу. Тем более что "Нойес Лебен" была как-никак изданием ЦК КПСС. Я бы не постеснялся обратиться и непосредственно в "партийный штаб", будь мне известно, перед кем там можно ставить столь специфичные проблемы.

Ответ редакции оказался предельно краток и, тем не менее, оправдал мои ожидания. Я и сегодня помню его дословно: *"Сообщаем Вам, что вопросы, содержащиеся в Вашем письме, доведены до сведения соответствующих инстанций"*. Это был настоящий шедевр бюрократического словотворчества, вместивший в минимальный по объёму текст массу полезной, хотя и завуалированной информации.

В ответе явно режет слух многозначительное словосочетание "соответствующие инстанции". В первую очередь к ним принадлежал, как известно, КГБ. О тесных связях с

"органами" редакций самых разных изданий (а в их составе – прежде всего отделов писем) в те годы не знал только ленивый, и я ничуть не сомневался, что моё письмо заботливо переправят "куда надо". Но меня это мало волновало. С моей точки зрения, в нём не было абсолютно ничего противоправного или хотя бы нелояльного.

Будь у меня тогда лучшее представление о том, до какой степени жива в наших доблестных органах уникальная способность "шить" политические дела на пустом месте, возможно, ход моих рассуждений был бы несколько иным.

Однако в тот момент меня гораздо больше интересовала другая "соответствующая инстанция" – ЦК КПСС. Имея в виду только КГБ, редакция едва ли стала бы сообщать о доведении моих вопросов "до сведения". Поэтому я решил, что письмо дошло и до ЦК. А это могло означать только одно: высший партийный орган по-прежнему зорко держит наши дела в поле своего руководящего и направляющего зрения.

Мой тогдашний вывод подтверждает бывший высокопоставленный работник КГБ А. Кичихин, ведавший по службе нашей национальной проблематикой. По его сведениям, в 1976-79 годах вопросом восстановления немецкой автономии занималась специальная комиссия ЦК КПСС, а 6 августа 1976 года на сей счёт было даже принято постановление Политбюро ЦК за номером П21/2. Зная о работе А. Кичихина над книгой о российских немцах, надеюсь, что он поместит в ней дополнительную информацию по данному поводу.

С разного рода предложениями по проблемам нашей автономии обращались в те времена в "Нойес Лебен", видимо, многие российские немцы. К примеру, В. Бауэр и Т. Иларионова цитируют докладную записку, направленную в газету её внештатным корреспондентом Г. Вормсбехером: *"Я лично считаю нецелесообразным восстанавливать эту автономию на Волге, а, исходя из (...) политических, экономических соображений, автономию целесообразно организовать в местах наибольшего скопления и местожительства немцев"*.

Услышав о сорвавшейся попытке центральных властей создать в 70-х годах немецкую национальную область в Казахстане, я грешным делом подумал: уж не способствовали ли проталкиванию этой идеи письма, подобные моему? Ведь в условиях полной безгласности ничего не стоило выдать произвольно подобранные из них высказывания за волеизъявление народа.

Нельзя не отметить, что уже в первом известном мне документе с предложением об образовании данной области⁵⁶ этот проект противопоставлялся воссозданию автономии в Поволжье, где немецкое население, по мнению авторов, не имело ... "исторических корней"(!!!). Правда, в моём письме, в отличие от процитированного, возможные новые национальные образования отнюдь не преподносились в качестве альтернативы Республике на Волге. Но на такие-то "нюансы" правящая верхушка могла и закрыть глаза.

Я далеко не сразу узнал о манифестациях протеста казахского населения Целиноградской области в 1979 году против запланированного вхождения части её территории в состав немецкой автономии. А подробности этих событий стали мне известны при весьма курьёзных обстоятельствах.

В период перестроечной "демократизации" меня, беспартийного, внезапно сочли достойным преподавать по совместительству экономику в Кемеровском вечернем университете марксизма-ленинизма. У меня на потоке училось несколько сотрудников КГБ. С точки зрения отношения к занятиям мне грех на них жаловаться. После уличных столкновений в Алма-Ате в декабре 1986 года у нас однажды вместо экономики зашла

⁵⁶ Записка, направленная в ЦК КПСС в августе 1978 года группой руководящих деятелей во главе с Ю. Андроповым.

речь о межнациональных отношениях. И тут мои информированные чекистские ученики стали по собственной инициативе проводить параллели между двумя инцидентами на этой почве, которые стряслись в Казахстане. В результате и я, и все присутствующие услышали о событиях 1979 года немало интересного.

Нетрудно догадаться, что тогдашние выступления организовали влиятельные властные структуры местного и республиканского уровня. Да и как могло быть иначе, если в то безмятежное время, когда власти полностью игнорировали общественное мнение, в результате протестов никому не ведомых демонстрантов было вдруг отменено решение об образовании Немецкой автономной области, принятое 31 мая 1979 года Политбюро ЦК КПСС(!) и уже реализуемое казахстанской партийной верхушкой?! Эти события явились своего рода репетицией аналогичных "народных волнений" в Поволжье в 1989-91 годах.

КГБ всегда уделял пристальное внимание и нашим проблемам, и национальному движению российских немцев. В этом я воочию убедился в начале 1990 года, когда баллотировался в народные депутаты РСФСР по одному из национально-территориальных округов Кемеровской области. Во время моей поездки по округу со мной пожелал встретиться местный представитель вездесущих органов. Его интерес объяснялся, как мне кажется, не только моей национальностью или подмоченной в глазах КГБ политической репутацией, но и тем, что в качестве одного из главных пунктов предвыборной платформы я выдвинул восстановление Республики на Волге. Сотрудник долго расспрашивал меня о положении и перспективах российско-немецкого этноса, а также нашего молодого движения. По его вопросам я сразу же понял, что он разбирается в этих материях не хуже меня самого.

"Перестройка" обернулась для страны настоящим взрывом национальных проблем, порождённым многолетним игнорированием нужд населяющих её народов. Этот процесс не мог не затронуть и российских немцев, хотя некоторые репрессированные народы активизировались гораздо раньше нас. Так, летом 1987 года в Москве состоялись массовые выступления крымских татар с требованием восстановления их поправных прав.

Однажды я услышал от А. Кичихина, что это событие сыграло роковую роль в решении нашей проблемы. Уже был, якобы, готов к подписанию указ о восстановлении Республики на Волге, но власти, напуганные акциями татар, не рискнули создавать опасный, по их мнению, прецедент. Такая версия вполне укладывается, на мой взгляд, в бессистемную и близорукую политическую линию Горбачёва.⁵⁷

Информация А. Кичихина косвенно подтверждается тем, что год спустя в приёмной ЦК КПСС пятую делегацию российских немцев заверили: документ о восстановлении автономии на Волге, дескать, давно подготовлен и даже представлен на обсуждение Политбюро. Зная всё это, нельзя не задаться вопросом: могло ли подписание соответствующего указа в 1987 году всерьёз изменить к лучшему положение российских немцев?

Откровенно говоря, верится с трудом. Большинство горбачёвских законов и указов, как известно, так и осталось на бумаге. Упомянутый акт мог иметь для нас позитивное значение лишь при условии, чтобы власти представляли, как его практически реализовать.

⁵⁷ Отмечу, что последнему генсеку КПСС было не впервой иметь дело с репрессированными народами. По сообщению ставропольского журналиста Б. Кучмаева, в начале 70-х годов, в бытность Горбачёва первым секретарём, бюро Ставропольского крайкома партии вовсю бичевало "националистические проявления" в крае. Имелись в виду попытки карачаевцев добиться восстановления своей автономии, ликвидированной Сталиным. Нетрудно представить, насколько подобный "опыт" мог способствовать пониманию Горбачёвым сложной и деликатной национальной проблематики.

Однако и у тогдашнего, и у нынешнего руководства страны не было и нет ничего похожего на продуманную национальную политику.

Представим себе, что мы получили ещё один неработающий указ. Какую пользу он принёс бы нашим людям, не считая некоторого морального удовлетворения? Имея бездействующий российский закон о реабилитации репрессированных народов, можно без труда ответить на этот вопрос. А вот вред мог быть огромный.

Фиговый листок такого указа дал бы серьёзные политические козыри нашим противникам, особенно тем силам в Германии, которые рьяно пытаются захлопнуть двери перед немецкими переселенцами из Восточной Европы. Тем самым российские немцы могли лишиться единственного по-настоящему реального шанса на этническое самосохранение.

Сказанное отнюдь не ставит под сомнение полезность и необходимость борьбы нашего народа за восстановление своей государственности. Напротив. Решение о воссоздании республики, принятое сверху, по прихоти властей (предполагаемый акт 1987 года), и её восстановление под давлением снизу, со стороны влиятельного национального движения (если бы нам удалось добиться своего в 1989-91 годах), – это варианты, порождающие принципиально разные ситуации.

В первом случае власти неизбежно насадили бы в формально восстановленной республике удобную им номенклатуру и тем самым попытались спустить дело на тормозах. В отсутствие серьёзной противодействующей силы им бы это наверняка удалось. А вот при альтернативном варианте верхам пришлось бы действовать под постоянным прессингом заинтересованной стороны.

Конечно, и эта ситуация не гарантирует решающего успеха, в чём мы, увы, убедились на собственном опыте. Но она сплачивает людей, вытравливает из них сложившуюся за долгие годы бесправия верноподданническую психологию, возрождает осознание ими принадлежности к единому этносу. Такие качества никогда не бывают лишними, в том числе и в случае выезда в ФРГ.

Можно представить себе и третий вариант – возникновение национального движения после принятия указа о республике. Вряд ли имеет смысл заниматься беспочвенным гаданием о его возможных последствиях. Тем более что приведённые выводы о безусловной необходимости нашего движения и неспособности властей самим обеспечить реальное восстановление Республики на Волге, думается, сохраняют силу и в этом случае.

Едва ли участники трёх российско-немецких делегаций, через многие годы вновь посетивших Москву в 1988 году, предавались гамлетовским раздумьям – следует или не следует ехать и добиваться своего. Жизнь давно научила большинство наших людей, что им нечего ждать милости от государства и нужно рассчитывать, прежде всего, на самих себя.

Тогдашние делегаты, в отличие от предыдущих, представляли в основном послевоенное поколение. Отсюда и целый ряд других особенностей. Они были более раскрепощёнными, не цеплялись за коммунистические догмы. Их требования о восстановлении Республики на Волге не могли сдерживаться негативным опытом проживания в ней или горькими воспоминаниями о выселении.

В делегациях 1965 года присутствовало несколько бывших руководителей республики, которые, возможно, не отказались бы вернуться в начальственные кресла в случае её восстановления. 23 года спустя старой номенклатуры больше не было, а новые руководящие кадры из числа российских немцев ещё выжидали в стороне. Они дали о себе знать лишь после того, как движение набрало силу.

На сей раз "ходокам" не удалось добиться встречи с руководством страны. Высшим должностным лицом, принявшим группу делегатов, оказался председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Восс, не сказавший по проблеме российских немцев ничего вразумительного. Впрочем, опыт 1965 года показал, что эти дворцовые аудиенции сами по себе мало что значат.

Основные усилия новых делегаций сосредоточились на выработке подходов к решению национальной проблемы и на организационном сплочении актива зарождающегося российско-немецкого движения. Последняя задача не могла всерьёз даже ставиться в 1965 году, когда тоталитарный режим пребывал ещё в достаточной силе, чтобы пресекать на корню образование любых не инспирированных сверху объединений граждан.

В апреле 1988 года, во время работы в Москве третьей делегации (отсчёт вёлся с 1965 года), была впервые за многие годы создана самостоятельная общественная структура российских немцев – Координационный комитет из 9 человек во главе с авторитетным ветераном движения за возрождение нашей автономии Иоганном Кроневальдом (председатель) и будущим лидером этого движения Генрихом Гроутом (секретарь).

Комитет подготовил приезд в июле четвёртой делегации, образовавшей на базе комитета Координационный Центр советских немцев по содействию Правительству СССР в восстановлении АССР немцев Поволжья (КЦСН) в составе 39 человек. КЦСН возглавили И. Кроневальд (председатель), Г. Гроут и Р. Корн (заместители председателя).

На первый взгляд, в длинном названии этого органа лишний раз подчёркивалась извечная черта наших соплеменников – их пресловутый конформизм по отношению к властям. Но в действительности здесь скрыт куда более глубокий смысл.⁵⁸

Ясно, что без усилий правительства не могло быть и речи о восстановлении Республики на Волге. Однако в то время (как и позднее) власти отнюдь не горели желанием реально двигаться в направлении этой цели. Стало быть, КЦСН с самого начала намеревался не просто "содействовать" правительству, но и подталкивать его. Столь же несомненно, что в случае отказа властей от удовлетворения справедливых национальных требований молодая организация должна была пойти собственным путём. Так оно вскоре и произошло.

Пятая делегация избрала в октябре 1988 года новый состав КЦСН, в который вошло теперь уже около 200 активистов. Такой огромный орган не мог быть, конечно, рабочим. Это скорее костяк будущей всесоюзной национальной организации или единый оргкомитет по формированию её структур в основных местах проживания российских немцев. Намерение создать такую организацию к тому времени окончательно созрело, что подтверждает соответствующее письмо, поданное пятой делегацией в приёмную Президиума Верховного Совета СССР.

Делегации 1988 года формировались, как и прежде, главным образом на основе личных связей. В результате в их составе оказалось много инициативных, деятельных людей, которые впоследствии составили ядро общества "Возрождение". Но немало было и случайных лиц, вскоре отошедших от активного участия в движении. Кадровая ситуация могла кардинально улучшиться лишь с появлением массового издания, которое бы способствовало консолидации и развитию зародившегося национального движения.

⁵⁸ Любопытно, что аналогичный приём использовал в своё время декабристский "Союз спасения", провозгласивший своей целью "содействовать в благих начинаниях правительству в искоренении всякого зла в управлении и обществе". Это тоже, разумеется, означало не установку на коллаборацию, а стремление использовать существующий государственный механизм для проведения общественных преобразований.

Большевистский вождь, говоря о роли газеты как коллективного организатора, смотрел прямо в корень.

Именно печать оказалась самым узким местом новой организации. "Нойес Лебен" поначалу вообще замалчивала происходившие в Москве события. Очевидно, партийные хозяева газеты ещё не решили, как к ним отнестись. Про русскоязычные издания нечего и говорить. Лишь постепенно, шаг за шагом деятельность КЦСН, а затем "Возрождения" стала проникать на страницы прессы. Этот процесс и рост движения российских немцев происходили параллельно и обуславливали друг друга.

Среди тогдашних, а, тем более, сегодняшних наших активистов немало людей, подвергшихся далеко идущей ассимиляции. Б. Пинкус, обративший внимание на этот парадокс, отметил, что он по-своему вполне закономерен: приобщение к образованию и культуре на русском языке не препятствует, а скорее способствует стремлению восстановить свою немецкую самобытность.

Можно согласиться и с тем, что ряд факторов, порождённых политикой геноцида и насильственной ассимиляции (глубокое разочарование наших людей, закономерно переросшее в их тотальное отчуждение; замалчивание проблем российских немцев средствами массовой информации, целенаправленная фабрикация последними отрицательного образа немца; настороженное, а подчас и враждебное отношение со стороны окружающего населения), со своей стороны подталкивали к поиску немецкой самобытности и, как следствие, к сплочению на национальной, а также религиозной почве.

Очевидно, однако, что даже все эти обстоятельства, вместе взятые, не привели бы сами по себе к возникновению массового российско-немецкого движения, не изменись коренным образом политическая ситуация в стране. Столь же ясно, что без этого толчка не могли иметь места и все иные разительные, а зачастую и разрушительные перемены, свидетелями которых мы были в последние годы.

Я очень сомневаюсь, что Горбачёв и его окружение представляли, какого джина они выпускают из бутылки, возвестив свою "гласность и открытость". Но дело было сделано: система, изначально построенная на лжи и насилии, стала разваливаться тотчас, как только верхи попытались убрать из-под неё эти давно прогнившие опоры.

Судя по воспоминаниям очевидцев, среди участников делегаций 1988 года выделялся Генрих Гроут. Кандидат биологических наук, ещё довольно молодой человек, он не являлся сложившимся политическим лидером. Впрочем, таковых и не могло быть среди российских немцев – если, конечно, не иметь в виду под лидерами представителей номенклатуры. Но у Гроута имелись потенциальные лидерские качества – энергия, организаторский дар, склонность к политической деятельности, чёткая и бескомпромиссная позиция по коренным проблемам российских немцев.

Поэтому вполне закономерно, что он был избран пятой делегацией председателем КЦСН (И. Кроневальд стал тогда почётным председателем) и с тех пор являлся ведущей фигурой в нашем национальном движении.

Делегаты 1988 года съехались из большинства регионов, где проживают российские немцы. С удовольствием констатирую, что не стал исключением и наш Кузбасс. В составе пятой делегации его представляли Артур Фогель из Анжеро-Судженска, участник многих последующих национальных конференций и съездов, и Кондрат Гартман из Кемерово, инициатор создания городской организации "Возрождения", вскоре выехавший в Германию. Они оба навсегда остались верны идеалам, приведшим их в национальное движение в конце 80-х.

Искусственный вакуум по нашей проблеме в официальных средствах информации (а иных в то время ещё практически не было) привёл к тому, что на места просачивались в основном отрывочные расплывчатые сведения о делегациях 1988 года и о создании КЦСН. Признаться, и я с большим запозданием узнал об этих важных событиях. Но к весне 1989 года информация стала поступать в регионы всё шире. Движение российских немцев набирало темпы и вырывалось на взлёт.

"ВОЗРОЖДЕНИЕ" РАСТЁТ СНИЗУ

Координационный Центр, включавший представителей многих регионов, помог связаться друг с другом сотням российско-немецких активистов. Достичь этой цели было особенно важно и сложно, учитывая невероятную разбросанность наших соплеменников. Их рассеивание обеспечивалось в своё время всей мощью советской государственной машины. Но молодое движение, пытаясь вновь объединить людей, едва ли могло рассчитывать на её содействие. Самое большее, на что оно вправе было надеяться, — чтобы власти не слишком ему мешали.

Так оно, в общем-то, и получилось: Советское государство, поглощённое отчаянной попыткой "перестроить" на ходу свой в конец обветшавший механизм, уделяло новым общественным структурам сравнительно немного внимания.

Констатировав индивидуализм и расплывённость российских немцев, И. Фляйшхауэр пришла к выводу, что эти качества, с успехом позволявшие им творчески самоутверждаться в иноэтничном мире, обрекали в то же время на неудачу нечастые попытки создания единого национального движения, которые до 1917 года предпринимались исключительно балтийскими немцами.

При всей значимости указанных факторов нельзя не заметить, что в отдельные периоды нашей истории на первый план выходили диаметрально противоположные, объединительные тенденции. В конце 80-х годов это выявилось с полной определённой.

Деятельность КЦСН по собиранию сил российских немцев прямо подвела в то время к идее создания массовой национальной организации. Это тем более закономерно, что перед глазами уже имелись примеры ряда других народов.

Пятая российско-немецкая делегация решила начать подготовку учредительной конференции такого объединения. А с 29 по 31 марта 1989 года КЦСН провёл в Москве намеченную конференцию, провозгласившую образование Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев (ВОСН) "Возрождение".

Не считая "Всероссийского союза российских немцев", планы создания которого активно разрабатывались в Москве, Одессе и Саратове в 1917-18 годах, но были перечёркнуты большевистским переворотом, впервые за всю историю нашего народа возникло общественное объединение, претендовавшее на общенациональный характер. Такая заявка подтверждалась представительством на конференции делегатов от республик, где проживало подавляющее большинство российских немцев, — РСФСР, Казахстана, Украины, Молдавии, Киргизии. Конференция должна была выявить, существуют ли цели и задачи, вокруг которых могли бы объединиться все политически активные национальные силы.

Как и следовало ожидать, идейная направленность учредительной конференции "Возрождения" полностью соответствовала платформе делегаций 1988 года, закреплённой деятельностью КЦСН. Конференция прошла под знаком единого подхода к программным принципам создаваемой организации. Его суть отражена уже в названии "Возрождение". Ставилась сложнейшая и жизненно важная цель: возродить народ, угасающий по вине правителей, на основе восстановления его незаконно упразднённой государственности – Немецкой республики на Волге.

По свидетельству И. Шлейхера, имя "Возрождение" впервые прозвучало в письме, переданном в оргкомитет пятой делегации одним из её членов – Б. Петерсом из Саратовской области. Я усматриваю в этом факте некую высшую справедливость. Если бы меня спросили, кто из наших активистов в наибольшей мере может считаться живым символом "Возрождения", я бы без раздумий назвал уроженца Маркштадта, всем известного ветерана движения российских немцев Бориса Петерса.

Беспристрастная оценка этого человека мне совершенно не под силу – слишком велики мои личные симпатии к нему, начиная с первых же наших встреч в 1990 году. Могу только порадоваться вместе с читателем, что он по-прежнему в строю, всё так же болеет нашими проблемами и с неизменной юношеской страстью высказывается о них.

А теперь перейдём к куда менее приятным материям. Задним числом появилось множество спекуляций на предмет исходных целей и задач "Возрождения": не означало ли, дескать, настойчивое требование о воссоздании республики российских немцев погоню за давно отжившей химерой; следовало ли столь однозначно формулировать целевую установку нового общества; не оттолкнуло ли это от него выходцев из других регионов; не оказались ли упущены альтернативы "поволжского варианта"; нужно ли было в такой мере акцентировать политические цели национального движения в ущерб экономическим и всем прочим; не был ли, наконец, тем самым запрограммирован его раскол? На мой взгляд, подобная постановка вопроса предельно далека и от реального положения, и от насущных нужд нашего народа.

Активистам движения российских немцев хорошо известно, что споры о возможности восстановления Республики в Поволжье ведутся в его рядах не первый год. И вот, когда уже казалось, что эта бесплодная дискуссия окончательно иссякла, свежего масла в огонь решили подлить В. Бауэр и Т. Иларионова.

Их пространные рассуждения на данную тему исходят из того, что нашей стране со времён Александра II, якобы, свойственна глобальная унификационная тенденция, предопределившая упрощение системы управления государством, "предпочтение гражданству, а не национальной принадлежности", подмену национальных проблем региональными и т.п. *"Катастрофа развала СССР продемонстрировала России, что любые национально-территориальные образования подобны мне, заложенной под её будущее"*, – не постеснялись заявить авторы вслед за Жириновским. Отсюда вывод: в будущем-де вероятно лишь "дезауирование", но никак не создание или восстановление национальных структур, а Немреспублика "была возможна только в рамках СССР, построенного по национально-территориальному принципу".

Думаю, что ответственным политическим деятелям и журналистам, коли уж они касаются таких принципиальных проблем, следовало бы договаривать до конца, а не ограничиваться констатацией произвольно подобранных фактов.

Если процесс унификации имеет место, то в чём его корни и характерен ли он лишь для России в определённый период её развития или носит всеобщий характер? Может ли неуклонное упрощение системы управления адекватно отражать потребности всё усложняющейся общественной структуры? Каковы, наконец, реальные или вероятные последствия ликвидации национальных образований для страны – соответственно в

прошлом и на будущее? Возможно, уже сама постановка подобного рода вопросов подтолкнула бы наших авторов к мысли, что в действительности всё происходит отнюдь не так прямолинейно, как в прожектах иных государственных мужей и их присяжных "теоретиков".

В. Бауэр и Т. Иларионова с лёгкостью необыкновенной прочерчивают некую сквозную политическую тенденцию, характерную и для Российской империи, и для СССР, и для постсоветской России. Между тем общеизвестно, что их развитие прерывалось геополитическими катастрофами 1917-го и 1991-го – не в последнюю очередь именно из-за неспособности властей страны к решению проблем её народов.

Да, Александровские реформы преследовали, в частности, благое намерение привести систему управления национальными территориями, включая и районы проживания немецких колонистов, к "общему знаменателю". Однако не способствовала ли та бездумная погоня за бюрократическими удобствами накоплению в обществе взрывчатого материала, спровоцировавшего как волнения на окраинах и массовый выезд немецкого населения, о которых упомянули авторы, так и, в конечном счёте, крах самого царского режима, о чём они в этой связи почему-то умолчали?

Конечно, иерархичное национально-территориальное устройство страны, изобретённое большевиками, легко уязвимо для критики. Но ведь советские власти, как вытекает из сказанного нами выше, ввели его вовсе не по доктринальным соображениям, а из стремления вновь собрать воедино разваленную страну. И разве не очевидно, что отмеченное авторами принудительное перемещение огромных масс людей в попытках "размыть" это устройство как раз и породило многие из тех проблем, которые повлекли за собой распад СССР?

Нельзя не отметить, что авторам было у кого поучиться схематизму и верхоглядству в подходе к сложнейшей национальной проблематике. Так, в опубликованной ими пояснительной записке к проектам, представленным на наш первый общенациональный съезд его официальным оргкомитетом, безапелляционно заявляется: *"Развитые государства в основы своего политико-административного устройства не закладывают принципов национальной государственности, а граждане этих государств не обладают официальными этническими правами"*.

Между тем в Западной Европе наблюдается в последние десятилетия именно **создание национально-территориальных образований**: Бельгия превратилась из унитарного в федеративное государство, сформированное на началах национальной автономии, а в Италии признана автономия Южного Тироля, населённого в основном немецкоязычными жителями. Если же говорить об "официальных этнических правах" (точнее – о правах национальных меньшинств), то они получили на европейском континенте практически всеобщее признание.

Да и в самой России дело обстоит далеко не так однозначно, как сгоряча показалось В. Бауэру и Т. Иларионовой, замороженным текстом новой Конституции. Документы – документами, но есть ещё и реальная жизнь, которая, к счастью, не всегда подчиняется бумажной логике. Уже после принятия Конституции 1993 года, где действительно имеется явный крен в сторону регионализма и даже унитаризма, развернулось заключение договоров Москвы с Татарстаном и другими автономиями о разграничении полномочий. В результате прерогативы национальных образований не только не были урезаны, но, напротив, существенно расширились. И произошло это, думается, по весьма прозаичной причине – власти пытаются таким способом противодействовать центробежным тенденциям, которые подвели страну к очень опасной черте.

Таким образом, напрашивается вывод, прямо противоположный умозаключению наших авторов: в обозримом будущем национальные автономии могут быть "дезаурированы" разве что вместе с самим Российским государством.

Что касается воссоздания Республики на Волге, то с точки зрения внутривнутриполитических условий оно было наиболее вероятно, без сомнения, в 50-х годах, когда происходило массовое восстановление автономий депортированных народов. Позднее по известным причинам это событие стало весьма проблематичным. Но отсюда, по моему убеждению, никак не следует, что шансы вновь обрести свою автономию у российских немцев полностью исчезли.

Достаточные основания для подобного вывода могли бы появиться, видимо, лишь при одном из трёх условий: либо в России будут уничтожены все национальные автономии (что, как отмечалось, практически невозможно), либо российские немцы вновь окажутся "внутренними врагами" (что, увы, более вероятно), либо, наконец, страна лишится подавляющего большинства своего немецкого населения (несмотря на массовый выезд, до этого ещё достаточно далеко).

Так что стремление российских немцев к восстановлению своей государственности на рубеже 80-х и 90-х годов никоим образом нельзя считать беспочвенной фантазией. Несмотря на все политические катаклизмы, случившиеся с тех пор, оно не является таковой и сегодня.

Обратимся теперь к истории. Территориально разобщённое довоенное проживание российских немцев сочеталось с многообразными связями между представителями единого этноса, обитавшими в разных регионах. Это относится, прежде всего, к духовной сфере – хранительнице российско-немецкого менталитета. АССР НП была не только национальным символом, но также важнейшим культурным и образовательным центром российских немцев. Поэтому её ликвидация явилась катастрофой для всего нашего народа.

Ссылки на успешное этническое самосохранение до 1917 года – при относительной обособленности немецких колоний, но в отсутствие собственной государственности – лишь затушёвывают суть вопроса. В том-то и дело, что в специфических условиях Советского государства, а теперь и России возможности национальной жизни жёстко лимитируются рангом территориального образования, которое имеется у того или иного народа. "Безавтономные" этносы, как уже отмечалось, обречены при этом на полную ассимиляцию.

Искренне признавая необходимым восстановление государственности российских немцев, нельзя было не прийти к выводу, что оно может состояться только в Поволжье. В отличие от многих активистов нашего движения, у меня никогда не было иллюзий по поводу возможности быстрого и безболезненного протекания труднейшего процесса воссоздания Республики на Волге. Но образование немецкой автономии (даже в форме национальной области) в каком-либо другом месте или массовое переселение российских немцев туда, где они никогда не имели корней, по моему твёрдому убеждению, **абсолютно исключены.**

Выдвинутые в этой связи "альтернативные варианты" поражают, прежде всего, своей полной нереалистичностью и вопиющей беспомощностью. Желаящие могут списывать данные пороки на счёт идейной несостоятельности авторов. Я не верил и не верю подобным объяснениям.

Чрезвычайно показательно, что поборники таких проектов – от "калининградского варианта" до пресловутого массового переселения наших людей в центральные области России – любыми способами уклоняются от их делового

обсуждения. Это может свидетельствовать только об одном: подобного рода идейки подбрасываются не затем, чтобы попытаться их реализовать, а в совсем иных целях.

Вопреки настойчиво распространяемому мифу, идейный разброд, вскоре проявившийся в верхушке нашего движения, имеет очень отдалённое отношение к региональным интересам различных групп российских немцев. Заботами "родного" тоталитарного государства нас настолько перемешали и в такой мере обрекли на единую судьбу, что целевые установки немцев, независимо от их прежнего или нынешнего места проживания, почти неотличимы.

Именно поэтому не имели ни малейшего успеха попытки некоторых деятелей с явно патологическими наклонностями натравить выходцев из различных регионов друг на друга. Региональный сепаратизм, стремление преследовать сугубо локальные интересы в ущерб решению общих проблем лишены серьёзной опоры в массах российских немцев. Эти тенденции подогреваются лишь усилиями местных и центральных властей, а также тонкого слоя людей с немецкими фамилиями, находящихся у них в услужении.

Пытаясь "доказать", что ВОСН, якобы, пренебрегло интересами российских немцев, не являющихся выходцами из Поволжья, наши оппоненты не брезгают откровенной клеветой. К примеру, трудно расценить иначе пассаж Л. Малиновского из книги "Немцы в России и на Алтае", где утверждается, будто "Возрождение", подталкиваемое "местничеством и зазнайством немцев Поволжья", возражает ... "против проведения референдума среди советских немцев о будущей автономии".

Что это – вопиющее невежество, внезапно обуявшее доктора наук, или нечто худшее? Ознакомившись с материалами съездов российских немцев, опубликованными в "Нойес Лебен", а также в сборнике В. Аумана и В. Чеботарёвой, этот господин мог бы без труда установить, что идея общенационального референдума **неизменно находила полную поддержку** в съездовских резолюциях. Надеюсь, ни одному человеку в здравом уме не придёт в голову, что это могло происходить вопреки позиции "Возрождения", активисты которого составляли абсолютное большинство делегатов. Выражаясь фразой незадачливого "критика", – "поразительно, но факт".

Такого рода измышления распространяются Л. Малиновским и в Германии. Так, в изданном там сборнике статей по истории немцев Поволжья "Между реформой и революцией" он спрашивает сам себя: почему же, мол, нынешние потомки поволжских немцев так сильно желают восстановления Республики на Волге, "стремятся руководить всем национальным движением в собственных интересах и оставить без внимания иные представления"?

Ни малейших доводов в пользу своей постановки вопроса маниакальный "доброжелатель" немцев Поволжья привести, разумеется, не смог, и это позволяет мне обойтись без комментариев по поводу его очередной инсинуации. А вот о придуманном им "объяснении" умолчать не могу: оказывается, АССР НП и её население были ... наиболее близки к Советской власти, поскольку "коллективизация сельского хозяйства нанесла им наименьший ущерб, и они получили в Советском государстве (...) далеко идущие культурные и политические привилегии"(!!!).

Выше было отмечено, что "привилегированная" немецкая автономия на Волге потеряла за время своего существования более трети населения. Уже поэтому позволительно надеяться, что читатели по достоинству оценят данную выходку многолетнего ревностного служаки Советского государства, которое привило ему поистине сногшибательную способность – непринуждённо резвиться на костях, выдавая это милое занятие за ... научную деятельность.

Что бы там ни вещали подобные господа, но за требованием о восстановлении государственности в Поволжье стояли все основные группы российских немцев. (*Не*

будет автономной республики – остаётся только выезд", – резонно заметил на учредительной конференции ВОСН не кто иной, как будущий апологет "многовариантности" Г. Вормсбехер, характеризуя преобладающие настроения людей.) Я абсолютно убеждён, что только вокруг этого лозунга и могло возникнуть массовое движение российских немцев. Он и близок, и понятен широчайшим слоям нашего народа.

Несомненно, что подобная задача является не самоцелью, а лишь средством для обеспечения российско-немецкому этносу шансов на будущее. Но мудрёный клич *"Даёшь этническое самосохранение!"* был бы совершенно непригоден, чтобы организовать и сплотить российских немцев.

Тем менее движение могло возникнуть на почве чисто экономических идей. Столь охотно произносимые сегодня в наших рядах слова *"Надо заниматься экономикой, а не политикой!"* имеют лишь тот реальный смысл, что в сложившейся ситуации чуть лучше просматриваются возможности экономических, а не политических решений проблем российских немцев. А привлечение известной ленинской дефиниции "политика есть концентрированное выражение экономики" с целью доказать, что нужно было-де сформировать соответствующую экономическую базу и лишь затем разворачивать политическую деятельность, и вовсе представляет собой чистейший нонсенс. Будучи профессиональным экономистом и никогда не метив в политические деятели, я считаю себя вправе сказать об этом со всей категоричностью.

Видимо, кое-кто успел запомнить, что в 1988-89 годах, когда зародилось наше движение, экономика практически ещё и не начинала освобождаться от пут тоталитаризма. Пытаться решать в тех условиях какие-либо значимые национальные задачи чисто экономическим путём – заведомый абсурд. Между тем политические требования, прежде всего о восстановлении Республики на Волге, уже давно вызревали в народной гуще традиционно аполитичных российских немцев.

Очень хотелось бы посмотреть на того, кто мог отмахнуться от этого нежеланного обстоятельства и написать на национальных знамёнах лозунг: *"Ребята, давайте для начала добьёмся зажиточной жизни!"* Думаю, простые немцы популярно объяснили бы ему, что в материальном отношении живут не хуже своих соседей и больше всего жаждут реального равноправия, а не лишнего куса традиционной немецкой колбасы.

Смещение акцентов в нашем движении в пользу производственно-коммерческой деятельности вполне очевидно. К этому подталкивает само развитие ситуации, блокируя одну за другой все политические инициативы и в то же время приоткрывая некоторые возможности для экономического решения национальных проблем. Независимо от того, насколько далеко зайдёт эта тенденция, она, на мой взгляд, не может не вызвать появление российско-немецких лидеров принципиально иного типа.

К сожалению, деловые люди пока что проявляют себя в этом смысле очень робко. Они в подавляющей своей массе предпочитают заниматься сугубо хозяйственной деятельностью, не стремясь увязать её с национальными целями, не имея представления о путях решения общенациональных задач, хуже того – зачастую подменяя поиски в данном направлении бессодержательными филиппиками по адресу нечестивой политики и несостоятельных политиков. Будем надеяться, что столь неприглядная ситуация знаменует собой не безысходный тупик, а трудности роста.

В этой связи не могу не отметить, что на заседаниях Немецкого клуба в Москве в 1993 году из уст видного хозяйственного руководителя Виктора Боссерта прозвучали некоторые любопытные идеи, касающиеся новых экономических возможностей решения проблем российских немцев.

Думаю, участники учредительной конференции "Возрождения" были далеки от изложенных дилемм. Вряд ли кто-то из них мог предугадать, как будет выглядеть через

несколько лет только что зародившееся движение, не говоря уже о стране, где ему предстояло действовать. Основной доклад, с которым выступил редактор альманаха "Хайматлихе Вайтен", участник делегаций 1965 года Гуго Вормсбехер, не содержал и тени сомнений, на которые этот деятель вскоре оказался таким щедрым.

Читая сегодня данное выступление, нельзя не подумать: а заглядывал ли в него впоследствии сам оратор? Если да, то почему он так быстро забыл свой тогдашний основной вывод: *"Считать единственно верным вариантом решения вопроса советских немцев вариант, признанный таковым самим народом: восстановление Немецкой автономной республики на Волге и образование немецких национальных районов и сельсоветов там, где это возможно, в местах сегодняшнего проживания советских немцев"*? И как на такой твёрдой почве мог зародиться другой плод его размышлений, появившийся на свет – ни раньше, ни позже – 9 месяцев спустя, на II конференции ВОСН: *"Место будущей автономии в любом случае может быть важным фактором лишь для той части советских немцев, которые привязаны к нему своим происхождением"*?

У сегодняшнего читателя материалы учредительной конференции "Возрождения" могут вызвать лёгкую оторопь. Мы уже успели отвыкнуть от комплиментов перестройке, "идеалам революции и социализма" и "ленинской национальной политике", которые звучали там столь обильно. Трудно представить себе и то, что наше движение задумывалось поначалу как "патриотическое", то бишь направленное против выезда. Но некоторые тогдашние мысли могли бы быть произнесены и сегодня.

Так, Г. Вормсбехер отметил, что в противовес идее восстановления поволжской республики появились многочисленные публикации о достоинствах культурно-национальной автономии и достаточности создания условий для российских немцев в местах существующего проживания. Реакция докладчика была, как никогда, определённой и решительной: *"Полагаю, что если эти публикации действительно отражают реальные намерения, то мы стоим перед очередной, и на этот раз уже последней катастрофой в сфере политики по отношению к двухмиллионному народу"*. Годы спустя мне нечего добавить к данному выводу.

Оценивая итоги учредительной конференции ВОСН, нельзя не признать, что её участники проделали большую и плодотворную работу. Принятые в результате документы оказались не бабочками-однодневками, а солидным фундаментом, на котором вполне могло строиться новое национальное движение. Сделав скидку на естественные конъюнктурные огрехи, я бы подписался под ними и сегодня – за одним, правда, исключением. Имеется в виду обращение к населению, проживающему на территории бывшей АССР НП.

Аналогичные послания мы принимали и впоследствии, в том числе с моим участием. И каждый раз мне было мучительно неловко. Неожиданно для себя приобщившись к политической деятельности, я понимал, что нам надо использовать любые возможности, чтобы привлечь на свою сторону всех, кого только можно. Но как человек я так и не смирился с тем, что должен вновь и вновь бить себя в грудь, распинаясь о страданиях своего народа и о наших добрых намерениях перед людьми, которые меньше всего хотят об этом услышать.

Перечитывая подобные наши документы, любой объективный человек скажет, что мы прилагали немало усилий, чтобы достичь взаимопонимания с населением Поволжья. Оно ответило плакатами: *"Лучше СПИД, чем немцы!"* и *"Отстояли Волгу в 41-м – не отдадим в 91-м!"*

Я знаю, что твердокаменные интернационалисты напомнят в этой связи о нашей поддержке со стороны общества "Справедливость" и саратовской "Демроссии", о партократах и подстрекателях, оболванивших и взбаламутивших простой русский народ.

Это – правда, но, к величайшему сожалению, далеко не вся. Да, основная масса местного населения осталась безучастной к яростной "антиавтономистской" кампании. Однако число наших активных инациональных сторонников на Волге никогда не превышало нескольких сот человек. А в антинемецких шабашах участвовали, между тем, тысячные толпы. Убеждён, что мы не вправе забывать об этом, размышляя о перспективах нашего народа и о своей дальнейшей деятельности, как в Поволжье, так и по России в целом.

Учредительная конференция ВОСН избрала председателем Общества Генриха Гроуга, сопредседателями – Гуго Вормсбехера и активиста немецкого движения в Поволжье Юрия Гаара.

Насколько я знаю, делегаты не поддержали альтернативное предложение о формировании руководства в составе трёх сопредседателей. Видимо, конференция учла, что подобная структура обычно бывает неустойчивой и в конечном итоге приводит к выдвиганию одного лидера. Но и принятый вариант мог быть жизнеспособен лишь при общности позиций избранных руководителей. К несчастью, уже очень скоро выяснилось, что она более чем эфемерна.

Решения конференции полностью соответствовали многолетним чаяниям российских немцев. Поэтому она вызвала широкий резонанс на местах и явилась мощным импульсом к росту движения снизу. Для начала в регионах были внимательнейшим образом проштудированы её обнародованные документы и материалы. А затем соплеменники принялись жадно впитывать, обсуждать и распространять любые сведения о первых шагах долгожданной общенациональной организации. Наибольший интерес вызывала при этом, разумеется, её позиция по поводу восстановления Республики в Поволжье.

Хорошо помню, с каким вниманием я читал и перечитывал напечатанное в "Нойес Лебен" в августе 1989 года выступление Г. Вормсбехера "Как мы представляем себе восстановление Немецкой АССР?" Данная публикация не базировалась на серьёзном анализе различных аспектов этой тяжелейшей задачи, которую именно ВОСН реально поставило на повестку дня. Но на том этапе этого и не требовалось. Нужно было для начала дать общее представление о сути проблемы и путях её решения. С моей тогдашней точки зрения, автору это в основном удалось. Я и сегодня придерживаюсь того же мнения, несмотря на всё моё неприятие последующей деятельности Г. Вормсбехера.

К сожалению, в этом интересном материале не обошлось без ложки дёгтя. По мнению автора, непосредственный процесс восстановления республики надлежало начать ... с подбора руководства(!). Более того, он предложил в качестве первого шага сформировать её временное правительство из немцев, в том числе живущих в других регионах, лишь мимоходом упомянув, что в этом органе должны быть представлены и другие национальности.

Противники немецкой автономии отреагировали на публикацию Г. Вормсбехера, особенно на его странное понимание кадровых проблем, очень бурно. Мне даже приходилось слышать и читать, что, дескать, именно подобные наши демарши возбудили антиавтономистские страсти в Поволжье. Признаться, я в этом глубоко сомневаюсь.

Активисты антинемецкой кампании выступали и выступают не с конструктивной критикой каких-либо концепций восстановления республики, а против автономии и немцев как таковых. Поэтому, когда мы два года спустя высказались на нашем первом общенациональном съезде за формирование переходных органов власти республики на паритетных началах с местными Советами и населением, в ответ послышалось всё то же привычное: "Ни за что!"

Не повлияв всерьёз на ситуацию вокруг наших проблем, выступление Г. Вормсбехера немаловажно в другом отношении: оно, на мой взгляд, очень точно

характеризует образ мышления оратора. Сколько раз приходилось убеждаться с тех пор, что этого человека по-настоящему волнует только распределение портфелей! Жажда власти неисправимо деформировала его личность, поглотив тот немалый созидательный потенциал, который был в ней, думается, заложен.

В те дни мне, конечно, не приходили в голову подобные выводы. У меня, не знакомого с понравившимся автором, ещё попросту не имелось для них оснований.

Если от поволжских "антиавтономистов" мы всегда слышали в ответ на наши предложения только истерику, то реакция местной верхушки была более разнообразной. Наиболее любопытен в этом отношении эпизод, имевший место на рубеже 1989/90 годов. В. Ауман и В. Чеботарёва охарактеризовали его так: *"Мы располагаем документальными свидетельствами того, что в декабре 1989 г. сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация: руководство Саратовской и Волгоградской областей было готово согласиться на создание нового образования (края), в рамках которого отводилась территория для автономной области немцев Поволжья. Но лидеры "Видергебурт" твёрдо стояли на своём: „Или республика в границах АССР НП, или ничего другого!“"*

Это высказывание порождает, прежде всего, естественный вопрос: ежели у авторов имеются "документальные свидетельства" по такой важной проблеме, то почему же они не опубликовали их в своём двухтомнике, где нашлось место для многих куда менее значимых документов? Правда, В. Ауман и В. Чеботарёва приводят соответствующее высказывание председателя Саратовского облисполкома Н. Александрова на совещании у секретаря ЦК КПСС А. Гиренко, но оно не содержит ничего конкретного и к тому же относится к более позднему периоду – октябрю 1990 года.

В нашем архиве не отложилось никаких письменных предложений руководства Поволжья на этот счёт, и я сомневаюсь, что они вообще существовали. Мне удалось обнаружить следы данной истории лишь в докладе Г. Гроута на II конференции ВОСН, когда он сообщил об упомянутой идее властей Саратовской (но не Волгоградской) области и отметил: *"В качестве плацдарма этой автономии предлагались три степных района Заволжья, граничащих с Казахстаном. Эти земли представляют собой полупустыню и по существу в тягость Саратовской области"*.

Указанные авторы предпочли умолчать о столь вопиющих "деталях" и, мягко говоря, упростили ситуацию, сведя причины негативной реакции лидеров ВОСН к их "нетерпимости и максимализму в требованиях". В действительности дело обстояло гораздо серьёзней: новая затея, в отличие от восстановления незаконно ликвидированной АССР НП в прежних границах, не имела под собой ни малейшей правовой почвы.

Но даже если бы саратовские партбоссы предложили нам юридически выверенную концепцию, у нас имелись все основания отнестись к ней как к ловушке. Могло ли быть иначе, коль скоро именно в это время и в тех районах бывшей АССР НП, которые местные власти наотрез отказались возвращать в состав нашей автономии, развернулась яростная, явно инспирированная антинемецкая кампания, а на предложенной бросовой территории царил показная тишь да гладь?

С тех пор прошло достаточно времени, чтобы все, кто того действительно хотел, разобрались в степени искренности и реалистичности тогдашних действующих лиц. Ушли со сцены прежние лидеры ВОСН, заученно обвиняемые В. Ауманом и В. Чеботарёвой в максимализме. Создано Землячество немцев Поволжья во главе с теми самыми людьми, которых местные власти так любили ставить в пример "экстремистам" из наших рядов. Между тем саратовские руководители не только не возвращаются к своим "великодушным" предложениям, но и полностью блокировали выполнение куда менее радикального указа Ельцина от 21 февраля 1992 года.

Сочли необходимым обратиться к подобному сюжету и В. Бауэр с Т. Иларионовой. Они сообщили, что, по мнению Б. Раушенбаха, высказанному несколько лет спустя, наиболее реально было бы восстановить в своё время Немреспублику, включив её в состав Саратовского края. *"К сожалению, – меланхолично заметили авторы, – такая хорошая идея родилась очень поздно"*. Получается, что по прошествии времени об условиях тогдашнего противоборства забыли даже люди, к нему причастные.

Академик полагал, что местные власти восприняли бы повышение своего статуса в связи с образованием края, включающего нашу республику, с большим энтузиазмом. Но зачем гадать, если применительно к 1989-му году в точности известна цена, которую они были готовы заплатить, – заведомо нежизнеспособная немецкая "область" в составе трёх полупустынных районов, а отнюдь не республика?

Что же касается 1991-го года, к которому приурочили свой вздох сожаления В. Бауэр и Т. Иларионова, то в этот период саратовское руководство категорически отказывалось обсуждать идею немецкой автономии в любой её форме. Впервые увидев тогда этих людей, я хорошо запомнил их сугубо деструктивную позицию.

Вскоре после учредительной конференции "Возрождения" тема восстановления Республики на Волге в первый раз прозвучала и на высоком партийном форуме. Выступление по этому поводу первого секретаря Волгоградского обкома партии В. Калашникова (в прошлом – многолетнего близкого сотрудника Горбачёва по Ставрополью) на Пленуме ЦК КПСС в апреле 1989 года получилось откровенно скандальным.

Местный партбосс ударился в панику, узнав, по его словам, из телепередачи о создании комитета "Возрождение" (видимо, имелось в виду ВОСН), а также о том, что требования "комитета", якобы, находят поддержку в ЦК. По обычаю времён перестройки он обрушил на центральный партийный орган град упреков, главный из которых состоял в том, "почему же нас не спрашивают", "не советуются, где и как создавать эту республику".

Однако советоваться, как оказалось, было, в общем-то, и не о чем, поскольку республику, по мнению В. Калашникова, не следовало создавать нигде и никак. Его контраргумент звучал предельно просто и доходчиво: *"А кто будет работать на целине, в Северном Казахстане, кто будет работать в Сибири?"* Сомневаюсь, чтобы оратор предварительно проштудировал стенограммы бесед с немецкими делегациями в Москве в 1965 году. Скорее всего, этот железный довод, впервые высказанный сверху четверть века назад, он нащупал собственным пытливым умом. Какая, в самом деле, республика, если места выселения немцев по-прежнему остро нуждались в безотказной рабочей скотинке?

Слова В. Калашникова, задевшие за живое даже тех российских немцев, которые сроду не интересовались материалами Пленумов ЦК КПСС, долго были мишенью для критики на наших форумах. Это продолжалось по инерции и тогда, когда их автор круто изменил свою позицию.

Через полгода после приснопамятного демарша на пленуме он вдруг заявил перед депутатской комиссией Г. Киселёва, что, пообщавшись с местным немецким населением, пришёл к такому потрясающему выводу: *"Воссоздать немецкую республику нужно только в старых границах, ни в коем случае не давая повод для перекройки границ"*. Прочитав эту фразу в "Нойес Лебен", я не поверил своим глазам. Помнится, мне даже подумалось: если уж и партийные мастодонты стали произносить такие речи, то не меняется ли и в самом деле атмосфера в верхах вокруг нашей проблемы?

Мало что зная о личности В. Калашникова, который вышел на пенсию уже в 1990 году и умер в 2008-м, я не берусь судить о степени искренности его неожиданного

прозрения. Могу только отметить, что он – возможно, сам того не желая, – на какое-то время ввёл в заблуждение относительно намерений партийной верхушки не меня одного.

Впрочем, ЦК КПСС поначалу отнёсся к ВОСН "Возрождение" и его планам достаточно благосклонно. В "Истории российских немцев в документах" опубликована пара красноречивых тому подтверждений.

В апреле 1989 года заведующий Государственно-правовым отделом ЦК КПСС А. Павлов отметил в записке, направленной в ЦК, что во вновь организованном Обществе "объединились трезво и реально мыслящие люди" и что оно "является реальной организацией советских немцев, способной активно влиять на население". В этой связи автор считал необходимым официальное признание "Возрождения", "обязательность" работы в Обществе членов КПСС и, как водилось в те времена, обеспечение партийного влияния на структуры новой организации.

Забегая вперёд, скажу, что эти предложения были реализованы лишь отчасти. "Партийного влияния" мы нахлебались досыта, и именно им объясняются, на мой взгляд, многие внутренние потрясения и конфликты, пережитые впоследствии "Возрождением". А вот "официального признания" (если иметь под ним в виду предусмотренную законом регистрацию) ВОСН так и не дождалось. Даже его республиканское подразделение в РСФСР было зарегистрировано лишь в январе 1992 года, уже после краха КПСС.

В мае 1989 года тот же А. Павлов, а также ответственные работники ЦК КПСС А. Капто и Е. Разумов направили в ЦК ещё одну записку. В ней шла речь об основных программных требованиях "Возрождения". Желание немцев возродить автономию именно в Поволжье признавалось авторами вполне понятным, поскольку любое другое решение создало бы, дескать, впечатление законодательного закрепления переселения. Более того, высокопоставленные партийные товарищи отметили: *"Сторонники автономии действуют в рамках законности, подходят к этой проблеме взвешенно и спокойно, понимают всю её сложность"*.

В итоге предлагалось вернуться к идее немецкой автономии, положенной под сукно, поручив Президиуму Верховного Совета СССР образовать специальную комиссию "для всестороннего изучения данного вопроса". Вскоре такая комиссия во главе с народным депутатом СССР Г. Киселёвым была действительно создана.

Активисты ВОСН не могли знать содержания этих закрытых партийных документов. Но многие из них ещё питали надежду, что решение по нашей проблеме будет принято на специальном Пленуме ЦК КПСС по международным отношениям, намеченном на сентябрь 1989 года. (Между прочим, расчёт на разрешение данным партийным органом вопроса о восстановлении АССР НП делался ещё второй делегацией российских немцев в 1965 году.) Совершенно не разделяя этих иллюзий, я, однако, понимал стремление лидеров "Возрождения" сполна использовать уникальный повод – подобный вопрос должен был обсуждаться на партийном форуме впервые с незапамятных времён.

Учредительная конференция ВОСН выступила в этой связи с целым рядом конкретных предложений. Основное из них состояло в том, что уже в тезисах к Пленуму ЦК должен содержаться конкретный ответ на главный вопрос: будет ли восстановлена Республика на Волге. Для его решения ВОСН признало необходимым создание специальной правительственной комиссии, повторив тем самым идею, высказанную пятой делегацией. Г. Вормсбахер предложил в своём докладе на конференции включить в комиссию "представителей советских немцев, пользующихся доверием народа, для чего провести их(?) предварительное обсуждение на собраниях и в советской немецкой печати".

Когда была образована правительственная комиссия по нашим проблемам под началом В. Гусева, никто не поставил перед ней выдвинутую конференцией цель, а лиц немецкой национальности включили в неё без сколько-нибудь широкого обсуждения.⁵⁹ Но это ничуть не помешало ни Вормсбехеру, ни другим деятелям ВОСН войти в состав этой комиссии и пребывать в ней вплоть до её бесславного конца.

Самое любопытное, что его фактически предрёк на конференции сам Г. Вормсбехер: *"Отсутствие таких представителей (пользующихся доверием народа и предварительно "обсуждённых" – В.Д.) в комиссии неизбежно вызовет настороженность и недоверие к ней"*. Как говорится, не в бровь, а в глаз!

Хотя в проекте платформы к Пленуму ЦК КПСС предложения конференции ВОСН были полностью проигнорированы, Г. Гроут высоко расценил в записке, направленной в ЦК, "революционное и конструктивное содержание" этого документа. Председатель "Возрождения" призвал принять на пленуме конкретную рекомендацию по полной реабилитации всех репрессированных народов и оценить преступления против них как проявление геноцида.

Незадолго до пленума лидеры ВОСН встретились в Верховном Совете СССР с рядом его руководителей во главе с председателем Совета Национальностей Р. Нишановым. Последние выразили при этом уверенность, что предстоящий партийный форум создаст основу "для ускорения практического решения проблемы советских немцев".

Ничего подобного, как и следовало полагать, не произошло. Долгожданный Пленум ЦК не привнёс в решение национальных проблем никаких новых конструктивных идей. Пожалуй, единственным эпизодом, которым он запомнился российским немцам, явилось страстное выступление известного механизатора из Северного Казахстана Натальи Геллерт.

Отношение наших людей к этой симпатичной женщине, долго и назойливо преподносимой официальной пропагандой в качестве образцово-показательной советской немки, было, что греха таить, весьма неоднозначным. Но под словами Н. Геллерт на этом пленуме мог бы, я думаю, подписаться едва ли не любой российский немец. Каждая фраза её яркой речи подводила к однозначному выводу об абсолютной неотложности восстановления Республики на Волге.

А предложения оратора о решении вопроса на ближайшем Съезде народных депутатов СССР, об использовании предполагаемого центрального немецкого Совета для подготовки и реализации такого решения, а также о приравнивании трудармейцев по статусу к участникам войны полностью соответствовали позиции "Возрождения". Это и неудивительно: насколько я знаю со слов Г. Гроута, активисты ВОСН участвовали в подготовке данного выступления.

Увы, коллеги Н. Геллерт по ЦК КПСС продемонстрировали лишь абсолютную глухоту и к её аргументированным словам, и к многократным демаршам в партийные органы руководства "Возрождения". Думаю, именно после этого "исторического" пленума окончательно растаяла вера в мудрость родной партии даже у коммунистов из числа российских немцев.

⁵⁹ Ю. Гаар заявил в своём докладе на III конференции ВОСН, что шестеро немцев были включены в комиссию "после соответствующих консультаций работников ВС, СМ и ЦК с руководством ВОСН "Возрождение" и немецкой общественностью". У меня нет сведений об этих консультациях, но даже если они состоялись, то, несомненно, не имели ничего общего с той гласной демократичной процедурой, которую предложил в своё время Г. Вормсбехер.

Один из них, упомянутый Г. Вормсбехер, предложив на учредительной конференции ВОСН принять решение о восстановлении АССР НП ещё до пленума, заявил, что оно "выгодно практически для всех". Форум его собственной партии показал с полной определённой, что применительно к ней это явно не так.

Тем самым "руководящая и направляющая" внесла очередной вклад в усугубление проблем народов своей страны. И это произошло в обстановке, которую уже можно было назвать предгрозовой.

...Современникам не забыть бурный 1989-й год, когда события в стране окончательно вышли из-под контроля властей. Мало кто немедля осознал это далеко ведущее обстоятельство, но все могли наблюдать поразительные явления – альтернативные выборы, марафонское политическое шоу в виде Съезда народных депутатов СССР, грандиозные шахтёрские забастовки и многое другое. Стоит ли удивляться, что в атмосфере таких глобальных катаклизмов пробудились к активной общественной жизни даже традиционно аполитичные российские немцы?

Конечно, это случилось не враз и не одновременно. В каждом регионе были, помимо общих, свои условия и причины, определявшие степень социальной активности. Наш Кузбасс отличается в этом смысле заметной спецификой. Начнём с того, что большинство его немецких жителей – выходцы из Поволжья.

Именно волжане и их потомки – наиболее политизированная и организованная часть российских немцев, нравится это или нет злобствующим господам малиновским-видмайерам. Остальные соплеменники не меньше поволжских немцев осознают необходимость восстановления российско-немецкой государственности и не хуже их понимают, что это могло бы произойти только на Волге. Но столь глубоких личных мотивов к борьбе за автономию у них, по понятным причинам, обычно нет.

Далее, в нашем урбанизированном крае лишь небольшая часть немецкого населения живёт на селе, где политическая инертность более высока. Многие кузбасские немцы издавна трудятся на шахтах и заводах, ставших в этот период центрами социально-экономических потрясений. Показательно, что единственным народным депутатом России немецкой национальности, избранным в 1990 году и активно поддержавшим наше движение, оказался рабочий лидер из Новокузнецка Александр Бир. В Кузбассе имеется и немалая прослойка достаточно молодых немцев, занятых умственным трудом. Многие из них стояли у истоков национального движения в регионе.

А непосредственным поводом для брожения среди местных немецких жителей послужили статьи В. Рудина, опубликованные в 1987 году в областной газете "Кузбасс" и неожиданно вызвавшие общесоюзный резонанс. Исходя из традиционных антинемецких клише официальной пропаганды, в них по существу оправдывался многолетний геноцид против российских немцев.

В возмущённых откликах наших соплеменников высказывалось предположение, что Рудин просто не осведомлён о существовании вопроса. Основываясь на собственных впечатлениях, я не могу с этим согласиться.

Мне не раз доводилось слышать этого автора на разного рода публичных мероприятиях. В прошлом работник КГБ, он много лет живописал подвиги чекистов. Но его трудно отнести к невеждам, а тем более к типичным сталинским ретроградам. На перестроечной волне он даже оказался в числе создателей местного отделения общества "Мемориал". А резкие неосторожные высказывания для него и вовсе не характерны. Поэтому я совершенно исключаю, что опусы Рудина появились лишь по его инициативе.

Кемеровский активист "Возрождения" Александр Шиллер положил немало сил, чтобы доказать, что за ними стояли обком КПСС и его тогдашний первый секретарь В.

Бакатин. Я же убеждён, что здесь не обошлось и без того учреждения, ветераном которого являлся Рудин, а одним из руководителей – сам Бакатин. В условиях 1987 года статьи такого рода ещё не имели шансов появиться, минуя КГБ – негласного арбитра по части большой политики, в том числе и национальной.

"Органы" не могли не видеть, что многолетнее попрание прав российских немцев всё более чревато взрывоопасной ситуацией. В условиях глубокого и острого социального кризиса уже нельзя было полагаться на хваленую лояльность наших людей, тем паче в Кузбассе. Загодя выявить потенциальных зачинщиков смуты на российско-немецкой почве – такова, на мой взгляд, сверхзадача тех провокационных публикаций.

Если это так, то цель была достигнута сполна. Мне достоверно известно, что редакцию буквально наводнили гневные отклики, в том числе далеко из-за пределов области. Интересно, где все эти письма и телеграммы находятся теперь?

Подобные послания не обошли и высшую партийную инстанцию. Прочитывая одно из них в своей записке в ЦК КПСС, ответственный работник ЦК В. Михайлов отнёс творения Рудина к "ошибочным материалам, содержащим в корне неверные сведения о советских немцах". Но обнаружить подобную оценку компетентный товарищ, разумеется, постеснялся. Стоило ли ради каких-то немцев обижать заслуженного клеветника из собственных рядов?

Газета "Кузбасс" отмалчивалась почти полтора года. Лишь незадолго до создания общества "Возрождение" ей было дозволено показать российским немцам, что "гласность и открытость" распространяются и на их болезненные проблемы. Газета поместила протестующее письмо ведущих местных активистов зарождавшегося движения – К. Гартмана, А. Фогеля и Я. Маурера. Более того, редакция призналась, что недооценила воздействие своих предыдущих публикаций на немецкое население Кузбасса и других регионов, а также объявила ошибкой "запоздание" с обнаружением мнений оппонентов Рудина. Последним газета даже принесла свои извинения.

Но никто и не подумал повиниться перед нашим многострадальным народом, публично удостоенным очередной порции разухабистой клеветы. Демонстрируя своеобразное понимание гласности своими хозяевами, редакция без тени смущения заявила, что ангажированный ими пасквилянт Рудин "вправе был высказать свою точку зрения" на газетных страницах.

Я не писал возмущённых посланий в "Кузбасс". Со времени памятного общения с редакцией "Нойес Лебен" мне больше не приходило в голову использовать этот жанр как средство политического зондажа. Но органы и без того проявляли нездоровый интерес к моей скромной персоне.

А в мае 1988 года, когда уже вовсю бушевала "демократизация", меня прямо с занятий в институте доставили на "Волге" в областное Управление КГБ. Заместитель его начальника А. Кузнецов (впоследствии – начальник, в том числе по линии органов госбезопасности России с их постоянно меняющимися названиями) нудно и в то же время агрессивно внушал мне битый час, что мои деяния, направленные – ни много, ни мало – на свержение горячо любимого социалистического строя, подпадают одновременно под статьи 70, 72 и 190-1 Уголовного Кодекса РСФСР. Замечу, что этот букет соответствует знаменитой 58-й статье времён массовой охоты на "врагов народа".

Пытаясь придать правдоподобие своим буйным измышлениям, высокопоставленный чекист цитировал даже мои высказывания перед студентами в далёком 1980 году. Речь не шла о национальной тематике, но меня бы ничуть не удивило, откройся вдруг дверь и появишься на этом слегка завуалированном допросе сам товарищ Рудин.

Органы неумолимо продолжали свою поисковую деятельность, а гласность тем временем шествовала по Кузбассу. Я, как активист городского дискуссионного клуба "Рабочий", зачастил на местное телевидение. В июле 1989 года, после одной из передач, ведущий, вспомнив о моей национальности, сказал, что на днях состоится запись сюжета о немцах, и пригласил меня прийти.

Воскресным утром я застал на студии немецкий ансамбль "Фольксштимме" из Анжеро-Судженска. По возрасту самодеятельные артисты, скажем прямо, мало подходили для намеченной молодёжной передачи. Впервые попав на телевидение, они очень волновались. Похоже, меня приняли за подсадную утку, призванную проследить, как бы эти люди не наговорили или не напели лишнего.

Напряжённость растаяла после записи беседы о проблемах российских немцев, в которой, помимо ведущего Сергея Медведева и меня, участвовали упомянутый Артур Фогель и будущий председатель российского общества "Видергебурт", а затем преемник Гроуга на постах председателя МГСН и Совета немцев России Яков Маурер. Последний, помнится, выступал в ансамбле в роли барабанщика и смотрелся в своём шикарном национальном костюме очень эффектно.

Не считая кемеровчанина К. Гартмана, это были первые активисты российско-немецкого движения, с которыми мне довелось встретиться. Более компактно проживающие и лучше знающие друг друга анжерские немцы опередили соплеменников из других городов области, создав национальный фольклорный коллектив и организовав подразделение ВОСН "Возрождение".

Я немало узнал от анжерцев о первых шагах нашего национального движения. В привезённой ими брошюре среди его активистов значился и мой троюродный брат Гуго Шауфлер, впоследствии возглавлявший Республиканское общество немцев Крыма. Известный архитектор и художник, он в нашей семье всегда ставился мне в пример. И весть об его участии в движении тоже в какой-то мере сказала на моих дальнейших действиях.

В этой передаче была впервые в Кузбассе сказана с телеэкрана правда о российских немцах, прозвучали наши полузабытые мелодичные песни. Нетрудно представить, как это воодушевило моих земляков. Думаю, данное событие, наряду с другими, определённо ускорило процесс их единения и создания местных структур общества "Возрождение".

Кемеровская организация ВОСН была образована в середине октября 1989 года на собрании немецких жителей города, а также близлежащих населённых пунктов. По данным переписи населения 1989 года, в Кемерово проживало 4 тысячи немцев. Объявление о собрании напечатали в газете. Тем не менее, я опасался, что люди не откликнутся. Тревоги оказались напрасными: в погожий воскресный день в здание бывшего горкома КПСС пришло около 300 человек.

С тех пор мне довелось участвовать во многих наших национальных форумах, но впечатление от этого собрания, первого для меня и подавляющего большинства присутствующих, остаётся наиболее ярким. В фойе звучала популярная музыка российских немцев, которую собравшиеся не слышали десятки лет, а то и никогда. Люди пели и танцевали как на самом радостном празднике. В глазах многих стояли слёзы.

Общению не мешало и то, что большинство, годами живя в одном городе, виделось впервые. Кроме К. Гартмана и нескольких знакомых моих родителей, я встречал до этого лишь двух участников собрания – инженера Александра Майснера и кандидата технических наук Виктора Пауля. Оба впоследствии сыграли в нашем движении немалую роль и заслуживают отдельного рассказа.

С А. Майснером мы ровесники и когда-то работали в одном строительном тресте. Лично знакомы не были, но я знал, что он немец. Постоянно общаясь с ним в ходе совместной деятельности в Обществе "Возрождение", я быстро убедился, что главная отличительная черта этого человека – абсолютная преданность интересам своего народа. Не представляю, чтобы он мог руководствоваться привходящими соображениями, когда дело касается наших национальных проблем. Городская и областная организации "Видергебурт" были единными и сплочёнными в первую очередь благодаря ему.

Опытный хозяйственный руководитель, Александр занимался в нашем Обществе, прежде всего, организационной работой. Помощь выезжающим и нуждающимся; подготовка собраний, праздников и встреч; постоянные контакты с властями, местными структурами "Возрождения" и зарубежными гостями; деловые поездки по области, в Москву и Германию; вопросы экономики, образования и культуры – вот далеко не полный перечень его забот.

С 1990 года А. Майснер неизменно возглавлял областные делегации на съездах российских немцев и конференциях общества "Видергебурт", избирался членом МГСН и центрального Совета нашего общества.

Когда весной 1992 года встал вопрос о кандидатуре на пост генерального директора предложенного нами Российско-Немецкого фонда, я сразу же подумал об Александре. Помимо названных качеств он обладает высокой квалификацией инженера-строителя и не понаслышке знаком с вопросами распределения и использования капиталовложений. Саша приехал в нашу московскую штаб-квартиру и несколько недель обивал вместе с нами пороги правительственных учреждений, добиваясь принятия решения о создании этого фонда. Всё оказалось тщетным: высокопоставленным чиновникам не было дела ни до помощи российским немцам, ни до её использования на благо народа и с его участием.

После этого российские власти продолжали непристойную возню вокруг создания фонда ещё два с лишним года, несмотря на изданные на сей счёт указ Б. Ельцина и распоряжение главы правительства В. Черномырдина. Данная эпопея, думаю, окончательно убедила А. Майснера, что в стране, где он родился и прожил всю жизнь, практически невозможно решить в наших национальных интересах ни один серьёзный вопрос.

У Александра два брата – Фридрих и Виктор, возглавлявшие городские организации "Возрождения" в Кузбассе. Сегодня они оба в Германии. В июле 1993 года туда выехал и Саша. В результате эмиграции мы уже лишились многих товарищей по движению. Но когда я думаю об отъезде Александра, у меня, признаться, опускаются руки. Ума не приложу, кем заменить его и ему подобных. У властей, очевидно, об этом голова не болит. Как же несчастна страна, которая с лёгким и пустым сердцем выталкивает за свои пределы таких людей!

Виктора Пауля, сейчас также живущего в Германии, я заочно знал давно: наши родители, как отмечалось, были в Маркштадте соседями. А встретились мы с ним летом 1988 года. Тогда кемеровские власти решили расправиться с активистами зарождавшегося городского дискуссионного клуба, которых подвергли предварительной обработке в КГБ.

После этого в политехническом институте, где преподавал В. Пауль, был устроен диспут, а точнее – публичное избиение. Заранее подготовленные ораторы истошно поносили наши идеи, довольно банальные по сегодняшним меркам и направленные всего лишь на преобразование анахроничной экономической системы советского общества. Пауля, имевшего стойкую репутацию смутьяна, никто не уполномочил выступать. Но он энергично и гневно заклеил эту "охоту на ведьм" на четвёртом году перестройки, подчеркнув, что она направляется из КГБ. Многие присутствующие, не исключая и меня, не поверили своим ушам.

Близко познакомившись с В. Паулем, я увидел, что эта необычная по тем временам акция в высшей степени для него характерна. Среди российских немцев очень немного столь же непримиримых, убеждённых и открытых противников коммунистической системы. Однозначная идейная позиция привела Пауля в Демократический союз В. Новодворской, а затем и в наше движение.

Он представлял Кемерово на учредительной конференции Всесоюзного общества "Возрождение". Со времени создания городской организации ВОСН В. Пауль был её неизменным активистом, а в 1993-95 годах – председателем. В отличие от А. Майснера, он неплохой оратор. На мой взгляд, они удачно дополняли друг друга. На тысячах таких преданных делу людей, как Майснер и Пауль, и зиждется российско-немецкое движение.

Первое наше собрание, как и следовало ожидать, прошло довольно сумбурно. Создавалось впечатление, что каждый выступавший пытался выговориться сразу за все долгие годы вынужденного безмолвия.

Многие с возмущением упоминали о заговоре молчания, организованном властью имущими вокруг нашей национальной проблемы. Поэтому вполне закономерно, что в зале не раз прозвучала мысль о необходимости опубликовать в областной печати те официальные документы, которые предопределили трагическую судьбу российских немцев. Не менее часто раздавалось, разумеется, и требование восстановить Республику на Волге. Впрочем, кое-кто из выступающих утверждал, что прошлого не вернуть и нужно, дескать, искать другие пути к возрождению российско-немецкого этноса.

Зная нравы нашей местной печати, я не стал говорить о том, что ей следовало бы обнародовать указы, принятые по проблемам российских немцев. Тем более что история с безответными измышлениями Рудина была ещё слишком жива в памяти. Кстати говоря, редакция "Кузбасса", поместив, наконец, возражения наших товарищей, заверила читателей, что продолжит на своих страницах давно начатый "разговор". Обещанного, как водится, пришлось долго ждать. Первой публикацией газеты о российских немцах оказалась после этого, насколько я помню, заметка по поводу того самого нашего собрания.

Мы писали её вместе с членом городского Совета ВОСН А. Эллером, сегодня также проживающим в Германии. Я, однако, поостерегся подписываться под ней, сознавая, что фамилия автора, находящегося под пристальной "опекой" КГБ, едва ли может способствовать опубликованию.

А моё выступление на нашем собрании началось, конечно же, с вопроса о восстановлении Республики на Волге. Я попытался развеять сомнения некоторых присутствующих, так сказать, методом от противного: рассказал, что сам когда-то предлагал подумать о создании немецких национальных образований в Казахстане, напомнив, во что вылилась соответствующая попытка. Но в основном я говорил о наших местных проблемах: о подготовке преподавателей родного языка в Кузбассе, создании немецких школ и групп в детских садах, выпуске литературы для немцев в издательствах области, выдвижении собственных кандидатов на будущих выборах в Советы и т.п.

Вспоминая сегодня то давнее собрание, я с горечью констатирую, что большую часть из того, о чём мы тогда говорили, так и не удалось реализовать. И дело здесь, видит Бог, не в том, что нас слишком заносило в несбыточных мечтах или что мы не пытались "пробить" перечисленные вопросы. Взять, к примеру, создание немецкой школы в Кемерово, против которой местные власти, в общем-то, не возражали. Дело упёрлось в малочисленность немцев даже в нашем областном центре и в их разбросанность по обширной территории города. Единая школа для всех желающих немецких детей может быть создана в этих условиях разве что при интернатной системе. А она устроила бы далеко не всех родителей.

Одной из немногих наших задумок, которую мы смогли быстро осуществить, был небольшой цикл лекций об основных этапах истории российских немцев, прочитанных мной на последующих собраниях нашей городской организации.

К сожалению, я в этой области не профессионал. Но в результате своего давнего интереса мне постепенно удалось накопить немалую информацию по данной теме. В середине 70-х годов я наткнулся в букинистическом магазине Новосибирска на увлекательную и редкую брошюру П. Галлера "Воспоминания: Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия", изданную в Саратове в 1927 году и недавно, наконец, переизданную. А в 1979 году я обнаружил в новосибирской библиотеке две книги по нашей истории, принадлежащие перу Карла Штумппа и вышедшие в ФРГ. Одну из них – о переселении из Германии в Россию – преподнёс библиотеке с дарственной надписью сам автор. Этот солидный том поистине уникален по богатству использованных материалов и заслуживал бы почётно́го места в доме каждого нашего соплеменника.

Издание было доступно в Новосибирске для всех посетителей читальных залов крупнейшей в Сибири библиотеки, если не ошибаюсь, ещё с 1973 года. Но когда оно попало мне в руки, то по степени сохранности не составляло труда установить, что книгу почти никто не открывал. Очевидно, о ней просто не знали. Да и могло ли быть иначе, если даже я, постоянный читатель этой библиотеки, с трудом нашёл в ней книги данного автора?

В предметном каталоге под рубрикой "Немцы в СССР" значилось, помнится, всего 3 издания: автореферат кандидатской диссертации Л. Малиновского о немецких сёлах в Сибири, автореферат диссертации какого-то латыша о растленном влиянии немецких баронов в Прибалтике, а также библиографический справочник самого К. Штумппа. Две остальные его книги загадочным образом отсутствовали. Я их раскопал, лишь отыскав на всякий случай фамилию автора в алфавитном каталоге.

К счастью, теперь до российских немцев и их организаций уже дошло из ФРГ через "Землячество немцев из России" и по другим каналам немало экземпляров главного труда замечательного исследователя нашего малоизвестного прошлого.

Это относится и к другому изданию К. Штумппа, прекрасно иллюстрированному популярному очерку трагической истории российских немцев. В Новосибирске в те глухие годы книга была закрыта для доступа рядового читателя. Но мне правдами и неправдами удалось просмотреть её в зале "специального хранения". Помнится, я говорил на нашем первом собрании, что эту книгу следовало бы перевести и издать. Увы, это никем не сделано до сих пор.

В 80-х годах я обнаружил немало старинных книг по нашей истории в московских библиотеках. Выписки из всех проштудированных изданий, а также материалы, опубликованные в "Нойес Лебен" и "Хайматлихе Вайтен", я использовал при чтении своих лекций. Подготовка потребовала от меня напряжённого труда, но живой интерес аудитории компенсировал его с лихвой.

Через месяц после образования Кемеровского городского общества состоялась учредительная конференция областной организации "Возрождения", проходившая в Новокузнецке. Сюда съехались делегаты большинства городов и ряда сельских районов Кузбасса. В некоторых из них уже были созданы подразделения ВОСН.

Накануне я здесь же участвовал в конференции Союза трудящихся Кузбасса – общественной организации, возникшей на базе рабочих комитетов, которые образовались в ходе июльских забастовок шахтёров. Мероприятие получилось бурным, и я, памятуя о нашем кемеровском немецком собрании, надеялся передохнуть на следующий день в кругу единомышленников. Но не тут-то было.

На конференции "Возрождения" нашлась пара звучногосых сторонников "калининградского варианта", которые попытались навязать присутствующим отказ от программного требования о восстановлении нашей республики. Их аргументы сводились к тому, что далеко не все российские немцы рвутся переехать в Поволжье, а посему, дескать, недемократично выставлять лозунг о Республике на Волге.

Я возразил, что именно демократические принципы требуют предоставить и народу в целом, и каждой его части право на свободное национальное развитие по собственному выбору. Не так уж существенно, подчеркнул я, какова будет точная численность немцев, которые поедут в восстановленную республику. Главное – чтобы те, кто того пожелают, могли беспрепятственно это сделать. Тем более что у нас имеются все мыслимые права на воссоздание своей государственности именно в Поволжье и нигде более. Не уверен, что мне удалось убедить неожиданных оппонентов. Публичных возражений с их стороны, однако, не последовало.

Странная дискуссия в Новокузнецке ожила в моей памяти несколько лет спустя, когда аналогичные возражения против Республики на Волге раздалась на заседании Форштанда МГСН из уст небезызвестного советника Ельцина по национальным проблем Г. Старовойтовой, в первый и последний раз почтившей своим присутствием наше мероприятие.

Она задала риторический вопрос, казавшийся ей, видимо, убийственным: можем ли мы гарантировать, не проведя соответствующего обследования, что в восстановленную республику поедет достаточно много российских немцев и здесь не повторится история с индифферентностью евреев к своей национальной области на Дальнем Востоке? Некоторые из нас, по правде сказать, лишились дара речи.

Что было делать? Убеждать ультрадемократку, что у безвинно томящихся в застенке не вполне прилично выяснять, желают ли они исправления беззакония, допущенного по отношению к ним? Напоминать высокоучёному эксперту, что Еврейская автономная область была создана Сталиным отнюдь не по желанию самих евреев, а из-за давнего стремления вождя убрать этот нелюбезный его сердцу народ куда-нибудь с глаз подальше? Или, наконец, в очередной раз огласить советнице, тогда ещё облечённой полным доверием Президента России, хорошо известные ей многократные требования легитимных национальных форумов и представительных органов российских немцев о восстановлении Республики на Волге?

Годы спустя я с удивлением узнал, что озабоченность "гарантиями" все еще не иссякла. Более того, В. Бауэр с Т. Иларионовой увязали данную проблему не только с "достаточным числом немцев" в Поволжье, но и с восстановлением роли этого региона как центра национальной жизни. Последнее производит особенно комичное впечатление, поскольку авторы противопоставляют воссозданию республики формирование "системы культурной автономии", которая заведомо не может явиться подобным центром.

Я уже не говорю о том, что ни один ревнитель "гарантий", не исключая и наших авторов, никогда не пояснял, какая их форма могла бы его устроить, – закон об обязательном возвращении немцев на Волгу, "подписка о въезде" или – чем чёрт не шутит – страховой полис (ведь стопроцентную гарантию даёт, как известно, только он)?

В выступлении на заседании Форштанда я не стал скрывать своего отношения к непристойным речам Г. Старовойтовой, а заодно дал оценку той, с позволения сказать, национальной политики, которая проводилась в России не без её участия. Ответа со стороны искушённого полемиста мы, увы, не дождались.

Безвестные единомышленники госпожи Старовойтовой, которые обнаружили в Новокузнецке, были столь же мало готовы убеждать оппонентов, как и она сама. Но это, похоже, не остудило новообращённых патриотов Кёнигсберга. Так я впервые столкнулся с

живыми плодами широковещательных призывов К. Видмайера. Как раз в те дни ему публично поддакнул профессиональный инакомыслящий в нашем движении Г. Вормсбехер.

По утверждению А. Айсфельда, с сентября 1989 года сотрудники ЦК КПСС целенаправленно подбрасывали руководителям "Возрождения" дезинформацию о том, что создание немецкой автономии в Калининградской области, якобы, поддерживает сам Горбачёв. Так это или нет, но прожекты Видмайера и иже с ним являются слишком абсурдными и вызывающими, чтобы приписывать их появление лишь необузданной фантазии полуграмотных "геополитиков".

По словам главного трубадура, рецепт возрождения этого крайне запущенного региона прост до смешного: инвестиции из ФРГ, направляемые в строгом соответствии с численностью переселившихся сюда российских немцев. О том, каким образом побудить предполагаемых инвесторов действовать именно так, как считает нужным господин Видмайер, он, разумеется, скромно умолчал. Зато самозванный вербовщик порадовал российских немцев тем, что в Калининградской области нет коренного населения, а посему здесь, якобы, почти исключены межнациональные конфликты.

Будь подобные деятели способны воспринимать рациональные аргументы, можно было бы напомнить, что на территории АССР НП дело обстоит практически аналогично: значительная часть нынешнего населения попала сюда в результате эвакуации и по оргнабору почти в те же годы, что и жители Калининграда.⁶⁰ Заодно следовало бы популярно объяснить, что наличие в регионе "некоренных" жителей, не уверенных в прочности своего положения, скорее усиливает, чем снимает угрозу всевозможных конфликтов. Но какой смысл всерьёз препарировать измышления, явно нацеленные на эмоции и чувства людей, а не на их разум?

Большей части российских немцев Калининград никогда не казался альтернативой Республики на Волге – уже потому, что мы, как известно, не имеем на него ни малейших прав. Создание немецких национальных образований на этой территории заведомо исключено. Всё это не было секретом и для Видмайера с компанией, которые бодро взывали: никакой автономии, дескать, и не нужно; главное – собрать вещички и, не мешкая, перебраться в вожделенный Кёниг! Но коли так, то почему же сами агитаторы предпочли остаться в Москве, а затем отбыть в Германию?!

Я с уважением отношусь к тем мужественным соплеменникам, которые безо всякой саморекламы переезжают в Калининградскую область и в трудных условиях пытаются найти здесь новый жизненный шанс. Достояна признания деятельность местного общества "Айнтрахт" во главе с Виктором Гофманом, а также немецкого землячества, созданного позднее. Эти организации заботятся, как могут, не только о проживающих здесь российских немцах, но и о возрождении этого региона на благо всех его жителей.

Совсем иное дело – безответственные заезжие политиканы, которые, зная себе, пописывают всевозможные пасквили да выступают с провокационными откровениями о Кёнигсберге как "родине российских немцев". Если их "деятельность", не приведя Господь, и увенчается результатом, то он может состоять только в одном: в разжигании вокруг Калининграда антинемецкого психоза, подобного тому, который другим политиканам удалось вызвать в Поволжье.

Мы вернулись из Новокузнецка с удовлетворением от достигнутого единения структур "Возрождения" в области, но и с грузом новых забот. А. Майснер стал председателем созданного областного общества, а я, как и ряд других кемеровчан, –

⁶⁰ Юрию Власову, побывавшему в Энгельсе в начале 50-х, когда первая категория в основной своей массе уже вернулась в родные места, а вторая ещё полностью не прибыла, бывшая столица нашей республики запомнилась как призрачный мёртвый город.

членом его совета. А впереди был рождественский праздник, который наша городская организация ВОСН решила отметить, как подобает немцам. К этому времени у нас сложился небольшой вокальный коллектив, и мы принялись разучивать рождественские песни. Я будто вновь окунулся в мир своего детства.

Едва успев сформироваться, наш ансамбль приступил к активным выступлениям. Мы исполняли перед участниками немецких собраний в первую очередь тот репертуар, который сохранился в глубинах памяти некоторых присутствующих, – от рождественских песен до популярного немецкого фольклора: "Прекрасна юность", "Сусанна", "Если бы я не увидел тебя".

Вскоре после дебюта нам представилась возможность выступить перед более широкой аудиторией в передаче кемеровского телевидения. Свообразным венцом нашей первой программы стала известная песня Эрнста Буша о едином рабочем фронте. При её исполнении мне впервые в жизни пришлось выступать с экрана в роли солиста.

Несмотря на коммунистическую фразеологию, эта песня близка мне с юношеских лет – прежде всего из-за слов о том, что человеку не нужны рабы под собой и господ наверху. Право же, данная фраза, сказанная вовсе не о российских немцах, имеет к нашей судьбе самое непосредственное отношение.

Подлинной душой нашего коллектива был пенсионер В. Кинцель, член городского Совета ВОСН, в прошлом – инженер-горняк. У меня сохранилась исписанная им тетрадь с немецкими песнями. В отличие от большинства участников ансамбля, он вырос в Поволжье и буквально бредил родными местами. Каждое сколько-нибудь заметное событие вокруг нашей проблемы я подолгу обсуждал с ним при встречах или по телефону. Темой последнего такого разговора явилось непостижимое выступление Ельцина на территории нашей бывшей республики в начале 1992 года. У меня возникло ощущение, что после этого моему товарищу больше не хочется жить.

Так это или нет – теперь уже не спросишь. Вольдемар Кинцель погиб в дорожном происшествии на Урале в феврале 1992 года. Я был в то время в Москве и лишь через месяц, на нашем втором общенациональном съезде, услышал страшную весть от его брата, который являлся делегатом. Признаться, я так и не могу представить дорогого мне человека мёртвым. Чаще всего он вспоминается таким же оживлённым и взволнованным, как на нашем первом рождественском празднике в декабре 1989 года.

Тогда в одном из кемеровских ресторанов собралось в сочельник множество людей. Даже арендованный нами большой зал не смог вместить всех желающих. Выпускница мединститута Катя Лир, проживающая сегодня в ФРГ, очаровала гостей в роли Снегурочки. На меня несколько неожиданно возложили обязанности Вайнахтсмана – немецкого аналога Деда Мороза. На празднике было немало детей, которые не только развлекались, но и пытались исполнять немецкие песенки и стихи. А гвоздём вечера стало коллективное пение любимого хорала наших отцов и дедов "Тихая ночь".

К рубежу 1990 года движение российских немцев подошло в крайне противоречивой ситуации. С одной стороны, Общество "Возрождение" развернуло свою деятельность почти во всех регионах СССР, где имелось немецкое население. В ряды ВОСН вступили десятки тысяч человек. Однако радужные надежды многих его активистов на то, что Республика на Волге будет восстановлена уже в 1989 году, оказались иллюзией чистой воды.⁶¹ Несмотря на благоприятные выводы Комиссии Совета

⁶¹ О том, насколько широко были распространены подобные настроения, красноречиво свидетельствуют выступления на семинаре-совещании в Саратове 30 сентября 1989 года будущих трубадуров "поэтапности" и "взвешенности". Так, известный местный активист Н. Лейман заявил тогда: *"Я за полное немедленное восстановление автономии в местах, где сегодня компактно"*

Национальностей Верховного Совета СССР по проблемам советских немцев во главе с Г. Киселёвым, не было никаких признаков, что союзные власти намерены руководствоваться её мнением для принятия радикальных решений на благо нашего народа. А в Поволжье партократия инсценировала тем временем первый акт непристойного антинемецкого спектакля.

Для выражения отношения к этой ситуации Президиум Координационного Центра ВОСН решил провести 7 января 1990 года в 42-х городах страны интернациональные митинги-собрания. Из-за морозов мы в Кемерово организовали запланированную акцию в закрытом помещении. Она была замечена не только у нас, но и в Москве: в докладе на II конференции "Возрождения" Г. Гроут назвал Кемерово в числе городов, где тогдашние собрания и митинги прошли успешно.

На нашем многолюдном собрании все присутствующие, включая представителей других национальностей, были на редкость единодушны. Никому, кажется, и в голову не пришло, что возникший тупик можно преодолеть иначе, как усилением борьбы за восстановление автономии на Волге. Могли ли мы предположить, что в руководстве ВОСН мнения по данному поводу, как ни печально, разошлись?

Это мероприятие было использовано нами и в интересах предвыборной кампании. На нём я впервые выступил публично в качестве кандидата в народные депутаты РСФСР. Многие из присутствующих участвовали в моём выдвижении, которое состоялось на собрании избирателей 30 декабря. До этого меня дважды выдвигали трудовые коллективы, в том числе в технологическом институте, где я преподавал экономику. Но в обоих случаях власти нашли надуманные предлоги, чтобы признать эти акты недействительными. На третий раз пришлось организовать выдвижение по месту жительства, для чего по закону требовалось участие не менее 300 человек.

Не думаю, что их удалось бы собрать в морозный предновогодний вечер, не поддержки меня столь активно члены нашего Общества. Впрочем, без их одобрения я бы и сам не дал согласия баллотироваться. Я уже не говорю о том, что мне было бы трудно обойтись без самоотверженной помощи активиста "Возрождения" А. Кёнига, который согласился стать одним из моих доверенных лиц.

На собрании 7 января неожиданно объявился ещё один кандидат с немецкой фамилией, бывший директор совхоза. По пикантному совпадению его выдвинули в том же округе, что и меня. Ни до, ни после этого он не баловал нас своим присутствием. Этот господин выразил недоумение, почему никто из участников собрания не высказывается за его кандидатуру, дав понять, что столь крупный хозяйственный руководитель мог бы в качестве депутата принести гораздо больше пользы. По существу нашей национальной проблемы он, однако, не сказал ничего вразумительного.

Я же говорил о необходимости восстановления Республики на Волге, выступая перед избирателями в любых аудиториях. Едва ли это принесло мне много голосов, но победа любой ценой не являлась моей целью. В первую очередь я стремился донести суть проблем российских немцев до широких слоёв населения области, используя уникальные возможности предвыборной кампании. И при этом практически всюду находил понимание людей.

Возможно, наш интернациональный Кузбасс в данном случае не совсем типичен. Но этот опыт побуждает, тем не менее, задуматься о том, мнимым или подлинным является враждебное отношение населения к российским немцам в ряде других регионов.

проживают немцы". Ему вторил Ю. Гаар: "Восстановить автономную республику надо немедленно".

Столь же примечательно, что пункт о Республике на Волге содержался в избирательной платформе моего давнего друга и коллеги по преподавательской работе Леонида Сергачёва, который преследовался за инакомыслие органами КГБ ещё в начале 70-х годов. Он баллотировался по другому округу и едва не стал российским депутатом вопреки, казалось бы, крамольному в устах русского претендента предвыборному лозунгу.

Разумеется, я участвовал в выборах не только с пропагандистскими целями. Вполне сознавая малую вероятность своего избрания, я, тем не менее, намеревался в этом случае отстаивать интересы российских немцев в будущем парламенте и способствовать своей депутатской деятельностью реализации программных целей нашего движения.

Именно поэтому я согласился выдвинуть свою кандидатуру по национально-территориальному округу, избрание в котором гарантировало членство в Совете Национальностей Верховного Совета РСФСР. Наш округ охватывал обширную территорию – всю северную половину Кемеровской области. При выдвижении по территориальному округу в Кемерово, где меня знали лучше всего, мои шансы были бы, конечно, повыше. Но тогда мне пришлось бы в случае успеха представлять в парламенте только избирателей своего города, что никак не входило в мои планы.

В преддверии парламентских выборов 1993 года мы оказались перед аналогичной дилеммой. Кандидатуры некоторых наших активистов на местах были выдвинуты по территориальным округам. Увы, избрание от территории для нас не только проблематично, но и сулит мало возможностей при отстаивании интересов российских немцев, проживающих крайне дисперсно.

Правда, теперь, в отличие от прошлого раза, имелась возможность баллотироваться по так называемым партийным спискам. Но для этого нужно было в короткий срок собрать 100.000 подписей. Мы, конечно, не могли бы справиться с этой труднейшей задачей в одиночку и вынуждены были искать союзников. Проблема, однако, в том, что ни одна из влиятельных политических сил сегодняшней России не имеет перспективной концепции национальной политики.

Я с самого начала считал, что в этих условиях нам не остаётся ничего иного, как попытаться (желательно – сообща с другими национальными организациями) найти партнёров среди политических течений, которые, по крайней мере, нельзя отнести к радикально "левым" или "правым". Но эту позицию не разделяли некоторые мои коллеги по российскому обществу "Видергебурт", полагавшие, что мы могли бы примкнуть к проельцинским группировкам, по сути дела экстремистским и глубоко антинациональным. К подобным политическим играм я, разумеется, не намерен был иметь отношения.

После длительных дебатов мы предложили организациям других российских народов сформировать отдельный многонациональный блок. Когда эта затея по ряду причин не удалась, несколько участников III конференции российского общества "Видергебурт" выступили с предложением обратиться к немецкому населению России о поддержке на выборах тех блоков, в составе которых баллотируются немцы. Практически речь могла идти только о правительственном "Выборе России". К чести делегатов, они решительно отвергли эту откровенно конъюнктурную идею.

На думских выборах 1995 года мы вновь столкнулись с теми же самыми проблемами. На сей раз формирование избирательного блока, представляющего интересы российских народов, продвинулось чуть дальше. В остальном всё осталось по-прежнему – с той лишь разницей, что некоторые наши активисты решили баллотироваться не от гайдаровского "Выбора", который к тому времени окончательно обанкротился, а от "блока Ивана Рыбкина", наспех состряпанного опять же на ельцинской политической кухне.

На IV конференции российского общества "Видергебурт" мы не дебатировали по поводу предстоящей избирательной кампании столь бурно, как в прошлый раз. Возможно, сказались претензии И. Рыбкина на роль некоего политического центриста. Но главное, мне кажется, в том, что "рыбкинское" детище не воспринимали всерьёз даже его создатели.

Итоги всех этих выборов не могут удовлетворить никого из нас. В очередной раз приходится констатировать, что перспективы полноценного участия российских немцев в общегосударственных избирательных кампаниях пока, к сожалению, не просматриваются.

Пока я участвовал в выборах 1990 года, приблизилась II конференция ВОСН "Возрождение". Я был избран делегатом, но, к большому для себя сожалению, не смог на ней присутствовать. Мне помешала не столько избирательная кампания, сколько подоспевшая как на грех экзаменационная сессия в институте. На этот раз наш город послал на конференцию целый ряд своих представителей, и мы оперативно получили полное представление об её работе.

Признаться, эта информация многих из нас, включая и меня, откровенно озадачила, если не сказать – шокировала. Я даже подумал задним числом, что нужно было поехать на конференцию во что бы то ни стало. Делегат, никому не известный за пределами Кузбасса, не мог, конечно, серьёзно повлиять на ход событий. Но мысль о том, что я отсиживался дома, пока в столице происходило непонятно что, меня чрезвычайно тяготила.

Больше всего нас поразило доклад на конференции Г. Вормсбехера. Сопредседатель ВОСН поставил в нём по обыкновению массу вопросов, не дав на большинство из них сколько-нибудь вразумительных ответов. Такая манера, возможно, уместна на проблемном семинаре, но уж никак не на форуме, который должен был принять конкретные решения в очень острой политической ситуации. За этим частоклоком вопросительных знаков таился, однако, гвоздь всего выступления – глубокомысленные рассуждения по поводу места будущей немецкой автономии.

Основную свою идею на этот счёт – если она может быть названа данным термином – словоохотливый оратор высказал уже несколькими месяцами раньше. Оказывается, Г. Вормсбехера одолели сомнения, является ли Поволжье наиболее приемлемым регионом для автономии российских немцев. На II конференции ВОСН мнительного активиста осенила ещё одна ценная мысль: не следует с ходу отвергать ни один вариант, если он будет предложен правительством. Чтобы не показаться голословным, сопредседатель "Возрождения" оба раза упомянул Калининград.

Господину Вормсбехеру лучше знать, на кого были рассчитаны эти его откровения. Ясно лишь, что не на активистов нашего Общества. Уж они-то вполне успели убедиться: руководство страны и не думает предлагать российским немцам никаких "вариантов". А о Калининграде оно могло бы вспомнить по данному поводу разве что в кошмарном сне.

По аналогии с известным китайским изречением один из лидеров ВОСН предложил его членам поискать в тёмной комнате чёрную кошку, которой там заведомо не могло быть. Вместо сплочённых целенаправленных действий ради восстановления республики в Поволжье – единственном месте, на которое российские немцы имеют все юридические, исторические и моральные права, – призыв к погоне за химерами и к упованиям на заботливое правительство.

Последнее по достоинству оценило реверансы Г. Вормсбехера и вскоре фактически отдало ему на откуп подготовку к затеянному властями Съезду немцев СССР. А среди активистов немецкого национального движения его невесть, что ищущий руководитель приобрёл в результате стойкую репутацию беспринципного раскольника. Во всяком случае, у нас в Кузбассе это именно так.

И. Шлейхер сетует в своей книге, что и сегодня трудно понять, почему вскоре после основания "Возрождения" вспыхнуло соперничество(?) между Г. Гроутом и Г. Вормсбехером. Хорошо зная автора, я, тем не менее, не берусь определить, чего больше в этом его высказывании – наивности или лукавства. Ведь не кто иной, как он сам, убедительно показал, что сыр-бор разгорелся вовсе не на почве личной конкуренции, а из-за принципиальной несовместимости позиций по важнейшему вопросу.

В сентябре 1989 года Вормсбехер под фальшивым предлогом предотвращения конфликтов в Поволжье высказался на пленуме КЦ ВОСН за поиски нового "территориального варианта", имея в виду Калининград (как будто там было меньше поводов для конфликтов!), а два месяца спустя публично повторил свой призыв на всесоюзной научно-практической конференции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Вслед за этим Гроут предложил на закрытом заседании КЦ исключить Вормсбехера и его сторонников из "Возрождения" за грубейшее отступление от Программы и Устава ВОСН, где в полном соответствии с позицией подавляющего большинства членов Общества предусматривался единственный "вариант" решения коренных национальных проблем – восстановление Республики на Волге.

В этом свете высказывания И. Шлейхера о личном соперничестве, а также о шоке, якобы, испытанном членами КЦ после предложения Гроута, звучат в лучшем случае странно. Спрашивается, зачем нужны были Обществу лидеры, почти сразу же проявившие демонстративное нежелание считаться с той идейной основой, на которой оно зиждилось?

Серьезное недоумение вызвал на местах и план работы ВОСН, опубликованный в "Нойес Лебен" после II конференции. В этом документе, о происхождении которого мне позднее сообщали разноречивые сведения, говорилось об организации коллективного выезда членов Общества из СССР "в виде политического протеста", если в ближайшее время не будет принято решение о восстановлении Республики на Волге.

Такая постановка вопроса сразу же показалась мне совершенно несостоятельной. Во-первых, у "Возрождения" не было и не могло быть гарантий, что власти единственной принимающей страны, то есть Германии, приютят его членов в случае бездействия советского руководства. Во-вторых, по меньшей мере, непристойно ставить вопрос о выезде одних членов ВОСН в отрыве от остальных российских немцев. Наконец, массовый выезд – далеко не самая подходящая форма для выражения политического протеста.

Сколько раз после этого наши оппоненты тыкали нас носом в этот злополучный план! К глубокому сожалению, у авторов так и не нашлось мужества публично признать свой серьезный политический промах.

Впрочем, в плане содержались и вполне разумные пункты. Один из них наша городская организация тут же взяла на вооружение. 25 февраля было предложено вновь провести интернациональные митинги-собрания, огласить на них итоги II конференции и высказать отношение к действиям поволжских партократов, организовавших разнузданную антинемецкую кампанию.

Мы устроили митинг возле ДК "Строитель", где обычно проходили наши собрания. На более людное место ближе к центру власти согласия не дали. Более того, нас окружили мощным кордоном милиции.

Едва ли отцы города так уж опасались мирных немцев. Но на этот день по независимому от нас призыву демократических сил были намечены манифестации по всей стране, и из Москвы поступило строгое указание: задействовать все правоохранительные

органы. А у нас в руках не было ничего, кроме многочисленных плакатов и транспарантов.

Наш митинг получился в Кемерово самым массовым. На нём в числе прочих ораторов выступило немало кандидатов в народные депутаты, поддержавших позицию "Возрождения". Не считая меня, среди них не оказалось, насколько я помню, ни одного немца. Ни до, ни после этого дня в городе не было столь внушительной демонстрации солидарности с нашим репрессированным народом.

В начале апреля 1990 года мне впервые представилась возможность пообщаться с активистами "Возрождения" из других областей. В преддверии пленума КЦ ВОСН руководители наших сибирских структур собрались в Новосибирске. Кемерово представляли мы с А. Майснером. Предстояло обсудить мало обнадеживающую ситуацию, сложившуюся вокруг нашей проблемы после II конференции.

Власти, как и следовало ожидать, не испугались угрозы массового выезда членов ВОСН. Верховный Совет СССР, несмотря на настоятельный призыв конференции, и не думал принимать решение о восстановлении нашей государственности.

Единственным новым моментом стало образование Государственной комиссии по проблемам советских немцев во главе с заместителем Предсовмина СССР В. Гусевым, бывшим первым секретарём Саратовского обкома КПСС. Но само назначение на эту роль убеждённого и деятельного "антиавтономиста" яснее ясного свидетельствовало о стремлении властей спустить дело на тормозах. Настораживало и то, что в состав комиссии не был включён последовательный сторонник автономии на Волге Г. Гроут и в то же время вошли оба "гибких" сопредседателя "Возрождения".

Участники встречи в Новосибирске единодушно высказались за кардинальные меры по восстановлению Республики в Поволжье и поддержали в этой связи политическую линию Гроута. Активисты из соседних областей были настроены так же твёрдо, как и кемеровчане. Особенно запомнился мне своей решительной позицией и.о. председателя Алтайской краевой организации ВОСН А. Крайцер. Могли ли мы представить, что этот человек вскоре вывернется наизнанку и окажется одним из самых непримиримых оппонентов "Возрождения"?

Трудно не присоединиться к выводу В. Бауэра и Т. Иларионовой о том, что формирование Госкомиссии на фоне явно отрицательного отношения властей к предложениям комиссии Г. Киселёва и развёртывания "антиавтономистского" движения в Поволжье существенно изменило ситуацию вокруг нашего национального движения. В этой связи среди лидеров ВОСН действительно наметился раскол. Но вот с интерпретацией авторами последующих событий согласиться совершенно невозможно.

Неверно уже то, что разногласия в наших рядах были, якобы, порождены дилеммой – предъявление "всё более радикальных требований к руководству страны" либо налаживание диалога с ним. Ни тогда, ни впоследствии никто из российских немцев не сомневался в необходимости диалога с властями. И эта позиция подкреплялась реальными делами. Спрашивается, чем, как не конструктивным диалогом с представителями высшего законодательного органа страны, являлось участие Г. Гроута, Б. Раушенбаха и Г. Штойка в работе комиссии Киселёва? Не странно ли говорить о попытке "наладить" диалог применительно к ситуации, когда он уже давно происходил?

Что же касается тогдашних "радикальных" требований, то, как было хорошо известно В. Бауэру с Т. Иларионовой, речь шла не о чём ином, как о реализации выводов и предложений данной комиссии, с которыми согласился к тому времени Верховный Совет СССР.

Наши авторы снисходительно заметили, что рекомендации комиссии оказались "во многом запоздалыми". Подобной же позиции придерживались, очевидно, и их тогдашние единомышленники из руководства "Возрождения". Иначе чем объяснить, что Госкомиссия с их участием с самого начала стала действовать вразрез с предложениями комиссии Киселёва?

Таким образом, создалась воистину парадоксальная ситуация: первый же за многие годы официальный акт по проблеме реабилитации российских немцев – Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года – натолкнулся на очевидное нежелание с ним считаться, проявленное не только госчиновниками, что вполне понятно и объяснимо, но и "представителями" самого репрессированного народа!

Данное обстоятельство является настолько вопиющим, что его нельзя оправдать никакими ссылками на невыполнимость и несвоевременность принятых рекомендаций. Подобные аргументы могли бы прозвучать убедительно разве что в устах людей, которые настойчиво пытались и, тем не менее, не смогли их реализовать. Иначе всё это отдаёт, в лучшем случае, правовым нигилизмом.

Говоря об отношении ВОСН к комиссии Гусева, В. Бауэр и Т. Иларионова нарисовали совсем уж невероятную картину. По их словам, радикалы из числа наших лидеров "постоянно выдвигали на заседаниях Госкомиссии заведомо нереальные требования и грозили выходом из её состава". Небезынтересно, что этот выпад весьма напоминает соответствующий пассаж откровенно провокационной записки Р. Нишанова, А. Гиренко и В. Гусева М. Горбачёву, о которой речь впереди: *"Сторонники немедленного восстановления немецкой автономии вышли из состава Государственной комиссии по проблемам советских немцев"*.

В действительности же Г. Гроут и прочие наши "радикалы" не только **никогда не входили** в состав Госкомиссии, но и практически не присутствовали на её заседаниях. Насколько мне известно, за всё время деятельности комиссии из её состава вышел один В. Риттер – далеко не сторонник Гроута.

Я мог бы поверить, что авторы за давностью лет попросту запамятовали эти известные обстоятельства, если бы не одно "но": они попытались "подкрепить" свои фантастические утверждения ссылкой на протоколы Госкомиссии, где, по их словам, имя Г. Гроута "с осени 1990 года не упоминается".

Читатель может без труда убедиться, что во всех протоколах комиссии, опубликованных В. Ауманом и В. Чеботарёвой, Гроут упомянут один-единственный раз – в числе приглашённых на заседание 30 октября 1990 года, а о других наших "радикалах" там и вовсе нет речи. К каким только измышлениям не приходится прибегать, пытаясь втиснуть факты в прокрустово ложе надуманной схемы!

С начала 1990 года руководство СССР принялось, по оценке В. Бауэра и Т. Иларионовой, подбирать из среды немецких лидеров таких людей, с которыми "можно было вести диалог". Деятельность Госкомиссии сразу же продемонстрировала, что власти готовы к этому специфичному диалогу лишь при условии отказа своих "партнёров" от основных программных требований ВОСН, то есть, в конечном счёте, забвения российскими немцами своих национальных интересов.

Статус тех, кто согласился "сотрудничать" на такой основе, предстояло, по выражению авторов, "узаконить". Это и было сделано, когда подобного рода людей стали вводить в рабочую группу оргкомитета нашего I съезда, а затем и в другие государственные или полугосударственные структуры. Политика "кнута и пряника", практикуемая в отношении движения российских немцев ещё со времён делегаций 1965 года, поднялась на новый качественный уровень.

1990-й год запомнился ещё и тем, что сверху особенно часто организовывали различные мероприятия, так или иначе направленные на "сближение народов". Я допускаю, что во властных структурах кое-кто мог предчувствовать кровавые межнациональные распри или даже грядущий развал СССР и пытался предотвратить их своими далеко не адекватными шагами.

В июне в Кемерово состоялся фестиваль культуры народов Кузбасса. В тёплый воскресный день немецкие женщины продемонстрировали свои рукодельные и кулинарные шедевры. Мы выставили сvezённые со всех концов области экспонаты, дававшие представление об истории и культуре российских немцев. Заслуженный успех имели картины известного самодеятельного художника из Прокопьевска А. Предигера, ныне проживающего в Германии. Вокально-танцевальные коллективы вначале выступили поочерёдно на площади у драмтеатра, а затем дали в городском саду большой гала-концерт.

Оба раза отличился наш кемеровский немецкий ансамбль, заметно прибавивший в мастерстве под руководством выпускницы Новосибирской консерватории Марины Мюллер, теперь также живущей в Германии. В число его солистов входил и я. Мне не забыть увлекательных репетиций, частых выступлений в Кемерово и других населённых пунктах области, радости от нашего общения и прикосновения к прекрасному миру немецкой песни. Всё это, увы, оборвалось для меня с переходом на штатную работу в Москву.

А в октябре по решению областного Совета была проведена конференция национальных обществ и представителей народов Кузбасса, включавшая дискуссии по волновавшим нас вопросам, а также художественную часть. Беспрецедентный форум получился неожиданно содержательным. В первый раз собравшись вместе, посланцы большинства народов, проживающих в нашей многонациональной области, поделились друг с другом своими заботами.

Участники конференции единодушно признали, что союзные, а также российские власти продолжают игнорировать сложную и взрывоопасную национальную проблематику. Мы внесли конкретные предложения и по коренному пересмотру национальной политики в целом, и по решению наиболее острых проблем каждого из представленных народов. Делегаты дружно присоединились к требованию о восстановлении Республики на Волге и немецких национальных районов. Конференция призвала также принять нормативные акты о трудармейцах, приравняв последних по статусу к участникам войны.

Значение данного мероприятия, конечно, не в том, что оно имело видимые практические последствия. Этого не было, да и быть не могло. Но мне в нашей встрече почудился прообраз будущего форума народов страны, на котором они впервые могли бы обсудить и, быть может, решить свои наболевшие проблемы, не прибегая к услугам политиканов, для которых стало профессией спекулировать на национальном вопросе.

Кстати сказать, на конференции в Кемерово представители армянской и азербайджанской общин выступали практически с одних и тех же позиций, обращаясь друг к другу подчёркнуто уважительно, тогда как в Нагорном Карабахе уже вовсю бушевала война. Некоторым из нас эта трагедия ещё казалась далёкой и чужой. А тем временем беда – хотя и совсем иного рода – постучалась и в нашу дверь.

Яков Маурер, перешедший на работу в Правление ВОСН и накануне приехавший из Москвы, сообщил нам в тот день ошеломляющую весть об аресте сотрудниками КГБ Альфреда Шоленберга.

Молодой перспективный предприниматель всего за неделю до задержания стал заместителем председателя правления "Возрождения" по экономическим вопросам.

Шоленберг занимался экспортными операциями и потому не мог не находиться под присмотром КГБ. Но пока он не примкнул к национальному движению, его не трогали. И вот теперь наш новый сотрудник был вместе с Г. Гроутом схвачен гебистами в московской гостинице "Молодёжная" с применением физического насилия. Председателя ВОСН через несколько часов отпустили, а Шоленберг остался за решёткой.

Мы понимали, что вырвать его из объятий всемогущих органов будет чрезвычайно сложно. Единственно реальное, что было в наших силах, – придать данному делу максимально широкую огласку. Этой провокации была посвящена добрая половина моего десятиминутного выступления на конференции. Шла прямая радиотрансляция, и о бесчинстве КГБ тут же узнал весь Кузбасс. А Я. Маурер подробно рассказал о "деле Шоленберга" корреспондентам областного телевидения и местной газеты "Шанс".

Выступая с трибуны, я краем глаза следил за реакцией главы областного Совета Амана Тулеева, который в этот момент председательствовал на нашей конференции. Вопреки некоторым моим опасениям, он даже не попытался прервать крамольную речь. Этот его поступок не кажется мне случайным.

Я знаком с А. Тулеевым с 1989 года, когда он оказался единственным крупным руководителем в области, проявившим позитивный интерес к нашему дискуссионному клубу "Рабочий", который был для партаппаратчиков и КГБ настоящим бельмом в глазу. По инициативе Тулеева я встретился с ним во время подготовки к выборам 1990 года, и мы детально обменялись мнениями о будущей избирательной кампании как претенденты на роль кандидатов. Помню, его особенно интересовала национальная проблематика, в частности положение российских немцев.

При всех различиях наших политических позиций я не могу отказать этому человеку ни в здравомыслии, ни в искренности, ни в сочувствии к проблемам простых людей, включая представителей национальных меньшинств. Его противники в областном руководстве, не обладая в должной мере ни одним из этих качеств, много лет пытались представить Тулеева как некий кузбасский аналог Жириновского. Я тоже когда-то склонялся к такому мнению, но постепенно убедился в его несостоятельности. Надеюсь, дальнейшая деятельность этих, на мой взгляд, совершенно разных политических фигур подтвердит мою правоту.

Возвращаясь к судьбе А. Шоленберга, вынужден отметить, что В. Бауэр и Т. Иларионова позволили себе спекуляции и на эту тему. Не удосужившись выяснить даже русскую транскрипцию фамилии Альфреда и точное название его должности в нашем Обществе, приведённое выше (он фигурирует у них в качестве заместителя Гроута "по ВОСН", хотя такой пост занимал в то время только один человек – Р. Цильке), они, тем не менее, сочли себя достаточно осведомлёнными, чтобы безапелляционно заявить, что "„дело Шоленберга“ (...) было вскоре самим „Возрождением“ предано забвению".

К моему огорчению, в ещё более развязной манере описал эту историю внешне рассудительный И. Шлейхер. Он признал, что об арестованном заботилось, по крайней мере, новосибирское "Возрождение", однако тут же возвестил, будто от провокации выиграл лишь ... Гроут(!). Я давно знаю об особой "симпатии" автора к нашему многолетнему лидеру, но никак не ожидал, что И. Шлейхер способен опуститься до подобных инсинуаций. По его словам, Гроут не замедлил публично объявить арест Шоленберга политической провокацией против себя лично.

От ответственного историка было бы естественно ожидать подкрепления такого сорта утверждений ссылками на соответствующие документы. Поскольку И. Шлейхер, вопреки своему обыкновению, от этого почему-то уклонился, мне остаётся только констатировать: ни Я. Маурер, буквально накануне общавшийся с Гроутом, ни другие участники конференции в Кемерово ничего подобного не говорили. Да, мы

недвусмысленно расценили арест Альфреда как провокацию, – но, разумеется, не столько по отношению к Гроуту, сколько против Шоленберга и всего нашего Общества.

Какие бы небывлицы ни распространяли задним числом люди, которые в своё время не особо усердствовали по части поддержки Шоленберга, факт остаётся фактом: наши структуры много раз высказывались в его защиту на своих форумах, стучались во всевозможные властные инстанции. С подачи "Возрождения", а затем и МГСН арест нашего товарища и его процесс широко освещались в средствах массовой информации – как местных, так и центральных. Были приведены весомые доводы сфабрикованности его "дела", подложности документов, на которых базировалось обвинение. Во время процесса над Шоленбергом посланцы ВОСН регулярно посещали судебные заседания, в том числе проходившие в Москве.

На этом фоне, по меньшей мере, настораживало молчание хвалёных правозащитных организаций в стране и за рубежом. Одним из немногих исключений явился призыв в поддержку Шоленберга, прозвучавший из ФРГ от имени Международного общества по правам человека. Нечего и говорить, что германские власти, протрубившие на весь мир о демократизме сначала горбачёвского, а затем ельцинского режимов, также прикинулись глухими.

В результате единственный человек, который мог и хотел подвести под деятельность "Возрождения" серьёзную экономическую базу, почти 5 лет томился в застенках и на поселении, а желающих взять на себя его функции по понятным причинам больше не нашлось. Это может быть на руку кому угодно, только не российским немцам.

В июле 1990 года мы избрали делегатов на III (чрезвычайную) конференцию ВОСН. В числе кемеровчан – Александра Майснера, Ирины Киба, Александра Кёнига, Александра Эллера и других – делегатом стал и я. Но моя поездка в Москву вновь оказалась под вопросом – на сей раз по причине тяжелейшей болезни матери. 7 августа она умерла. В эти скорбные дни меня больше всех поддерживали мои товарищи по "Возрождению".

Я испытывал перед поездкой тяжёлые чувства – не только из-за постигшего меня горя, но и потому, что ситуация вокруг проблемы российских немцев, а также внутри нашего движения не внушала нам на местах никакого оптимизма. Пришла пора сверить свои ощущения с мнениями соплеменников из всех уголков страны. Утром 13 августа наша делегация вылетела в Москву.

ЭДУАРД АЙРИХ

Прибыв в столицу, мы отправились на ВДНХ, где накануне III конференции собрался Координационный Центр ВОСН. Здесь нам предстояло уточнить, где нас разместят. На заседании был перерыв. Пока А. Майснер наводил справки, мы прогуливались по аллее. Навстречу шла группа людей, явно причастных к проводимому мероприятию, среди которых выделялся рослый, мощного сложения пожилой мужчина. Он показался мне знакомым. Приблизившись, я увидел его нагрудный знак Заслуженного тренера СССР. Сомнений не осталось – это мог быть только Эдуард Айрих.

Каюсь, у меня мелькнула мысль: какое, мол, дело прославленному ветерану спорта до нашей национальной трагедии? Придёт время, и я осознаю, что более нелепый вопрос мне едва ли мог прийти в голову. Редкие люди настолько живут заботами своего народа, как этот незаурядный во многих отношениях человек, который, по его словам, примкнул к движению за восстановление государственности российских немцев ещё в 60-х годах.

Я встречал его имя уже в школьном возрасте, читая спортивную прессу. Позднее видел по телевизору приметную фигуру Айриха на тренерской скамье. Мне были известны немногочисленные случаи, когда российские немцы достигали высших спортивных вершин. С одним из таких людей, чемпионом мира по тяжёлой атлетике, а впоследствии Олимпийским чемпионом и Заслуженным тренером СССР Рудольфом Плюкфельдером, я даже жил в начале 60-х годов в одном доме.

Но в период тотального замалчивания правды о российских немцах я, признаться, ничего не знал ни о жизненной судьбе, ни даже о национальности знаменитого тренера Айриха. Мне и в голову не могло прийти, что он проживал до войны в том самом Маркштадте, откуда родом почти все мои предки, место рождения которых я знаю.

Познакомившись поближе, я однажды расспросил Айриха о городе его юности. Оказалось, что он жил на углу 6-й линии и улицы Энгельса, в нескольких минутах ходьбы от дома моего отца. Тогда же я с сожалением узнал, что они не были знакомы – то ли из-за разницы в возрасте, то ли потому, что Айрих не являлся коренным маркштадтцем. Впрочем, даже в небольшом городке не так много мест, где беспартийный и неспортивный служащий мог бы встретиться с заядлым спортсменом и комсомольским активистом, учащимся техникума, а затем сотрудником районной газеты и членом партии. Но вместе с Айрихом учился в Маркштадтском механическом техникуме мой упомянутый близкий родственник Давид Шауфлер.

"Нойес Лебен" как-то напечатала фотографию, где они и ещё двое однокашников запечатлены в те далёкие годы. Я с трудом узнал на ней Айриха. Не изменился, пожалуй, лишь его ясный целеустремлённый взгляд. Фотографию послал в газету он сам, желая разыскать друзей давно ушедших времён. Найдя Д. Шауфлера, отправил снимок и ему. Это лишнее свидетельство никогда не угасавшего живого интереса Айриха к судьбам наших соплеменников. Без подобного качества, думаю, он вряд ли решился бы, вопреки возражениям жены, ещё раз посетить город своей молодости, будучи уже пожилым и тяжело больным человеком.

Мне, к сожалению, немного известно о жизни Айриха до войны. Слышал от очевидцев, что он был внешне привлекателен, популярен среди маркштадтской молодёжи как футболист и хоккеист. И, конечно, знаю по публикациям в "Нойес Лебен", как весной 1938 года Айриха отчислили из Вольского военного авиационного училища за 3 месяца до выпуска.

Хотя эта акция мотивировалась нелепой ссылкой на необходимость укрепления резервных кадров РККА, было совершенно очевидно, что подлинная причина состоит в подозрительной национальности курсанта. Вместе с Айрихом получили "волчьи билеты" учившиеся с ним немцы, финны, поляки, греки, болгары – словом, представители всех национальностей, соплеменники которых имели свою государственность на Западе. Двадцатилетнему парню, мечтавшему, как и многие сверстники, стать лётчиком, могло показаться, что это событие сломало всю его жизнь. Но не применима ли здесь поговорка: "Нет худа без добра"?

У состава⁶² Красной Армии из числа российских немцев особенно трагичная судьба. Те, что оказались на фронте в начале войны, почти сплошь погибли или попали в плен. Через несколько месяцев оставшихся в действующей армии прогнали со службы и отправили на восток. Из них, напомним, и начала формироваться так называемая трудармия. А значительная часть была уничтожена ещё в ходе довоенной мясорубки. Неумолимая статистика подтверждает, что к марту 1949 года осталось в живых лишь немногим более 3.000 немецких офицеров Советской Армии. Нет сомнения, что Айриха,

⁶² До войны не использовался считавшийся классово чуждым термин "офицеры".

закончи он училище, ожидал бы в лучшем случае тот же трудармейский лагерь, куда его и без того бросили в 1942 году.

Разумеется, ничего подобного он себе представить не мог. Вечером в день начала войны Айрих заявил на городском митинге в Маркштадте о добровольном вступлении в ряды вооружённых сил. Он всё-таки надеялся пригодиться армии, которая его уже однажды бесцеремонно отвергла. В отличие от моего дяди Густава Глейма⁶³, Айрих со дня на день ждал повестку из военкомата. И дождался – сначала выселения, а затем отправки в ГУЛАГ.

Вступив в партию, как ни странно, уже после отчисления из училища, Айрих даже в трудармии оставался убеждённым и активным коммунистом. Более того, его со временем назначили здесь политруком. В 1988 году Айрих писал в "Нойес Лебен", что политруки, которые ведали идеологическим, а отчасти и организационным обеспечением лагерного труда и быта, были "душой и опорой" трудармейцев. Мне нетрудно представить себе в подобной роли самого Айриха, но я не уверен, что его пример допускает столь широкое обобщение. Во всяком случае, из рассказов отца и других известных мне трудармейцев оно отнюдь не вытекает.

Тем более нетипично то, что в 1944 году Айриху, который до этого находился на общих работах (землекоп, бетонщик, такелажник), предложили стать сотрудником многотиражки БАЗстроя НКВД "Сталинская стройка".

Прежде чем решиться на это назначение, лагерное начальство убедилось, что он после училища действительно работал в Маркштадте ответственным секретарём редакции газеты. Не раз проверялась, надо полагать, и его политическая благонадёжность. Но, как ни парадоксально, журналистская карьера Айриха, продолжавшаяся даже в трудармии, была оборвана властями после войны, когда он, как и другие российские немцы, очутился в сравнительно более свободных условиях спецпоселения. Случайности кончились, всё встало на свои места.

Начав работать в маркштадтской газете, Айрих не имел никакого журналистского опыта. По его словам, ему во многом помогли на первых порах коллеги К. Вельц и А. Крамер, ставшие впоследствии известными литераторами. Но в основном, мне кажется, он и в этой области сформировал себя сам. Айрих писал точно так же, как говорил: сухогато, стараясь избегать литературных излишеств, скрупулёзно придерживаясь фактов. В то же время в его статьях, как и в устных выступлениях, легко угадывались и сильный темперамент, и неподдельная личная заинтересованность в решении наших национальных проблем.

Своеобразный эпистолярный стиль Айриха трудно спутать с чьим-нибудь другим. Перечитав недавно его публикации, хранящиеся у меня, я лишний раз убедился, что они написаны, так сказать, одним пером.

Исключение обнаружилось лишь одно – статья в "Нойес Лебен" по следам II конференции ВОСН, подписанная Э. Айрихом, Г. Бельгером и А. Мерцем. Она была встречена многими нашими активистами крайне негативно, а у некоторых даже породила сомнения в принципиальных позициях Айриха. Случай, насколько мне известно, единственный в своём роде, и я считаю своим долгом остановиться на нём подробно.

В этой публикации подвергся резкой критике упомянутый план работы "Возрождения", вызвавший, как отмечалось, и моё неприятие. Но и со статьёй я был согласен далеко не во всём. Почему, скажем, участникам повсеместных митингов, намеченных в плане, не следовало выражать недоверия поволжским партбоссам и

⁶³ Насколько я знаю, он тоже присутствовал на митинге 22 июня, но разобрался в ситуации в тот же день.

требовать их отставки? Рассуждения авторов об отсутствии у митингующих компетентности в этом вопросе и права на подобный демарш представляются мне явно натянутыми. О подстрекательских действиях на Волге местной номенклатуры было к тому времени известно уже достаточно много, в том числе из доклада Г. Гроута на II конференции ВОСН.

Статья ратовала также против выдвижения требования о материальной компенсации вклада российских немцев в экономику страны после 1917 года в случае, если не будет разрешена наша национальная проблема. Сознывая всю проблематичность удовлетворения подобной претензии, я, тем не менее, считал и считаю, что сама постановка вопроса вполне допустима и правомерна. И говорить, подобно авторам, что в таком случае мы выступаем как батраки, а не граждане страны, по меньшей мере, неуместно. В том-то и дело, что российские немцы давно лишены многих прав полноценных граждан. А если проводить аналогию с положением батраков, то я не уверен, что сравнение будет в нашу пользу.

Не согласен я и с односторонней оценкой авторами эмиграции как "большой трагедии для нашего народа". Углубляясь в эту тему, следовало бы справедливости ради отметить, что вся жизнь российских немцев на территории СССР ничуть не менее трагична. Я уже не говорю о том, что план ВОСН, вопреки голословному утверждению статьи, был далёк от того, чтобы "сознательно подстрекать на массовый выезд".

Тем не менее, озабоченность, выраженная в статье по поводу курса "Возрождения" в острой противоречивой политической ситуации, представляется мне весьма своевременной и обоснованной. А на призыв авторов к мудрости, взвешенности и ответственности при решении главных национальных проблем, к коллегиальности в работе, умению слушать и прислушиваться к мнению всех, на мой взгляд, просто нечего возразить. Положа руку на сердце, нельзя не признать, что перечисленных качеств нам зачастую недоставало и в дальнейшем.

Для меня несомненно, что статья написана не Айрихом. Основная её часть, судя по стилю и содержанию, принадлежит литератору Г. Бельгеру, руководителю немецкого культурного центра из Алма-Аты.

Этот человек запомнился мне, прежде всего, своими высокопарными речами на различных наших форумах и в оргкомитете I съезда немцев СССР, где он неизменно придерживался вормсбехеровских позиций. Если не ошибаюсь, он никогда больше не выступал заодно с Айрихом при какой-либо конфликтной ситуации в нашем национальном движении.

Тем не менее, я не могу поверить доносившимся до меня слухам, будто Айрих просто невзначай подмахнул "совместную" статью. Вот уж это на него совершенно не похоже.

Насколько я могу судить, узловые идеи публикации должны были быть ему достаточно близки. И хотя он сам едва ли выразил бы их в такой форме, этот неоднозначный эпизод – ещё не повод усомниться в принципиальности и твёрдости Айриха при отстаивании своей позиции. Тем более, если речь идёт о важнейших проблемах российских немцев, которых статья, как нетрудно убедиться, касалась лишь вскользь. Достоинно удивления и уважения, что ему удалось сохранить эти качества, пройдя сквозь тяжкие жизненные испытания, прежде всего – в трудармии.

Признаться, я так и не решился расспросить Айриха о трудармии, хотя меня очень занимала его нестандартная, если не сказать загадочная лагерная биография. К тому же я давно интересуюсь феноменом трудармейцев-коммунистов, которые за колючей проволокой сохраняли партбилеты, платили членские взносы и даже устраивали партийные собрания. Как отнестись к такому, мягко говоря, парадоксальному явлению?

Вероятно, этот сложный вопрос не может иметь однозначного ответа – ведь сами члены партии были куда как разными.

Среди знакомых мне коммунистов я выделил бы такие наиболее распространённые типы: фанатиков идеи, для которых она обладает абсолютным приоритетом перед интересами народов и тем паче отдельных людей; идейно индифферентных лиц, вступивших в партию "как все"; безыдейных карьеристов, готовых в корыстных целях состоять где и кем угодно. Айрих, без сомнения, не принадлежал ни к одной из этих категорий.

Пытаясь проникнуть в его внутренний мир, я вспоминаю, как относилась к коммунистам моя мать. В общем-то, она их на дух не выносила и, как правило, называла "редисками" (не в блатном значении этого слова, а в смысле "снаружи красные – изнутри белые").

Но в то же время я часто слышал от неё, что бывают и "настоящие коммунисты". Для примера обычно приводился Альфонс Штрейс – один из немногих наших близких знакомых с партбилетом. Впоследствии в данном качестве стал фигурировать муж моей сестры Эрики Владислав Зубов. Эти люди, по мнению матери, вполне отвечали требованиям христианских канонов, хотя и были неверующими. Явление не столь уж странное, тем более что многие элементы так называемой коммунистической морали имеют христианские корни.

Надеюсь, это не покажется натяжкой – к такого же рода коммунистам относился, на мой взгляд, и Айрих. Вне сомнения его искренняя приверженность коммунистическим идеалам. Но не менее очевидно, что идеи отнюдь не заслоняли в его сознании живых людей. Те, кто знал Айриха, не забудут, как страстно он высказывался о судьбе обездоленных российских немцев. И главное – сколь самоотверженно стремился им помочь.

Эти человеческие качества Айриха, по-моему, куда существенней для характеристики его непростой личности, чем любые выступления коммунистического толка. Последние, чего скрывать, меня порой просто обескураживали.

Так, он с особой гордостью вспоминал о своей комсомольской юности и выражал большую благодарность ВЛКСМ, который, по его признанию, дал ему "путёвку в жизнь". Легко ли вообразить нашему поколению, состоявшему в данной организации три десятилетия спустя, когда она уже не подавала признаков жизни, что эти слова были в устах Айриха не бессодержательной ходячей фразой, а отражением его подлинного мироощущения?

Ещё труднее понять Айриха, когда он с удовлетворением пишет, что российские немцы, пережившие трудармию и спецпоселение, "не затаили (...) обиду на те несправедливые порядки". И уж вовсе ошеломляет его рассказ о том, как голодные трудармейцы БАЗстроа отправляли в помощь фронту сотни тысяч рублей и даже хлеб(!!!).

Известно, что бесчеловечность нередко уживается с сентиментальностью. Видимо, именно сочетание этих качеств в изуверской душе Сталина побудило лицемерного вождя превзойти самого себя и ответить благодарственной телеграммой, в которой обер-палач передавал "братский привет" своим жертвам. Так вот, вспоминая этот супер-кафкианский эпизод в 1988 году(!), Айрих писал об особом энтузиазме в ответ на предложение (очевидно, лагерного начальства) собрать средства "для фронта" и о слезах трудармейцев на митинге в честь получения невиданной по цинизму телеграммы.

Не будем морализировать на предмет того, что этот человек со светлым умом так и не смог переосмыслить некоторые стереотипы, внушённые коммунистической

пропагандой. Гораздо уместнее порадоваться и восхититься, что он пронёс через все испытания живую человеческую душу.

При всей преданности Айриха интересам своего народа, умонастроения старого коммуниста сказывались, конечно, и на его идейной позиции в нашем движении. Он дольше большинства из нас продолжал верить, что партия и правительство хотят решить проблему российских немцев и, в конечном счёте, восстановят Республику на Волге. Поэтому те наши шаги, которые, на его взгляд, могли вызвать раздражение власть имущих, воспринимались им весьма настороженно.

Лучшим лекарством от подобных иллюзий у активистов российско-немецкого движения являлась сама политика правящих кругов. На моей памяти выступления Айриха в её поддержку звучали всё реже и глуше, а с весны 1991 года, когда полностью обнажилась роль союзных властей как могильщиков наших надежд, и вовсе смолкли. Не потому ли его не удостоили приглашения на пресловутую встречу М. Горбачёва с "представителями" российских немцев?

На склоне лет Айриху пришлось пережить крах коммунизма и КПСС. Он очень болезненно воспринимал антикоммунистические выступления, которые по понятным причинам нередко звучали на наших форумах. Похоже, все подобные выпады казались Айриху направленными против него самого, хотя это было, разумеется, не так. Мне особенно запомнилась его крайне резкая реакция, когда Г. Гроут заявил на заседании Совета ВОСН в декабре 1990 года о попытке превратить президиум Совета в своеобразный партком, сформированный по принципу управляемости и преданности партийной идеологии.

Говорят, что и в 1956 году, услышав на закрытом партсобрании секретный доклад Хрущёва на XX съезде КПСС о "культе личности", Айрих очень долго не мог успокоиться. Читая сегодня этот опус, содержащий достаточно банальную и поверхностную критику сталинских преступлений, нелегко представить, какое оглушительное впечатление он должен был производить на современников, особенно на убеждённых коммунистов.

Мне не без труда удалось ознакомиться с полным текстом нашумевшего доклада Хрущёва (в английском переводе) лишь в 1984 году. Моим сверстникам, не имевшим доступа к спецхранам столичных библиотек, пришлось ждать такой возможности и того дольше. Но я хорошо помню, как в 1961 году отец читал нам дома речь того же оратора на XXII съезде, очень похожую по содержанию на доклад пятилетней давности. Мы услышали о Сталине и его кровавых злодеяниях много неизвестного и даже ошеломляющего, но ощущения, будто небо разверзлось над головой, ни у кого из нас при этом не возникло.

Без особых эмоций было воспринято большинством российских немцев и само крушение коммунистической системы. Однако для таких людей, как Айрих, оно явилось настоящей трагедией. Хотя, конечно же, не столь душераздирающей, как та, что он пережил в трудармии.

Отпечаток, наложенный на Айриха трудармией, был такой силы, что он и полвека спустя не мог говорить о ней спокойно. Видимо, знакомство с этой фабрикой смерти особенно потрясло его именно потому, что он, в отличие от многих своих лагерных товарищей, всё ещё ожидал исправления "ошибки" и отправки наиболее "достойных" из них на фронт. Вместо этого им уготовили барачные нары, постоянные унижения и издевательства, непосильный труд впроголодь и – смерть, смерть, смерть...

Стремясь помочь немногим собратьям по несчастью, дожившим до наших дней, Айрих во время III конференции ВОСН поддержал идею о создании Совета по вопросам реабилитации трудармейцев, хотя по состоянию здоровья не смог его возглавить.

Председателем совета был избран Александр Дитц, а Эдуард Айрих стал его заместителем. На базе этого органа сформировался Международный фонд реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, казахстанское подразделение которого носит сегодня имя Айриха.

Он активно участвовал в разработке и реализации актов, которые принимались или готовились по проблемам трудармейцев в последние годы его жизни, – от горбачёвского указа до соответствующего постановления Верховного Совета Казахстана. Боюсь, что вся эта деятельность не могла не приблизить его кончину.

Каково было, скажем, ему, старому больному человеку, пережившему ад трудармии, доказывать, что трудармейские концлагеря – это вовсе не обычные лесозаготовительные и строительные бригады? Или объяснять, что спецпоселение, изобретённое властями взамен трудармии, – не что иное, как ссылка? Или отвечать на издевательский вопрос о том, почему прокуратура Казахстана должна реабилитировать немцев, репрессированных на территории "другого государства" – РСФСР? Или выпрашивать у бездушных чиновников справки о реабилитации, хотя трудармейцы и спецпоселенцы не осуждались персонально и уже были все вместе реабилитированы решениями Президента и Верховного Совета СССР?

Но куда горше, чем профессиональную чёрствость бюрократов, было сносить ему непостижимое равнодушие собственных соплеменников. Я не раз слышал от Айриха нелестные слова по адресу немецких депутатов Верховного Совета Казахстана. Прояви они хоть толику той энергии, с которой отстаивал интересы немецкого населения сам Айрих, глядишь, не так безотрадно складывалась бы сегодня судьба наших собратьев в этой внешне уважаемой республике. А может, это помогло бы продлить и его дни?..

В канун 50-летия начала войны с Германией, наконец, появился давно ожидавшийся указ о трудармейцах. В. Бауэр и Т. Иларионова, не мудрствуя лукаво, расценили данный акт, как "настоящую победу" того крыла нашего национального движения, которое было представлено официальным оргкомитетом I съезда, и, более того, как "немалый успех в общем возрождении народа".

Учитывая отсутствие у оргкомитета других сколько-нибудь заметных (подлинных или мнимых) достижений, можно понять одного из авторов, решившего хотя бы таким способом оправдать своё пребывание в этом органе. Непостижимо другое: неужели нашим авторам не пришло в голову, что моральное право на подобные оценки могут иметь только сами люди, "облагодетельствованные" Президентом СССР?

Айрих, один из наиболее авторитетных среди них, назвал указ "последним гвоздём в гроб трудармейцев". Как же нужно было долгие годы измываться над этим сильным человеком, чтобы спровоцировать на такой эпитет даже его, отнюдь не склонного к крепким публичным выражениям и, тем более, к нелояльности в отношении властей! Но "отец перестройки" попытался переплюнуть в своём надругательстве над узниками трудармии даже "отца народов".

"Так и хочется сегодня во весь голос с этой трибуны кричать: „Спасибо товарищу Сталину за бесплатный проезд в общественном транспорте и за 340-рублёвую пенсию!“ Кто же придумал такое издевательство – наградить людей медалями с изображением их главного обидчика, сломавшего им судьбы?" Этой убийственной фразой Айрих охарактеризовал горбачёвское "благодение" на нашем II съезде.

Вместо политической оценки характера трудармейских лагерей, в которых, как подчёркивал Айрих, творился настоящий геноцид, в указе стыдливо говорилось о "рабочих колоннах". Между тем, в сердцах воскликнул бывший трудармеец, их следовало назвать скорее колоннами рабов!

Указ кощунственно предписывал уцелевшим претендентам на награждение медалью с профилем творца геноцида ... документально подтвердить свой "добросовестный труд" в лагерях смерти. Не говоря уже о кричащей моральной стороне дела, кремлёвские правители не могли не знать, что представить такое подтверждение на основе сохранившихся документов практически невозможно.

Как тут быть? – вопрошал в пустоту Айрих. Выпрашивая медаль, опять ползать на коленях и унижаться перед властями? Резюме ветерана было хлестким и беспощадным: *"Бывшим трудармейцам оставили на память, как и прежде, лишь три ряда колючей проволоки, как символ несвободы и вопиющей несправедливости"*.

Накануне смерти Айрих готовился выступить по поводу статуса и льгот трудармейцев на сессии Верховного Совета Казахстана. Он так и ушёл из жизни, не дождавшись, чтобы страны-наследницы СССР хоть в какой-то мере загладили непоправимую вину перед одной из самых обездоленных категорий своего населения.

Даже не являясь специалистом, нельзя не обратить внимания на поразительные стороны спортивной карьеры Эдуарда Айриха. Будучи немцем, он был допущен к тренерской работе на высшем уровне лишь в середине 60-х годов, когда ему уже перевалило за 45. До этого Айриху доводилось тренировать только детей.

Известно, что как тренер он очень много работал, дотошно изучал опыт коллег, собирал и штудировал всю доступную специальную литературу. И буквально через несколько лет стал общепризнанным авторитетом в области хоккея с мячом. Затем он занялся хоккеем на траве, практически неизвестным у нас в ту пору видом спорта, и очень скоро достиг в нём мировых вершин. А ведь при этом ему в своей стране и поучиться-то было не у кого. Стало быть, дело не только в трудолюбии, но и в блестящем таланте.

О его спортивных дарованиях судить не берусь. Зато человеческий талант Айриха я видел во всей полноте: он был ярким прирождённым лидером. Это редкостное качество обычно проявляется во всех сферах, где действует такой человек. Не могу представить, чтобы в руководимой им команде кто-то из игроков сознательно не выполнил тренерскую установку, – и совсем не из-за угрозы наказания. Айрих был из тех людей, не прислушаться к мнению которых просто невыносимо.

По-настоящему я узнал Эдуарда Айриха во время совместной работы в оргкомитете Съезда немцев СССР в октябре-декабре 1990 года. Невзирая на болезни, Айрих старался не пропускать заседаний. Ветеран выступал не так часто, но его веское слово неизменно звучало при обсуждении принципиальных вопросов.

Айрих, как и подавляющее большинство активистов "Возрождения", считал, что только воссоздание Республики на Волге может спасти и возродить к новой жизни российско-немецкий этнос и его культуру, исчезающие по вине властей.

Наш товарищ решительно отвергал прожекты "поэтапного возвращения" на прежнее место жительства без предварительного воссоздания государственности, с полным основанием считая, что они не найдут поддержки среди российских немцев. Его особенно возмущало, когда власти оправдывали свою бездеятельность ссылками на "сложившиеся реалии". *"Это равнозначно курсу не на исправление, а на закрепление результатов совершённого преступления"*, – говорил Айрих по данному поводу ещё в начале 1990 года.

Требования о восстановлении государственности немцев в СССР являются законными, подчёркивал он, и никто не вправе считать их ультимативными или экстремистскими. Поэтому, по его убеждению, оргкомитет должен был предложить съезду и руководству страны ясную продуманную концепцию восстановления нашей

республики, а не откладывать этот процесс на неопределённый срок, позволяя государству умыть руки.

Весной 1990 года Айрих вместе с группой немцев-коммунистов побывал на приёме у секретаря ЦК КПСС А. Гиренко. Здесь была впервые официально обнародована идея создания так называемой ассоциации (всесоюзного "правительства" российских немцев без территории). С тех пор Айрих неизменно заявлял, что "ассоциация" ни в коей мере не может явиться альтернативой Республики на Волге, и выражал более чем обоснованные сомнения, что в условиях уже провозглашённого суверенитета союзных республик такая структура вообще сможет функционировать.

В силу своей принципиальной позиции Айрих чувствовал себя в оргкомитете, где верховодил назначенный властями для протаскивания "ассоциации" Г. Вормсбехер, всё более неудобно. Развязка наступила после постыдного потакания оргкомитетом В. Гусеву, когда тот попытался сорвать Съезд немцев СССР, назначенный правительством страны на март 1991 года.

Из-за безудержной дезинформации, распространяемой сверху по этому поводу, Айрих прибыл в Москву, если не ошибаюсь, лишь на третий день работы съезда. А наш форум в первый же день принял резолюцию о несостоятельности оргкомитета и недопустимости его дальнейшей деятельности.

Неприглядная роль этого органа явилась для Айриха огромным потрясением. Мысль о том, что его, ветерана национального движения, могут счесть соучастником аппаратных игр вокруг судьбы своего народа, была для нашего товарища невыносимой. Он попросил слова и зачитал заявление, направленное в президиум съезда.

Айрих недвусмысленно дал понять, что уже на заседании оргкомитета 1 марта он почувствовал: руководители этого органа "что-то недоговаривают относительно возможности переноса срока проведения Съезда". Теперь, когда опубликованы документы, иллюстрирующие всю ту непристойную возню, которая велась вокруг съезда с участием верхушки его оргкомитета, можно оценить, насколько прав был тогда наш товарищ. Он решительно заявил, что не желает быть марионеткой в руках Госкомиссии и "считает для себя невозможным" оставаться в составе оргкомитета.

Его призыв к остальным членам оргкомитета определиться "по данному вопросу в ближайшее время", казалось бы, повис в воздухе. Но вскоре в рядах оргкомитетчиков началось брожение, и стало очевидно, что Айрих в который раз оказался прозорливей большинства наших активистов.

В заключение он сказал: *"Прошу президиум считать меня делегатом настоящего Съезда, так как мандат на Съезд я получил не от оргкомитета, а от избирателей-немцев Алма-Аты"*.

Невозможно описать, что творилось в зале после этих слов, к которым Айрих добавил увесистый устный комментарий. Пожалуй, такого шквала аплодисментов не было на наших форумах никогда. Ни у кого из присутствующих, надеюсь, не повернулся бы язык в чём-то обвинить Айриха, который не имел к манипуляциям с "переносом" съезда ни малейшего отношения. Но столь решительное выступление прославленного ветерана стало неожиданностью для многих, кто недостаточно хорошо его знал. И, что важнее всего, оно явилось огромной моральной поддержкой участников съезда, некоторые из которых чувствовали себя явно не в своей тарелке, съехавшись вопреки запрету властей.

Последние, на мой взгляд, проиграли дважды. Первый раз – когда более половины делегатов сумели собраться, несмотря на изощрённое выкручивание рук. И второй, окончательно – как только в ряды этих непокорных людей встал Айрих, человек с непререкаемым авторитетом.

Кстати сказать, овациями встречали на моей памяти едва ли не все публичные выступления Айриха. В этом отношении с ним мог соперничать разве что умелый оратор Р. Цильке. А ведь у Айриха не было каких-то особых ораторских данных. Людей завораживала сама его яркая личность и, конечно, то, что он всегда очень ясно, убедительно и заинтересованно говорил о важнейших проблемах, волнующих аудиторию.

В книге И. Шлейхера приведён потрясающий диалог между Айрихом и его бывшим наставником по маркшпштадтской газете, делегатом Чрезвычайного съезда А. Крамером. Когда последний поблагодарил в перерыве Айриха за прибытие на съезд, тот ответил: *"Благодари за это мою жену. Она вдруг сказала: „Почему ты сидишь здесь? С 1964 года ты боролся за государственность, жил только в этом движении, и вот ты тут – а там идёт съезд. Что это значит?“ И я поехал, потому что женщины всегда мудрее нас, мужчин"*.

В данной фразе – весь Айрих. Перечитывая эти слова, будто вновь слышишь его голос. Когда речь шла о решении наших национальных проблем, главном деле последних лет жизни Айриха, он, не щадивший ни сил, ни здоровья, тем более не оглядывался на собственное самолюбие. Достигнув куда более видного положения в обществе, чем подавляющее большинство российских немцев, он был начисто лишён напыщенности и чванства.

Айрих опроверг в "Нойес Лебен" измышления В. Гусева по поводу причин "переноса" мартовского форума и задал риторический вопрос: что мешало этому деятелю прийти 1 марта на заседание оргкомитета, изложить свою позицию и добиться принятия согласованного, а не кулуарного решения по вопросам проведения съезда? Разумеется, незадачливый могильщик нашего форума прикинулся глухим и на этот раз.

Несмотря на все потуги Гусева и его подручных из оргкомитета, съезд состоялся. На нём присутствовали делегаты, представлявшие свыше миллиона российских немцев, они выразили отношение к проблемам своего народа, и с этими фактами, подчёркивал Айрих, необходимо считаться.

Айрих был избран на мартовском съезде одним из его десяти Чрезвычайных полномочных представителей, которым от имени съезда и народа, выдвинувшего делегатов, поручалось отстаивать интересы российских немцев. Когда Айрих находился дома в Алма-Ате, мы согласовывали с ним деятельность "десятки" по телефону. Он всегда внимательно выслушивал наши предложения и высказывал конструктивные замечания. Мы ни разу не разошлись по принципиальным проблемам, а в вопросах тактики наших действий именно Айрих обычно предлагал наиболее взвешенные идеи. Не могу представить, как бы работала "десятка" без него.

В августе 1991 года я посетил ряд областных центров Казахстана для прояснения ситуации перед вторым этапом нашего I съезда, намеченным на октябрь. В конце маршрута я намеревался заехать в Алма-Ату, чтобы присутствовать на II республиканской конференции общества "Видергебурт". Мы пытались дозвониться до оргкомитета конференции и обговорить детали этой поездки, но всякий раз находили на месте одного Айриха.

В Алма-Ату я приехал из Джамбула вместе с тамошними делегатами. На вокзале нас никто не встретил. После долгого ожидания я вдруг увидел, как под палящим солнцем в нашу сторону медленно движется Айрих. Мы были поражены – не его обязательностью, в которой и без того никто не сомневался, а тем, что в Алма-Ате не нашлось для встречи и размещения делегатов более здорового и молодого человека. Впечатление о незаменимости Айриха подтвердилось и в последующие дни. Похоже, на него взвалили чуть ли не всю организационную сторону конференции. Лишь положение гостя удержало меня от того, чтобы сказать по этому поводу местным деятелям несколько тёплых слов.

До аэровокзала меня подвёз, разумеется, всё тот же Айрих. Машина высадила его возле дома, и я со смятением посмотрел ему вслед. Он выглядел смертельно усталым и с трудом передвигался после перенесённой операции.

Тревожные предчувствия не покидали меня всю дорогу до Москвы. Не берусь сказать, к чему конкретно они относились. Тем более что я вернулся в столицу поздним вечером 18 августа, за несколько часов до начала небезызвестного путча ГКЧП.

К нашему стыду, чёрствость, а то и бестактность по отношению к Айриху, сыгравшему такую неопценимую роль в движении российских немцев, наблюдались в его рядах не раз.

Мне не забыть инцидента на так называемой учредительной конференции Союза немцев СССР в конце июня 1991 года. В эти же дни в Москве проходило заседание Временного Совета по восстановлению АССР НП. Мы решили прийти на конференцию всем Советом, чтобы призвать участников этого мероприятия воздержаться от дальнейших раскольнических шагов.

В первый день организаторы со скрипом пустили нас в зал, но на трибуну из членов Временного Совета удалось попасть только Айриху. Его оценка горбачёвского указа по трудармейцам прозвучала резким диссонансом на фоне безудержных славословий и самовосхваления других ораторов. После этого организаторы, умевшие слушать только себе подобных, нарушили собственное обещание и больше не дали слова никому из нас, даже Гроуту.

Назавтра поступили ещё проще: перед нами в прямом смысле слова захлопнули дверь. Нам было не привыкать к специфичному "демократизму" этих господ, поэтому мы спокойно отреагировали на их очередной кульбит. А Айрих стоял у самой двери, когда она закрывалась, и на него было больно смотреть.

В. Бауэр и Т. Иларионова не постеснялись объяснить этот вопиющий случай тем, что мы, якобы, "пытались сорвать" конференцию новоиспечённого Союза. Если В. Бауэру, одному из её организаторов, были нужны для самооправдания такого рода измышления, – это, что называется, его проблемы. Как лицо заинтересованное я не считаю себя вправе высказываться о моральной стороне подобных действий и заявлений. Хочу только отметить, что мы, в отличие от оппонентов, никогда не срывали ни один из наших национальных форумов.

Через полтора года инициаторы этого беспредела без тени смущения напишут в некрологе от имени Союза немцев, что Айрих "отличался последовательностью, твёрдостью, честностью". О времена, о нравы...

Нельзя не вспомнить и бульварную "шутку" "Нойес Лебен", которая позволила себе напечатать фотографию задремавшего Айриха в президиуме одного из наших съездов. А на III республиканской конференции общества "Видергебурт" в Алма-Ате Айриха так беспардонно оборвали из зала, что даже у него не выдержали нервы.

На мой взгляд, первопричины этих безобразных выходов коренятся, как ни странно, в высочайшем авторитете Эдуарда Айриха внутри нашего движения. Насколько я помню, ему ни разу не пытались оппонировать публично по серьёзному поводу. Все знали, что найти убедительные аргументы против Айриха чрезвычайно трудно. Не потому ли кое-кто предпочитал вместо этого прибегать к "мелким" пакостям? Кто скажет, как они отразились на здоровье ветерана и у кого теперь просить за них прощения?

В марте 1992 года Айрих произнёс на II съезде немцев бывшего СССР одну из самых ярких своих речей. Это было его последнее выступление на наших московских форумах. В своём, как оказалось, прощальном слове он гневно обрушился на надругательскую затею Ельцина с заселением российскими немцами территории

ракетного полигона Капустин Яр в полупустынном районе Волгоградской области. "Это предел всякого цинизма!" – воскликнул Айрих, отмечая проект новой резервации. Его вердикт гласил: российских немцев считают теперь "отработанным материалом, который не знают куда деть, где его захоронить".

В заключение своего выступления Айрих вдруг обратился по-немецки к присутствовавшим на съезде гостям из Германии. Я обомлел, услышав его типичную маркштадтскую речь, до боли напомнившую мне отца. На моей памяти именно Айрих впервые заявил с трибуны посланцам Фатерланда, что трагедия российских немцев – результат политики двух братьев-убийц, Гитлера и Сталина, а посему Германия и Россия должны сообща нести ответственность за нашу дальнейшую судьбу.

Венцом его речи явились вопрошающие слова российско-немецкого поэта Вольдемара Гердта, обращённые не только к России или Казахстану, но и к каждому из нас: "*Oh, sag' mir doch, mein Stiefmutterland, / wer werden zur Qual und Seelenpein / mein Enkel und Urenkel sein?*"⁶⁴

В последний раз я встретился с Айрихом в конце октября 1992 года, на I съезде немцев Казахстана. Он вновь говорил с трибуны о помощи трудармейцам, но, вопреки обыкновению, каким-то потухшим голосом, без обычной убеждённости. То ли уже не надеялся на скорое решение в своей республике этого застарелого вопроса, то ли одолевали другие заботы.

Вечером после закрытия съезда мы с Гроутом проводили Айриха до автобусной остановки. В нашем разговоре не обсуждались, как бывало прежде, итоги состоявшегося форума, хотя на этот счёт было чем поделиться. Айрих с внешне бесстрастной горечью рассказывал о недавней кончине своей жены и о проблемах с возведением памятника на её могиле. Подошёл автобус, Айрих как-то безнадежно взмахнул рукой и исчез – как выяснилось, навсегда.

Он скоропостижно скончался утром 18 января 1993 года. Накануне вечером мы вылетели в Бонн на заседание рабочей группы Межправительственной комиссии по проблемам российских немцев. Ужасно жаль, что не довелось отдать ему последний долг. Ещё хуже, что мы так мало сделали для него при жизни, особенно в тяжкие последние месяцы. И самое печальное – ни то, ни другое уже не исправить.

"*Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были*", – сказал поэт В. Жуковский. Нам ещё предстоит осознать место Эдуарда Айриха и в нашем движении, и в жизни российских немцев. Начала этой науки мы уже прошли, когда проводили первый без Айриха общенациональный съезд и недоумевали, подобно другому известному поэту: чего президиум, как вырубленный, поредел? Но мы не можем никем его заменить, ибо люди такого масштаба не появляются по заказу.

Вспоминая о нём, невольно размышляешь о судьбе российско-немецкого этноса. Народ не может состоять из одних айрихов, но лучшие качества нашего незабвенного товарища – трудолюбие, честность, непримиримость к злу, твёрдость, жизненная активность – возникли не на пустом месте. Они были характерны для той среды, в которой он сформировался. Об этом я знаю на примере своего отца. Кровавый режим сделал всё, чтобы эту среду уничтожить, истребляя в первую очередь самых заметных, самых лучших её питомцев.

Айрих выжил по чистой случайности. Но его приход в наше национальное движение, конечно, не случаен. Кому же ещё решать труднейшую задачу возрождения своего народа, как не людям такой большой неуёмной души?

⁶⁴ "О, скажи же мне, родина-мачеха, / кем станут на муки и душевные страдания / мои внук и правнук?"

Подобных борцов среди российских немцев больше нет. Однако в том многотрудном деле, которому отдал последние силы Эдуард Айрих, есть место для каждого из нас.

ТРЕТЬЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ

II конференция ВОСН призвала Верховный Совет СССР дать ответ о перспективах восстановления Республики на Волге ещё на его текущей сессии. Такая постановка вопроса перекликалась с предложением депутатской комиссии Г. Киселёва внести на рассмотрение данной сессии Комплексную программу воссоздания автономии российских немцев.

В случае если союзный парламент не отреагирует на обращение II конференции, её делегаты решили созвать чрезвычайную конференцию "Возрождения", потребовать выступления на ней официального представителя Правительства СССР, а при необходимости – пересмотреть Программу и Устав ВОСН.

Поскольку Верховный Совет отмолчался, проведение III (внеочередной) конференции ВОСН стало неизбежным. Она заслуживала наименования чрезвычайной не только из-за своей досрочности и тех обстоятельств, которые вынудили её организовать, но и в силу общего развития ситуации вокруг проблемы российских немцев.⁶⁵

Так называемая антиавтономистская, а в действительности антинемецкая кампания в Поволжье набирала обороты, не встречая противодействия властей. Более того, опубликованное в "Нойес Лебен" открытое письмо А. Кичихина "Анатомия шовинизма" убедительно показало, что этими событиями дирижирует сама местная партноменклатура.

Резко возрос приём российских немцев в ФРГ, в результате чего наметилась перспектива механического снятия "немецкой проблемы" с повестки дня в СССР. М. Горбачёв публично отверг в Нижнем Тагиле воссоздание автономии в Поволжье и поддержал как альтернативу явно несостоятельный проект массового переселения немцев в Ульяновскую область.

В этих условиях сверху была спущена идея "Всесоюзной ассоциации советских немцев". Начиная с весны 1990 года, "ассоциация" в течение многих месяцев служила главным "яблоком раздора" в рядах нашего национального движения и уже поэтому заслуживает того, чтобы высказаться по её поводу максимально обстоятельно. Тем более что в ряде последующих публикаций, особенно в книге В. Бауэра и Т. Иларионовой, были предприняты далеко идущие попытки, так сказать, "посмертно реабилитировать" эту глубоко порочную затею, если не вдохнуть в неё при случае новую жизнь.

Анализировать эпопею с "ассоциацией" непросто – в первую очередь потому, что наиболее рьяные поборники данной структуры всегда предпочитали думать одно,

⁶⁵ Вопрос о названии III конференции неожиданно всплыл на заседании Совета ВОСН 1 декабря 1990 года. Тогда, в разгар конфронтации между нашими лидерами, Ю. Гаар выступил с обширным докладом под претенциозным названием "Есть ли будущее у „Возрождения“?" В нём фактически препарировалась вся новейшая история движения российских немцев с точки зрения оппозиционных к Г. Гроуту лиц. Я вынужден буду ещё не раз возвращаться к этому выступлению. Пока отмечу только то, что меня крайне удивило, когда докладчик, безудержно клеймя Гроута, инкриминировал ему даже ... претенциозное наименование III конференции. Получается, что Гаар менее чем за год умудрился напрочь забыть соответствующий пункт резолюции II конференции?!

говорить другое, а делать нечто третье. Тем не менее, сегодня исследователю доступно уже столько необходимых материалов, что эта задача вполне поддаётся решению.

Предысторию "ассоциации" уместнее всего отсчитывать, пожалуй, с упомянутого сентябрьского (1989 года) Пленума ЦК КПСС, принявшего Платформу "Национальная политика партии в современных условиях". В этом документе содержался туманный намёк на возможность создания неких "национальных советов" – государственно-общественных представительных органов для народов, не обладающих собственными автономными образованиями.

Правовой базой "ассоциации" (если вообще уместно это словосочетание) явилась статья 17 Закона СССР "О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР" от 26 апреля 1990 года. Здесь шла речь о создании ассоциаций в целях координации деятельности разного рода национальных обществ. Самое большее, на что могли претендовать новые образования согласно данному закону, – это представительство интересов своих национальных групп в государственных органах.

На такой предельно скудной основе и базировались, как ни странно, ширококвотельные прожекты "ассоциации советских немцев" – "новой формы национальной консолидации и самоуправления".

Первый известный документ на этот счёт – записка, направленная ответственными работниками ЦК КПСС В. Бондарчуком и А. Цветковым секретарю ЦК Г. Разумовскому в марте 1990 года, – не выходил за вышеочерченные рамки, характеризуя функции "ассоциации". Тем неожиданней вывод авторов о том, что такого рода структуры могли бы стать ... "альтернативой территориальной автономии"(!!!). Не менее сенсационно и прорицание, касающееся российских немцев: *"Есть основание полагать, что создание Ассоциации снизит активность неформалов (то бишь активистов „Возрождения“ – В.Д.) по организации переселения немцев на Волгу"*.

Стало быть, можно считать неопровержимо доказанным, что "ассоциация" с самого начала задумывалась в качестве противовеса Республике в Поволжье. Ясно, однако, и то, что в столь непрезентабельной форме, как в данном документе, новая структура была бы в принципе неспособна сыграть подобную роль.

Задачу разрешения этого очевидного противоречия взяли на себя А. Гиренко, Г. Усманов, Р. Нишанов и В. Гусев – небезызвестные партийно-государственные бонзы того периода. В своей записке, направленной в ЦК 16 мая 1990 года, они прямо заявили, что "ассоциация" могла бы быть наделена "правами автономной республики в части представительства в высших органах государственной власти". И хотя тогдашнее законодательство не позволяло однозначно определить смысл этой высокопарной фразы, было ясно, что она представляет собой не что иное, как дальнейшее развитие тезиса "ассоциация – альтернатива автономии".

Однако главное содержание записки заключено, на мой взгляд, в другом положении – о праве "ассоциации" на создание "центральных (правительственных) и местных национальных органов" для решения широкого круга проблем российских немцев. Иначе говоря, на "ассоциацию" предлагалось возложить весомые государственные функции.

Таким образом, лицемерно сославшись на Платформу КПСС и упомянутый закон, авторы фактически предложили выйти далеко за их пределы и образовать принципиально новый государственный орган. Вполне закономерно, что при этом было заявлено о необходимости изменений в Конституции СССР.

Верили ли сами авторы "записки четырёх" в осуществимость своей затеи? Убеждён, что нет. Они достаточно поднаторели в аппаратной кухне, чтобы понимать: никто не будет перекраивать структуру государственных органов и переписывать Конституцию в угоду немцам или другим "безавтономным" народам.

В. Бауэр и Т. Иларионова документально подтвердили моё давнее подозрение, заявив об имеющейся у них магнитофонной записи беседы с обер-апологетом "ассоциации" В. Гусевым, где он признал по прошествии лет, что никогда в глубине души не поддерживал данную идею. Это свидетельство особенно любопытно на фоне утверждения наших авторов, что понятие "ассоциации", якобы, "устраивало советское руководство в начале 90-х годов".

"Понятие", быть может, и устраивало – в качестве словесного камуфляжа своих реальных замыслов, а вот его воплощение в жизнь – без сомнения, нет. Иначе чем объяснить тот неоспоримый факт, что никто из руководителей страны не оказал ни малейшего практического содействия лидерам незадачливого съездовского оргкомитета, когда те в течение года(!) без устали пытались добиться подведения юридической базы под гусевского кентавра?

Итак, не поддерживали, не верили и, тем не менее, подсунули. Цель более чем очевидна: отвлечь наше движение от задачи восстановления государственности, втянуть его в изнурительную и совершенно бесперспективную борьбу за воплощение идеи "ассоциации", заведя тем самым в полный тупик. Называя вещи своими именами, не могу не охарактеризовать "записку четырёх" как **крупнейшую провокацию вокруг проблемы российских немцев за последние десятилетия.**

О далеко идущих последствиях этой акции речь ещё впереди. А пока что хочу поставить вопрос: как же расценивать в таком случае поборников "ассоциации" с немецкими фамилиями? Увы, совершенно независимо от своих субъективных намерений они позволили использовать себя в роли орудия гнусных политических провокаторов. Отсюда, разумеется, никоим образом не следует, что наших соплеменников было бы уместно поставить на одну доску с их кремлёвскими покровителями. Проблема в другом – можно ли доверять таким людям в серьёзных политических делах?

Всё это, конечно, ретроспективные оценки. Летом 1990 года я, как и подавляющее большинство наших активистов, не имел понятия ни о каких записках в ЦК. Мы знали об "ассоциации" только по материалам из "Нойес Лебен" и сообщениям из штаб-квартиры ВОСН, направлявшимся в регионы.

Не будучи юристом, я ещё до вступления в "Возрождение" ряд лет вплотную занимался проблемами законодательства, интересовавшими меня в силу моей профессиональной и общественной деятельности. Поэтому мне было несложно прийти к выводу, что "ассоциация", в какие бы одежды её ни рядили, мыслима лишь в трёх принципиально разных вариантах – в форме общественно-представительной, государственно-общественной или чисто государственной структуры.

Первый вариант (который можно назвать и общественно-государственным, если речь идёт о соответствующей структуре, создаваемой по решению государственных органов) казался мне в принципе приемлемым, но для того момента явно несвоевременным, способным увести нас далеко в сторону от достижения главных целей.

Второй вариант, несравненно более проблематичный, я считал достойным обсуждения лишь в том случае, если он не требовал коренной перекройки законодательства и мог реально способствовать восстановлению нашей республики. Нам на местах было известно, что сверху, вопреки всякой логике, рьяно проталкивают именно его, и это не могло не наводить на мысль о коварной и опасной ловушке.

Что же касается третьего варианта, то он меня, в сущности, никогда особо не занимал. Очень трудно было представить, что с нашей общественной организацией кто-то будет всерьёз советоваться при формировании очередного органа исполнительной власти, пусть даже озадаченного проблемами российских немцев. Тем более я не мыслил себя в роли сотрудника такой структуры, прекрасно понимая, что в этом случае мне пришлось бы в куда большей степени выполнять волю начальства, чем отстаивать интересы своего народа.

Надеюсь, эти слова не будут восприняты как выпад по адресу тех моих соплеменников, которые сочли возможным влиться в подобные структуры или горят желанием сделать такой шаг. Как говорится, о вкусах не спорят.

То различие между разнообразными формами "ассоциации", которое представлялось и представляется мне чрезвычайно важным с точки зрения возможности практического воплощения и его последствий для решения проблем российских немцев, отнюдь не являлось таковым для В. Бауэра с Т. Иларионовой. Перечислив на одном дыхании гусевскую "ассоциацию" (мифическую государственно-общественную структуру), Комитет по проблемам советских немцев (союзный государственный орган, создание которого не без успеха инициировал съездовский оргкомитет) и Фолькстаг (общественно-государственную структуру, предлагаемую нами с осени 1991 года), наши авторы заверили: всё это-де – не что иное, как "система представительства народа на уровне высших органов власти".

Спрашивается, какое отношение к "представительству народа" имеет государственный орган, формируемый чисто бюрократическим путём и от народа никак не зависящий? И не странно ли говорить о "системе" применительно к гусевской "ассоциации", которая в принципе не могла и не может быть вписана в сложившуюся структуру органов государственной власти и управления? Ан нет, авторы оставили безо всякого внимания такого рода "мелочи", найдя критические слова исключительно для идеи Фолькстага.

А ведь Концепция самоорганизации, базирующаяся на данной идее, формировалась Межгосударственным Советом российских немцев и Советом немцев России именно в бытность В. Бауэра одним из их руководителей. В тот период он занимал свою излюбленную позицию стороннего наблюдателя и воздерживался от какой-либо критики.

Прозрение наступило только тогда, когда СНР и МГСН с огромным трудом удалось привлечь внимание российского и германского правительств к идеям национальной самоорганизации. Получается, что наши пути с В. Бауэром разошлись весьма оригинальным образом: мы предпочли заниматься самоорганизацией, он же ... саморазоблачением.

Резюме наших авторов гласит: *"Споры велись о частностях"*. Если различия между перечисленными формами "ассоциации" – всего лишь частности, то почему руководство СССР довольно быстро пошло навстречу домогательствам оргкомитетчиков на предмет создания упомянутого Госкомитета, упорно саботируя до этого все их попытки правового оформления идеи ассоциации "по-гусевски"?

Возможно, такого рода вопросы не приходили в голову В. Бауэру в 1991 году, но я исключаю, что он не догадывался об этом и впоследствии, как-никак умудрённый двухлетним пребыванием в стенах Госдумы. Весьма сомнительно и то, что после этого он по-прежнему верил в возможность создания "правительства с соответствующими полномочиями и финансированием, но без территории", как охарактеризовали "ассоциацию" сами авторы. Уже поэтому крайне неубедительны их попытки свести причины отрицательной реакции на данную идею, прежде всего, к "стремлению к

лидерству" со стороны оппонентов – видимо, наиболее весомому из возможных мотивов с точки зрения авторов.

В первую очередь этот пассаж адресован, конечно же, Г. Гроуту. По мнению наших авторов, он не мог претендовать на руководящий пост в "ассоциации", поскольку "не обладал ни опытом хозяйственника, ни навыками администратора". Примечательно, однако, что в их книге имеется и иная оценка Гроута: *"Не только последователей, но и противников он заставлял считаться со своими аргументами и позицией. Он притягивал людей, находя для каждого дело по силам"*. Иными словами, авторы воздали должное Гроуту как незаурядному политическому лидеру и организатору – качества, далеко не лишние при руководстве любой "ассоциацией".

О том, что представляли собой остальные потенциальные претенденты на эту роль, в какой-то мере свидетельствует красочное описание В. Бауэром и Т. Иларионовой изнурительной "борьбы под ковром" по поводу формирования верхушки упомянутого союзного Госкомитета в самый подходящий для подобных занятий момент – накануне августовского путча 1991 года.

Нам сообщили, что на пост председателя комитета претендовало, по меньшей мере, пятеро – Г. Вормсбехер, П. Фальк, В. Ауман, В. Шульц и В. Бауэр. Наши авторы умолчали об "опыте хозяйственника и навыках администратора" у журналиста Г. Вормсбехера, военного лётчика П. Фалька, сотрудника ЦК КПСС В. Аумана и профессора В. Шульца. Оставался, следовательно, лишь один достойный претендент – сам В. Бауэр. Ссылаясь на В. Шульца, авторы без ложной скромности отметили, что Бауэр "имел уже солидный опыт организаторской работы".

Любому вузовскому преподавателю известны должностные обязанности заведующих кафедрами физвоспитания и деканов (посты, на которых к тому моменту успел побывать В. Бауэр). Как бы ни оценивать их организаторскую деятельность, очень трудно представить, что именно она и может послужить пропуском в начальники государственной структуры союзного уровня.

Не берусь судить о достоинствах Бауэра как хозяйственника и администратора – ни мне, ни большинству моих товарищей не довелось наблюдать его за этими занятиями. О политическом даровании бывшего коллеги нам известно значительно больше. Оно ярко проявилось и при непреклонном отстаивании им химеричной гусевской "ассоциации", и в его выступлении в команде небезызвестного политического флюгера И. Рыбкина на парламентских выборах 1995 года, и – не в последнюю очередь – в его стремлении низвести в своей книге все политико-правовые разногласия до уровня дележа портфелей.

Этому увлекательному занятию охотно предавались летом 1990 года и куда более высокопоставленные товарищи. Наверху уже приняли решение о созыве Съезда немцев СССР для образования "ассоциации" и утвердили состав его оргкомитета. Последний успел провести своё первое заседание и поддержать формирование руководящих органов "ассоциации" на съезде.

В. Бауэр и Т. Иларионова отметили в этой связи, что, дескать, "настал момент обратиться к самим российским немцам, узнать их мнение" посредством общенационального форума, "с тем, чтобы образовать на нём внетерриториальную „ассоциацию“ (Центральный Совет) советских немцев". Подобной же "информацией" нас пичкали и перед III конференцией: "узнать мнение" для ... принятия заранее заготовленных решений.

Таким образом, возникла реальная угроза, что власть имущие используют подобранных ими лиц немецкой национальности, чтобы навязать российским немцам надуманную эрзац-государственную структуру взамен воссоздания территориальной

автономии. Конференция единственного общенационального объединения обязана была высказать от имени народа отношение к "ассоциации" и съезду.

По напряжённой атмосфере, царившей в перерыве заседания Координационного Центра ВОСН накануне конференции, мне стало ясно, что у руководителей Общества нет единства в вопросах повестки дня. А. Майснер познакомил меня с Г. Гроутом, представив как человека, могущего оказаться полезным при подготовке документов. Тот покивал, но взгляд его был отсутствующим. В кулуарах я впервые увидел и других лидеров "Возрождения" – они выглядели не менее озабоченными.

Вечером во дворе гостиницы стихийно собралась большая группа делегатов. Практически никто из них не верил, что "ассоциация" – не отвлекающий маневр, а потенциально полезный инструмент для восстановления Республики на Волге. Тем более что громоздкую всесоюзную структуру предлагалось создать в условиях, когда центр уже во многом потерял контроль над ситуацией в республиках.

С наступлением темноты члены ряда сибирских делегаций продолжили дебаты в одном из гостиничных номеров. Здесь мы были особенно тесно сплочены – как в прямом, так и в переносном смысле. Договорились встречаться каждый вечер, чтобы при необходимости предпринимать на конференции согласованные шаги.

Ни на этой встрече, ни на самой конференции невозможно было уловить принципиальных отличий в позициях делегаций из различных регионов Сибири – например, кемеровской и новосибирской. А ведь у наших соседей накануне конференции побывал Г. Гроут, который не приезжал в Кузбасс никогда. Каково же было моё изумление, когда Ю. Гаар заявил в упомянутом выступлении на Совете ВОСН, что именно вояж Гроута, якобы, предопределил "тот агрессивный настрой делегаций III конференции из тех самых регионов, где побывал председатель"!

Дальше – больше. По словам Гаара, Гроут и "ряд активистов" провели накануне конференции оргработу, чтобы настроить делегатов и целые делегации "против своих же товарищей, против членов Президиума (КЦ ВОСН – В.Д.), Госкомиссии, против всякого, кто каким-то образом прикасался к идее „Ассоциации“".

Не хотелось бы использовать медицинские термины, но иначе, чем манией преследования в запущенной форме, мне эти тирады объяснить трудно. Впрочем, я готов взять свои слова назад, если Ю. Гаар, к примеру, пояснит моим землякам-кузбассовцам, какие именно активисты занимались тогда среди них подобной подстрекательской "работой".

Наутро в административном корпусе ВДНХ царило форменное столпотворение. На конференцию прибыло рекордное число делегатов – более 600, множество гостей и корреспондентов, отечественных и зарубежных. Однако представители союзных властей не почтили нас своим присутствием, так что одна из главных декларируемых целей конференции – выяснить позицию правительства по нашей проблеме – сразу же оказалась под вопросом.

Настрой делегатов был весьма решительным. Для начала это выразилось в том, что все очень резко ринулись занимать места в зале. Наша сибирская степенность привела к тому, что кемеровчане оказались в задних рядах и довольно далеко от микрофонов. Минусы этой дислокации выявились тотчас, когда началось формирование рабочих органов и обсуждение повестки дня конференции.

Кемеровские делегаты дважды предложили мою кандидатуру в состав редакционной комиссии. Председательствовавший Г. Гроут в первом случае вообще не отреагировал, а во втором сказал: *"Давайте не уклоняться от согласованного списка. А желающие помочь пусть приходят на заседания комиссии, двери открыты для всех"*.

Ветеран борьбы за нашу автономию Иоганн Кроневальд из Нижнего Тагила сказал при открытии конференции, что обсуждать вопрос об "ассоциации" нельзя, пока нам не разъяснят её сущность. Но никто и не собирался давать подобные объяснения, поскольку даже инициаторы этого искусственного образования не имели сообщить на его счёт ничего внятного. А наше молчание они могли расценить лишь в выгодном для себя смысле, то есть как знак согласия. Поэтому нам только и оставалось, как попытаться прояснить собственными силами, каких же мышей способен ловить тот кот в мешке, которого нам так усердно пытались подсунуть.

Когда я увидел И. Кроневальда на III конференции, мне поначалу показалось, что мы уже знакомы. На самом же деле я, конечно, слышал имя патриарха нашего движения и не раз читал его публикации в "Нойес Лебен", но прежде нам встречаться не доводилось. Видимо, моё впечатление было связано как с созвучием нашего подхода к проблемам российских немцев, так и – в меньшей мере – с тем, что я не мог не распознать в нём хорошо знакомую фигуру бывшего преподавателя.

Типичная преподавательская манера отличала все публичные выступления Кроневальда. Ему, подобно мне и другим нашим коллегам, она нередко помогала, а порой и мешала владеть аудиторией, отличной от студенческой. Но место И. Кроневальда в движении российских немцев определялось, разумеется, не этим.

Познакомившись с ним и Э. Айрихом, я очень скоро убедился в их несомненном сходстве: они оба являлись убеждёнными коммунистами, хотя их меньше всего можно отнести к проводникам директив партии в наших рядах. Громадный авторитет этих людей связан в первую очередь с тем, что они были совершенно чужды конъюнктурных соображений и, ничего не добиваясь лично для себя, боролись за Республику на Волге исключительно ради будущего своего народа.

На втором этапе I съезда именно Кроневальд напомнил присутствующим о годовщине создания нашей автономии и предложил почтить это событие вставанием. Его короткое и, в общем-то, немудрёное выступление по данному поводу запомнилось мне навсегда: он сказал об АССР Немцев Поволжья такие слова, которые говорят лишь о том, без чего невозможно жить.

Кроневальда, как и Айриха, я близко узнал во время работы в оргкомитете съезда. Мне не раз доводилось сидеть рядом с Кроневальдом за столом заседания. Общаясь с ним, было трудно поверить, что ему уже за 70. Его отличали прекрасная память, способность на лету схватывать суть вопроса, мгновенная реакция. Нередко он тут же набрасывал свои предложения и показывал мне листки, исписанные ровнейшим бисерным почерком. Бывало, мы вместе шли на заседания, и я, будучи куда моложе и являясь давним любителем пеших прогулок, едва поспевал за ветераном.

Помню, однажды я расспросил его о легендарном хирурге Теодоре Грасмике, который после войны проживал в одном городе с Кроневальдом и был его близким знакомым. Моя мать боготворила этого врача, оперировавшего её в Марксштадте, а в начале 60-х годов даже съездила в Нижний Тагил только ради того, чтобы проконсультироваться с ним. Кроневальд сообщил мне о последних днях Грасмика и его похоронах, на которые, по словам моего собеседника, "вышел весь город". Мог ли я тогда представить, что не пройдёт и пяти лет, как 9 августа 1995 года уйдёт из жизни сам неутомимый и жизнелюбивый рассказчик?

На заседании МГСН в августе 1992 года И. Кроневальд ещё раз занял своё привычное место в редакционной комиссии. Эта наша встреча с ним оказалась последней – перед III съездом он попросил освободить его от полномочий делегата из-за тяжёлой болезни жены, а больше ему так и не удалось выбраться в Москву.

Я видел его много раз, но чаще всего он ассоциируется в моей памяти с III (чрезвычайной) конференцией "Возрождения". Думаю, и Иоганн Кроневальд до конца своих дней помнил об этом знаменательном событии нашей национальной жизни.

...В самом начале III конференции я предложил внести коррективы в повестку дня. Вместо конкретных пунктов основная её часть состояла из перечней названий докладов председателя и сопредседателей ВОСН. При этом, например, выступление Г. Вормсбехера именовалось "Время конкретных дел". Поди, разберись, о чём здесь могла идти речь.

Мы догадывались, что такой характер повестки вызван разногласиями между лидерами и компромиссным решением - дать возможность высказаться каждому из них. Но и с этой благой целью не следовало размазывать и запрягивать те вполне определённые проблемы, для обсуждения которых собрались делегаты.

Поэтому я стал настаивать на внесении отдельным пунктом узлового вопроса – об отношении к "ассоциации" и съезду. Гроут возражал, что эта тема и без того будет освещена в докладах, а посему-де нет необходимости фиксировать её особо. Моё предложение не было даже поставлено на голосование.

В итоге, как я и опасался, главные проблемы не нашли отражения в отдельном документе. А в общей резолюции им был посвящён всего один пункт, к тому же с весьма расплывчатыми формулировками. Таким образом, конференция практически не дала конкретных наказов оргкомитету, что позволило затем его руководителям манипулировать повесткой дня и сроками съезда. Упущение, которое могло показаться мелочью, имело далеко идущие последствия.

Доклад Гроута содержал достаточно продуманную оценку ситуации. Увы, этого не скажешь о прозвучавших выводах. Оратор фактически не проанализировал идею "ассоциации" с точки зрения её возможного содержания и последствий, отдав инициативу в важнейшем вопросе своим оппонентам. Он лишь заявил, что ВОСН готово обсудить соответствующие предложения, если они будут исходить от Верховного Совета или Президента СССР и иметь конкретное правовое наполнение. Однако эта позиция не нашла отражения в итоговой резолюции.

Столь же неопределёнными оказались рассуждения нашего председателя о "втором направлении" в деятельности "Возрождения", то есть о предполагаемом массовом выезде его членов из СССР. Понимая, очевидно, эфемерность этой затеи, Гроут предложил приостановить её реализацию до конца 1990 года. В то же время в докладе вновь прозвучала весьма сомнительная мысль о выезде как форме "политического протеста руководству СССР". Но и эти соображения не были поддержаны в решениях конференции.

Тем не менее, доклад Гроута звучал куда выигрышней, чем выступления сопредседателей. Их оценки были гораздо дальше как от реальности, так и от настроения делегатов и их избирателей. Это выразилось, в частности, в том, что именно Гроут на данной конференции в первый раз основательно высказался по проблемам выезжающих.

В условиях, когда выезд приобрёл массовый характер и на него уже были настроены многие из присутствующих, очередная порция вопросительных знаков, которые расставил вокруг эмиграции Вормсбехер, вызывала в лучшем случае недоумение. Острые критические стрелы, пущенные им против "призывов к массовому выезду", не могли всерьёз повлиять на позицию делегатов. Они знали не хуже докладчика, что с подобными призывами никто из руководителей ВОСН, строго говоря, никогда не выступал.

Намёк на организованный выезд нескольких десятков тысяч членов "Возрождения" (намного меньше числа переселенцев за один 1990-й год), содержащийся в упомянутом

Плане работы ВОСН после II конференции, и призывы к массовому выезду миллионов российских немцев – это, что ни говори, далеко не одно и то же. Тем не менее, за подброшенную Вормсбехером искажённую интерпретацию документов ВОСН и заявлений Гроута с готовностью ухватились силы, противостоящие деятельности "Возрождения", прежде всего в Германии. Их хорошо организованные нападки по этому поводу очень дорого обошлись нашему Обществу.

Основная часть выступления Вормсбехера была, однако, посвящена не выезду, а созданию официального органа российских немцев, наделённого – ни больше, ни меньше – "полномочиями правительства автономной республики" и способного, якобы, помочь даже восстановлению нашей государственности.

При этом докладчик умело использовал им же инспирированный пункт из резолюции II конференции, где безо всякого обоснования поддерживалась идея центрального национального Совета, сформированного в соответствии с упомянутой Платформой КПСС. (Более того, в той резолюции предлагалось создать, наряду с центральным, и региональные Советы российских немцев на всех уровнях.)

Оратор был, в отличие от Гроута, рьяным сторонником этих структур (на моей памяти Вормсбехер обычно воспринимал всё идущее сверху с полной готовностью) и посвятил им гораздо больше места. Но и он совершенно обошёл суть проблемы: можно ли вписать столь инородные органы в существующую систему государственной власти и управления; как будут соотноситься их предлагаемые функции с действующей Конституцией и законами? Поэтому его многословные рассуждения о серьёзных возможностях национальных советов и "ассоциации" отдавали, по меньшей мере, беспочвенным прожектерством.

Позднее, на заседаниях оргкомитета съезда, я постоянно убеждался в невероятной правовой беззаботности Г. Вормсбехера. Качество, простительное для литератора, но уж никак не для претендента на роль идеолога национального движения.

Помню нетерпение зала во время выступления другого сопредседателя ВОСН Ю. Гаара, который доложил об участии "Возрождения" в работе Госкомиссии по проблемам советских немцев под руководством В. Гусева. Присутствующие всё ждали, когда же докладчик заговорит, наконец, о шагах комиссии по восстановлению Республики на Волге. Увы, не дождалось, поскольку сказать на сей счёт было решительно нечего.

Вместо этого мы услышали о широком развитии национального образования и культуры, а также о проектах массового переселения немцев в Поволжье вне связи с восстановлением АССР НП. Вопрос о том, кто и как будет реализовать эти грандиозные замыслы, Ю. Гааром даже не затрагивался.

Желая оправдать фактическое бездействие Госкомиссии, оратор резонно заметил, что она не восстановит нашу государственность без принятия политического решения. Но об этом все знали и без него. В сложившейся ситуации людей интересовало совершенно иное: почему комиссия даже не пытается инициировать во властных структурах соответствующий нормотворческий процесс? Однако мы не дождалось ответа и на этот вопрос.

Не сумев вразумительно отчитаться перед конференцией о работе в Госкомиссии, Ю. Гаар предпринял своеобразную попытку реваншироваться на упомянутом заседании Совета ВОСН. Превратно истолковав известный девиз "лучшая защита – нападение", он не придумал ничего более оригинального, как задать встречный вопрос: *"Почему перестала работать комиссия Г.Н. Киселёва, которую никто не распускал и которая должна осуществлять законодательное обеспечение работы Госкомиссии (мы же не стали громогласно обвинять в этом Г. Гроута)?"*

В этой фразе имеет какой-то смысл лишь утверждение о том, что комиссию Киселёва никто не распускал. Впрочем, из всех многочисленных комиссий по нашей проблеме, если не ошибаюсь, была официально упразднена только "гусевская" – и то потому, что власти вознамерились заменить её "Комитетом по проблемам советских немцев при Кабинете Министров СССР". Другие же комиссии заканчивали свою деятельность, так сказать, явочным порядком. В остальном тирада Гаара больше напоминает о другом знакомом изречении – "с больной головы на здоровую".

Будучи хоть сколько-нибудь объективным, нельзя не признать, что недолгая, но напряжённая работа депутатской комиссии Г. Киселёва, в состав которой входил и Гроут, увенчалась достойным итогом – "Предложениями о первоочередных мерах по решению проблем советских немцев". Как уже отмечалось, этот документ нашёл поддержку в Постановлении Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года, на основании которого и была создана Госкомиссия В. Гусева.

Комиссия Киселёва не могла заниматься "законодательным обеспечением" её деятельности уже потому, что узловая идея "Предложений" заключалась в принятии Постановления Верховного Совета СССР о принципиальной необходимости восстановления автономии на Волге и в одновременном формировании Госкомиссии для выработки Комплексной программы воссоздания республики. Между тем в Положении, принятом комиссией Гусева 16 февраля 1990 года, она поставила перед собой совершенно иную задачу – разработку некой "государственной программы переселения на добровольных началах советских немцев в места традиционного жительства" (которая так и не увидела света за полтора года "бурной" деятельности этой комиссии), а о восстановлении автономии даже не упомянула. Но уж в этом-то Ю. Гаару следовало бы винить не Гроута с Киселёвым, а себя и своих коллег по Госкомиссии.

После докладов Гаара и Вормсбехера для меня, как и для многих присутствующих, было абсолютно ясно, что данным лидерам, не желающим считаться с мнением большинства делегатов и активистов ВОСН, нечего рассчитывать на поддержку конференции. Кажется, это осталось секретом только для них самих.

Заслушанные доклады по разным причинам ещё сильнее наэлектризовали аудиторию. Желающих выступить в прениях было, хоть отбавляй. По поручению кемеровской делегации подал записку и я. Откровенно говоря, убедившись в умелой режиссуре конференции, я не очень надеялся получить слово. Однако мою фамилию неожиданно назвали одной из первых.

Это произошло в сложный для меня момент. Непосредственно передо мной выступил один из приглашённых вожаков саратовских "антиавтономистов", который обрушился на требования о восстановлении Республики в Поволжье с обычными для подобных господ бесстыдными выпадами. А чтобы "подкрепить" своё погромное словоизвержение, он, недолго думая, изрёк: нечего, мол, немцам, плакаться – нынешние жители этих мест, попавшие сюда в войну, пострадали не меньше вашего. Ещё не успев привыкнуть к таким речам, я взвинтился до предела и в начале своего выступления с трудом себя контролировал.

Первым делом пришлось напомнить этому "специалисту" по сравнительной оценке страданий разных народов, что люди, эвакуированные или переселённые в места проживания немцев Поволжья, попадали обычно в удобные немецкие дома, на всё готовое, тогда как их владельцы отправлялись в бараки и землянки.

Смутно помню, как я рассказывал, что моя мать, похороненная неделю назад, вдруг увидела этой весной на телеэкране свою улицу Рабочую в нынешнем Марксе. Увидела в первый за полвека и, как оказалось, в последний раз. Вблизи украденного родного дома она могла наблюдать непристойный антинемецкий шабаш. Пусть их организаторы,

говорил я, не надеются на отказ российских немцев от своей Республики на Волге. Добиваться её восстановления – наш священный долг перед мёртвыми и живыми соплеменниками. Отрекшись от этой цели, мы были бы недостойны того, что появились на свет.

Немного придя в себя, я в нескольких словах высказал своё негативное отношение к "ассоциации" и, насколько успел, его обосновал. Далее я отметил, что в резолюции II конференции ВОСН содержались конкретные пункты по защите прав выезжающих, и посетовал на расплывчатое освещение этого актуального вопроса в предложенном проекте Программы "Возрождения".

Сославшись на доклады Гроута и Гаара, я обратил внимание присутствующих, что наша проблема загнана в порочный круг: попытки ставить вопросы перед Верховным Советом СССР наталкиваются на отказы, мотивируемые работой правительственной комиссии, а комиссия, в свою очередь, кивает на отсутствие решения со стороны союзного парламента. Чтобы выйти из этого тупика, подчеркнул я, мало выразить политическое недоверие Правительству СССР, как предлагает Гроут. Напротив, такой демарш может быть использован властями в качестве предлога для дальнейшего бездействия. Нужна всесторонняя активная работа ВОСН, в том числе и по подготовке намечаемого съезда.

Вопреки моим ожиданиям, мне довольно горячо аплодировали. К сожалению, большинство выступлений в прениях были похожи на моё перехлёстом эмоций и недостатком конкретных предложений. Увы, этим качеством страдали и другие наши форумы.

Как и обещал Гроут, мне не мешали присутствовать на заседаниях редакционной комиссии. А вскоре ко мне, видимо, привыкли, и никто не возражал, когда я, не будучи членом комиссии, участвовал в голосовании. Впрочем, мой голос ничего не решал, поскольку ситуация для меня и мне подобных "радикалов" сложилась в комиссии явно неблагоприятно. Очевидно, так получилось из-за предварительной договорённости о её составе, ибо расклад голосов в зале был совершенно иным.

Обычно вместе со мной голосовали лишь председатель новосибирской областной организации "Возрождения" Валерий Вейнгардт, ответственный секретарь КЦ ВОСН Роберт Корн да сам Гроут. Тогда у наших лидеров ещё не было привычки игнорировать работу редакционной комиссии, и Г. Вормсбехер (её председатель), как и Гроут, бывали почти на всех заседаниях.

В комиссии создалась напряжённая атмосфера, поскольку здесь сплошь и рядом сталкивались непримиримые позиции. Отдадим должное Г. Вормсбехеру: он никогда не терял контроля над собой. Вскоре я понял, что это его обычная манера. А вот некоторые из присутствующих порой переходили на недопустимо повышенные тона. Среди них особенно запомнились земляки из Алма-Аты, но яркие антагонисты Р. Корн и Х. Дриллер⁶⁶. Для них, как я убедился позднее, такое поведение тоже было в порядке вещей.

Противостояние точек зрения проявилось в комиссии уже в тот момент, когда Гроут и Вормсбехер внесли на её рассмотрение диаметрально противоположные по содержанию проекты резолюции конференции.

Я не любитель эклектики и сразу же увидел, что их совмещение может породить лишь неудобоваримую кашу. Поэтому мной было внесено самое, казалось бы, логичное предложение: распространить среди делегатов оба документа, принять один из них за основу и затем рассмотреть в комиссии поправки к нему. На меня посмотрели как на

⁶⁶ Впоследствии – крайне амбициозный и столь же бездеятельный председатель казахстанского общества "Видергебурт".

ненормального. Вормсбехеровское большинство не желало и слышать ни о чём подобном, прекрасно зная, чем бы закончилось голосование в зале. В результате мы в комиссии бездарно убили массу времени, пытаясь совместить несовместимое.

В итоговом тексте резолюции, как и следовало ожидать при нашем способе работы над ней, гораздо больше от проекта Вормсбехера. Это нетрудно установить уже по необъятного размера предложениям, столь характерным для данного автора. Тем не менее, в ряде важных пунктов отражены настроения большинства делегатов.

Так, выражено недоверие председателю Госкомиссии В. Гусеву, а членам "Возрождения" в её составе предложено приостановить свою деятельность, пока комиссия не обратится к главной проблеме – восстановлению государственности российских немцев. Забегая вперёд, отмечу, что Вормсбехер и его сторонники и не подумали прислушаться к этой рекомендации. Из зала выдвигалось и более радикальное предложение – отказать в доверии всему составу комиссии. Оно было провалено, хотя Вормсбехер и Гаар так и не смогли объяснить, чем лично они способствовали повороту комиссии к узловым национальным проблемам.

В резолюции отражён также новый подход к проблеме эмиграции. Это явление впервые названо законной реакцией российских немцев на их безысходное положение; сказано о понимании конференцией тех, кто вынужден принять решение о выезде.

Наибольшие споры в редакционной комиссии и зале заседания вызвало, как я и предполагал, отношение к съезду и "ассоциации". Конференция согласилась с созданием на съезде "представительных и руководящих органов", но не в качестве альтернативы государственности, а как инструмента её восстановления.

Такая формулировка свидетельствует об изрядной путанице в умах делегатов, принесённой неустанными усилиями команды Вормсбехера. Видимо, большинство присутствующих ещё не осознало, что никакие органы, созданные на съезде, не смогут никем "руководить". В противном случае их пришлось бы наделять прерогативами государственной власти, что в корне расходилось с её сложившейся структурой. Следовательно, и роль этих органов в качестве "инструмента" не могла не быть проблематичной.

Отрадно, однако, уже то, что попытка властей и их протеже в руководстве ВОСН навязать "ассоциацию" как альтернативу государственности была недвусмысленно отклонена. Чтобы этот факт не вызвал никаких сомнений, делегаты настояли на специальной фразе: *"Конференция решительно отвергает идею создания ассоциации советских немцев"*.⁶⁷

Обрати власти должно внимание на этот важный момент конференции, осознай они, что "ассоциация" скомпрометирована в глазах российских немцев окончательно и бесповоротно, глядишь, удалось бы избежать последующего фарса с "переносом" съезда. Но правящая верхушка была ещё и в тот момент твёрдо убеждена в глубокой мудрости и правильности любых своих затей, несмотря на все картинные упражнения в самокритике.

Говоря о проведении нашего Чрезвычайного съезда, В. Бауэр и Т. Иларионова обратили внимание на некий, по их мнению, парадокс: дескать, поначалу ВОСН "сопротивлялось самой перспективе созыва такого форума", но изменились обстоятельства – и уже само "Возрождение", "напрягая лёгкие, кричит о необходимости Съезда и его историческом значении для народа". Оставляя в стороне бульварную лексику

⁶⁷ В. Бауэр и Т. Иларионова заверяют читателей, что в резолюции не упоминалось даже слово "ассоциация". Предварительно заглянув в упомянутый сборник В. Аумана и В. Чеботарёвой, авторы могли бы легко установить, что приведённой фразой завершается пункт 5 резолюции.

наших авторов, хочу подчеркнуть, что ничего странного в этой метаморфозе в действительности не было.

Да, впервые услышав в начале лета 1990 года о проведении съезда, Г. Гроут и его сторонники в руководстве ВОСН отнеслись к этому предложению верхов крайне настороженно, поскольку восприняли идеи съезда и "ассоциации" как нераздельное целое. Однако реакция в низовых структурах "Возрождения" была несколько иной.

Решительно отвергая "ассоциацию" и скептически оценивая возможные результаты съезда, мы, тем не менее, ни на минуту не усомнились в его целесообразности. Никто из нас не смог бы объяснить нашим соплеменникам, почему мы должны отказываться от участия в первом с незапамятных времён общенациональном форуме, – какими бы проектами ни обставлялось его проведение. Поэтому подавляющее большинство делегатов прибыло на III конференцию ВОСН с единодушным мнением: съезду быть!

Гроут, в отличие от своих оппонентов, никогда не пытался игнорировать настроения на местах, и отношение к проведению съезда оказалось, пожалуй, единственным принципиальным вопросом, не вызвавшим на конференции особых дискуссий. Это и нашло отражение в решительных формулировках резолюции, касающихся участия "Возрождения" в подготовке съезда.

В кулуарах редакционной комиссии я несколько раз встречал делегата конференции, подполковника КГБ А. Кичихина, автора нашумевшей "Анатомии шовинизма". Хотя он в своём обширном материале безоговорочно поддержал восстановление государственности российских немцев, было очевидно, что некоторые лидеры ВОСН относятся к нему с едва скрываемой неприязнью.

Причины этого явления не до конца ясны мне до сих пор, но одна из них была на виду уже тогда: высокопоставленный сотрудник КГБ прослыл убеждённым противником идеи "ассоциации". Его большая аргументированная статья на эту тему появилась в "Нойес Лебен" в конце июня 1990 года.

Фигура Александра Кичихина давно уже служит удобным объектом для разного рода домыслов по поводу деятельности "Возрождения". Не удержались от них и В. Бауэр с Т. Иларионовой. Они сочли, что с лета 1990 года, когда ВОСН, якобы, задалось целью "всемерно опорочить" идею "ассоциации", Кичихин стал – ни много, ни мало – идеологом нашего Общества! Более того, эти авторы без тени сомнения заявили: *"Лидеры общества подпали под его влияние, и многие ультиматумы писались с его подсказки"*. Побывав на научной конференции в Гёттингене осенью 1996 года и прослушав доклад о национальном движении российских немцев, с которым выступил консультант наших авторов д-р А. Айсфельд, я обнаружил, что учёная мысль ушла в этом отношении ещё дальше: по мнению докладчика, Кичихин **направлял** деятельность "Возрождения".

К сожалению, эти глубокие, смелые и – не побоюсь такого слова – сенсационные выводы страдают одним небольшим недостатком: авторы даже не пытаются их обосновать. Мне бы очень не хотелось вступать в противоречие с передовой германской наукой или не менее прогрессивной российской публицистикой, но я в подобных случаях предпочитаю придерживаться банального и, возможно, устаревшего правила: выступать принародно лишь с теми категоричными утверждениями, которые можно доказать, что называется, с фактами в руках.

Я не настолько хорошо знаком с А. Кичихиным, чтобы пытаться дать сквозную обобщающую оценку его деятельности на поприще нашего национального движения, однако утверждаю с полной определённой: с марта 1991 года, когда я стал участвовать в подготовке всех основных документов "Возрождения", он **никогда и никоим образом** не привлекался к этой работе. На моей памяти А. Кичихин лишь дважды пытался повлиять на решения наших форумов – на III конференции ВОСН, о чём я расскажу чуть

ниже, и на Чрезвычайном съезде немцев СССР, когда он призвал нас с трибуны не создавать Временный Совет по восстановлению АССР НП. Оба раза мы однозначно отвергли его рекомендации. Странноватое отношение к шеф-идеологу и "кукловоду", не правда ли?

Я уже не говорю о том, что "Возрождению" не было никакой нужды "всемерно порочить" нелепую затею с "ассоциацией" – её несостоятельность была очевидна для каждого мыслящего и незашоренного человека. Помнится, на Чрезвычайном съезде сразу несколько делегатов-правоведов независимо друг от друга и с различных позиций, весьма далёких от кичихинской, буквально разнесли проект "ассоциации" в клочья. Убеждёнными её противниками являлось и громадное большинство наших людей, не имевших юридического образования. Природный здравый смысл безошибочно подсказывал им, что эта структура навязывается российским немцам с одной-единственной целью – воспрепятствовать восстановлению их государственности.

В. Бауэр и Т. Иларионова утверждали, что А. Кичихин "фактически первый публично противопоставил „ассоциацию“ планам воссоздания республики". Коли так, то его следовало бы за это не хулить, а поблагодарить – ведь он в точности изложил потайные замыслы инициаторов "ассоциации". Едва ли приходится сомневаться, что А. Кичихин, в отличие от нас, своевременно ознакомился с упомянутой запиской В. Бондарчука и А. Цветкова, где руководству ЦК преподносилась именно такая мысль.

Внимание А. Кичихина к редакционной комиссии III конференции было вызвано, видимо, тем, что он хотел предложить ей проекты альтернативных документов. Как-то раз он показал свои бумаги мне. У меня достаточно причин избегать людей из "органов", но этот человек чем-то располагал к себе, и я с интересом его выслушал. Документы были написаны от руки, Кичихин тем же почерком дописал несколько строк на моих глазах. Поэтому я не мог усомниться, что автором является он сам.

Насколько мне помнится, это были те же проекты, которые А. Кичихин напечатал в "Нойес Лебен" накануне нашего I съезда. Документы с предложениями о создании специального Госкомитета РСФСР по восстановлению Республики на Волге показались мне серьёзными и юридически грамотными. На мой взгляд, они вполне заслуживали рассмотрения и в редакционной комиссии, и на заседаниях конференции.

После своей мартовской публикации 1991 года А. Кичихин был обвинён от имени официального оргкомитета съезда в присвоении авторства на подготовку проектов, которые, якобы, разрабатывались членами Госкомиссии Гусева. Между тем, по словам А. Кичихина, эти документы были переданы им в комиссию ещё в апреле и июле 1990 года, но безо всякого результата.

Не намереваясь быть арбитром в этом споре, хотел бы, однако, заметить, что в докладе Ю. Гаара о работе Госкомиссии вообще умалчивалось о рассмотрении ею данного вопроса. На III конференции, насколько я помню, никто не обвинял Кичихина в плагиате. Гаар впервые упомянул публично о проекте создания указанного органа лишь на заседании оргкомитета съезда два месяца спустя. Никакие документы представлены при этом не были. В начале февраля 1991 года, на совещании в Новосибирске, я пытался выяснить, как продвигается рассмотрение проектов "сомнительного происхождения" в российском парламенте. Присутствовавшие члены оргкомитета не сказали на сей счёт ничего вразумительного.

В книге В. Бауэра и Т. Иларионовой опубликовано три соответствующих документа – проект Постановления Верховного Совета РСФСР и два проекта постановлений Президиума ВС РСФСР. По словам наших авторов, члены оргкомитета "методично обходили" с этими бумагами кабинеты российского парламента 11-16 февраля 1991 года, то есть уже после новосибирского совещания и всего лишь за месяц до съезда!

Независимо от авторства – мягко говоря, странная "оперативность". Особенно, если учесть, с какой бешеной энергией те же люди с самого начала пытались пробить дорогу печально знаменитой "ассоциации".

Эта малоизвестная история имела, на мой взгляд, весьма серьёзные последствия. Если бы руководители оргкомитета поставили на его обсуждение конструктивные "российские" проекты, так долго державшиеся ими под сукном, а не замкнули деятельность этого органа на бесплодных дебатах по поводу абсурдной затеи с "ассоциацией", заведя оргкомитет в явный тупик, то подготовка к съезду, а может быть и дальнейшие события могли развиваться совершенно иначе. Это и был один из наиболее реальных шансов для достижения того предсъездовского компромисса, о необходимости которого так много и неубедительно вещали наши оппоненты.

Как бы там ни было, А. Кичихин рассказал о своих идеях с трибуны нашей конференции. Его не назовёшь блестящим оратором, но аудитория слушала внимательно и проводила сотрудника КГБ аплодисментами. Эта речь вызвала тем больший интерес, что выступающий, которого трудно было заподозрить в некомпетентности, упомянул о "тайном плане" действий ЦК КПСС по отношению к российским немцам.

Из сообщения вытекало, что высший партийный орган способствовал разжиганию антинемецких страстей в Поволжье и провоцировал раскол в "Возрождении" при помощи проекта "ассоциации", подброшенного через хорошо известных проводников линии партии в руководстве ВОСН. Проглотив эту обескураживающую информацию, мы, однако, так и не обратились к проектам Кичихина, потратив время на куда менее существенные вопросы.

Позднее, насколько я знаю, в Верховный Совет РСФСР был передан от имени "Возрождения" пакет документов, в которых учитывались и эти предложения. Но нашим оппонентам из оргкомитета съезда удалось, по словам А. Кичихина, отодвинуть рассмотрение несовместимых с "ассоциацией" проектов.

Если так, то этому, думается, способствовал и тот факт, что документы "Возрождения" не обсуждались и не получили одобрения на III конференции, хотя добиться его не составило бы, вероятно, особого труда. Не менее очевидно, что принятие данных проектов на конференции могло бы значительно упрочить позиции активистов ВОСН в оргкомитете. Таким образом, налицо одна из тех многих возможностей, которые мы в своей деятельности, увы, упускали.

Воспоминание о знакомстве с А. Кичихиным освежило в моей памяти и другой эпизод, связанный с КГБ и III конференцией ВОСН. Именно тогда до меня впервые донеслись слухи о сотрудничестве некоторых наших активистов с этим зловещим ведомством. Не знаю, имел ли отношение к распространению данной информации сам Кичихин, но впоследствии он не раз высказывался публично на эту более чем щекотливую тему, не называя, однако, конкретных фамилий.

Такого рода разоблачения ни в коей мере не были для меня неожиданностью. Преподавая в вузах, а также участвуя в создании первых "неформальных" общественных организаций Кузбасса, я не раз сталкивался с осведомителями и агентами КГБ. Более того, мне было хорошо известно, что подобные типы регулярно строчат доносы на меня и моих товарищей.

Поэтому, впервые попав на всесоюзный форум российских немцев, я – независимо от каких-либо слухов – не без любопытства приглядывался к ораторам и собеседникам, когда улавливал в их речах или поведении до тошноты знакомую гебистскую выучку. Не скрою, подобных случаев оказалось гораздо больше, чем я предполагал.

Читая шпионские романы, недолго вообразить, что для распознавания посланцев КГБ и прочих спецслужб нужен чуть ли не многолетний стаж работы в контрразведке. Увы, к несчастью стукачей и провокаторов, они обычно разоблачают себя тотчас, как только начинают озвучивать напетые им в органах "мелодии". Я, как и все опытные преподаватели, могу безошибочно определить, когда студент механически воспроизводит списанные со шпаргалки фразы. Способность убедительно выдавать чужие мысли за собственные, оперативно реагируя при этом на заранее не отрепетированные ситуации, – весьма и весьма редкое качество. По моим наблюдениям, оно свойственно агентам КГБ не чаще, чем незадачливым школярам.

Не имея неопровержимых доказательств участия ряда лидеров движения российских немцев в разыгрывании сценариев, сочинённых "органами", я никогда не пытался выступать на наших форумах с разоблачительными речами по этому поводу. Но на III конференции, как и впоследствии, я не считал нужным подавлять в себе естественное чувство брезгливости при контактах с подобного рода деятелями.

Помимо знакомства с А. Кичихиным, III конференция запомнилась и целым рядом других примечательных встреч. Но самое, пожалуй, яркое впечатление произвёл на меня многолетний лидер движения крымских татар Мустафа Джемилев.

Я знал об этом человеке ещё в те времена, когда и его деятельность, и трагедия его народа были окутаны плотной пеленой молчания. Имя известного правозащитника, узника брежневского ГУЛАГа Джемилева доносилось тогда до Сибири только через истошный вой "глушилок". Слыша по западным "радиоголосам" о нём и таких, как он, я всегда задавал себе вопрос: что же помогает этим людям противостоять огромной и беспощадной государственной машине?

В первый раз увидев Джемилева, я сразу же ощутил это качество – негибкую силу духа, которую прямо-таки излучала его небольшая щуплая фигурка. То же чувство испытали, видимо, и другие участники конференции, встретившие выступление Джемилева долгой овацией.

Помнится, мне тогда подумалось: вот бы и российским немцам таких национальных лидеров! Но немцы – не татары, и уже поэтому нам приходится действовать другими методами. А для этого, очевидно, нужны руководители иного типа. Однако и им, на мой взгляд, лучшие качества М. Джемилева отнюдь не помеха.

III конференция, как и намечалось, пересмотрела Программу и Устав ВОСН, а точнее – приняла новые основные документы. Из них были устранены всякие следы коммунистической терминологии и былого конформизма по отношению к властям. В этом очищении отразился не только дух времени, но и серьёзные перемены в умонастроениях российских немцев. Люди на глазах превращались из верноподданных в граждан – если вообще уместно говорить о немцах как гражданах СССР.

"Возрождение" окончательно перестало быть организацией по поддержке правительства при решении национальных проблем и становилось объединением для выражения интересов и защиты прав своего народа. В том числе, разумеется, – права на свободный выезд в соответствии с нормами цивилизованной страны, а не общества, укрывшегося за "железным занавесом".

Принятие Программы прошло сравнительно гладко, а вот с Уставом возникли проблемы. Новый текст был многословен, не вполне чётко, в нём просматривалось стремление зарегулировать всё и вся. К тому же разработчик Генрих Мартенс доложил проект и отвечал на вопросы из зала недостаточно внятно и аргументировано. Недоработали и организаторы: проекты документов не были размножены, и их пришлось обсуждать, что называется, с голоса. В результате на принятие Устава ушло очень много времени, которое можно было бы использовать гораздо продуктивней.

Учитывая значимость обсуждаемых проблем, на конференцию приглашался целый ряд высокопоставленных лиц – от Президента СССР М. Горбачёва до председателя Моссовета Г. Попова. Почти все они не только не явились, но и никак не откликнулись. Исключением стал Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин, который использовал любые возможности, чтобы набирать очки в единоборстве с союзным руководством.

От российского лидера, пребывавшего, помнится, за пределами Москвы, на третий день работы конференции поступила ответная телеграмма. Помимо ходячих славословий по адресу "талантливого, трудолюбивого народа", в тексте имеется и несколько фраз, обращающих на себя внимание. Например, такая: *"Позвольте выразить уверенность в том, что национальная проблема советских немцев будет решена на путях демократии, взвешенности, исторической ответственности с учётом интересов всех заинтересованных сторон"*.

Нет ничего проще, чем выразить уверенность, когда ты фактически ни за что не отвечаешь и можешь вваливать вину за любые проблемы на нечестивый союзный центр. Став Президентом России и ликвидировав ненавистный Союз, отправитель душещипательного послания показал всему миру, чего стоили его прежние ультрадемократические речи.

Как бы ни относились в России и СССР к немецким гражданам, ещё ни один глава государства не позволил себе оскорбить их принародно. Ельцин, столь чувствительный к "защите чести и достоинства", когда речь шла о его вельможной персоне, преступил в январе 1992 года и этот нравственный барьер. Уж больно подходящая, понимаешь, подвернулась оказия – первое пребывание на земле, обильно политой потом и кровью наших предков, на территории бесправно уничтоженной АССР немцев Поволжья. Ну, как тут было удержаться от очередного разнузданного словоизвержения?!

Чтобы просто перечислить всё, что этот деятель успел преступить и растоптать всего за несколько лет своего президентства, будущим историкам понадобятся, думаю, целые тома. Им, видимо, придётся поразмыслить и над вопросом, от которого легкомысленно отмахнулись многие современники: всегда ли опальный партбосс и ловкий спикер парламента способен стать достойным президентом огромной страны?

Ельцин без сомнения войдёт или, если угодно, влипнет в историю. Он, на мой взгляд, пожнёт заслуженную геростратову славу – в частности, потому, что именно в годы его правления, безмерно тягостного для России и её народов, был, похоже, дан окончательный и явно отрицательный ответ на давний судьбоносный вопрос: быть ли немецкому этносу в этой стране?

...А на следующий, предпоследний день работы конференцию внезапно посетила импровизированная государственно-партийная делегация. В её состав входили: председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов, его заместитель Б. Олейник, председатель комиссии Верховного Совета РСФСР В. Сыроватко и заведующий сектором межнациональных отношений ЦК КПСС А. Цветков.

По словам обозревателя "Франкфуртер Альгемайне" Р. Ольта, это была первая встреча избранных представителей российских немцев со столь высокими государственными мужами с момента приёма немецких делегаций А. Микояном.

Если уж проводить подобную параллель, следует отметить и то, что нынешнее общение с властью имущими проходило в принципиально иной обстановке. Имея за собой десятки тысяч членов "Возрождения", на глазах избавляясь от привычки смотреть на правителей снизу вверх, ободрённые присутствием многочисленных гостей и журналистов, делегаты 1990 года чувствовали себя куда более уверенно и раскрепощённо. А вот повадки номенклатурной верхушки изменились за четверть века до смешного мало.

Мне кажется, наше счастье лицезреть высокую делегацию было вызвано тем, что наверх, наконец, просочились сведения о нежелательном ходе конференции и крайне негативных оценках любимого детища властей – "ассоциации", которые здесь звучали.

Гости приехали на целой кавалькаде чёрных лимузинов. Делегацию встретили и проводили в зал Г. Вормсбехер и Ю. Гаар. Тот же обозреватель заметил на лицах этих деятелей, особо приблизившихся к руководству, выражение триумфа, вызванного удавшимся сюрпризом. Строго говоря, никакого сюрприза здесь не было: помнится, я услышал о предстоящем прибытии руководящих товарищей ещё утром этого памятного дня. Что касается триумфа, то, как показали дальнейшие события, предполагаемые триумфаторы в который раз ошиблись в оценке сложившейся ситуации.

Но как бы там ни было, делегаты конференции, не избалованные общением с руководителями страны, встретили прибывших стоя и громкой овацией. Посланцы властей по-хозяйски прошли в президиум и стали один за другим подниматься на трибуну.

Если в верхах действительно хотели успокоить российских немцев и вступить с ними в диалог, то менее удачную кандидатуру для этой цели, чем Рафик Нишанов, было просто невозможно подобрать. Аппаратчик до мозга костей, он умел общаться только с себе подобными. Его карикатурная манера ведения парламентских заседаний стала неистощимым источником острословия, а публично выдвинутая им версия о рассыпанной клубнике как причине резни турок-месхетинцев в Узбекистане – классическим примером чиновного глубокомыслия.

К описываемому моменту он уже успел наследить и в проблеме российских немцев. Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года одобряло выводы и предложения комиссии Г. Киселёва, признавшей необходимыми незамедлительные меры по воссозданию Республики на Волге. А Нишанов тут же поспешил публично "уточнить", что никакого политического решения на этот счёт ещё нет и восстановление прав советских немцев займёт долгие годы.

В развитие этой законоборческой мысли Р. Нишанов подписал упомянутую "записку четырёх", где голословно утверждалось, что в силу негативной реакции на местах решить задачу восстановления автономии в Поволжье в духе данного постановления "практически невозможно". Вместо этого российским немцам была подброшена идея "внетерриториальной ассоциации". Высший партийный орган вскоре согласился с мнением своих верных сынов и передал записку на рассмотрение Верховного Совета и Совмина СССР.

На фоне этих измышлений замшелых аппаратчиков могли показаться верхом свободомыслия даже идеи будущего обер-путчиста, а пока ещё шефа КГБ В. Крючкова. Данный деятель предложил Верховному Совету СССР официально заявить, что ассоциация создаётся "не в качестве альтернативы восстановления незаконно упразднённой Немецкой АССР, а для эффективного её воссоздания". Любопытно отметить, что эта формула постоянно использовалась в дальнейшем наиболее рьяными поборниками "ассоциации" из состава съездовского оргкомитета, хотя так и не была произнесена устами высших руководителей страны.

Но главный чекист предлагал, кроме того, не формировать структуру, параллельную "Возрождению", а – о, ужас! – "делегировать ему права, статус, иные атрибуты и возможности" ассоциации. В противном случае, не без основания заметил В. Крючков, "её создание может не найти поддержки в среде советских немцев".

Нет, что ни говори, но информированность о настроениях людей была далеко не самым слабым местом тогдашнего КГБ! А вот прочие руководящие органы от избытка этого качества, судя по всему, отнюдь не страдали. Это явствует хотя бы из записки

секретаря ЦК КПСС, заместителя Горбачёва на посту генсека В. Ивашко, направленной в ЦК по тому же поводу. Он тоже отверг идею ассоциации, но не потому, что её могли не одобрить российские немцы, а под тем оригинальным предлогом, что формирование аналогичной структуры у крымских татар может, дескать, побудить их добиваться создания своей автономии.

Выходит, этот деятель с учёной степенью, всю жизнь подвизавшийся на Украине, в составе которой давно уже находится Крым, не подозревал, что крымские татары выдвигали и выдвигают требование об автономии совершенно независимо от наличия или отсутствия каких-либо искусственных образований. Воистину потрясающий уровень компетентности достойного коллеги Рафика Нишановича!

Прибыв на нашу конференцию, главный специалист по делам национальностей в союзном парламенте, видимо, вообще не представлял особенностей той аудитории, перед которой ему предстояло выступить. А может быть, Нишанов просто не считал нужным ориентироваться на слушателей, по-своему логично полагая, что люди существуют именно для того, чтобы мудрые чиновники их наставляли?

Он бодро, с характерными для него ужимками и шуточками принялся вещать о достоинствах российских немцев и безграничном уважении к ним со стороны властей. Что касается восстановления Республики на Волге, то Нишанов вновь заявил о его невозможности в данный момент из-за "слишком сильного сопротивления" местных жителей. Вконец потеряв чувство реальности, оратор невпопад сказал, что нельзя ликвидировать одну несправедливость, прибегая к другой. Так и не пояснив, кто же ратует за эту новую несправедливость, и отчего она могла бы возникнуть, он, как и следовало ожидать, призвал сообща взяться за создание "ассоциации".

Усилия делегатов, бросившихся задавать вопросы, чтобы повернуть его словесный поток в деловое русло, не имели ни малейших последствий. Атмосфера в зале всё более накалялась, а самые невыдержанные из присутствующих стали похлопывать и посвистывать. Послышались выкрики, в том числе об отставке самого Нишанова. Корифей, удостоивший высочайшего внимания столь неблагодарную аудиторию, начал нервничать, а, уходя с трибуны, дал понять, что был о российских немцах несколько лучшего мнения.

Удручающее впечатление от общения с пародийным руководителем несколько сгладилось после выступлений других гостей. Наибольший успех имел украинский поэт Борис Олейник – тот самый, который пару лет спустя неожиданно разглядел в партапаратчике Горбачёве новое воплощение Антихриста. В отличие от своего шефа по Совету Национальностей, литератор, приобщившийся к государственной деятельности, хорошо представлял, чего хотят от него присутствующие. Тем самым он лишней раз подтвердил глубокий вывод Вождя народов, называвшего писателей "инженерами человеческих душ".

Впрочем, положение Б. Олейника было гораздо проще. Никто не питал иллюзий относительно его возможностей реально помочь российским немцам. От него ждали скорее простого человеческого сочувствия, выдержанного в подобающем литературном штиле. Именно это мы и слышали.

Мягким украинским говорком, эмоционально и велеречиво поэт рассказал о давних симпатиях своего народа к нашему и великодушно заявил, что нам надо дать всё, чего мы просим. С содержательной стороны выступление запомнилось лишь тем, что в нём, если не ошибаюсь, впервые прозвучала на таком уровне мысль о возможности возвращения российских немцев на Украину. Аудитория горячо аплодировала и даже одарила удачливого оратора цветами.

Несмотря на сравнительно благополучное завершение этой встречи, после неё, думается, даже у самых больших оптимистов из числа присутствующих появились серьёзные сомнения, что союзное руководство сделает хоть что-нибудь позитивное для российских немцев.

Венцом конференции стал избирательный марафон. Согласно прежнему Уставу, полномочия руководителей ВОСН истекали лишь через год. Но с принятием нового Устава, по которому упразднялись должности сопредседателей и вводился пост заместителя, избираемого в паре с председателем, пришлось проводить досрочные выборы. Вновь выдвинутый в председатели Гроут предложил в качестве кандидата в заместители профессора Регинальда Цильке.

Для того момента это был, на мой взгляд, довольно удачный выбор, облегчивший (но, разумеется, не предопределивший) переизбрание Гроута. Мы не могли рассчитывать, что Р. Цильке оставит научную деятельность и перейдёт на штатную работу в правление ВОСН. Но он пользовался немалой популярностью среди делегатов в силу ряда своих достоинств: бурного, отнюдь не профессорского темперамента, подчёркнутой приверженности национальной идее, своеобразного юмора, дара речи и, наконец, контакта с аудиторией.

В последнем я смог убедиться летом 1992 года в Штутгарте, на Федеральной встрече немецких выходцев из СССР. Р. Цильке выступал на немецком языке перед людьми, весьма далёкими от нашей организации, и чувствовал себя так же свободно, как на какой-нибудь конференции "Возрождения". Да и присутствующие приняли его достаточно тепло.

На III съезде этот человек неожиданно отказался от членства в наших центральных представительных органах. Что же касается его общественной деятельности у себя в Новосибирске, то она вызывала в середине 90-х годов у местных немцев весьма неоднозначные оценки. Но я, признаться, не готов быть судьёй в этом вопросе, и мне всё ещё хотелось бы считать профессора Цильке своим товарищем.

В качестве альтернативных кандидатов выступили оба сопредседателя. Они довольно долго колебались, кому быть первым в тандеме, пока эта роль не была отведена Ю. Гаару.

Трудно сказать, на что рассчитывали напарники при голосовании. Скорее всего, они просто по обыкновению оценили ситуацию не вполне объективно. Однако в любом случае их согласие баллотироваться заслуживало признания – уже потому, что в результате представилась, наконец, возможность установить достаточно точные рейтинги лидеров среди актива ВОСН. На какое-то время мы были избавлены от изрядно надоевших спекуляций на эту тему.

Голосование проходило тайно, так что никто не мог обвинить организаторов конференции в манипулировании аудиторией. Результаты оказались даже более убедительными, чем предсказывали в кулуарах. За Г. Гроута и Р. Цильке проголосовало около 82% присутствовавших делегатов, за Ю. Гаара и Г. Вормсбехера – 15%. Наши оппоненты никогда не пытались публично проанализировать столь впечатляющие итоги. А жаль: возможно, это избавило бы их от многих последующих опрометчивых шагов.

По новому Уставу вместо Координационного Центра создавался Совет ВОСН. В него вошли как прежние члены КЦ, так и многие другие известные активисты. Среди последних – Н. Айрих, Г. Арнгольд (Уфа), В. Бауэр, А. Визе, В. Горн, И. Гофман, Ф. Дебус, Э. Кальман, А. Карл, Г. Мартенс, А. Мерц, В. Мунтаниол, А. Ренде, К. Эмих, В. Эрлих, К. Эрлих. По предложению моих земляков в Совет выбрали и меня.

По опыту деятельности в этом органе я вижу, что мы слишком размахнулись и сделали его в итоге неработоспособным. Уже на III конференции в него было избрано 79 членов. Кроме того, членами Совета автоматически становились по Уставу председатели организаций ВОСН со статусом не ниже областного. Такую массу людей собрать крайне сложно, и в результате мы обычно заседали без кворума.

Хотя несостоятельность столь громоздких органов очевидна, они создавались нами и впредь. Одна из причин состоит в том, что на наших форумах при образовании руководящих структур обычно требовали из зала представительства всех регионов. Лишь намного позже мы начали избавляться от этой распространённой детской болезни общественных объединений.

Под внешне благовидным предлогом разделения властей новый Устав вводил отдельный пост председателя Совета ВОСН. Я и на III конференции, и после неё выступал против этого пункта. На мой взгляд, абсурдно говорить о "разделении властей" в общественной организации, где никакой власти нет и в помине. "Двухголовая" структура руководства может породить здесь разве что внутренний антагонизм – тем более, если на двух постах оказываются люди с несовместимыми взглядами. Увы, основной разработчик Устава Г. Мартенс и большинство делегатов III конференции не сочли нужным прислушаться к подобным критическим голосам.

После избрания Совета состоялись альтернативные выборы его председателя. Г. Гроут предложил кандидатуру Иоганна Кроневальда. Вторым кандидатом стал выдвинутый Ю. Гааром народный депутат СССР Пётр Фальк.

Именно он на первом же депутатском съезде впервые высказался перед столь высоким государственным форумом о необходимости восстановления нашей Республики на Волге. Заседание напрямую транслировалось на всю страну, и Фальк в одно мгновение превратился едва ли не в национального героя. В тот момент мало кто догадывался, сколько усилий пришлось затратить Г. Гроуту, чтобы растолковать свежеспечённому народному избраннику суть проблем его собственных соплеменников, а тем более побудить напомнить о них публично.

При выдвижении кандидатуры Фалька на III конференции говорилось, что он молод, будет работать энергично, поможет решать наши проблемы в высших эшелонах власти. Видимо, эти аргументы и склонили чашу весов в его пользу. За него голосовали и многие сторонники Гроута в Совете ВОСН. Меня не было среди них не только в силу моего глубокого уважения к И. Кроневальду. Ажиотаж вокруг фигуры Фалька представлялся мне явно искусственным, а радужные прогнозы его сторонников – ничем реальным не подкреплёнными. К сожалению, так оно и оказалось.

Фальк делами Совета практически не занимался, к его заседаниям всерьёз не готовился, а принципиальных вопросов по российским немцам на уровне руководства страны даже не ставил. Зато он с ходу вступил в конфронтацию с Гроутом на стороне группы Вормсбехера – Гаара.

7 октября, на первом после конференции заседании Совета, был избран в отсутствие кворума неуставной орган, названный президиумом Совета. Вскоре выяснилось, что незаконнорождённый инфант пытается присвоить себе руководящие и исполнительские функции, направляя в регионы циркуляры, указания и распоряжения, дезавуирующие действия Председателя и Правления ВОСН. Все эти материалы готовились и размножались на базе оргкомитета съезда, под крышей уютной партшколы на Миусской. В результате деятельность Совета была по существу парализована, а немалая часть усилий руководителей ВОСН направлялась на взаимную борьбу.

Через год наши активисты, наконец, осознали, что введение особого поста председателя Совета явилось серьёзной ошибкой, и на очередной конференции ВОСН эта должность была упразднена.

В самом конце III конференция всё-таки вернулась к вопросу о намеченном Съезде немцев СССР. Позиция Вормсбехера и Гаара вызывала более чем обоснованные опасения, что в сформированном сверху оргкомитете съезда будет игнорироваться мнение единственной общенациональной организации. Делегаты много и горячо говорили о своём возмущении кулуарной процедурой формирования оргкомитета, состав которого предписала согласовать с руководством "Возрождения" даже комиссия Гусева. Было решено дополнительно выдвинуть в оргкомитет делегатов конференции, готовых отстаивать в этом органе позицию ВОСН. В их число попал и я.

В Совмине несколько неожиданно согласились с нашим участием. Видимо, там надеялись, что новые члены, оказавшись в меньшинстве, не смогут всерьёз повлиять на деятельность оргкомитета. А может быть, натолкнувшись на полное неприятие своих планов российскими немцами, верхи начали попросту охладевать к затее со съездом? Как бы там ни было, заново включённые в оргкомитет делегаты восприняли поручение конференции со всей ответственностью и настроились на трудную работу по защите национальных интересов.

На III конференции ВОСН силами специалистов Института социологии Академии наук СССР было впервые в стране проведено достаточно серьёзное социологическое исследование по проблемам российских немцев – анкетирование участников этого представительного форума.

Тем самым отчасти снимался излюбленный вопрос наших оппонентов, при помощи которого они не раз пытались загнать нас в угол. Мол, вы говорите, что выражаете мнение народа, – а откуда же вам известно, что в действительности думает народ? Данный опрос совершенно недвусмысленно продемонстрировал это самое мнение – по крайней мере, что касается наиболее политизированной части нашего народа.

Прежде всего, выяснилось, что идея "ассоциации" безнадежно непопулярна: её полностью поддержали лишь 7% анкетированных. Опрос показал, что органы власти глубоко дискредитированы в глазах российских немцев. Так, на комиссию В. Гусева, а также на КПСС всё ещё возлагали надежды в решении узловых национальных проблем по 1%(!) участников конференции. Удручающе низок оказался рейтинг М. Горбачёва, которого в ФРГ и других странах Запада продолжали назойливо выдавать за надежду свободолюбивого человечества, – 23%. Как показало будущее, мнение простых людей и в этом случае явилось куда более надёжным политическим барометром, чем конъюнктурные оценки политиков и политиканов.

Нельзя не обратить внимания на высокий рейтинг Верховного Совета РСФСР – 55%. Конечно, можно сослаться на то, что этот орган не был скомпрометирован, поскольку ещё ничем себя не проявил. Но не вернее ли сказать об авансе доверия, который наш народ выдал не так уж опрострачиво?

Разве не парламент России сделает в апреле 1991 года единственный кардинальный шаг со стороны властей навстречу российским немцам, приняв Закон о реабилитации репрессированных народов? И кто, как не Верховный Совет, признает в марте 1993 года Совет немцев России – легитимный представительный орган, избранный Учредительным съездом немцев Российской Федерации?

Сегодня, когда Верховного Совета больше нет, нам, по моему убеждению, меньше всего пристало присоединяться к официальной антисоветской истерии. Да, не считая принятия указанных актов, Верховный Совет России сделал для решения нашей национальной проблемы очень немного. Но в активе исполнительной власти (в

частности, президентских структур) не имеется свершений и такого масштаба. Напротив, она откровенно саботировала свои прямые обязанности по выполнению Закона о реабилитации репрессированных народов, подписанного, между прочим, не кем иным, как Б. Ельциным. Не лучше обстояло дело и с исполнением поручения правительству по обеспечению полномочий Совета немцев России.

На протяжении многих лет мы постоянно слышали от ельцинской братии, что ей мешают работать – то всеисильные представительные структуры, то коварные оппозиционеры. Чтобы сделать оргвыводы из этих невнятных стенаний, хотелось бы знать, кто именно вставлял палки в колёса многострадальной исполнительной власти в приведённых конкретных случаях. Рискну предположить, что российские немцы, узнав имена этих злодеев и встав стеной на их пути, больше не позволили бы им бесчинствовать и обижать беззащитное правительство.

Ко времени данного опроса мнение российских немцев о путях выхода из этнического тупика в достаточной степени выкристаллизовалось и в то же время поляризовалось. Восстановление Республики на Волге и выезд в ФРГ – вот те радикальные решения, которым отдало предпочтение подавляющее большинство наших людей.

2/3 участников опроса назвали возрождение автономии ключом к решению всех национальных проблем, однако лишь 21% заявил об уверенности в возможности достигнуть этой важнейшей цели. С учётом положения российских немцев и развития ситуации вокруг основных вопросов нашей национальной жизни эти результаты более чем объяснимы. Но коли так, то закономерен и резкий перелом в настроениях людей в пользу выезда. На Правительство ФРГ возложило свои надежды рекордное число опрошенных – 59%!

Стремление к выезду было заметно в зале заседаний III конференции и безо всяких опросов. В первой половине дня значительная часть мест обычно пустовала – делегаты стояли в очередях за выездными документами у Посольства ФРГ.

Можно было сколько угодно злословить по этому поводу, сетуя на растленное влияние экстремистов из "Возрождения", но факт налицо: именно в 1990 году резко усилилось стремление к выезду – как у членов ВОСН, так и у огромной массы соплеменников, которые не имели к нашему Обществу отношения, а подчас даже не знали о его существовании. Росту числа выезжающих способствовало и то обстоятельство, что власти ФРГ, наконец, отступились от формулы приёма российских немцев под соусом "воссоединения семей" и в принципе открыли путь на историческую родину всем желающим.

Тогда большинство оппонентов привычно и близоруко списало лавинообразное нарастание выезда на счёт нашей "зловредной агитации" – впоследствии и они были вынуждены запеть другие песни.

Численность российских немцев, выезжающих в ФРГ, всегда находилась в жёсткой зависимости от отношений между Бонном и Москвой. Без Московского договора 1970 года не могло быть соглашения о выезде десятков тысяч российских немцев в ФРГ в рамках воссоединения семей и последовавшей за этим первой волны относительно массового переселения в 1972-77 годах. Новый всплеск выезда в 1987 году связывали с визитом в СССР Президента ФРГ Р. фон Вайцекера. Что же касается потока переселенцев 90-х годов, то они прекрасно знали, в какой мере их участь определяется политическим флиртом Федерального канцлера Коля сначала с Горбачёвым, а затем с Ельциным.

Словом, мы были и остаёмся заложниками российско-германских отношений. И в этих условиях германские власти ещё позволяют себе возмущаться, когда российские

немцы говорят о полной неуверенности в своём будущем, включая и перспективы выезда в ФРГ?! Поистине – сытый голодного не разумеет.

Между развитием нашего движения и резким усилением выезда существовала многообразная и неоднозначная связь. Будь российские немцы по-прежнему безгласными и послушными, едва ли власти, даже в условиях потепления отношений с ФРГ, смирились бы со столь массовым отъездом добросовестных квалифицированных работников. С другой стороны, настойчивая деятельность "Возрождения" по распространению правды о бедственном положении нашего народа, думаю, способствовала более позитивному восприятию германской общественностью масштабного приёма российско-немецких переселенцев.

В то же время усиленный выезд наиболее активных российских немцев, включая руководителей и членов ВОСН, безусловно, ослаблял наше движение. Мы отдавали себе в этом полный отчёт. Однако, считая высшей ценностью не процветание какой бы то ни было организации, а благо каждого соплеменника, "Видергебурт" не могло не защищать неотъемлемое право российских немцев устраивать свою жизнь так, как считали нужным они сами. Любой иной подход означал бы, что и мы пытаемся превратить наших людей в заложников – на сей раз национального движения. Этого, как говорится, им только и недоставало!

Сторонние наблюдатели зачастую терялись в догадках, безуспешно пытались совместить массовое требование российских немцев о восстановлении своей государственности на Волге с не менее масштабным стремлением к выезду. При этом высказывались самые разные предположения – вплоть до того, что эти тенденции исходят, якобы, от различных групп немецкого населения.

На мой взгляд, так мог рассуждать только тот, кто не до конца понимал или не хотел понять сути наших проблем. В том-то и дело, что оба отмеченных стремления, как правило, выражали одни и те же люди. Это очевидно хотя бы потому, что две потребности, каждую из которых проявляет основная масса населения, не могут не пересекаться уже по законам арифметики.

Никакого противоречия здесь нет. Даже живя в Германии, типичный российский немец не найдёт покоя до тех пор, пока с его народа наконец-то не будет стёрто клеймо отверженного. С другой стороны, те, кто вынуждены или хотят остаться, перестали бы быть порядочными людьми, выступив против права на свободный выезд для всех желающих. А многие российские немцы долгое время находились на распутье. Я знаю, о чём говорю, поскольку до недавних пор относился к ним сам.

Существовало немало причин, чрезвычайно затруднявших принятие ответственного решения о выезде. Однако внутренняя ситуация в странах нынешнего проживания ухудшалась настолько явственно, что всё больше российских немцев склонялось ко вполне определённым выбору. К какому именно – думается, известно всем.

Не знаю, пытались ли анализировать итоги опроса участников III конференции те, от кого зависело решение проблем российских немцев, прежде всего – власти СССР и РСФСР. Судя по их дальнейшей политике, – вряд ли. Увы, правители привыкли полагаться не на беспристрастные данные науки, а на собственные прозрения. Результаты, что называется, налицо.

Несмотря на все недочёты и промахи, III (чрезвычайная) конференция ВОСН "Возрождение" оставила у меня весьма отрадное впечатление. Я в первый (и, увы, последний) раз, будучи делегатом, наблюдал столь представительный национальный форум непосредственно из зала, где происходящее воспринимается острее и можно более

точно о нём судить. Видимо, именно поэтому III конференция запомнилась мне, пожалуй, лучше, чем любое другое событие в движении российских немцев.

Приведя мнения двух делегатов из Алтая, И. Шлейхер утверждал, что "все участники конференции возлагали большие надежды на этот форум, но на деле были сильно разочарованы как результатами, так и ходом конференции".

Не думаю, что эта оценка отражает позицию большинства делегатов. Во всяком случае, ни я, ни мои земляки не питали особых иллюзий насчёт возможных итогов конференции. Мы понимали, что решение такого кардинального вопроса, как восстановление Немецкой республики на Волге, едва ли будет приурочено к форуму общественной организации, сколь бы представительной она ни являлась.

Наши надежды были связаны скорее с прояснением идейной платформы ВОСН, которая вызывала на местах всё более серьёзные сомнения. А в этом отношении конференция была, на наш взгляд, достаточно результативной. Она чрезвычайно убедительно показала, что широкие массы российских немцев, выдвинувшие из своей среды её делегатов, хотят полного восстановления поруганных национальных прав и не приемлют никаких паллиативов. Не будь данная позиция так решительно выражена на конференции, это, думается, не удалось бы сделать и на последующем съезде.

Что касается бескультурья и нетерпимости, о которых упомянул И. Шлейхер, то они были свойственны III конференции не в большей мере, чем любым другим общественно-политическим форумам тех лет, обсуждавшим проблемы подобной актуальности и остроты. В данном случае атмосфера была вдобавок ко всему тяжело отравлена провокационной затеей с "ассоциацией", и мне кажется, что наши активисты, сумевшие в таких экстремальных условиях провести конференцию вполне достойно, заслуживают не упрёков, а признания.

В книге И. Шлейхера "бескультурье и нетерпимость" связываются исключительно с 50-летней жизнью российских немцев в ссылке. Боюсь, что это чересчур облегчённое объяснение. Наши соплеменники лишились полноценного участия в общественно-политической жизни не в 1941 году, а значительно раньше. Трудно представить, к примеру, чтобы отобразённая выше обстановка в немецкой автономии на Волге могла способствовать формированию цивилизованной политической культуры. Так откуда было внезапно взяться у делегатов конференции ВОСН тому качеству, которого были лишены уже их деды и прадеды?

Не знаю, как другие, но наша делегация возвращалась домой в гораздо лучшем настроении, чем уезжала. Мы получили большой заряд энергии, который очень пригодился нам в дальнейшей работе.

ОРГКОМИТЕТ

Создание оргкомитета по подготовке и проведению Съезда немцев СССР означало возникновение принципиально новой ситуации вокруг нашей национальной проблемы. Теперь власть имущие реагировали на любые неугодные им шаги ВОСН ссылкой на то, что имеются, дескать, и другие организационно объединённые российские немцы, которые придерживаются совершенно иных позиций. Тем самым сверху был фактически спровоцирован раскол в нашем движении.

Значит ли это, что оргкомитет являлся альтернативой "Возрождению", как безоговорочно утверждали В. Бауэр и Т. Иларионова? Нет и ещё раз нет. Одно дело, что

власти и тогда были не прочь сколотить некое "Анти-Возрождение", и совсем другое – насколько им это реально удалось.

Авторы справедливо отметили, что оргкомитет располагал куда более широкими финансовыми возможностями, чем наше Общество. Но ни за какие деньги, увы, нельзя приобрести поддержку людей, если к ним не с чем обратиться.

Как известно, любая государственная или полугосударственная структура в корне отличается от общественной по способу формирования и по своим функциям. Уже поэтому оргкомитет оказался крайне неоднородным – тем более после существенного расширения его состава на III конференции ВОСН. В нём имелись и убеждённые приверженцы восстановления Республики на Волге из числа активистов "Возрождения", и сочувствующие им, и рьяные противники этой идеи, представленные в основном государственными чиновниками, и люди, озабоченные в первую очередь распределением кресел и портфелей. Могла ли такая структура, напрочь лишённая объединяющей цели, сыграть роль альтернативы идейно сплочённому "Возрождению"?

И уж вовсе несуразно утверждение авторов, будто при формировании местных оргкомитетов по выборам делегатов на съезд "фактически шла речь" о создании параллельных ВОСН структур. Скажем, в Кемеровской области в оргкомитет вошли мы с А. Майснером, и вся деятельность этого органа согласовывалась с нашей организацией. Этот пример не являлся исключением. Местные власти, как правило, своевольничали лишь там, где организации "Возрождения" ещё не встали на ноги или их вовсе не имелось. Ни в одном из этих случаев говорить о "параллелизме", очевидно, не приходится.

Мне кажется, центральный оргкомитет, помимо всего прочего, не учёл в своих наполеоновских планах простое обстоятельство, вполне очевидное уже тогда: властям на местах (не считая Поволжья и, возможно, ещё пары регионов) было, в сущности, безразлично, какие решения примет будущий съезд. Подобная ситуация в условиях 1990 года практически исключала ревностное выполнение гусевских директив. Особенно в РСФСР, где к диктату Москвы относились крайне болезненно и, в отличие от азиатских республик, не умели или не считали нужным это скрывать.

Авторы попытались создать впечатление, что оргкомитет выдвинул в качестве основополагающей контрконцепции, якобы, "новой и непривычной" для советского общества, так называемую культурную автономию.

Данное утверждение явно сконструировано задним числом – в мою бытность эта идея оргкомитетом ни разу всерьёз не обсуждалась. Да и о чём здесь можно было бы говорить? Культурная автономия в широком смысле слова – это не что иное, как любые методы сохранения национально-культурной самобытности, не имеющие жёсткой привязки к определённой территории. Соответствующие структуры существуют практически во всех странах мира. Нелепо утверждать, будто они полностью отсутствовали в СССР: в этом случае "безавтономные" народы давно исчезли бы с лица советской земли.

Столь же неверно противопоставление культурной и территориальной автономии со ссылками на Ленина. Яростная критика "национально-культурной автономии" и создание национально-территориальных образований – это явления, относящиеся к совершенно разным периодам и сферам его деятельности. Да, советская идеология категорически отвергала вслед за Лениным сам термин "культурная автономия", но ведь он почти не используется и в других странах: вместо этого обычно говорят о защите национальных меньшинств (по-немецки – "Minderheitenschutz").

В то же время неоспоримо, что СССР и Россия далеко отстали по части "культурной автономии" от наиболее передовых государств – не из-за "фетишизации" принципа территориальности, как ошибочно полагают данные и многие другие авторы

(мы уже отмечали, что территориальная автономия не чужда и странам Запада), а вследствие низкого уровня цивилизованности в целом.

Энтузиазм сторонников культурной автономии по поводу деятельности оргкомитета мог быть оправданным лишь в том случае, если бы в этом органе действительно разрабатывались соответствующие проекты, учитывающие опыт западных стран и одновременно приспособленные к реалиям тогдашнего СССР. Но ведь на деле он фабриковал одни правовые химеры, не существующие и не поддающиеся реализации ни в одном государстве.

В. Бауэр и Т. Иларионова придерживались на этот счёт диаметрально противоположного мнения. Они, как ни странно, и годы спустя заявляли, что в 1990 году "реально было создать пусть совершенно новое, но жизнеспособное образование с полномочиями национального представительства и требуемой исполнительной властью", то бишь пресловутую "ассоциацию". И при этом – ни слова о позиции верхов и самих российских немцев, о совместимости "ассоциации" с Конституцией и законами, даже о том, что в то "реальное" для жизнеспособной союзной структуры время уже трещал по швам сам СССР.

Как бы взамен авторы процитировали члена оргкомитета В. Шульца, которого при вести о ГКЧП, якобы, осенило: *"Если не будет больше СССР, то какой может быть союзный Комитет по проблемам советских немцев?"* Могу, как на духу, заверить читателей, что меня и моих товарищей подобные мысли начали посещать значительно раньше, – разумеется, не потому, что мы были информированы лучше ленинградского профессора.

В 1990 году ещё мало кто мог предвидеть катастрофически скорый развал СССР, но уж о прогрессирующем бессилии союзных органов власти знали все. Кроме, конечно, тех, кто осознанно или бессознательно предпочитал жить с закрытыми глазами.

Именно такое впечатление оставляет другой тезис В. Бауэра и Т. Иларионовой: *"В этот период родилась и приобрела концептуальные очертания идея культурной автономии как промежуточного шага к решению кардинального вопроса – воссозданию республики"*.

Слов нет, развитие культурной автономии может при определённых условиях явиться предпосылкой для формирования автономии территориальной – об этом свидетельствует, например, опыт современной Бельгии. Но к нашему случаю этот вывод, на мой взгляд, совершенно неприменим. Мало того, что сама форма предлагавшейся "культурной автономии" не выдерживала никакой критики, – в основных документах оргкомитета не содержалось даже туманных намёков о возможном механизме восстановления нашей государственности. А главное – в ходе дискуссий с оппонентами по этому органу у нас неизменно возникало ощущение, что проблематика воссоздания республики их попросту не интересует.

По словам наших авторов, для инициаторов "ассоциации" из ЦК её функция "промежуточного звена" была всего лишь эвфемизмом (проще говоря, красивой фразой) – точно так же, как и сама республика. *"Эвфемизм „республика“ вынуждены были принять трезвомыслящие советские немцы"*, – скромно констатируют авторы, имея в виду, конечно же, своих единомышленников. Мы, в отличие от всех этих деятелей, были способны говорить о нашей республике только всерьёз. Могло ли у нас при таком раскладе сложиться взаимопонимание с ними?

Уже подготовка первого после III конференции ВОСН заседания оргкомитета Съезда немцев СССР, которое состоялось 21 сентября 1990 года, ясно продемонстрировала отношение руководства этого органа к представителям "Возрождения", делегированным конференцией в его состав.

Буквально накануне мне позвонили из рабочей группы оргкомитета и невинным голосом сообщили о дате заседания. На мгновение опешив от откровенного нахальства, я популярно разъяснил информатору (если не ошибаюсь, это был Р. Бендер), что проживаю в 4-х часах лёта от Москвы и не освобождён от основной работы, а посему хотел бы получать сведения о деятельности оргкомитета чуть более своевременно. Но дело было сделано – на заседание я, разумеется, не попал.

Моя "невезучесть" отнюдь не явилась исключением: из пятнадцати членов оргкомитета, выдвинутых конференцией, 21 сентября присутствовало 4(!). А если ещё учесть, что двое из четверых (Ю. Арлыт и Э. Керн) с самого начала пребывания в оргкомитете проявили себя как ревностные сторонники Г. Вормсбехера, а один (А. Бахман) попал на заседание только потому, что находился в тот момент в Москве, то нельзя не признать: режиссёры этого фарса сработали блестяще. К тому же отсутствовал и Генрих Гроут.

Грех было не воспользоваться такой оказией, чтобы сразу же предрешишь за спиной "Возрождения" все основные вопросы проведения съезда. И эта нечистоплотная затея могла бы увенчаться успехом, не случись прокола всего в одном (но зато главном) пункте – при обсуждении Положения о так называемом Центральном совете советских немцев, выборы в который намечалось навязать делегатам.

Разработка важнейшего документа была, как и на III конференции ВОСН, доверена Г. Мартенсу. Он признался, что готов доложить не сам проект, а лишь отдельные его положения и подходы. Но основная мысль прозвучала достаточно определённо: Совет предстояло создать в рамках ... "государственного самоуправления" немцев в СССР.

В основных своих чертах данная структура вполне соответствовала квазигосударственной "ассоциации", глубоко дискредитированной в глазах российских немцев и отвергнутой "Возрождением". Косвенно подтверждая этот вывод, Г. Мартенс без обиняков заявил: *"Здесь мы в принципе определились, что будем подходить к этому органу как к государственному"*. Его соавтор В. Бауэр, выступая на заседании, не возразил ни единым словом.

Спустя годы В. Бауэр в соавторстве с Т. Иларионовой высказал прямо противоположное суждение. Теперь он был убеждён, что "Национальный Совет немцев СССР", сконструированный оргкомитетом, – это "не правительство без территории, а общественное объединение, хотя и с представительскими функциями самого высокого уровня".

В пользу нового тезиса авторы подыскали самый, что ни на есть "убедительный" аргумент: дескать, среди предлагаемой символики новоявленной разновидности самоуправления фигурировали флаг и эмблема, но отнюдь не герб. Следуя этой оригинальной логике, можно с тем же успехом "доказать", что общественными объединениями являются любые государственные органы – ведь они, в отличие от государств как таковых, тоже не имеют гербов.

Мне так и не удалось выяснить, кто внушил инициаторам идею "государственного самоуправления", ещё более нелепую, чем "ассоциация" в гусевском варианте. При всём своём неприятии КПСС должен констатировать, что в её Платформе по национальной политике, откуда был позаимствован термин "национальный совет", не содержалось и намёка на образование принципиально новых государственных органов. "Новация" не могла исходить и от грамотного юриста. Всеохватывающее огосударствление долгие годы подавляло всякую возможность самоуправления. А нам предлагалось – ни много, ни мало – не просто возродить последнее из небытия, но и втиснуть в надуманной гибридной форме в существующую систему властных структур.

Остаётся предположить, что стремление совместить несовместимое родилось в пылком воображении тех членов оргкомитета, которым и тогда, и позднее не терпелось примерить мундиры государственных деятелей. Энтузиазм этих господ не оставил равнодушными и большинство остальных участников того заседания – видимо, из-за глубоко въевшегося почтения ко всему государственному.

Возражения последовали с той стороны, откуда сторонники экстравагантной идеи ожидали их, вероятно, меньше всего. Против неслыханного эрзац-государственного органа решительно высказался заместитель министра юстиции СССР, член оргкомитета М. Вышинский.

И это после того, как Гусев, Нишанов и их доверенные лица в оргкомитете столько раз клялись, что "ассоциация" будет государственным образованием! Но одно дело – раздавать ни к чему не обязывающие словесные авансы, и совсем иное – переводить вопрос в практическую плоскость.

М. Вышинский попытался остудить горячие головы ревнителей "государственного" подхода, констатировав тот неоспоримый факт, что для воплощения их чаяний потребовалась бы, по меньшей мере, серьёзная реформа конституционного строя. Однако и это невероятное событие, резонно заметил критик, в итоге лишь отодвинуло бы восстановление Республики на Волге, поскольку неизбежно порождало вопрос: для чего, собственно, российским немцам территориальная государственность, если им уже даровали столь многообещающую государственную структуру?

Член оргкомитета В. Ворм, который, как председатель райсовета, должен был, казалось, иметь представление о сложившейся организации государственной власти, почему-то, по его словам, испытал в ответ на это выступление глубокий шок. Смысл реплики В. Ворма свёлся к тому, что коли уж нельзя создать государственный орган, то о формировании общественного объединения нечего и толковать. Оно уже, дескать, имеется в лице "Возрождения", и в этой ситуации следует попросту прекратить подготовку съезда.

Но Г. Вормсбехера, а также его покровителей и приспешников такая перспектива прельщала, как нетрудно догадаться, меньше всего. Поэтому он бесшабашно призвал присутствующих не связывать себя существующим законодательством, и те с облегчением приняли к сведению донельзя несуразные тезисы Г. Мартенса.

Признаться, я так и не уяснил до конца процедуру работы над основным съездовским документом. В. Бауэр и Т. Иларионова утверждали, что он готовился В. Бауэром, а затем Г. Мартенсом и "бдительно редактировался" Г. Вормсбехером. В протоколе № 7 заседания гусевской комиссии от 14 сентября 1990 года говорится нечто совсем иное: *"Группой специалистов из оргкомитета, Минюста СССР, ВНИИ государственного строительства и законодательства завершается подготовка проекта Устава ассоциации немцев СССР"*.

Не говоря уже о том, что под приведённым названием документ на заседаниях оргкомитета никогда не фигурировал, вся эта информация скорее порождает новые вопросы, чем даёт ответы на существующие. Перечисленных лиц, не имевших юридического образования, едва ли можно было отнести к специалистам. К тому же, не считая Г. Мартенса, никто из них не выступал при обсуждении основного документа в качестве его разработчика. Совершенно неясна роль Минюста, один из руководителей которого с самого начала высказался против главной идеи, заложенной в проекте. Заведующий сектором названного ВНИИ Б. Крылов входил в состав оргкомитета, но, насколько я помню, не особо усердствовал при отстаивании данного документа.

Словом, ситуация до абсурда напоминала сюжет англоязычной версии известной поговорки, по которому семеро бонн сообща воспитали инфанта, в известном отношении подобного адмиралу Нельсону.

Читая сегодня стенограмму заседания 21 сентября, я не могу отделаться от ощущения, что сам был его свидетелем. Все последующие наши бдения проходили по аналогичному сценарию, который, видимо, сочинялся в том самом здании на площади Маяковского (нынешняя Триумфальная), где нас и собирали.

В неприметном угловом доме, не имевшем никакой вывески, размещались некоторые апартаменты Совмина СССР, включая кабинет В. Гусева, подлинного "крёстного отца" оргкомитета. Правда, в мою бытность он ни разу не удостоил своим присутствием наши заседания. В роли его недремлющего ока здесь выступала главный специалист Совмина З. Яндиева, а также, очевидно, некоторые из членов оргкомитета.

Я лишь однажды лицезрел В. Гусева, будучи приглашённым к нему на аудиенцию в начале лета 1991 года. В те несколько минут личной беседы он произвёл на меня впечатление очень искушённого и осторожного аппаратчика. Поэтому я через пару месяцев с удивлением узнал о его резком выступлении в пользу ГКЧП на заседании Правительства СССР. И уж тем более поразила весть о солидном poste Гусева в Государственной Думе, куда он попал по списку ... партии Жириновского. Любопытно, были ли эти сногшибательные кульбиты столь же неожиданными для бывших подручных Гусева по оргкомитету?!

Обстановка в здании Совмина должна была настраивать на трепетное почтение к высокому учреждению: часовые в вестибюле, тщательная сверка документов на входе и выходе, ковровые дорожки, удобное и в меру строгое убранство помещений. Но я, впервые прибыв 5 октября на заседание оргкомитета, испытывал не пиетет, а предчувствие долгой изнурительной борьбы. Среди представленных в данном органе российских немцев многие, помнится, разделяли этот настрой.

Заседание, как это обычно бывало и в дальнейшем, вёл заместитель Председателя оргкомитета Г. Вормсбехер. Назначенный Председателем академик Борис Раушенбах, обременённый в своём почтенном возрасте массой служебных и общественных забот, появлялся среди нас нечасто. По правде сказать, за время работы в оргкомитете я не составил о нём определённого мнения. Мне, однако, показалось, что он очень далёк от проблем российских немцев.

В дальнейшем я усомнился в справедливости этого впечатления, а на двух наших последних съездах в 1992-93 годах Б. Раушенбах и вовсе выступал как заправский "возрожденец". Видимо, сказались и его причастность к бедам своего народа в эти годы, и освобождение от бремени официального главы оргкомитета.

К сожалению, между Б. Раушенбахом, оказавшимся на этом посту в плотном вормсбехеровском окружении, и, с другой стороны, лидерами "Возрождения" одно время существовало серьёзное взаимное недоверие, которое особенно обострилось в период недостойных аппаратных игр вокруг I съезда немцев СССР в 1991 году. Прошли годы, и я считал, что наше отчуждение преодолено. Тем более что само развитие событий, казалось бы, устранило причины этих недоразумений.

Увы, интервью академика в новогоднем номере "Нойес Лебен" за 1994 год явно свидетельствовало об обратном. К нашему движению можно относиться как угодно, но усматривать все его проблемы в том, что оно возглавляется никудышными политиками, – мягко говоря, несколько странно.

Признаться, я вообще не замечал в сегодняшней России блестящих политиков. Тем менее вероятно, что они могли бы появиться среди российских немцев. Надеяться на такое чудо – всё равно, что желать воспитать учёного, не подпуская претендента к занятиям наукой, но позволяя ему следить за деятельностью какого-нибудь НИИ через дырку в заборе. Политика (неважно, удачливая или бездарная) – это не только хобби, но и особая профессия, дело людей, облечённых властью. Общественные объединения

последней, как известно, не обладают. Поэтому судить о наших активистах, как о политиках, имело бы смысл лишь в случае занятия ими государственных постов, скажем – в восстановленной Республике немцев Поволжья.

Куда как удобно критиковать за то, что республика так и не появилась, именно нас. Но тогда, хотя бы объективности ради, грех не отметить, что все без исключения национальные проблемы на территории бывшего СССР в последние годы не разрешались, а, напротив, усугублялись.

...В самом начале первого для меня заседания оргкомитета я попытался заострить внимание на нетерпимых, с моей точки зрения, моментах в организации его работы. Не скрыв своего крайнего возмущения устранением многих из присутствующих от участия в предыдущем заседании, я выразил убежденность, что в случае новой подобной выходки её инициаторам придётся иметь дело с нашим коллективным демаршем. Далее я заявил о безусловной необходимости заблаговременно доводить до членов оргкомитета предлагаемые проекты документов, а не раздавать их непосредственно на заседании, как произошло на этот раз.

После препирательства между З. Яндиевой и руководителями оргкомитета нам сказали, что инциденты с несвоевременным оповещением больше не повторятся. Должен отметить, что данное обещание, в общем и целом, выполнялось (за одним исключением, о котором речь впереди). Что же касается заверений об оперативном размножении и распространении необходимых материалов, то это были пустые словеса. Люди, претендовавшие на роль организаторов всей национальной жизни, оказались не в состоянии разумно организовать даже собственный труд.

Розданные нам проекты документов о "государственном самоуправлении" не содержали ничего принципиально нового по сравнению с тем, что Г. Мартенс изложил двумя неделями раньше. Но на сей раз по этому поводу прозвучала жёсткая критика не из уст правительственных чиновников, а со стороны немецких членов оргкомитета, делегированных III конференцией ВОСН. Напомнив, что конференция безоговорочно отвергла идею "ассоциации", мы заявили, что не потерпим возврата, в какой бы то ни было форме, к подобного рода проектам, не говоря уже об игнорировании главной проблемы – восстановления Республики на Волге.

На этой почве в оргкомитете сложилась группа единомышленников, и впредь она стремилась выступать согласованно по важнейшим вопросам. В. Бауэр и Т. Иларионова утверждали, что сподвижники Г. Гроута лишь "формально" вошли в оргкомитет, "номинально числились" в этом органе и "не играли там существенной роли". Оставим эти инсинуации на совести их авторов. Видимо, В. Бауэр успел "забыть", что мы, в отличие от него самого, никогда не отмалчивались в оргкомитете при обсуждении важнейших вопросов. И нам было что сказать: мы не только критиковали несостоятельные проекты команды Г. Вормсбехера, но и предлагали альтернативные пути решения узловых проблем российских немцев.

Далеко не обладая большинством в оргкомитете, мы имели за собой внушительную силу в лице десятков тысяч членов "Возрождения". У наиболее рьяных оппонентов не имелось ни массы сторонников, ни большой объединяющей цели. Не считать же таковой, в самом деле, стремление создать громоздкую структуру, которая не могла всерьёз помочь решению острейших национальных проблем, но зато предоставляла страждущим много удобных руководящих кресел. У нас было немало сочувствующих среди остальных членов оргкомитета, в том числе людей других национальностей. В результате мы могли оказывать определённое влияние на работу этого органа.

Трудность нашего положения заключалась в том, что мы, не имея достаточно чётких и мотивированных решений III конференции, вынуждены были импровизировать

на ходу. Но мои товарищи настроились на такую работу и, на мой взгляд, занимались ею не без успеха.

Ознакомившись с проектами Г. Мартенса и выслушав его аргументы, я попытался тут же сформулировать принципиальные возражения. Это было не так уж сложно, поскольку он, в сущности, преподнёс в новой обёртке хорошо знакомые идеи "ассоциации".

Основной мой довод состоял в том, что в обеих версиях речь идёт о создании принципиально новой властной структуры, которая не может быть вписана в существующую систему государственных органов. (В тот момент я ещё не знал, что на предыдущем заседании аналогичное мнение высказал М. Вышинский.) Для достижения такой цели, подчеркнул я, пришлось бы либо допустить тупиковую ситуацию, когда одни и те же вопросы регулируются двумя независимыми друг от друга субъектами власти, либо добиваться серьёзного ограничения компетенции существующих властей в той широкой и достаточно размытой сфере, которая затрагивает наши национальные проблемы.

Не говоря уже о том, что последний вариант втянул бы нас в безысходную конфронтацию с государственными структурами на всех уровнях, он требовал коренного пересмотра законодательства, в том числе Конституций СССР и союзных республик. Напротив, для восстановления Республики на Волге была необходима лишь минимальная модификация действующих правовых актов, что подтверждается опытом воссоздания ряда незаконно ликвидированных национальных образований во второй половине 50-х годов.

Возразить по существу этих доводов оппонентам было абсолютно нечего. Поэтому некоторые из них стали вместо приведения контраргументов вновь призывать присутствующих не пугаться перекройки законодательства. Слышать такие речи было и смешно, и очень грустно. Создавалось впечатление, что эти люди никогда не заглядывали в законы и не представляли (хотя бы по уже практиковавшимся в ту пору телетрансляциям парламентских дебатов), с каким трудом вносятся в них изменения.

Особенно меня поражали откровения на сей счёт Г. Вормсбехера. Он из раза в раз повторял одну и ту же фразу: *"Если мы не добьёмся пересмотра Конституции, то нам нечего здесь собираться"*. Не берусь определить, чего больше в таких высказываниях – правового нигилизма, невежества или стремления завести проблему в тупик. Пусть желающие разберутся в этом сами. Лично для меня многое прояснилось, когда я узнал из упомянутой "записки четырёх", что идея широкой ревизии Конституции СССР исходила не откуда-нибудь, а от нашего извечного "благодетеля" – ЦК КПСС.

Другим совершенно несостоятельным элементом в проектах оппонентов была идея "национальной экономики". Имелось в виду, что под началом органов "государственного самоуправления" окажутся различные экономические структуры, принадлежащие российским немцам или обслуживаемые ими. Связанные воедино в рамках всего СССР, эти хозяйствующие субъекты, которым предлагалось предоставить разного рода государственные льготы, должны были, по замыслу инициаторов, явиться экономической базой национального развития.

Я затратил немало усилий, пытаясь объяснить приверженцам этих нонсенсов, что экономика может быть территориальной, но никак не национальной, и предприятия устанавливают взаимные связи, исходя из хозяйственной выгоды, а не из национальности их владельцев или работников. Предоставление льгот по национальному признаку, подчёркивал я, попросту несовместимо с нормами хозяйственного права цивилизованной страны. Если бы даже такая невиданная "экономика" была создана, это могло породить, на мой взгляд, лишь конфронтацию немцев с другими народами СССР.

Думаю, что упрямые домогательства льгот для "национальных" предприятий порождались не только невежеством. Не меньшую роль здесь сыграли, вероятно, надежды ходоатаев самим приобщиться к этой желанной кормушке. В окончательной версии их проектов "государственное" самоуправление превратилось в "национальное", а о хозяйственных льготах предприятиям, создаваемым его предполагаемыми органами, говорилось без использования термина "национальная экономика". Однако суть порочной концепции от этого не изменилась.

Далеко идущие цели "ассоциации" в её всевозможных вариантах были наиболее чётко обнажены в ряде выступлений Г. Гроута: снятие с повестки дня безотлагательного восстановления Республики на Волге и возвращения репрессированному народу других отнятых у него законных прав; перекалывание ответственности за будущее российских немцев на их собственные плечи, в результате чего насильственной ассимиляции был бы придан "добровольный" характер; отодвижение на второй план "Возрождения", постоянного раздражителя власть имущих. Убедительных опровержений этого вывода так никогда и не последовало.

Пеня А. Кичихину за публикацию его статьи с резкой критикой "ассоциации" буквально накануне мартовского съезда, В. Бауэр и Т. Иларионова укоризненно заметили: *"Дискуссионность самой концепции Оргкомитета, естественно, могла быть обсуждена значительно раньше"*. Разумеется, могла, – если бы её авторы и сторонники были хоть сколько-нибудь склонны к подобному занятию там, где оно являлось наиболее уместным, то есть на самих заседаниях оргкомитета. Увы, здесь они неизменно прикидывались глухими, как только раздавалась критика со стороны их оппонентов.

Отрезвление, если верить нашим авторам, наступило лишь после публикации, где содержались многие контраргументы, не раз звучавшие на оргкомитете: *"Статья ясно продемонстрировала, что в арсенале „Возрождения“ есть целый набор доводов против „ассоциации“..."*

После заседания 5 октября З. Яндиева неожиданно предложила мне войти в рабочую группу оргкомитета. Позднее она обращалась ко мне по этому поводу ещё пару раз. Однажды, помнится, со мной беседовал на данную тему и Ю. Гаар. Затрудняюсь сказать, чем были вызваны эти не вполне понятные для меня демарши. Скорее всего, рабочей группе было бы сподручней иметь настойчивого оппонента в собственном кругу, чем выслушивать регулярные нарекания извне.

Я всякий раз благодарил за высокую честь и отказывался со ссылкой на невозможность освободиться от работы в институте. Это была правда, но не вся. Я не считал нужным объяснять этим людям, что не вижу пользы от своего потенциального пребывания в рабочей группе, поскольку мы говорим с её членами на разных языках. Во что может вылиться подобное "сотрудничество", мне было известно ещё с детства, из известного библейского сюжета о возведении Вавилонской башни.

Наша критика, сколь бы обоснованной она ни была, могла иметь позитивные последствия лишь при условии, чтобы мы предложили продуманные альтернативные проекты. Такую задачу нужно было решить уже к следующему заседанию, намеченному на 27 октября и приуроченному к фестивалю немецкой культуры в Алма-Ате. Этот великолепный форум затмил наше скромное мероприятие, которое, однако, само по себе имело немаловажное значение. На него были впервые вынесены принципиально различные по замыслу съездовские документы.

Основные идеи альтернативного проекта созрели у меня уже к моменту возвращения домой с предыдущего заседания. Я обсудил их с одним из наиболее компетентных активистов кемеровской организации "Возрождения", кандидатом экономических наук А. Кёнигом, ниже живущим в ФРГ. Документ, сообща

разработанный нами, был размножен, привезён мной в Алма-Ату и роздан всем участникам заседания.

В. Бауэр и Т. Иларионова назвали наш проект в числе документов, подготовленных штаб-квартирой ВОСН. В действительности же эта работа была проделана нами исключительно по собственной инициативе, а в Москве о ней узнали лишь постфактум.

Наша альтернатива выглядела предельно просто и, на мой взгляд, достаточно убедительно. Мы исходили из того, что на съезде следует сформировать не монументальную руководящую структуру, а небольшой по размеру "национально-государственный" орган, уполномоченный представлять интересы российских немцев, – Временный национальный совет немцев СССР при Верховном Совете СССР (ВНС).

Сходство в наименовании с "Национальным советом" Г. Мартенса в данном случае не показательно. Задачей предлагаемого нами органа должно было стать не вмешательство во все сферы национальной жизни, а всемерное участие в решении единственного, но зато кардинального вопроса – полного восстановления нашей незаконно ликвидированной государственности.

Для этой цели представительному органу нужна была тесная взаимосвязь с компетентными властными структурами, прежде всего с союзным парламентом. Поэтому мы предложили делегировать сюда от имени нашего съезда и всего российско-немецкого народа ряд членов ВНС с правом совещательного голоса. Им, по нашему замыслу, предстояло стать своеобразным национальным лобби в процессе разработки, принятия и реализации решений о воссоздании республики. Кроме того, ВНС предлагалось наделить правом законодательной инициативы в Верховном Совете СССР.

Слово "временный" в названии предлагаемого органа означало, что он должен был действовать в период до восстановления Республики на Волге и образования её органов власти. В случае принятия государственного акта о восстановлении АССР немцев Поволжья мы предложили предоставить ВНС право сформировать на паритетных началах с местными органами власти временное правительство возрождённой республики.

Для пресечения действий комиссии В. Гусева, функционировавшей вопреки интересам российских немцев и без участия представителей нашего народа, делегированных им самим, нами было предложено закрепить за ВНС право образовать (совместно с соответствующей комиссией союзного парламента) Государственную комиссию по проблемам немцев СССР, наделив учредителей функцией контроля над работой будущей Госкомиссии.

Реализация наших предложений обеспечивала максимально возможное привлечение самих российских немцев к восстановлению своей республики и, что не менее важно, позволяла обойтись при этом минимальными изменениями в законодательстве, не носящими к тому же конституционного характера.

На заседании в Алма-Ате я не без труда добился слова у председательствовавшего Г. Вормсбехера для обоснования своей концепции. После выступления мне сгоряча показалось, будто предложенные идеи в состоянии внести определённый перелом в работу оргкомитета, зашедшего в очевидный тупик. Но в перерыве я обнаружил явную обманчивость первого впечатления.

Бойкого провинциала снисходительно хлопали по плечу; мне говорили комплименты, сетуя, что ошибочно принимали меня за экстремиста. Однако было очевидно, что коллегам, не успевшим даже, как следует, вникнуть в содержание заслушанного проекта, уже не терпится его кардинально улучшить. При этом непримиримые антагонисты Гроут и Вормсбехер впервые на моей памяти сошлись во мнениях. Им обоим наши соображения показались недостаточно радикальными –

разумеется, по разным причинам. Вскоре я за свои предложения в первый и последний раз удостоился печатной похвалы Ю. Гаара. Более серьезных последствий наша инициатива, увы, не имела.

А после заседания Г. Гроут рассказал мне, что в Правлении "Возрождения" разработана своя "альтернативная схема", которая, по мнению Председателя ВОСН, имела много общего с нашими идеями. Ни с его слов, ни при её ближайшем рассмотрении у меня, признаться, такого впечатления не создалось.

По схеме Гроута съезд должен был, прежде всего, напомнить, что АССР Немцев Поволжья ликвидирована без соответствующего правового акта и в этом смысле продолжает существовать де-юре. На данном основании, а также исходя из недавних решений союзного парламента по реабилитации репрессированных народов, предлагалось принять на съезде Декларацию о восстановлении Республики на Волге в прежних границах и избрать половину состава её Временного (Верховного) Совета, зарезервировав остальные места в этом органе за представителями местного населения (например, тогдашними депутатами Саратовского и Волгоградского облсоветов от территории республики).

Полномочия Временного Совета должны были вступить в силу по истечении 6-месячного моратория, установленного съездом. За данный период властям предлагалось внести необходимые коррективы в действующее законодательство в соответствии с решениями съезда. После этого Временный Совет надлежало в полном составе преобразовать во временный (до выборов в Советы в 1995 году) законодательный орган воссозданной республики, который сформировал бы её временное правительство. В случае очередной проволочки властей избранная на съезде часть Временного Совета должна была образовать правительство республики в изгнании и приступить к переговорам о добровольном организованном переселении российских немцев в Германию или другие страны.

Легко заметить аналогию данной схемы с упомянутым планом работы ВОСН после II конференции, который вызвал в своё время моё неприятие. Но будь я даже его ревностным сторонником, нельзя было не признать, что он обернулся явной неудачей, ни на йоту не поколебав неконструктивную позицию властей по нашей проблеме.

К сожалению, предлагаемая схема не содержала убедительного ответа на вопрос: как быть в случае подобного исхода? С трудом верилось, что руководители Германии, а тем более других стран проявят тогда готовность к пересмотру правил приёма российских немцев. Тем более эфемерно выглядела идея "правительства в изгнании". Наконец, вызывал сомнения в правовом отношении предложенный способ формирования временных органов власти воссоздаваемой республики.

С другой стороны, мне было хорошо известно, что последний процесс вообще не регулируется действующим законодательством и требует, как свидетельствовал опыт восстановления государственности ряда репрессированных народов, принятия нестандартных решений. Осознание того факта, что в данной ситуации без таких мер всё равно не обойтись, а также стремление к сплочённости наших рядов в оргкомитете и побудили меня после некоторых колебаний согласиться с выдвижением от имени ВОСН схемы Гроута. У меня не было и нет полной уверенности в правильности этого шага, но лучшего варианта я в тот критический момент, увы, не нашёл. Не вижу его и сегодня.

Надеюсь, не будет нескромно сказать, что предложения, которые внёс я, были гораздо логичнее. Но в сумасбродные времена социальных катаклизмов, к сожалению, трудно руководствоваться одной логикой. Ощущение цейтнота, вынужденной гонки за ускользающими целями преследовало меня с первого дня моего участия в национальном

движении. Я понимал, что представленный мной подход учитывал что угодно, но только не фактор времени.

Думаю, в тот момент ещё никто не мог предположить, что Верховному Совету СССР, где мы намеревались искать пути восстановления Республики на Волге, как и стоящему за этим органом государству, осталось существовать считанные месяцы. Однако стремление поставить решение проблемы российских немцев в жёсткие временные рамки, привлечь к ней, пока не поздно, максимальное внимание, в том числе в ФРГ, уже тогда являлось определяющим мотивом и для Гроута, и для меня, и для большинства наших активистов.

Не возьмусь утверждать, что нам всегда удавалось адекватно реагировать на чрезвычайную ситуацию, в которой оказались наши соплеменники. Но о нас, по крайней мере, не скажешь, что мы слепо конструировали всё новые наличники, между тем как барак полыхал уже со всех сторон, и нужно было срочно уводить его обитателей подальше от пожара.

Пытаясь охарактеризовать положение в оргкомитете, И. Шлейхер процитировал высказывание Гроута на заседании в Алма-Ате о том, что оргкомитет поставлен аппаратчиками в жёсткие рамки заранее заготовленного сценария. После этого наш автор, якобы, задался вопросом, на который так и не нашёл ответа: как-де можно было манипулировать членами оргкомитета, коль скоро в него входили и Г. Гроут, и почти весь Совет ВОСН, включая его председателя П. Фалька?

Оставим в стороне тот известный факт, что "почти весь" Совет нашего Общества, насчитывавший многие десятки человек, никак не мог входить в состав оргкомитета. Положение в этом органе определялось, конечно же, не арифметикой, как пытался внушить читателю нарочито наивный И. Шлейхер, а политической линией союзного руководства, проводниками которой являлись и верхи оргкомитета, и ряд его членов, не исключая и представителей Совета "Возрождения". Их позиция, направленная в первую очередь на формирование пресловутой "ассоциации", непреклонно навязывалась оргкомитету от начала до самого конца. Да простит мне мой товарищ, но я позволю себе усомниться, что он, являвшийся членом оргкомитета, так быстро успел об этом забыть.

Во время пребывания в Алма-Ате руководители "Возрождения" и оргкомитета съезда провели пресс-конференцию. Здесь Г. Гроут впервые публично заявил о разработке Правлением ВОСН альтернативных съездовских документов, пообещав представить проекты в письменном виде к следующему заседанию оргкомитета.

Г. Вормсбехер, который был, видимо, обескуражен этим сообщением, сказал в ответ буквально следующее: *"Вы должны понять, что Съезд или состоится с той программой, которая приведёт к решению проблем советских немцев, то есть с конструктивной программой, или не состоится вообще. Наивно полагать, что мы с какой-то альтернативой выступим, которая деструктивна. Поэтому мы полагаем, что Генрих Генрихович (Гроут – В.Д.) выступит с какой-то конструктивной программой. Если в ходе подготовки к съезду выяснится, что это может опять превратиться в большую „третью конференцию“, то этого съезда не будет".*⁶⁸

Мне представляется, что на этот раз Г. Вормсбехер, вопреки обыкновению, высказал гораздо больше, чем считал нужным обнародовать. Многозначительные рассуждения о "конструктивном" и "деструктивном" были в его устах весьма привычным явлением. Но в данном случае он вдруг выдал и точку отсчёта: как образец деструктивности у него совершенно недвусмысленно фигурирует III конференция ВОСН. Иначе говоря, нам без обиняков давали понять, что попытки сформулировать съездовские

⁶⁸ Газета "Фройндшафт" (Алма-Ата), 10 ноября 1990 г.

документы в духе её решений будут пресечены организаторами съезда самыми радикальными мерами, вплоть до его отмены.

Думаю, мы должны быть благодарны господину Вормсбехеру за своевременное предупреждение. Оно было нами услышано и понято, и уже поэтому нас не смогли застать врасплох драматичные события марта будущего года.

Г. Вормсбехер и ряд членов рабочей группы оргкомитета сочли необходимым вернуться к этому сюжету за месяц до съезда, в своём пресловутом письме высшим органам власти, о котором речь впереди. Здесь уже прямо утверждалось, что вероятность превращения съезда в "макрокопию" III конференции "очень велика". Таким образом, правящим кругам совершенно недвусмысленно подсказывался тот деструктивный сценарий, который и был затем реализован.

Подготовка съезда с самого начала проходила под бдительным надзором партийных органов. Не так давно стал известен любопытнейший документ на этот счёт – записка Отдела национальной политики ЦК КПСС, которую заведующий этим подразделением В. Михайлов подмахнул в тот самый день, когда оргкомитет заседал в Алма-Ате.

Партбосс без ложной скромности ярко расписал неустанные усилия руководящих товарищей, призванные облагодетельствовать российских немцев. Сами адресаты этой подвижнической деятельности удостоились, однако, далеко не восторженных оценок. Для подслащивания горькой пилюли пришлось рассказать бодрящую сказочку о царевне-ассоциации, которая "была сочувственно встречена немцами во многих регионах страны". Правда, при появлении картинных злодеев из "Возрождения" ликующие толпы почему-то разбежались. Тут-то супостат и принялся править бал, толкая национальное движение "в русло конфронтации". При этом не обошлось, само собой, без тлетворного влияния плохишей из ФРГ – "Союза изгнанных", а также "Союза немцев России"⁶⁹.

Хэппи-эндом в данной леденящей истории, увы, пока не пахло: у ясновидцев со Старой площади возникли "небеспочвенные опасения", что руководство "Возрождения", испоганив III конференцию ВОСН, попытается превратить в "трибуну для конфронтации" и сам съезд.

Оставалась одна надежда – на помощь чудо-богатырей из партийных комитетов со всей страны. Цековские стратеги предписали последним, прежде всего, "определить конкретный план практических действий" по подготовке к съезду. К этим всеобъемлющим действиям намечалось привлечь представителей оргкомитетов различных уровней, заинтересованных организаций (очередной псевдоним "компетентных органов"?) и лиц.

Что касается "Возрождения", то из его рядов могла быть мобилизована разве что "конструктивная часть". "Конструктивистов" велено было двигать в состав оргкомитетов и, понятное дело, в делегаты съезда. Особенно подходила для такой роли номенклатура или, выражаясь партийным жаргоном, "руководители советских, хозяйственных, общественных организаций". Но даже этим испытанным кадрам ещё предстояло разъяснить все прелести ассоциации, как "эффективного средства решения немецкой проблемы". Тем более необходимо было "развернуть разъяснительную работу" среди тугодумного немецкого населения, идя, так сказать, в гущу народа и используя послушные средства массовой информации.

Одним из наиболее пикантных нюансов этого и без того захватывающего сюжета мне представляется будущая должность В. Михайлова, чья подпись стоит под

⁶⁹ Видимо, под этим вымышленным названием затаилось коварное "Землячество немцев из России".

эпистолярным шедевром крутого партийного замеса, – министр по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации. Личная преемственность между ЦК КПСС и Правительством России, как в сфере национальной политики, так и в прочих областях, позволяет должным образом оценить ненавязчивую иронию Б. Ельцина, когда он вновь и вновь сообщал о беззаветной борьбе с недобитой партократией, не дающей житья нашей прогрессивной исполнительной власти.

Пламенный цековский призыв отозвался в партийных инстанциях на местах, как и подобало в то время, гулким эхом. 21 ноября 1990 года идеологический отдел Кемеровского обкома КПСС направил городским и районным партийным комитетам под грифом "совершенно секретно"(!) свою "ориентировку", в которой послушно рекомендовал развить в преддверии нашего съезда бурную деятельность по обработке немецкого населения области.

Этот документ удостоился несколько неожиданного внимания на вышеупомянутой научной конференции под Гёттингеном осенью 1996 года. Её организатор д-р А. Айсфельд угостил слушателей своего доклада пикантным пассажем: мол, в данном циркулярном письме содержался призыв к партийной поддержке одного из членов оргкомитета, который (Achtung! Achtung!) находится среди нас. Подразумевался, очевидно, я, поскольку фамилии других присутствующих в "ориентировке" не фигурировали.

Весьма польщённый тем, что германская наука не чурается даже изучения моей скромной персоны, я не стал разочаровывать гостеприимного хозяина вкупе с остальными присутствующими, сохранил инкогнито и умолчал о подлинном содержании кемеровского документа.

Д-р А. Айсфельд, как и любой его компетентный читатель, не мог не заметить, что он фактически дублировал московскую текстовку. Для придания ценным указаниям местного колорита в Кемерово добавили к ним лишь несколько штрихов: сведения об усилившемся выезде немцев из Кузбасса в ФРГ, пару нейтральных фраз о деятельности "Возрождения" в области, а также информацию о моём вхождении "от Кузбасса" в состав центрального оргкомитета.

Ни о какой моей "поддержке" речи там, разумеется, не было и быть не могло: обкомовские блюстители идеологии прекрасно знали, что я абсолютно не приемлю "рекомендации", подобные тем, которые они распространяли по указке из Москвы.

Затрудняюсь в точности сказать, что помешало реализации по-большевистски остроумного московско-кузбасского циркуляра. Неужели партийную обедню испортили силы "Возрождения", "занимающие крайние позиции", то бишь наши скромные активисты, которые в массе своей не дозрели даже до членства в КПСС?

Что касается парработников Кемеровской области, то они откровенно игнорировали обращённое к ним сверху воззвание. На моей памяти активность была проявлена ими лишь однажды – на предсъездовской конференции в Юрге, где я присутствовал как член областного оргкомитета. Местная партийная дама попыталась обратиться к участникам в духе полученных указаний, но успеха, как нетрудно догадаться, не снискала.

Не припомню особого рвения даже со стороны возможного соавтора кемеровской "ориентировки", заведующей идеологическим отделом обкома КПСС. Впрочем, этого я от неё и не ожидал: она была далеко не типичной партаппаратчицей и попала в обком уже в разгар "перестройки", являясь ранее всего лишь вузовским преподавателем. Я не раз беседовал с этой обаятельной женщиной, в том числе о проблемах российских немцев, но она лишь выражала нам сочувствие и никогда не пыталась меня идейно обрабатывать.

Трудно забыть заседание оргкомитета 13 ноября, когда из уст Гроута прозвучала "альтернативная схема". Передо мной номер "Нойес Лебен", где это событие описано пером будущего главного редактора В. Вайца, впоследствии – штатного сотрудника радиостанции "Немецкая волна". Читая его гладенький репортаж, невозможно отделаться от мысли, что мы присутствовали на разных мероприятиях. Мне, в отличие от бойкого журналиста, это заседание запомнилось ещё более напряжённой атмосферой, чем она была на других наших встречах.

Сообщение Г. Мартенса, доложившего об "исправленной" версии съездовских документов, не оставляло сомнений, что идеологи оргкомитета готовы согласиться лишь на косметический камуфляж исходной идеи "ассоциации". Их реакция на выступление Гроута напомнила мне восприятие нашего проекта на предыдущем заседании. Дескать, Вы ещё не совсем безнадежны, в Ваших рассуждениях можно обнаружить отдельные крупинки истины, мы не побрезгуем их использовать, но уж за нами, будьте уверены, останется последнее слово.

В. Вайц приписал мне в своём "документальном" отчёте слова симпатии к проектам Мартенса. Не знаю, что подвело репортёра, – слух, техника или нечто иное. Будем считать, что он меня просто с кем-то спутал.

Увидев, что заседание явно клонится к очередному одобрению тупиковой линии Вормсбехера и его команды, я испытал глубочайшую тревогу – не за схему Гроута, а за судьбу съезда, где никакие варианты "ассоциации" не могли иметь шансов на успех.

В своём выступлении я в который раз спросил: в чём принципиальная разница между "ассоциацией", категорически отвергнутой на III конференции ВОСН, встречающей чрезвычайно негативное отношение на местах, и предлагаемым "национальным самоуправлением"? Ответа, разумеется, вновь не последовало. Остался безответным и другой мой вопрос: почему авторы проекта полагают, что идея, отвергнутая на конференции, будет воспринята съездом? Между тем нам уже предложили представить более чем сомнительные прожекты в Верховный Совет СССР, пытаюсь предрешисть их принятие на съезде ещё до его проведения, и ничуть не смущаясь тем, что на заседании только что был изложен альтернативный проект.

Я ещё раз высказался против попыток вынести на съезд документы, требующие существенных конституционных поправок, поскольку перекраивать Конституцию в угоду российским немцам никому, конечно, не могло прийти в голову. Пытаясь следовать по такому пути, предупредил я, мы заведомо обрекаем себя на неудачу.

Хотелось бы знать, вспомнили ли об этом предостережении Г. Вормсбехер и иже с ним, когда они через некоторое время потерпели со своими домогательствами "неожиданный" крах в коридорах власти?

В качестве резюме я призвал не принимать решений о съездовских документах в узком кругу, немедленно опубликовать оба проекта и вернуться к ним после их широкого обсуждения. Однако такая очевидная и во всех отношениях оправданная идея не могла найти здесь поддержки точно так же, как моё аналогичное предложение – в редакционной комиссии III конференции ВОСН.

Г. Вормсбехер был настроен, в отличие от меня, более чем оптимистично и пытался заразить своим бодрым чувством остальных присутствующих. Главный теоретик оргкомитета говорил о крупном шаге вперёд и о том, что подготовленные по его замыслу документы нужно тотчас передать на рассмотрение властей. Не берусь судить, сознавал ли он в тот момент, что действительно находится, выражаясь его тогдашним слогом, "в начале большого пути" – к провалу государственными органами выношенных им идей и к своему оглушительному фиаско на съезде.

На том памятном заседании я впервые увидел в роли председательствующего Б. Раушенбаха. Вопреки моим ожиданиям, его присутствие мало повлияло на ход обсуждения. Но высказывания Председателя оргкомитета заметно отличались по тональности от бравурных тирад наиболее пристрастного заместителя. Академик несколько неожиданно предложил свести предложенные варианты воедино.

Признаться, мне трудно было представить, как это можно сделать. Но мы, прислушавшись к совету мудрого человека, тем не менее, предприняли такую попытку. С этой целью на заседании была создана согласительная комиссия, в которую со стороны "Возрождения" вошли Г. Гроут, В. Витт и я, а от наших оппонентов – Г. Мартенс и В. Бауэр.

Комиссия работала 3 и 4 декабря, накануне следующего заседания оргкомитета. Кроме Гроута и меня в дебатах участвовали члены оргкомитета Г. Мартенс и А. Мерц, а также один из заместителей главы этого органа К. Эрлих. Мы заседали в комфортабельных помещениях на Миусской площади, где до 1917 года находился, насколько мне известно, народный университет имени Шанявского.

Большевики использовали приглянувшиеся им здания для собственного "университета", у которого, правда, несколько меньше оснований называться народным, – Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Вся деятельность рабочей группы оргкомитета, замешанная на густой партийной закваске, была речательством тому, что эта верная помощница партии разместилась здесь по праву. Не менее симптоматично и то, что через полгода после наших бдений тут же обосновался другой питомец ЦК и одновременно незаконнорождённый отпрыск оргкомитета – Союз немцев СССР.

Солидно устроившись в центре Москвы, рабочая группа оргкомитета явно давала понять, что торопиться со съездом ей не резон и освободить в скором будущем уютное здание партшколы она отнюдь не намерена. Группе была самовольно предоставлена выделенная германскими властями для "Возрождения" новая оргтехника, о которой в правлении ВОСН могли только мечтать.

Не особо утруждая себя подготовкой съезда, на Миусской развернули бурную деятельность по широчайшему кругу вопросов: молодёжного обмена с ФРГ, обеспечения культурных центров при местных подразделениях ВОСН необходимой литературой и оборудованием, создания центрального издательства для российских немцев, проведения национальных фестивалей, реализации региональных экономических и культурных программ. Короче говоря, господа из рабочей группы недвусмысленно примеряли мундиры членов будущего национального "правительства".

Дискуссии в согласительной комиссии проходили напряжённо. Оказавшись лицом к лицу с оппонентами, мы воочию убедились, насколько скуден и немошен арсенал их аргументов. И в отсутствие шеф-идеолога "ассоциации" нам, в конце концов, удалось сойтись на компромиссной формуле, предложенной Г. Гроутом.

Она предусматривала принятие на съезде Декларации о безотлагательном восстановлении Республики на Волге и о создании за пределами восстановленной республики любезной оппонентам "системы национального самоуправления". При таком раскладе последний процесс никак не мог послужить предлогом для торможения первого, что и требовалось гарантировать. Соответственно предлагалось избрать на съезде представителей в два органа – в Национальный комитет по восстановлению республики и в Национальный совет немцев СССР. Последняя структура не должна была нести государственных функций: её прерогативы предполагалось ограничить содействием возрождению и развитию языка, культуры, национальных традиций, а также решению других проблем немцев, живущих на территории СССР вне своей республики.

Была поддержана идея установления определённого срока для принятия актов о воссоздании АССР НП, в случае несоблюдения которого со стороны руководства СССР и РСФСР намечалось досрочно начать деятельность Национального совета и одновременно преобразовать Комитет по восстановлению республики в орган по защите прав российских немцев, желающих выехать из СССР. Кроме того, по нашему настоянию было решено вынести на обсуждение съезда предложения по концепции социально-экономического развития будущей Республики на Волге.

Этот вариант был затем принят за основу на заседании оргкомитета. Председательствовавший Б. Раушенбах выглядел явно удовлетворённым достигнутым согласием, которое он предвещал в прошлый раз. Его настроение передалось присутствующим, и заседание прошло, как никогда, гладко. Кому могло прийти в голову в этой благодушной атмосфере, что для целого ряда членов оргкомитета оно окажется последним?

Не хотелось бы ещё раз возвращаться к выступлению Ю. Гаара на Совете ВОСН, но ничего не поделаешь – именно тогда была впервые дана обобщённая оценка положения в оргкомитете с позиций наших оппонентов. Приведу её полностью: *"...на первых двух заседаниях Г. Гроут и его сторонники старались всячески блокировать работу Оргкомитета и даже ставить под сомнение саму идею съезда. Получив отпор со стороны остальных членов Оргкомитета, группа взяла на вооружение другой метод, а именно: возглавить работу по подготовке и проведению съезда. А для этого стала готовиться так называемая „альтернатива“, по моему мнению, призванная загнать в тупик уже всю проблему советских немцев. В данном случае я хотел бы акцентировать ваше внимание не на сути самой „альтернативы“, а на методе преподнесения. „Секретная“ группа разрабатывает проект втайне от членов Совета общества и Оргкомитета съезда с идеей прийти на съезд, разгромить там всех „аппаратчиков“ и спасти народ"*.

Воздержусь от ответных комплиментов и выскажусь только по существу изложенных тезисов. Во-первых, нам не было никакого смысла блокировать работу оргкомитета, даже будь у нас подобное стремление: его руководители методично делали это сами. Мы же, как я пытался показать, стремились убедить оппонентов, что их задумки не имеют шансов на реализацию – в первую очередь по причине своего полного несоответствия конституционным нормам и всей практике государственного строительства в тогдашнем СССР. Во-вторых, на заседаниях оргкомитета идея съезда, насколько мне помнится, всерьёз ставилась под сомнение лишь В. Вормом в том эпизоде, о котором я упомянул. Но уж этого-то деятеля при всём желании трудно отнести к нашим сторонникам. В-третьих, к моменту произнесения Ю. Гааром его обличительной речи наша "тайная" альтернатива была давно уже изложена публично и хорошо известна аудитории, к которой апеллировал забывчивый докладчик.

Наконец, главное. Как нетрудно убедиться, Ю. Гаар высказался о чём угодно, но только не о сути наших разногласий. Упорно избегали "акцентировать" на них внимание и его единомышленники. Дискуссии на уровне политических ярлыков, а не правовых или экономических принципов, столь частые в оргкомитете, всегда наводили на меня уныние. Но я не склонен предъявлять за это претензии оппонентам – каждый полемизирует, как умеет.

Мне до сих пор ясны не все обстоятельства, которые привели к достижению, а позднее к одностороннему разрыву нашего компромисса. К сожалению, эти важные события фактически не отражены в документах "Возрождения" и даже в докладе Г. Гроута на Чрезвычайном съезде в марте 1991 года. Для меня несомненно одно: заседание оргкомитета 4 декабря и его последствия сыграли решающую роль в ходе подготовки, а затем "переноса" и проведения I съезда немцев СССР.

Помнится, многие из присутствовавших были тогда поражены, что Г. Вормсбехер оказался в критический момент подготовки съезда не в Москве, а в Германии. Ни для кого не являлось секретом, что он меньше всего склонен к компромиссам. Поэтому у нас не могли не возникнуть сомнения в прочности достигнутого согласия.

Но то, что вскоре произошло в действительности, не приснилось бы и в дурном сне, во всяком случае, – автору этих строк. Конечно, я понимал, что наши дебаты в оргкомитете – лишь небольшая и, быть может, не самая существенная часть айсберга, если охарактеризовать этим эпитетом подготовку съезда. Однако я не сомневался и в том, что пытаться полностью предрешить важнейшие события за кулисами, игнорируя мнения членов оргкомитета и активистов "Возрождения", – занятие, по меньшей мере, бесперспективное. Очевидно, Г. Вормсбехер и те, кто за ним стоял, придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Иначе они бы никогда не решились на последовавшую беззастенчивую авантюру.

Вернувшись из Фатерланда, "серый кардинал" оргкомитета демонстративно перечеркнул наше соглашение, достигнутое с таким трудом. Он фактически заблокировал дальнейшую работу согласительной комиссии, призванной доработать проекты компромиссных съездовских документов. Теперь, наконец, все могли убедиться, чьими руками заводится в тупик подготовка съезда.

Пытаясь спрятать концы в воду, Г. Вормсбехер и его покровители не постеснялись сорвать очередное заседание оргкомитета, намеченное на начало января. Неудобных членов оргкомитета, как это уже было однажды, вновь "забыли" своевременно известить о точной дате заседания.

Думаю, в этот момент мог и обязан был спасти положение один человек – официальный глава оргкомитета Б. Раушенбах. Не хочу гадать, почему он этого не сделал. Во всяком случае, одним лишь влиянием вормсбехеровского окружения вряд ли объяснить столь непостижимую позицию уважаемого академика.

Узнав в первых числах нового и опять-таки бурного 1991 года о вопиющем вероломстве Г. Вормсбехера, я был потрясён до глубины души. Признаться, я мало что воспринимаю так остро и болезненно, как человеческую слепоту и безрассудство.

Мотивы действий данного господина были предельно прозрачны. Он не мог не понимать, что при достигнутом компромиссном раскладе наиболее авторитетным органом, представляющим российских немцев, неизбежно окажется Комитет по восстановлению республики, а отнюдь не предложенная форма "ассоциации". Между тем у него и ему подобных деятелей, столько сделавших для того, чтобы республика никогда не была восстановлена, практически не имелось шансов быть избранными на съезде в этот комитет. А вторыми ролями они довольствоваться не привыкли.

Имея дело с Г. Вормсбехером, всегда приходится руководствоваться модифицированным французским принципом "шерше ля портфель!" Но на сей раз ловец регалий и чинов просчитал свои ходы ещё хуже, чем обычно. С самого начала было очевидно, что эта акция Г. Вормсбехера возымеет далеко идущие губительные последствия, в том числе и для её главного исполнителя.

Выражусь более резко: я думаю, именно в тот момент он совершил политическое самоубийство. Все последующие действия несостоявшегося кандидата в национальные лидеры, одно несуразней другого, – это уже нечто из области потусторонней жизни, кто бы ни пытался его искусственно реанимировать.

Для меня не было сомнения, что оставаться рядом с ним в оргкомитете нельзя больше ни минуты. Поэтому, когда мне по телефону предложили из штаб-квартиры

"Возрождения" поставить подпись под коллективным открытым письмом о выходе из обанкротившегося органа, я, не раздумывая, дал согласие.

Эта акция активистов "Возрождения" (Г. Гроут, А. Бахман, В. Витт, В. Данн, А. Клепфер (Парфёнов), И. Кроневальд, Р. Цильке, К. Эмих и я) была воспринята в наших рядах в основном с пониманием. Но раздавались и критические голоса, в лейтмотиве которых звучало, что надо было, дескать, оставаться и бороться до конца.

Что касается меня, то могу сказать от чистого сердца: я сделал в оргкомитете всё, что мог. Дальнейшее моё пребывание в его составе могло принести пользу только тем, кто нуждался в массовке бессильных статистов, чтобы разыгрывать на её фоне свои пошлые политические спектакли. Такого же мнения были, полагаю, и другие вышедшие из оргкомитета сторонники позиции "Возрождения".

Мы не рассчитывали на подражание, но вскоре нашему примеру последовали Э. Айрих, а затем и Г. Мартенс. Теперь в оргкомитете остались в основном "свои люди" Г. Вормсбехера. Казалось бы, избавившись от назойливых оппонентов, они должны были, наконец, наглядно проявить все свои конструктивные возможности. Увы, эти деятели сумели продемонстрировать за редким исключением только вопиющую беспомощность, в сущности, никак не повлияв на ход событий во время обоих этапов нашего первого съезда.

Верные своей манере, В. Бауэр и Т. Иларионова изложили историю окончательного раскола оргкомитета с позиции сторонних наблюдателей. Даже о решении согласительной комиссии они сообщили со ссылкой ... на наше открытое письмо о выходе из оргкомитета.

И ни слова о существе дела: по какой причине В. Бауэр, уполномоченный оргкомитетом участвовать в работе согласительной комиссии, уклонился от выполнения этого поручения; считал ли он нужным, как член рабочей группы, выполнять решение оргкомитета, утвердившее основные положения компромиссного варианта; если да, то почему он и его коллеги по рабочей группе позволили Г. Вормсбехеру "фактически единолично" (оценка В. Бауэра и Т. Иларионовой) растоптать достигнутый компромисс?

Таким образом, подробно изложив мотивы, которыми, по его мнению, руководствовались в этой истории Гроут и Вормсбехер, В. Бауэр "забыл" о сущем пустяке – рассказать о том, что же двигало лично им. А в итоге – уход от ответа на основной вопрос, поставленный самими авторами: *"Кто больше повинен в окончательном размежевании?"*

Выписывая индульгенцию себе и заодно всем остальным участникам тогдашних событий, В. Бауэр при содействии Т. Иларионовой дал нам понять, что нет, дескать, смысла оценивать действия конкретных лиц, поскольку речь изначально шла о "более существенных вещах" – будущем устройстве Российской Федерации и создании "принципиально иной национальной доктрины государства". Но если так, то трудно не прийти к выводу, что эти авторы попросту ошиблись жанром – им следовало писать не книгу о нашем национальном движении, а трактат о политическом строе нынешней и грядущей России.

С другой стороны, не могу не отдать должное авторам за весьма душещипательное описание заседания рабочей группы 3 января 1991 года, где Г. Гроут, по их словам, объявил о нашем выходе из оргкомитета.

Задним числом я благодарен и тем бывшим коллегам, которые "забыли" пригласить меня в Москву: присутствие при политических фарсах никогда не было моим любимым занятием. Судя по картине, нарисованной В. Бауэром и Т. Иларионовой, заседание прошло именно в таком духе. Его участники, едва успев похоронить ими же одобренный компромисс, "тяжело восприняли" наш вынужденный уход, говорили об очередном

обмане советских немцев, о том, что "их движение раскололи специально, с целью никогда не допустить подлинной реабилитации народа и восстановления республики".

Таким образом, наши оппоненты, похоже, страдали хронической формой "синдрома унтер-офицерской вдовы". Поскольку я не медик, то мне остаётся только выразить им своё искреннее сочувствие.

Сложив с себя обязанности членов оргкомитета, мы, разумеется, не намеревались уходить от ответственности за проведение и исход съезда. Чтобы хоть в какой-то мере выправить тупиковую ситуацию вокруг этого беспрецедентного по представительности и значимости национального форума российских немцев, нужна была серьёзная напряжённая работа.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ СТРАДА

О запутанности эпопеи с I съездом немцев СССР свидетельствует уже тот факт, что несколько раз изменялись даты его проведения. Когда Комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета СССР вкупе с Госкомиссией В. Гусева приняли 16 июля 1990 года совместное решение о подготовке и проведении съезда, они заявили, что "считают целесообразным" провести этот форум в текущем году. На III конференции ВОСН я слышал в кулуарах, что съезд может состояться уже в октябре.

Однако инициаторы съезда не спешили говорить о его конкретных сроках. Они предпочли предрешить этот важный вопрос не на III конференции и даже не на оргкомитете, а излюбленным келейным способом.

На заседании оргкомитета 21 сентября, куда, как отмечалось, "забыли" пригласить представителей "Возрождения", делегированных его III конференцией, Ю. Гаар сообщил, что "мы"(?) ориентировочно наметили съезд на 11-15 декабря.

Один из членов оргкомитета, сотрудник Правления ВОСН Александр Бахман, выразил тогда сомнения по поводу установленной даты, высказавшись против спешки при подготовке съезда и за основательную проработку проектов его документов на местах.

Но остальным присутствующим срок показался, видимо, вполне реальным. Во всяком случае, они восприняли без особых возражений как высказывание Ю. Гаара, так и невразумительные проекты Г. Мартенса по избранию на съезде "Центрального совета советских немцев". Между тем, как я уже отмечал, проблематичность формирования подобной структуры – не только к названной дате, но и в принципе – была видна, что называется, невооружённым глазом.

Именно поэтому 13 ноября оргкомитету пришлось вернуться к вопросу о сроках съезда. Похоже, некоторые руководители этого органа начали убеждаться в негативном отношении к своим замыслам даже со стороны правящей верхушки, не говоря уже о самих российских немцах. Возможно, планы энтузиастов "ассоциации" были спутаны и обнаружены "альтернативной схемой" Правления ВОСН. Как бы там ни было, нам предложили отодвинуть съезд на середину марта 1991 года.

Это был один из тех редчайших случаев, когда практически все члены оргкомитета сошлись во мнениях по принципиальному вопросу. Перенос съезда вполне соответствовал моему предложению о публикации и широком обсуждении всех представленных проектов съездовских документов. Поэтому я, разумеется, тоже не стал возражать. А 24 ноября

1990 года появилось постановление Совмина СССР № 1184 о подготовке и проведении съезда, где согласованный на оргкомитете срок утверждался официально.

Мы были, однако, не столь наивны, чтобы считать вопрос о дате съезда окончательно закрытым. И дело не только в памятном предупреждении Г. Вормсбехера, что съезд может не состояться вовсе. Кто из жителей СССР мог в то время ещё сомневаться, что правители страны способны растоптать любые свои решения, если это почему-либо покажется им выгодным?

Поэтому Г. Гроут недвусмысленно предупредил 1 декабря на заседании Совета ВОСН о недопустимости ещё одного переноса съезда, с какими бы проектами оргкомитет ни подошёл к установленному в ноябре сроку. Недоработанное оргкомитетом, резонно заметил лидер "Возрождения", доработает сам съезд.

А через месяц Г. Гроут заявил в интервью "Нойес Лебен", данном по поводу нашего выхода из оргкомитета, о готовности "Возрождения" в случае очередной проволочки провести съезд за свой счёт.

Вскоре наши опасения о проведении съезда приобрели, помимо общих, и достаточно конкретные основания. Пытаясь перестраховаться, руководители оргкомитета разослали уже избранным делегатам анкеты, где, в частности, имелся вопрос об отношении к предложенному проекту "национального самоуправления".

В рядах активистов ВОСН и тогда, и позднее высказывались принципиальные возражения против этого зондажа. Я, признаться, не видел в предварительном анкетировании ничего заведомо порочного – ведь опрашиваются же, к примеру, избиратели перед всевозможными выборами.

Разумеется, результаты подобных опросов подлежат оперативному обнародованию. (В противном случае это уже не публичное исследование общественного мнения, а нечто совсем иное.) Но именно на такой естественный шаг лидеры оргкомитета пойти никак не хотели. Да и не могли: как нетрудно догадаться, идеи "ассоциации" были в анкетах с треском забаллотированы. По данным А. Кичихина, их не поддержали 84% делегатов!

Не могу поручиться за эту цифру, но со всей определённой уверенностью утверждаю: в Правлении ВОСН своевременно узнали об основных результатах анкетирования, хотя они так и не были опубликованы оргкомитетом. Я не осведомлён об источнике поступления этой бдительно оберегавшейся информации и, по правде сказать, не пытался его установить. Способы раскрытия всевозможных охраняемых секретов не особо занимали меня даже в детстве. Куда важнее показались мне сами итоги опроса, полностью совпавшие с моими прогнозами.

Нужно обладать очень сильным воображением, чтобы представить, что при таких настроениях среди делегатов организаторы съезда могли быть заинтересованы в его проведении.

Наши тогдашние предположения полностью подтверждаются В. Бауэром и Т. Иларионовой. По их словам, варианты "переноса" съезда прорабатывались не только в ЦК, но и в гусевской комиссии. Да и в оргкомитете, как утверждают наши авторы, имелись люди, которые, "вероятно(?), размышляли" о создании своего любимого детища безо всяких съездов, за счёт придания самим себе статуса "ассоциации" – "правительства без территории, главного „распорядителя кредита“ в отношении реабилитации немецкого населения страны".

Сами авторы не без основания отметили, что "перенос сроков Съезда оказал деморализующее воздействие на многих, подстегнув как радикальные настроения, так и стремление к выезду". Неужели это нельзя было предвидеть ещё в начале 1991 года? Или инициаторы "переноса" как раз и добивались подобного результата?

В. Бауэр и Т. Иларионова попытались закамouflировать имена претендентов на роль "кредиторов", не избираемых народом, но сделали это по обыкновению крайне небрежно. Они опрометчиво напомнили читателям, что "именно такой никем не избранной структурой" явилось будущее управление Госкомнаца России во главе с П. Фальком, но при этом, разумеется, умолчали о совершенно аналогичных качествах союзного "Комитета по проблемам советских немцев", создание которого было санкционировано Постановлением Кабинета Министров СССР в августе 1991 года. Между тем наиболее ревностные поборники последнего органа, включая Бауэра, были в своё время хорошо известны, а наши авторы – отдадим им за это должное – не поленились их, так сказать, увековечить.

В январе 1991 года я получил из Москвы оргкомитетовский информационный бюллетень. Статьи Фалька и Вормсбехера, а также другие материалы, помещённые в этом издании, не оставляли сомнений, что заправила оргкомитета ведёт подготовку съезда по сценарию, давно разработанному в ЦК КПСС, ничуть не считаясь с мнениями актива "Возрождения" и большинства потенциальных делегатов.

Явная тупиковость создавшейся ситуации побудила меня написать ответную статью "Как информирует „Информационный бюллетень“?", напечатанную в "Нойес Лебен" в конце февраля. Это была моя первая крупная публикация в важнейшем печатном органе российских немцев.

П. Фальк грубо исказил в своей статье позицию активистов ВОСН, которые были вынуждены покинуть оргкомитет. Нам приписывали ультимативную позицию: либо немедленное восстановление Республики на Волге, либо мы, якобы, намерены призвать к массовому выезду.

Настаивать на подобной нелепице мы и не пытались – Фальку и иже с ним было об этом известно не хуже нас. Наши соплеменники выезжали уже десятками тысяч, не нуждаясь ни в чьих призывах, а о "немедленном" восстановлении Немреспублики нечего было и говорить. Мы предлагали совсем иное: установить определённый срок восстановления республики, исходя из очевидной противоправности её ликвидации и из того, что она тем самым в определённом смысле продолжает существовать де-юре. На случай несоблюдения этого срока мы считали необходимым создать на съезде полномочный орган по организации помощи российским немцам, переселяющимся в ФРГ, чтобы противодействовать их беззастенчивому ограблению советскими властями и мафиозными структурами.

Именно такой подход был одобрен в начале декабря согласительной комиссией, а затем на заседании оргкомитета. Но Вормсбехеру и его окружению нужно было, во что бы то ни стало, не допустить, чтобы основная масса делегатов узнала об этом принципиальнейшем решении. В противном случае оргкомитету было абсолютно не на что рассчитывать. Поэтому я подробно осветил данный вопрос в своей статье, и эта информация, думаю, сыграла свою роль в дальнейшем развитии событий.

В опубликованных оргкомитетом проектах съездовских документах от достигнутой договорённости не осталось и следа. Их авторы всё ещё надеялись (или делали вид, что надеются) уломать делегатов не мытьём так катаньем. Я недвусмысленно предупредил в статье, что этот номер не пройдёт. Будущее показало, кто из нас был прав.

А тем временем состоялись выборы делегатов на съезд. Мы в Кемерово организовали с этой целью в середине января 1991 года специальную конференцию избранных представителей немецкого населения города, а также близлежащих сельских районов.

В нашей области, в отличие от ряда других регионов, властные структуры не пытались вести избирательную кампанию в обход немецких активистов и общества

"Возрождение". Думаю, это объясняется как достаточно высоким авторитетом местных структур ВОСН, так и большей гибкостью кузбасских властей, приученных на собственном горьком опыте не конфликтовать с общественностью без особых на то оснований.

Согласно квоте, которая была установлена центральным оргкомитетом (1 делегат от 2-х тысяч немцев, учтённых при переписи 1989 года), мы могли избрать на нашей конференции четверых делегатов. В результате тайного голосования (с участием, если не ошибаюсь, десятка претендентов) на съезд были избраны: преподавательница немецкого языка одного из кемеровских вузов Ирина Киба, пенсионер, специалист сельского хозяйства из Топкинского района Гарри Фишер, в будущем – член МГСН и штатный работник нашей московской штаб-квартиры, а также мы с Александром Майснером.

Примечательно, что все без исключения делегаты являлись активистами ВОСН. Претендентам, отвергавшим позицию "Возрождения", приходилось на выборах туго – и вовсе не потому, что участники выборных конференций и собраний искусственно подбирались организациями ВОСН, как голословно утверждали наши оппоненты. Никакого альтернативного политического течения в гуще российских немцев попросту не существовало. А отличать идейные позиции от конъюнктуры они уже научились. По этой причине провалился при голосовании и мой бывший соперник на выборах в народные депутаты РСФСР, который через год вновь вспомнил о существовании своих соплеменников.

Вскоре после кемеровской конференции я съездил в Новосибирск, на совещание представителей областных и региональных организаций "Возрождения". Мы обсудили тактику нашего Общества на завершающем этапе подготовки съезда. Во встрече участвовало более 70 активистов, представлявших большинство подразделений ВОСН областного уровня. Приехали и посланцы оргкомитета – Ю. Гаар, С. Гильц, В. Бауэр и А. Крайцер.

Присутствующие дружно поддержали предсъездовскую платформу Правления ВОСН и решительно отвергли проекты документов, предложенные оргкомитетом. Выступления представителей последнего лишь резче оттенили несостоятельность концепции, вынашиваемой в этом органе. Наши оппоненты остались при голосовании в полном одиночестве.

В. Бауэр и Т. Иларионова справедливо отметили, что в Новосибирске Г. Гроут порекомендовал нашим активистам отказаться от прямых нападок на партийно-государственные органы. Но вот мотивы этого шага были истолкованы ими совершенно превратно. По мнению авторов, Гроут опасался, что радикальные выступления ВОСН могли быть использованы в качестве предлога для приостановки деятельности нашего незарегистрированного Общества.

Думаю, каждому, кто хорошо помнит тот период, нетрудно прийти к выводу о беспочвенности подобных опасений. Власти, всё ту же "закручивая гайки", ещё далеко не дозрели до готовности к разгону массовых независимых общественных объединений без крайней необходимости. Мы допускали, что рано или поздно такая готовность может появиться, но тогда бы нам, конечно, не помогли ни регистрация, ни даже показная лояльность. А в феврале 1991 года мы с полным основанием опасались совсем иного фортеля властей – отмены предстоящего общенационального форума.

Совещание поручило руководству "Возрождения" представить на рассмотрение съезда альтернативный пакет документов и сочло необходимым выступление на съезде Г. Гроута с содокладом. Организациям ВОСН было предложено способствовать безусловному прибытию на съезд всех делегатов за день до его открытия "для согласования позиций". Тем самым мы стремились противодействовать новым

аппаратным играм со сроками и повесткой дня съезда, которые представлялись нам более чем вероятными.

Благодаря И. Шлейхеру, присутствовавшему на совещании и содействовавшему в подготовке его документов, алтайская "Цайтунг фюр Дих" опубликовала обширные фрагменты из выступлений участников. Эти тексты достаточно близки к тому, о чём мы тогда вели речь, но они не могут в полной мере передать ту решительную и бескомпромиссную атмосферу, которая царила в зале.

В своём выступлении я, в отличие от некоторых других ораторов, говорил о конструктивном подходе наших местных властей к проведению выборов на съезд. Среди причин мной было названо прозаичное стремление наладить с помощью ВОСН связи с Германией, прежде всего экономические.

Сказал я и о том, что в Сибири мне не доводилось встречать ни единого немца, который был бы убеждённым приверженцем "ассоциации". Я вновь подчеркнул, что "Национальный совет" в варианте Г. Вормсбехера и его сторонников – не что иное, как её близнец. После неоднократных настойчивых вопросов о разнице между ними мне удалось выжать из Г. Мартенса лишь заведомую нелепость: дескать, "Национальный совет", в отличие от своего прежнего аналога, мыслится как государственный орган, а не общественное объединение. И это притом, что энтузиасты "ассоциации" никогда не пытались скрывать своих "государственных" поползновений!

Я, как и многие участники совещания, призвал выйти на съезд с радикальными предложениями. Решения такого национального форума, по моему тогдашнему убеждению, не смог бы игнорировать никто, включая и Правительство СССР. Это казалось мне невозможным хотя бы в силу позитивного отношения к решению нашей проблемы со стороны мировой общественности.

Потенциальное значение данного фактора я, увы, переоценил. На территории СССР, а также ряда других стран уже вызревали очаги новых грозных конфликтов, отодвинувших национальную трагедию российских немцев ещё дальше на периферию мировых событий. Но игнорировать решения нашего съезда действительно не удалось. Верхи отнюдь не ринулись их выполнять, однако не смогли выдвинуть и какой-либо встречной альтернативы, сравнимой хотя бы с жалким прожектом "ассоциации".

Что касается властей, то я продолжал возлагать определённые надежды лишь на парламент России. В той или иной мере к подобной оценке склонялись и другие участники совещания. Наше доверие к союзному руководству было окончательно подорвано после кровавой драмы в Прибалтике, по поводу которой совещание сочло необходимым принять специальное заявление.

Не опубликовав его в "Истории российских немцев в документах", В. Ауман и В. Чеботарёва в то же время нашли место в её 2-м томе сразу для двух(!) резолюций, якобы принятых в Новосибирске по одному и тому же вопросу – о подготовке к съезду. Такого нонсенса мы, конечно, допустить не могли, но составителей он, как ни парадоксально, ничуть не смутил.

Для ясности констатирую: **первый из этих документов совещание не принимало.** Не зная его происхождения, могу лишь предположить, что это, возможно, черновой набросок резолюции или тезисы тогдашнего выступления Гроута.

На том же месте споткнулись, разумеется, и В. Бауэр с Т. Иларионовой, процитировав длинный пассаж из мифической резолюции. Это особенно странно, поскольку В. Бауэр, в отличие от прочих перечисленных авторов, самолично присутствовал на новосибирском совещании.

Нельзя не отметить и ещё одну "экстравагантность": В. Ауман и В. Чеботарёва опубликовали эти и многие другие (к счастью, подлинные) документы "Возрождения" по текстам из ... текущего архива оргкомитета I съезда.

Мне приходилось слышать, что В. Ауман оправдывал это обстоятельство безуспешными обращениями к Г. Гроуту о предоставлении необходимых материалов. Между тем с момента фактического отхода Гроута от дел в нашей штаб-квартире и до выхода в свет 2-го тома прошло – ни много, ни мало – два года. Но за всё это время господин Ауман почему-то не удосужился обратиться по данному поводу ни к Я. Мауреру, ни ко мне. А ведь мы, между прочим, в течение полугода работали с В. Ауманом в Люберцах в одном здании. Непостижимые манеры у наших историков, что и говорить!

Не менее насыщенным, чем "видимая" часть совещания, было и наше общение в кулуарах. Я обсудил с Г. Гроутом возможную стратегию и тактику действий активистов ВОСН на съезде.

В открытом письме о выходе из оргкомитета мы предложили включить в повестку дня как политический содоклад Гроута, так и мой доклад на тему "Проект комплексной программы социально-экономического развития НАССР в Поволжье". Окажись я в Москве, когда готовился текст письма, мы, очевидно, сформулировали бы название моего предполагаемого выступления несколько иначе. Но сама его идея, исходившая от Гроута, была согласована нами ещё в начале декабря.

После сообщения Ю. Гаара по аналогичному вопросу на заседании оргкомитета нам стало ясно, что у его руководителей нет достаточно полного и чёткого представления и на этот счёт. Среди актива центральных структур "Возрождения" я оказался одним из немногих профессиональных экономистов, и, быть может, именно поэтому Гроут предложил мне выступить по столь специфичной и серьёзной проблеме. Поскольку она давно меня интересовала, и мне хотелось поделиться соображениями по её поводу с участниками нашего общенационального форума, я не стал возражать.

Помнится, на оргкомитете говорилось, что над докладом на данную тему работает и В. Ворм. Не знаю, почему этот опытный руководитель так нигде и не обнародовал свои заготовки.

Я договорился с Гроутом, что привезу в Москву печатный материал по тематике своего выступления, который мы решили размножить и раздать делегатам съезда. Вернувшись из Новосибирска, я тотчас принялся за работу. Дело осложнялось из-за нехватки необходимых данных, а ещё больше – в связи с жестоким цейтнотом. Зная о моём предстоящем отъезде, меня нагрузили в институте до предела. Заниматься концепцией удавалось в основном по ночам.

Прежде чем её писать, я, разумеется, внимательно проштудировал все имевшиеся у меня источники – публикации в "Нойес Лебен" и других немецких газетах, материалы, привезённые из штаб-квартиры "Возрождения", а также с заседаний оргкомитета.

Наиболее полные соображения о различных аспектах восстановления и развития Республики на Волге были изложены в конце 1989 года, а затем представлены на II конференции ВОСН В. Вейнгардтом и В. Виттом. Год спустя на эту тему не раз высказывался Ю. Гаар.

В выступлениях последнего значительное место занимали политико-правовые вопросы, связанные, в частности, с предполагаемой деятельностью вышеупомянутого Госкомитета РСФСР по восстановлению нашей республики. В отношении проблем её социально-экономического и культурного развития Ю. Гаар в основном воспроизводил положения своего доклада на III конференции ВОСН, которые я нашёл

небезынтересными, но слишком абстрактными из-за отсутствия привязки к конкретной территории. Предложения В. Вейнгардта и В. Витта выгодно отличались в этом смысле, а в некоторых областях, где авторы являлись специалистами (экономическая география, образование), были проработаны вполне основательно.

Боюсь быть пристрастным, но мне показалось, что во всех изученных мной материалах самым слабым местом является чисто экономическая проблематика. Я не имею в виду расчёты по ресурсам, необходимым для восстановления республики. Об этом-то как раз говорилось у Ю. Гаара. Однако, на мой взгляд экономиста, подобным оценкам должно предшествовать обоснование основных параметров экономического развития данного образования и, что не менее важно, характера хозяйственного механизма на его территории.

Последнему аспекту я и уделил основное внимание при подготовке своего выступления. Работа в этом направлении облегчалась тем, что мне уже приходилось профессионально заниматься проблемами региональной экономики. А всего за несколько месяцев до описываемого момента я участвовал в разработке концепции зоны свободного предпринимательства в Кемеровской области. Идеи, к которым пришли в процессе этой работы я и мои коллеги, пригодились мне при написании моей концепции.

Готовя свой материал, я меньше всего претендовал на научную новизну. Основная его часть является не чем иным, как добросовестной компиляцией использованных мной источников, – разумеется, с изложением своей позиции по высказанным в них, зачастую очень далёким друг от друга мнениям. При этом я не стеснялся приводить ссылки на авторов, за что В. Ворм даже покритиковал меня на последнем перед съездом заседании Совета ВОСН. Но мне представляется, что в данном отношении никогда не мешает переборщить. А почти треть моей работы составлял сравнительно оригинальный раздел "Зона свободного предпринимательства в Немецкой республике на Волге".

Я исходил здесь из того, что экономические перспективы восстановления и развития нашей государственности будут в решающей мере определяться степенью и формами использования рыночных отношений. С другой стороны, о переходе к рыночной экономике в целом по СССР и даже РСФСР в то время ещё не приходилось говорить всерьёз.

Мне думалось, что этот процесс должен протекать постепенно, в первую очередь – в наиболее подготовленных регионах, к которым, на мой взгляд, могла быть отнесена и территория нашей восстановленной республики. Здесь, как мне казалось, больше возможностей создать для этого благоприятные условия, в том числе и с точки зрения привлечения иностранного капитала. Я и сейчас придерживаюсь подобного мнения, хотя сознаю, что оно не является бесспорным.

В ситуации, когда принципиально новые экономические системы создаются поначалу в отдельных регионах, необходимо найти эффективные способы противодействия вероятному в таком случае сепаратизму – иначе неизбежна угроза распада единого государства. Разумеется, моя концепция основывалась на том, что Немецкая республика на Волге должна быть неотъемлемой частью России.

Сегодня нелегко сказать, был ли я тогда прав в своих представлениях об оптимальном характере перехода к рынку. Историю не повернёшь вспять и не направишь по более верному, как может казаться, пути. Правители России сделали заявку на внедрение рыночной экономики не поэтапно, а "шоковым" методом, подобно тому, как вводили картошку при Екатерине. В результате страна оказалась на краю пропасти. Сепаратистские страсти закипели вовсю – правда, совсем не по той причине, о которой я размышлял в 1991 году. Я уже не говорю о том, что власти и не подумали восстановить

нашу республику, хотя она могла бы, без сомнения, принести большую пользу России, и не только экономическую.

Между тем правители страны продолжают свои бездумные и чрезвычайно опасные эксперименты над её народом. Но рано или поздно им придётся начать думать – уже потому, что в противном случае Российскому государству угрожает та самая участь, на пороге которой стоит сегодня его немецкий этнос: окончательное исчезновение с лица земли.

Как знать, быть может, власть имущие ещё придут к той несложной мысли, что для продуктивного развития рыночных отношений и привлечения крайне необходимых иностранных инвестиций нужна очень точно рассчитанная государственная программа, которую нельзя реализовать сразу и строго единообразно. И в качестве её опорных пунктов они, возможно, подумают если не о нашей Республике на Волге, то хотя бы о немногих ещё сохранившихся местах компактного проживания российских немцев.

По трудно искореняемой привычке продолжая верить в человеческий разум, который подчас озаряет даже правителей, я и сегодня не до конца лишён надежд на сей счёт. Именно поэтому я на нашем III съезде в 1993 году вновь обратился к идее особых экономических зон на территориях обитания российско-немецкого этноса, которую высказывал ещё на первом общенациональном форуме.

Подобные зоны существуют сегодня во многих странах. Особенно известен в этой связи многолетний опыт Китая. Российские власти, рьяно принявшись тиражировать эти чужеземные образцы на территории целых краёв и областей, похоже, и на сей раз не задумались о возможных последствиях.

Создаётся впечатление, что верхам, как ни странно, казалось достаточным уменьшить таможенные пошлины и ввести, на худой конец, кое-какие налоговые льготы, чтобы в новоиспечённые свободные зоны потекли иностранные инвестиции. Между тем тех немногих западных бизнесменов, которые были потенциально готовы вложить крупные средства на территории России, сдерживала вся наша неприемлемая, с их точки зрения, экономическая и правовая система, а не какие-то отдельные её элементы.

Учитывая это обстоятельство, я, в отличие от Ю. Гаара и многих других носителей подобных идей, ставил вопрос не просто о свободной экономической зоне, а о зоне свободного предпринимательства. В последней следовало бы, на мой взгляд, ввести именно ту экономико-правовую инфраструктуру, которая существует сегодня в странах Запада. (При этом, разумеется, необходимо позаботиться и о защите интересов собственного государства.) Нелепо рассчитывать, что крупный иностранный капитал согласится играть по правилам, установленным доморощенными экспериментаторами в их "свободных" зонах.

В период обвального перехода к "рынку" проблемы особых экономических зон были отодвинуты на задний план. Тем не менее, я убеждён, что к ним ещё придётся вернуться, – не на прежнем шапкозакидательском уровне, а всерьёз, с учётом предложений, аналогичных тем, которые прозвучали на нашем I съезде.

В подготовке, а также печатании моего обширного материала мне вновь помог наш кемеровский активист Александр Кёниг. В окончательном виде текст, занявший 28 машинописных страниц, назывался "О концепции комплексного социально-экономического развития Немецкой республики на Волге. Тезисы". Я дерзнул посвятить эту работу памяти своего дяди Густава Глейма. Если бы его во цвете лет не сгубила проклятая трудармия, он, не сомневаюсь, мог стать моим соавтором.

Я не случайно вёл речь о концепции, а не о программе. Последняя, по моему мнению, могла быть разработана только совместно со специалистами и населением

Поволжья, с местными и центральными органами власти. На нашем съезде было ещё не время предлагать и законченную концепцию развития будущей республики: сначала требовалось принять политическое решение об её восстановлении. Но съезд мог и обязан был представить от имени российских немцев наши соображения по возможному содержанию подобной концепции. Именно такую задачу я и пытался реализовать в меру своих сил. Насколько это удалось, судить, разумеется, не мне.

Тезисы были обсуждены на заседании Совета ВОСН накануне съезда и не вызвали особых возражений. Тем не менее, оргкомитет и не подумал посодействовать нам в их тиражировании. Мы размножили текст, опираясь на скромные возможности штаб-квартиры ВОСН, и распространили на съезде несколько десятков его экземпляров по делегациям.

Весной и летом 1991 года, благодаря усилиям сотрудника "Нойес Лебен" Леонида Скобельского, тезисы в слегка сокращённом виде появились в нескольких её номерах. Однако вскоре этот убеждённый сторонник "Возрождения" впал в немилость руководства газеты, и публикацию не довели до конца.

Я получил немало откликов на свой материал, хотя и меньше, чем надеялся. Видимо, рассчитывать на горячее обсуждение перспектив развития Республики на Волге в то время, когда не было видно никаких реальных признаков её возможного восстановления, попросту не приходилось. Серьёзной критики я практически не встретил.

Особенно примечательной показалась мне реакция "антиавтономистов" Поволжья. Эти господа (как, впрочем, и некоторые наши сторонники) не раз говорили, что, дескать, ничего не имеют против возвращения немцев, но хотели бы, чтобы эта задача решалась экономическим, а не политическим путём. И вот мы представили предложения, носившие в первую очередь именно экономический характер. А наши ярые противники, расписавшись в собственном лицемерии, о них полностью умолчали.

Подготовкой к съезду занимались, конечно, не только активисты "Возрождения" и члены оргкомитета. Были озадачены и куда более солидные товарищи. 15 февраля хорошо известные нам Р. Нишанов, А. Гиренко и В. Гусев поделились своими руководящими заботами в записке, адресованной самому М. Горбачёву.

Они горестно констатировали, что в ходе подготовки съезда "активизировались силы, занимающие крайние, максималистские позиции". Далее пояснялось, что имеются в виду, конечно же, не поволжские "антиавтономисты", деликатно названные "многонациональным населением", а радикалы из "Возрождения".

Стремясь соответственно настроить Президента СССР, авторы, излагая наши позиции и намерения, нагородили такую грудку откровенного вранья, которая едва ли может считаться приличной даже для документов КПСС. Активисты ВОСН, оказывается, призывали немцев к открытой конфронтации с руководством страны и госкомиссией, а заодно со всеми, "кто понимает невозможность немедленного восстановления автономии на Волге и выступает за трезвый, взвешенный подход и постепенное решение этой проблемы". А в случае непринятия на съезде предложения о провозглашении автономии и создании её правительства мы, якобы, собирались покинуть съезд и даже призвать всех немцев выехать из СССР.

Неважно, что ни в одном из наших предсъездовских документов не говорилось о подобных планах. Фактическая сторона дела занимала перечисленных деятелей, как и их информаторов из оргкомитета, меньше всего.

Если что и могло показаться остроумным в данной записке, так это изящный логический парадокс: *"Экстремистские призывы находят широкую поддержку среди немецкого населения"*. Представляет интерес, конечно, и вывод: *"В этих условиях вполне"*

реальна ситуация, когда съезд пойдёт на поводу сил, выдвигающих ультимативные требования".

Что касается предложений, то они достаточно банальны: организовать приём Горбачёвым делегации наших "конструктивно" настроенных соплеменников, отменить давние дискриминационные акты по российским немцам, а также (см. упомянутую записку В. Михайлова) провести с привлечением партийных инстанций "комплекс пропагандистских мероприятий".

Теперь, после обнаружения "записки трёх", по крайней мере, ясно, почему лидеры оргкомитета так настойчиво выпячивали в качестве причины переноса съезда тот далеко не первостепенный факт, что Президент, увы, не удосужился их принять. Тем более понятно, что после посылки наверх столь панического письма будущий "перенос" был, в сущности, предрешён. И уж совсем очевидно, что предлагаемое контрнаступление явно не могло изменить всерьёз ситуацию в желанном для авторов направлении.

Но чтобы этот вывод дошёл, наконец, и до них, понадобилась многомесячная пропагандистская трескотня вокруг "задвинутого" съезда, отмена ряда репрессивных актов 7 марта и 6 июня, долгожданная аудиенция у Горбачёва 7 мая и в итоге – полный провал на 2-м этапе съезда в октябре.

В. Бауэр и Т. Иларионова резонно писали о коллективном творении трёх руководящих деятелей: *"Эта записка, больше походившая на донос, могла бы при других обстоятельствах стать основанием для расправы над частью лидеров национального движения"*.

Самое любопытное, однако, в том, что наши авторы опубликовали и послание, направленное в вышестоящие инстанции Г. Вормсбехером, Ю. Гааром, В. Бауэром, И. Виндгольцем, С. Гильц и А. Крайцером примерно в то же время. В этом "документе" читатель найдёт и кляузу на "освобождённых работников" Правления "Возрождения", якобы, распространяющих в народе "популистские идеи", а заодно держащих в своих руках "Нойес Лебен", и провокационный пассаж о том, что "деструктивная, конфронтационная деятельность" части ВОСН "серьёзно осложняет подготовку к Съезду". *"В отличие от наших политических оппонентов, – вещали беззаветные борцы за руководящие кресла в любой разновидности долгожданной „ассоциации“, – для нас главное – не личные амбиции и групповые интересы, а будущее нашего народа"*. Каким же, спрашивается, термином следовало бы охарактеризовать подобный опус?

1 марта я прочитал последние лекции в институте. Тогда мне не приходило в голову, что я расстанусь с привычной преподавательской работой надолго, быть может – навсегда. А вечером того же дня мы с А. Майснером вылетели в Москву, на заседание Совета ВОСН. Мой товарищ ещё успел побывать перед съездом дома, а я, как и планировал, остался в столице.

В ситуации неопределённости, царившей накануне съезда, мы оба пребывали в смутных чувствах. Но представить, какие события нас в действительности ожидают, конечно же, не могли. А они оказались едва ли не самыми драматичными и памятными в жизни, во всяком случае, – для меня.

Последнее перед съездом заседание Совета Общества "Возрождение" проходило 2-3 марта в том самом зале Политехнического музея, где мы совещались в прошлый раз, и где в своё время состоялась учредительная конференция ВОСН. Однако атмосфера предсъездовского мероприятия мало напоминала наши предыдущие встречи, на которых мне довелось присутствовать. Внутреннее напряжение, конечно, ощущалось и на сей раз, но оно так и не приобрело заметного внешнего проявления. Вопреки моим прогнозам, заседание прошло довольно вяло.

Противоборствующие стороны вновь изложили свои хорошо известные и ничуть не сблизившиеся позиции, хотя полемика прозвучала необычно глухо. От имени оргкомитета В. Бауэр заверил нас, что в организационном отношении к съезду всё готово – арендован Колонный зал Дома Союзов, где проходили многие крупнейшие форумы, на всех делегатов забронированы места в гостинице "Россия", считавшейся в своё время самой престижной в стране. Не удивительно, если его сообщение оказало на некоторых присутствующих убаюкивающее воздействие. Во многих выступлениях в той или иной форме сквозила мысль: ни к чему, мол, продолжать бесплодные и запоздалые споры – пусть нас рассудит сам съезд. При подготовке резолюции вдруг проявил готовность к компромиссу даже Г. Вормсбехер. В результате документ получился на диво согласованным, но острые места в нём фактически обходились.

Настроение сторонников платформы Правления ВОСН было легко объяснить – мы не сомневались, что большинство делегатов съезда поддержит нашу позицию. А вот демонстративное спокойствие оппонентов, не имевших и тени подобных надежд, казалось непостижимым. Несложная разгадка, в которую тогда ещё мало кто мог поверить, выяснилась несколько дней спустя.

Утром 4 марта я переехал из гостиницы в штаб-квартиру "Возрождения" на Шелепихинской набережной, где и провёл безвылазно несколько следующих дней. Здесь в спальне – единственном сколько-нибудь укромном месте этой чрезвычайно людной, шумной и тесной обители – шли почти круглосуточные бдения над съездовскими документами и материалами.

В. Бауэр и Т. Иларионова почему-то убеждены, что наши проекты "давно были подготовлены, лежали в папке и ждали своего часа". В действительности всё обстояло "с точностью до наоборот" – к этому моменту у нас имелось лишь несколько набросков, над которыми только предстояла интенсивная работа, а подготовка подавляющего большинства документов ещё и вовсе не начиналась.

На одной из кроватей Генрих Гроут шлифовал текст своего съездовского доклада, хотя никто не мог бы поручиться, что ему действительно дадут выступить. Председателю помогал сотрудник Правления ВОСН Герхард Вольтер – литератор, а в прошлом, как и я, преподаватель вуза. Мы не были лично знакомы, но я читал его публикации в "Нойес Лебен", а также в журнале "Литературный Киргизстан", на который однажды подписался. Параллельно с докладом Г. Вольтер занимался и рядом съездовских документов.

Я быстро нашёл общий язык с этим душевным человеком, неутомимым, безотказным и очень полезным работником. Мы оставались ближайшими коллегами вплоть до его отъезда в Германию в конце 1995 года и продолжали поддерживать регулярные контакты после этого. А в марте 91-го его "рабочим столом" был нижний ярус двухэтажной кровати. Он любезно предложил мне место рядом, на шатком стуле, придвинутом спинкой к окну во избежание полного распада.

Я стал работать над положением о национальном представительном органе, который, как отмечалось, мы предлагали сформировать на съезде. В. Бауэр с Т. Иларионовой считают, что соответствующий проект был опубликован в "Нойес Лебен" уже в начале 1991 года. Увы, тогда его ещё не было в природе.

Никогда не существовала и общенациональная представительная структура российских немцев. Единственная попытка её создания была предпринята в 1917 году, но задуманный в то время "Всероссийский центральный комитет граждан немецкой национальности и меннонитов", к сожалению, так и не возник.

В окончательном варианте наш орган был назван Временным Советом по восстановлению АССР Немцев Поволжья. Отличие от наименования, предложенного в ноябре Г. Гроутом, состояло в добавлении слов "по восстановлению". На этом настоял я,

поскольку содержащийся в прежнем названии намёк на создание новой властной структуры казался мне совершенно неуместным.

Во избежание кривотолков я подчеркнул в Положении, что Временный Совет не подменяет переходные органы государственной власти и управления восстанавливаемой республики, а содействует в выполнении их функций. Первоначальный замысел не сулил нам, на мой взгляд, никаких практических преимуществ и в то же время порождал ряд трудных правовых вопросов, на которые никто из наших активистов не мог убедительно ответить.

Проводившиеся сторонниками первого варианта аналогии с "органами власти" Палестинского государства, также функционировавшими тогда за пределами соответствующей территории, представляются мне, по меньшей мере, двусмысленными. Эти структуры могли осуществлять определённую квазигосударственную деятельность лишь потому, что значительная часть палестинцев обособленно проживала в полувоенных лагерях. Надеюсь, никто из нас не пожелает подобной "перспективы" своему народу.

В тексте подробно расписывалась идея установления 6-месячного (при определённых условиях – 9-месячного) моратория на деятельность Временного Совета, чтобы дать властям срок для принятия государственных актов о восстановлении АССР НП, а также добиться формирования необходимого общественно-политического климата в Поволжье.

Процедура моратория казалась мне сомнительной с самого начала. Я, однако, внёс её в Положение, когда Г. Гроут согласился отказаться от наиболее неприемлемых, на мой взгляд, затей, которыми она была обставлена, – объявления Временного Совета потенциальным органом законодательной власти АССР НП и формирования правительства республики в изгнании в случае неблагоприятного исхода моратория.

Помнится, на одном из наших заседаний уже после съезда у меня неожиданно возникла запоздалая и довольно острая полемика по первому из этих вопросов с В. Виттом. Тогда мне показалось, что именно он был автором отвергнутой идеи, хотя я не могу за это поручиться.

Меня упрекали на съезде, а также позднее, что вопрос о моратории, наших действиях во время и после него занял в тексте Положения непомерно много места. Возможно, эти детали действительно следовало отразить в отдельном съездовском документе, но в запарке тех дней у нас не хватило на это ни времени, ни сил.

Что касается нашей реакции на возможное бездействие властей за время моратория, то в Положении был загодя сформулирован перечень требований, которые мы намеревались предъявить в этом случае руководству СССР и РСФСР. Сюда относились: полная компенсация материального ущерба, причинённого в СССР российским немцам в результате противоправных государственных акций; отмена всех ограничений на выезд наших соплеменников за границу; право на неограниченный вывоз выезжающими личного имущества и сбережений; полная оплата государством расходов на вынужденный выезд.

Иначе говоря, мы недвусмысленно заявляли властям: не хотите или не можете решать проблему российских немцев в своей стране – будьте любезны отпустить наших людей с миром, не забыв расплатиться с ними, как подобает в цивилизованном обществе.

Данные требования перекликались с положениями резолюции II конференции ВОСН и тогдашнего доклада Г. Гроута, но в приведённом виде они были сформулированы в наших официальных документах впервые. Можно как угодно относиться к этому жёсткому демаршу, но ещё никто не смог доказать, что он противоречил Конституции и законам СССР, а тем более нормам международного права.

В сфере реализации наших требований удалось добиться, увы, немногого: основные ограничения на выезд были, наконец, отменены, а возмещение причинённого в ходе репрессий ущерба предусмотрено рядом российских реабилитационных законов и соответствующими постановлениями Правительства России, хотя толком так и не осуществилось.

Между тем имущественное положение выезжающих становилось всё более бедственным. Гангстерская экономическая политика, столь охотно практикуемая в СНГ, лишила его население почти всех накопленных сбережений. Во многих регионах, при попустительстве и даже соучастии властей, переселенцев принуждали продавать за бесценок добро, нажитое десятилетиями упорного труда. А с 1 апреля 1993 года вывоз имущества фактически не оплачивала даже ФРГ, не говоря уже о странах бывшего СССР.

Последние демонстративно игнорируют свои обязанности по отношению к обездоленным властями российским немцам. И те снисходительные дядюшки на Западе, которые усматривают корни этого вопиющего явления лишь в бедности новоиспечённых государств СНГ, явно путают причину со следствием. Ещё ни одна страна не сумела разбогатеть, пустив по миру собственный народ.

Хотя целевое назначение Временного Совета однозначно вытекало уже из его названия, я, стремясь найти точки соприкосновения с оппонентами, включил в перечень задач этого органа и ряд функций, аналогичных тем, которые должна была выполнять "ассоциация". Отчасти поэтому в Положении появился пункт о том, что Совет содействует подразделениям ВОСН в развитии национальной культуры, языка и образования за пределами АССР НП. В духе решений II конференции "Возрождения" Совету вполне обоснованно поручалось заняться и другой актуальнейшей задачей – оказывать помощь выезжающим.

А на съезде Совету было предложено содействовать также восстановлению и изменению записей о национальности в паспортах и других документах российских немцев. Тогда мы ещё не знали, что эта многотрудная процедура может принести желающим разве что моральное удовлетворение, не облегчая им, как правило, решение проблемы выезда. К сожалению, новые записи о национальности не признаются германскими властями, а лица, сменившие по каким-либо причинам паспорта незадолго до подачи заявления о выезде, автоматически попадают в глазах чиновников Фатерланда в разряд подозрительных конъюнктурщиков.

В. Бауэр и Т. Иларионова напечатали в своей книге многостраничную таблицу, представив параллельно практически все пункты альтернативных съездовских документов – оргкомитетовского Положения о национальном самоуправлении и нашего Положения о Временном Совете. Сия трудоёмкая работа должна была послужить обоснованием узлового тезиса авторов, что "Временный Совет был, по сути, калькой с третируемой Г. Гроутом „ассоциации“". Увы, трудно не признать, что они потерпели при этом полную неудачу.

Как ни странно, наши авторы даже не поставили сам собой напрашивающийся вопрос: если речь шла о "кальке", то почему на обоих этапах I съезда основная масса делегатов без особых возражений приняла участие в избрании Временного Совета, тогда как в пользу создания "ассоциации", по мнению самих же авторов, большинство не могло бы склониться "ни при каких условиях"?

При непредубеждённом подходе вполне очевидно, что дело было вовсе не в усиленной пропаганде и контрпропаганде со стороны лидеров ВОСН, как пытались внушить читателю авторы. Проект оргкомитета не имел шансов на успех, поскольку восстановление государственности российских немцев – важнейший вопрос в глазах огромного большинства делегатов и их избирателей – фигурировало здесь всего лишь как

одна из "основных целей" и "главных задач" предполагаемых органов "Национального самоуправления", а о территориальной привязке государственности – не менее существенная проблема – и вовсе умалчивалось. Напротив, в Положении о Временном Совете восстановление Республики на Волге упоминалось уже в названии создаваемого органа, а в тексте оно было недвусмысленно охарактеризовано как **единственная** главная цель Совета.

Пытаясь подкрепить свою несостоятельную позицию, В. Бауэр и Т. Иларионова сослались на то, что Временный Совет, подобно "ассоциации", повторял-де в основных чертах "структуру государственной организации, призванной, как и правительство, держать под контролем самые разные вопросы". Однако эта аналогия носит чисто внешний характер, как бы нашим оппонентам ни хотелось углядеть за ней нечто большее. Будучи категорическим противником придания Временному Совету статуса государственного органа, я меньше всего пытался копировать госструктуру, а тем более правительство.

Предложенная мной схема Временного Совета определялась совершенно иным обстоятельством – тем многообразием задач, которые должен был решать этот орган. Кстати, их перечень во многом воспроизводил задачи самого "Возрождения". Выходит, и наше основное общественное объединение "повторяло структуру государственной организации"?

Наибольшего внимания авторов удостоилось почему-то именно присутствие в составе Временного Совета комитета по сотрудничеству с ВОСН. Их комментарий на эту тему настолько поражает, что я не могу не привести его целиком: *"Тем самым подчёркивалось, что избираемый Съездом орган не общественная организация, как „Возрождение“, а государственная структура, призванная направлять работу в рамках общей системы управления в СССР"*.

Не знаю, кто и зачем мог бы "подчёркивать" подобный набор нелепостей. Надеюсь, авторы просто забыли, что Временный Совет, в отличие от "ассоциации", не должен был иметь низовых подразделений. Поэтому его связь с массами российских немцев могла в тех условиях осуществляться только одним путём – через местные организации "Возрождения".

При всей "самобытности" интерпретации В. Бауэром и Т. Иларионовой Положения о Временном Совете нельзя не отметить, что их решительное неприятие вызвал лишь тот пункт нашего документа, где речь шла о формировании временного законодательного органа восстанавливаемой АССР НП с участием Совета. По их мнению, это было одно из самых нереальных наших предложений, поскольку "на фоне всеобщего развала в СССР никто не стал бы формировать органы власти региона на подобных принципах".

Боюсь показаться слишком назойливым, но не могу не заметить, что наши авторы в очередной раз прошли мимо сути дела. Как я уже отмечал, этот пункт, перекочевавший в Положение о Временном Совете из "альтернативной схемы", казался наиболее уязвимым и мне. Разумеется, не по причине "всеобщего развала" – такого рода контраргумент с наименьшим основанием применим и к любой другой схеме восстановления республики, а тем более к "ассоциации" с её сквозной структурой на всей территории СССР.

Подлинная проблема виделась мне в том, что мы предложили беспрецедентное для советских условий решение – создание органа государственной власти при непосредственном участии общественно-представительной структуры. Подобный акт не был запрещён ни Конституцией, ни законодательством. Но ведь в то время (как, впрочем, и сейчас) в нашей стране мало кто придерживался известного принципа правового государства – "всё, что не запрещено законом, то разрешено".

Исходя из этого, я бы охотно модифицировал данный пункт, поступи на сей счёт хоть одно конструктивное предложение. Увы, от наших сторонников, не говоря уже об оппонентах, мы их не дождались.

Забегая вперёд, могу сказать, что мои сомнения по этому поводу оказались несколько преувеличенными. Наши собеседники неизменно спотыкались о нестандартный пункт, но после разъяснений воспринимали его уже не столь критично. Именно так обстояло дело, когда мы, к примеру, обсуждали проблему восстановления АССР НП с руководством Волгоградской области в апреле 1991 года.

Сегодня я вполне убеждён, что возрождению государственности российских немцев помешали не "всеобщий развал" и "непроработанность" наших концепций, так смутившие В. Бауэра и Т. Иларионову, а куда более глубокие причины, которые я и пытался обозначить в настоящей книге.

Наряду с Положением о Временном Совете, мне пришлось работать в те дни и над рядом других документов, включая Декларацию съезда. Ко времени моего переезда в штаб-квартиру проект Декларации был уже подготовлен – если не ошибаюсь, самим Гроутом. И вот мы принялись препарировать каждую фразу, пытаюсь учесть все появляющиеся идеи и отточить важнейший съездовский документ до предела совершенства. Кроме меня этим неблагодарным делом занимались Г. Гроут, Г. Вольтер, Генрих Арнгольд, член Совета ВОСН журналист Виктор Гердт и, кажется, кто-то ещё.

Результат оказался, как и следовало ожидать, далёким от желаемого. Стиль этого документа весьма шероховат и явно страдает эклектикой. Я могу признать в нём своё авторство лишь применительно к фразе о том, что в условиях нашей страны народы, не имеющие национально-территориальной государственности, обречены на этническое исчезновение. Об этом важном и убедительно подтверждённом выводе, который так старательно обходят власть имущие и их присяжные идеологи, я постоянно стремился напоминать и в дальнейшем.

Признаться, работа над Декларацией с самого начала не вызвала у меня особого энтузиазма. Дело не только в скептическом отношении к столь утрированно коллективному творчеству. Мне не всё нравилось и в её содержании. Не считая вошедших в неё основных положений "альтернативной схемы", это относится в первую очередь к преамбуле.

Мы уже неоднократно пытались отразить в наших важнейших документах исторический путь российских немцев, и каждый раз исходили из чёрно-белого стереотипа: свет до 1941 года и мрак после него. В этом смысле наш проект мало чем отличался, к примеру, от Декларации, подготовленной оргкомитетом. Я считал такую трактовку примитивной и по существу неверной, но ещё не был готов чётко сформулировать альтернативную версию⁷⁰. К тому же эта сложная задача казалась мне в те напряжённые дни не столь уж и актуальной.

Несмотря ни на что, проект оргкомитета не мог, на мой взгляд, соперничать с нашим угловатым документом. Приглашенное творение группы Вормсбехера получилось на редкость пресным. А соль отсутствовала в нём потому, что авторы всячески избегали определённых высказываний о восстановлении Республики на Волге. Напротив, в нашем проекте был подробно отражён подход "альтернативной схемы" к этому кардинальному вопросу.

⁷⁰ Такая попытка будет предпринята мной полтора года спустя, при работе над проектом Программного заявления Общества "Видергебурт" стран бывшего СССР, принятого на его V конференции.

Стремясь предотвратить конфронтацию с центральными властями и населением Поволжья, мы по предложению Генриха Арнгольда завершили текст Декларации заверением, что в восстановленной республике будут обеспечены равные права всем её жителям, официальными языками станут русский и немецкий, а сама республика явится неотъемлемой частью России.

По правде сказать, я уже тогда относился к подобным предвещаниям без особого почтения. Слишком живо ещё было в памяти, как российским немцам плевали в лицо в ответ на аналогичные предыдущие клятвы. Забегая вперёд, подчеркну, что подобной реакции мы дождались и на этот раз.

Размах нашей работы нарастал по мере приближения съезда с каждым днём. Должен отметить, что, предвидя острую борьбу на съезде, мы как никогда тщательно шлифовали его документы и материалы. Но этим наша деятельность, разумеется, далеко не ограничивалась.

Оставалось совсем немного времени до предсъездовского совещания, идея которого была поддержана в Новосибирске. Поскольку на помощь оргкомитета съезда, совершенно не заинтересованного в таком мероприятии, рассчитывать при его подготовке не приходилось, Правление ВОСН вынуждено было само решать все возникающие в этой связи вопросы – от аренды зала до досрочного бронирования мест в гостиницах. Беспреданно звонили с мест, начали съезжаться и, конечно, навещать нас первые делегаты.

Словом, в крохотной штаб-квартире "Возрождения" невозможно было отвлечься от работы ни на минуту. Ещё не успев привыкнуть к такому образу жизни и деятельности, я почувствовал, что начинаю уставать. И тут подвернулся прекрасный случай развеяться.

Я уговорил своего товарища по оргкомитету Александра Клепфера поехать вечером 6 марта в Лужники, где московский "Спартак" встречался в матче европейских кубков с мадридским "Реалом". Будучи давним и ревностным поклонником "Спартака", я, находясь в Москве, не пропустил к тому времени ни одной игры любимой команды. Несмотря на холод и нулевой счёт, мы получили большое удовольствие от классного зрелища и великолепно отдохнули.

Мог ли я тогда подумать, что, перейдя на работу в столице, больше ни разу не выберусь на футбол? И уж тем более трудно было предположить, что это последний сравнительно спокойный вечер перед сумасшедшей круговертью грядущих дней и недель.

Вернувшись на Шелепиху, я увидел, что мои товарищи, в отличие от меня, пребывают в далеко не благодушном состоянии. В воздухе висела немая и тревожная неопределённость. Если не ошибаюсь, к этому моменту до нас уже донеслись первые слухи о снятии оргкомитетом брони в гостиницах, куда через несколько дней должны были начать заселяться делегаты. Вскоре мы узнали и о том, что команда Вормсбехера отказалась от аренды обещанного Колонного зала. Такие сообщения оставляли мало возможностей для различных интерпретаций.

Нам предстояло решить головоломный вопрос о своих действиях в этой чрезвычайной ситуации. Ведь до съезда оставалось всего два рабочих дня, между которыми вольготно расположились 3(!) выходных. Не сомневаюсь, что наши бывшие коллеги по оргкомитету возлагали немалые надежды на этот удачный сверхцейтнотный расклад. По принципу "утро вечера мудренее" мы сочли за лучшее отправиться спать.

В 9 утра Г. Гроут собрал на совещание всех, кто находился в штаб-квартире. Хотя у него ещё не имелось достоверных данных, он поделился с нами своей убеждённостию, что съезд собираются отменить.

Без долгих прений убедив собравшихся немедленно предпринять ответные действия, Председатель ВОСН предложил в первую очередь связаться с регионами. Поскольку нашего единственного телефона явно недоставало для контактов с десятками подразделений "Возрождения" на местах, пришлось отправлять гонцов на телеграф. А Эвальду Кальману, который являлся единственным москвичом среди присутствующих и нёс в этот момент в штаб-квартире основную тяжесть организационной работы, было поручено тотчас заняться обеспечением зала и гостиниц на весь период съезда. Чуть позже к решению важнейших оргвопросов подключился приехавший в Москву Яков Маурер.

Ещё не зная о невероятной оперативности наших товарищей и об уже проделанной работе в этом направлении, я, признаться, усомнился про себя, что поставленные перед ними задачи вообще разрешимы. Однако именно в те дни мы осознали, что нам ещё многое не было известно о возможностях друг друга. Что касается меня, то это относится в первую очередь к моим представлениям о Генрихе Гроуте.

Хотя мы были знакомы уже около полугода, у меня, по правде говоря, пока не сложилось определённого мнения об его лидерских качествах. Но в той предельно критической ситуации я очень быстро осознал, что без Гроута мы бы наверняка не смогли провести уже, казалось, сорванный съезд.

Наши оппоненты в оргкомитете поняли это гораздо раньше меня. Поэтому они за месяц до съезда наняли специального сотрудника для сбора компромата на Гроута и разработки "схемы сопротивления"(!) штаб-квартире ВОСН при проведении съезда.

Чувство брезгливости удерживает меня от воспроизведения фамилии этого субъекта, которую в своё время обнародовал А. Кичихин в "Нойес Лебен". Отмечу, однако, что 230 рублей (немалая сумма по тем временам) новоявленный теоретик Резистанса получил за свою "работу" понапрасну. В решающий момент у заправил оргкомитета не обнаружилось ничего похожего на разумную тактику действий. О стратегии я уже не говорю.

Не секрет, что поведение людей в стрессовой ситуации может быть совершенно различным. Некоторых именно она побуждает предельно мобилизоваться и проявить все свои потенциальные возможности. Не уверен, что эту черту характера можно отождествить с сильной волей. По моим наблюдениям, такие люди нередко расслабляются и даже раскисают в обычных условиях, теряя при этом немалую долю своей энергии, а иногда и работоспособности. Ярчайшим примером такого рода личности был, как свидетельствуют очевидцы, Лев Троцкий. Подобный же имидж усиленно создавался Борису Ельцину.

Да не осерчают на меня коллеги, но, на мой взгляд, в нашей штаб-квартире имелось немало "троцкистов" (разумеется, не в политическом смысле, а с точки зрения темперамента). Г. Гроут являлся среди них, пожалуй, наиболее типичным.

Казалось бы, эти черты не характерны для немцев, традиционно относимых к размеренным и уравновешенным людям. Но не будем забывать, что мы родились и выросли в стране, где "медленно запрягают, да быстро едут". К тому же сомнительно, чтобы наши предки, решившиеся на авантюрное переселение в Россию, обладали полным набором добродетелей немецкого характера. А их потомки, будь они по складу типичными немцами, думаю, вообще не попытались бы приобщиться к национальной политике в головоломной ситуации конца 80-х – начала 90-х годов.

Как известно, недостатки – суть продолжение определённых достоинств. Следовательно, в каждом человеке присутствует как одно, так и другое, а абсолютизация любой из этих сторон неизбежно искажает реальную картину. Некоторые из тех, кто имел дело с активистами российско-немецкого движения, придерживались, похоже, иного

мнения и предпочитали рисовать нас преимущественно одной краской – нетрудно догадаться, какой. Это касается, на мой взгляд, и кое-кого из государственных деятелей Германии.

Очень хотелось бы посмотреть, как сами данные господа поведут себя в ситуации, аналогичной ловушке марта 1991 года. Впрочем, реакцию представителей посольства ФРГ на эти события нам удалось тогда увидеть во всей её "красе". Но мы не могли, подобно искушённым дипломатам, мило улыбаться, уговаривать друг друга не беспокоиться и делать вид, что ничего особенного не произошло. За нами, в отличие от них, стояли сотни тысяч давно уставших ждать российских немцев, которые бы никогда нам этого не простили.

Не успели мы отправить нашим структурам первую порцию телеграмм, как ситуация окончательно прояснилась. В двенадцатом часу дня к нам позвонил Генрих Мартенс. От него мы и узнали о телеграмме В. Гусева в регионы по поводу "переноса" съезда.

Пришлось срочно посылать на места новые телеграммы, в которых Гроут предлагал руководителям подразделений ВОСН принять, вопреки противоправному демаршу властей, все необходимые меры по отправке делегатов в Москву. Дешпи в корне иного содержания направил в регионы оргкомитет. Эта "телеграфная война" была одним из самых характерных явлений тех незабываемых дней.

Когда стали поступать сведения о препонах, чинимых делегатам местными властями по указке сверху, мы телеграфировали председателям ряда обл- и крайисполкомов просьбу не препятствовать волеизъявлению нашего народа и помочь прибытию делегаций на съезд. Особенно много посланий подобного рода пришлось направить в Казахстан, где обстановка складывалась наиболее неблагоприятно.

Властям этого региона можно позавидовать меньше всего. Осаждаемые телеграммами с диаметрально противоположными призывами, они, видимо, запутались вконец.

Думаю, по общему количеству посланных дешпи мы оставили позади неповоротливый оргкомитет. А ведь вся эта работа была проделана у нас всего двумя людьми – сотрудником Правления ВОСН Георгом Губером и добровольным помощником из Иркутска Эдуардом Бернгардтом. Наши самоотверженные товарищи часами осаждали Центральный телеграф. Это было особенно непросто, если учесть огромные предпраздничные очереди, в которых, конечно, не могли отнестись с энтузиазмом к отправителям десятков телеграмм.

Ещё сложнее было решить проблему с залом, которая, несомненно, являлась на данном этапе основной. При отсутствии мест в гостиницах делегаты могли бы переночевать несколько раз у знакомых или – на самый худой конец – на вокзалах, тогда как без зала провести съезд было невозможно. Между тем в Колонном зале на эти дни уже были назначены концерты. Нам удалось договориться с директором Дворца культуры завода имени Владимира Ильича.

В отличие от большинства названий подобного рода, наименование этого предприятия имело вполне реальный смысл. Здесь, на тогдашнем заводе Михельсона, в 1918 году стреляли в Ленина. Место покушения находилось в нескольких десятках метров от нынешнего здания ДК.

Директор этого в некотором роде исторического сооружения честно проинформировал нас, когда получил указание сверху: зала нам не давать. Этот мужественный человек (к сожалению, я не запомнил его фамилию) посмел ослушаться.

Аренда зала явилась нашим первым серьёзным достижением. После этого мы ещё больше воспрянули духом.

Те из нас, что находились в штаб-квартире, "оседлали" наш единственный многострадальный телефон. Он в эти дни (а отчасти и ночи) не простаивал ни единой минуты. Нам удалось продублировать телеграфную информацию практически на все регионы. Некоторые счастливицы умудрялись дозвониться и до нас.

Мы разъясняли активистам ВОСН, прежде всего, абсолютную незаконность "переноса" нашего форума. Гусев, как и любой руководитель какого угодно ранга, не имел ни малейшего права самовольно отменять постановление Правительства СССР о проведении съезда в середине марта. Его надменно-демагогичная фразеология ("на уровне руководства страны признано целесообразным перенести Съезд немцев СССР") лишней раз подчёркивала, что подобным деятелям глубоко наплевать даже на собственные решения, не говоря уже о чувствах подвластных им людей.

Самозванные ликвидаторы так торопились, что не снабдили свою акцию хотя бы подобием легитимности и сколько-нибудь убедительным обоснованием. Эта несолидная суетность очень скоро обернулась для них боком, в том числе и в отношении позиции местных властей.

Показателен пример Кузбасса. Узнав о вопиющем "казусе" со съездом, я, естественно, сразу же попытался связаться с А. Майснером. Это оказалось нелёгким делом, поскольку он и другие наши кемеровские активисты чествовали в тот день своих женских коллег по случаю их предстоящего праздника. Но когда мы, наконец, созвонились с Александром, он был уже в курсе событий. Раньше меня его разыскала работница облисполкома Л. Белодед, курировавшая национальную проблематику. Она выразила своё недоумение и сочувствие в связи с непостижимым "переносом" съезда в самый последний момент.

Кузбасские власти, получив гусевскую директиву, и не подумали помешать делегатам отправиться в Москву. Более того, сама упомянутая сотрудница, как и намечалось, прибыла вместе с нашей делегацией.

Однако далеко не везде ситуация выглядела столь бесконфликтно. Официальные телеграммы и, тем более, беспардонная дезинформация, многократно переданная по центральному телевидению и радио, а затем растиражированная в газетах, не остались без последствий. Дело осложнялось тем, что во многих местах авиабилеты на всю делегацию находились в руках представителей властей, которые должны были её сопровождать. Сдавая билеты, не по разуму усердные чиновники пытались поставить делегатов перед фактом. А купить в те дни за свой счёт новый билет было очень нелегко. Кое-где додумались до того, что стали объявлять в аэропортах и на вокзалах о переносе съезда, призывая делегатов возвращаться домой.

Всё это выглядело нелепой пародией на события 60-х годов, когда членов немецких делегаций снимали с поездов, а затем всевозможными способами проветривали их политически незрелые мозги. Но четверть века не прошла даром – если не для властей, то, во всяком случае, для российских немцев.

Особую роль в ложном информировании делегатов сыграл официальный оргкомитет. По данным наших активистов, он сообщал на места совершенно немыслимые вещи – начиная с того, что в Москве, якобы, голод, и иногородним будет нечем питаться, и кончая рассказами, будто уже приехавшие делегаты явились по неведению, по ошибке или под влиянием "провокационных призывов" Гроута и его окружения.

Не скрою, что при чтении книги В. Бауэра и Т. Иларионовой мне было особенно любопытно узнать, как по прошествии лет оценивает "перенос" съезда и своё участие в

реализации этого противоправного решения один из наиболее активных наших оппонентов тех времён. Соответствующий сюжет книги оставил у меня двойственное впечатление: немало впервые опубликованной информации, но в то же время – обычная для наших авторов недоговорённость и путаница при изложении фактов. Впрочем, судите сами.

Авторы утверждали: *"Объективно больше всего в проведении Съезда был заинтересован Оргкомитет, который задумал его как средство создания представительного легитимного органа советских немцев. Именно Оргкомитет, заручившись поддержкой партийных и государственных органов, провёл выборы и осуществил его полную подготовку"*.

Конечно же, заправила оргкомитета были заинтересованы в съезде, – но только в том случае, если бы на нём удалось создать вождеденную "ассоциацию", возглавляемую ими самими. Поскольку, однако, такая перспектива являлась заведомо нереальной, то нельзя не усомниться и в энтузиазме этих людей по поводу съезда. Оргкомитет не проводил, да и не мог бы провести выборов в многочисленных местах проживания российских немцев. Этим, как уже отмечалось, были заняты местные оргкомитеты. Роль московского оргкомитета сводилась в данном случае в основном к подготовке Положения о выборах и доведению этого документа до органов власти на местах – функции, без сомнения, важные, но далеко не исчерпывающие. Не менее странно говорить и о "полной" подготовке съезда оргкомитетом, коль скоро последний так и не сумел разработать документы, которые имели бы шансы на принятие их делегатами.

Авторы сами признали, что, по мнению правительства и оргкомитета, съезд был "не ко времени". Тем более удивляет резюме: *"Учитывая это, Оргкомитет готовился ко всяким неожиданностям"*. Какие уж тут "неожиданности", если панические письма наверх, направленные в феврале 1991 года и гусевской компанией, и членами рабочей группы оргкомитета, практически предрешили "перенос" съезда!

Впрочем, В. Бауэр и Т. Иларионова раскрыли некоторые детали этой "подготовки к неожиданностям". По их сообщению, оргкомитет разработал целый "сценарий", который помог бы "избежать опасности превращения форума в затяжной митинг", – регламент, ограничивающий доступ на трибуну членов ВОСН; секционные заседания, "способные „поглотить“ пыл противников" и обеспечить принятие "нужных резолюций". Иными словами, планировалось беззастенчивое манипулирование делегатами для навязывания им своих прожектов любой ценой.

Я не собираюсь высказываться о нравственной стороне дела, поскольку давно убедился, что наши оппоненты попросту не понимают язык подобного рода. Хотел бы отметить совсем другое – глубокую анахроничность их утрированного внимания к "оргвопросам" и безоглядной веры в эффективность аппаратных методов. Видимо, кое-кто из этих деятелей запамятовал, что на дворе уже конец XX века, а посему даже самым махровым ретроградам приходится искать новые методы "работы с людьми".

По-своему примечательно обращение авторов к истории со статьёй А. Кичихина "Оргкомитет призывает: Долой Конституцию, да здравствует национализм?", напечатанной в "Нойес Лебен" 6 марта, то есть буквально накануне съезда. Эта публикация вызвала, насколько мне помнится, весьма неоднозначную реакцию среди российских немцев. Скажем, я, убеждённый противник оргкомитетовской идеи "национальной экономики", не говоря уже о прожекте "ассоциации", нашёл неприемлемыми и некоторые пассажи А. Кичихина, обвинившего наших оппонентов ... в национализме(?!). Тем не менее, их ответная реакция, описанная В. Бауэром и Т. Иларионовой, показалась мне, мягко говоря, неадекватной.

В оргкомитете расценили статью как "официальное предупреждение органов государственной власти через хорошо известный по прошлому орган „защиты конституционного строя“". В этой фразе неясно даже то, кто же кого, по мнению оргкомитетчиков, "предупреждал", – то ли КГБ органы власти, то ли те и другие сообща – наших "незаконнопопослушных" оппонентов. Мне представляются абсурдными оба варианта.

Я не понаслышке знаком с тем, как КГБ выносил в те годы предупреждения "противникам конституционного строя", и могу заверить своих мнительных бывших коллег, что у "органов" имелись для этого куда более эффективные средства, нежели запоздалые статьи в открытой печати. (Как уже отмечалось, шеф КГБ – видимо, не без участия А. Кичихина – сообщил в ЦК о своём неприятии идеи "ассоциации" в "гусевском" варианте задолго до описываемых событий.)

В отличие от наших авторов, я считаю тогдашнее заявление оргкомитета о снятии им с себя ответственности "за возможный исход Съезда" и сложении своих полномочий всего лишь минутной истерикой обескураженных людей. Очень скоро они пришли в себя и как в рот воды набрали по поводу своей "добровольно-принудительной" отставки. Так стоило ли В. Бауэру и Т. Иларионовой так уж раздувать этот, в общем-то, малозначительный эпизод?

Куда уместнее было бы, на мой взгляд, рассказать, наконец, в деталях, чем было вызвано фактическое согласие оргкомитета с официальным обоснованием "переноса" нашего съезда. Отмечу, что В. Гусев изобрёл в этой связи два "аргумента" – "незавершённость" рассмотрения реабилитационных актов в парламенте страны и проведение 17 марта всесоюзного референдума.

Оставим в стороне заведомо нелепую ссылку на референдум, о котором было известно задолго до гусевской телеграммы. Интересней другое – неужели В. Бауэр и годы спустя считал, что непринятие властями документов, предложенных оргкомитетом, было достаточным основанием для грубого и незаконного "переноса" съезда накануне его проведения? А если да, то почему он и его коллеги, по словам авторов, "буквально взорвались", когда госчиновники предложили "перенести" с той же самой мотивировкой и наш октябрьский форум 1991 года?

Как только выяснилось, что вормсбехеровский оргкомитет не намерен противодействовать отмене съезда и, более того, активно помогает "ликвидаторам", Генрих Гроут предложил сформировать новый "Оргкомитет по завершению подготовки Съезда немцев СССР". Отмечу, что данная идея начала вызревать у нас ещё до 7 марта⁷¹. Мы сознательно не включили в название и функции этого органа само проведение съезда. Эту обязанность, на наш взгляд, мог поручить кому бы то ни было лишь сам съезд.

Хотя все члены оргкомитета являлись активистами "Возрождения", отсюда ни в коей мере не следовало, что мы намереваемся вместо объявленного форума провести очередное мероприятие ВОСН. Разумеется, съезд должен был состояться именно с теми делегатами, которые были избраны по процедуре, разработанной официальным оргкомитетом.

Ни о какой дискриминации по "партийному" принципу во время подготовки или проведения съезда не может быть и речи. Даже те оппоненты, которые трубили на всех углах о фальшивом съезде "Возрождения", не сумели нас в этом уличить. А сугубо

⁷¹ Это, однако, не значит, что оргкомитет был будто бы сформирован уже на совещании в Новосибирске, как ошибочно утверждается в книге А. Айсфельда "Российские немцы", изданной в ФРГ в 1992 году. Возможно, автор был введён в заблуждение подложной "резолуцией" совещания, о которой я упоминал. Там действительно шла речь о поручении Правлению ВОСН образовать оргкомитет съезда, но, как нетрудно убедиться, изложенные принципы формирования этого органа совершенно не соответствуют тем, которые были приняты нами 7 марта.

"возрожденческий" состав оргкомитета объясняется элементарно просто: мы могли задействовать лишь тех людей, что находились, так сказать, в сфере нашей досягаемости.

Создание нового оргкомитета имело далеко не только формальное значение. Оно позволило чётко распределить обязанности между теми не столь уж многочисленными нашими активистами, которые могли тут же включиться в невероятно интенсивную и разнообразную работу по завершению подготовки съезда.

Приведу полный состав оргкомитета – мои товарищи, право, этого заслуживают: Генрих Арнгольд (Караганда), Александр Бахман (Красноярский край), Владимир Бернгардт (Тюмень), Альфред Босс (Кокчетав), Валерий Вейнгардт (Новосибирск), Владимир Витт (Москва), Герхард Вольтер (Даугавпилс), Иван Гетте (Свердловская обл.), Георг Губер (Сыктывкар), Виктор Данн (Новосибирская обл.), Александр Клепфер (Москва), Яков Маурер (Кемеровская обл.), Борис Петерс (Саратовская обл.), Юлий Трепнау (Москва), Иосиф Циммерман (Москва), Александр Шмидт (Алма-Ата), Виктор Шотт (Тольятти), Альма Эглит (Саратовская обл.), Виктор Эрлих (Омск). Возглавил оргкомитет, разумеется, Генрих Гроут, а его заместителями стали Эвальд Кальман и я.

Своеобразное положение занимал в новом органе В. Шотт. Он был единственным членом официального оргкомитета, который и на этом этапе действительно занимался подготовкой съезда. Никто из нас и не думал пенять ему на то, что он формально продолжал числиться в вормсбехеровской компании. Напротив, его принципиальная позиция в прежнем оргкомитете, а также информация о "деятельности" этого обанкротившегося органа были для нас чрезвычайно важны.

Мне кажется, для В. Шотта, как и для других членов нашего оргкомитета, тогдашняя работа стала настоящим "звёздным часом". Сейчас и он, и большинство остальных наших коллег по оргкомитету живут в Германии. К сожалению, со многими из них у меня утеряна связь. Но едва ли я ошибусь, если скажу, что всем, кто был тогда рядом с нами, никогда не забыть март 91-го.

Это касается, конечно, и наших многочисленных добровольных помощников. Хотя они не входили в оргкомитет, без них его продуктивная деятельность была бы немислима.

По словам И. Шлейхера, телеграммы Гроута о создании "чрезвычайного оргкомитета" в составе сотрудников Правления ВОСН "ввели делегатов на местах в заблуждение, и многие отправились в Москву, чтобы прояснить там ситуацию".

Не знаю, где и как автору удалось обнаружить подобных заблудших овечек. На Чрезвычайном съезде я общался с очень многими делегатами, но таковые мне что-то не попадались. Зато мои собеседники с возмущением говорили о телеграммах гусевских подручных по официальному оргкомитету. Однако о таких мнениях наш автор, который так любит подчеркнуть свою объективность и беспристрастность, почему-то предпочёл умолчать.

Не менее удивительно и то, что обладатель этих похвальных качеств не удосужился хотя бы освежить в памяти перечень членов нашего оргкомитета, чтобы убедиться: сотрудники Правления "Возрождения" находились в этом органе в **меньшинстве**. Впрочем, для него и без того не секрет, что крохотная квартирка на Шелепихе, где ему доводилось бывать, никак не могла быть рабочим местом более двух десятков человек, составлявших наш оргкомитет.

Из-за невиданного наплыва людей работать в штаб-квартире становилось всё сложнее. Нас выручил случай. Утром 8 марта к нам пришёл человек (если мне не изменяет память – из Томска), привлечённый на помощь для проведения съезда бывшим оргкомитетом. Он сказал, что команда Вормсбехера оставила в гостинице "Россия" бронь на 100 мест – на случай, если часть делегатов, не вняв высочайшим указаниям, всё-таки

приедет. Ужаснувшись нашему "комфорту", неожиданный гость по простоте душевной предложил нам воспользоваться этой бронью.

Нас не пришлось долго уговаривать. Это был превосходный вариант не только для членов нашего оргкомитета, но и для тех делегатов, которым, как мы опасались, не хватит бронированных нами мест. Под вечер мы поехали в "Россию", оставив на Шелепихе только дежурных и взяв с собой всё, что могло понадобиться для работы, включая портативную пишущую машинку нашего незаменимого секретаря Альмы Эглит.

Мы едва успели разойтись по гостиничным номерам, как прибежала взволнованная дежурная, заявившая, что нас вселили по ошибке(?) и нам надо немедленно убираться восвояси. В противном случае нас пообещали выдворить силой. Оказалось, что в бывшем оргкомитете прознали о нашем "самовселении", и Ю. Гаар не побрезговал самолично потребовать очистить места, пригрозив администрации "России" и нам страшными карами со стороны Кабинета Министров СССР.

Услышав о родном правительстве, мы от души посмеялись, представив, как вельможные дяди выбрасывают нас из гостиницы в центре Москвы вечером праздничного дня. Пришлось объяснить дежурной, что все заселившиеся – делегаты съезда, для которых и оставлялась бронь. Мы заверили, что не освободим оплаченные нами номера, даже если к нам заявится всё Политбюро.

В результате нам удалось сохранить десяток занятых мест, но остальные, увы, пошли прахом. Нетрудно догадаться, что эта нелепейшая акция отнюдь не повысила авторитета наших гонителей среди делегатов съезда.

С 9 марта наша штаб-квартира фактически переместилась в гостиницу "Россия". Несмотря на строгую пропускную систему, к нам продолжали приходиться делегаты, всё в большем количестве прибывавшие в Москву. Мы регулярно проводили заседания оргкомитета с участием приглашённых, а также желающих. При этом в наших небольших номерах было не повернуться.

Запомнилось одно из заседаний, когда к нам приехали трое делегатов из Чимкентской области, включая нашего будущего известного активиста, а затем и штатного работника, полковника МВД Германа Эрнста. Их прибытие вызвало оживлённые реплики типа: *"Полку наших полковников прибыло!"* Имелось в виду, что среди нас уже был один активист такого ранга – военный служащий-москвич Владимир Дайнес.

Чимкентцы рассказали, как им выкручивали руки на местах, мешая попасть на съезд. Прибыв в столицу, они заехали на Миусскую, стремясь получить информацию об обоих оргкомитетах из первых уст. Бездеятельность и беспринципность наших оппонентов вызвали бурное возмущение этих делегатов.

Что касается бездеятельности, то здесь чимкентские товарищи, на мой взгляд, перегнули: в действительности бывший оргкомитет работал немало. Другой вопрос – над чем и как. Одно из основных занятий его членов состояло в эти дни в том, что они объезжали аэропорты, вокзалы и гостиницы, уговаривая прибывших делегатов возвращаться домой. В этом случае последним сулили положенные тридцать сребреников, то бишь оплату экскурсии в Москву и назад.

Затрудняюсь сказать, поддался ли кто-нибудь на этот примитивный подкуп. Если да, то таковых наверняка было очень мало. Мы знали, что их и не может быть много, поскольку речи наших оппонентов никогда не отличались особой убедительностью. Тем более затруднительно было им аргументировать свою откровенно деструктивную позицию в данной ситуации.

Однако нам не приходило в голову оставлять без внимания эти душеспасительные беседы, не говоря уже о самих приехавших делегатах. Наши сторонники тоже разъясняли в гостиницах своё видение ситуации. Благо, им, здесь и проживавшим, никуда не нужно было ездить, в отличие от гонцов Вормсбехера. Не обходились без наших посланцев и встречи делегаций в аэропортах и на вокзалах.

В штаб-квартире после нашего переезда остались "на телефоне" В. Эрлих и Г. Губер. Долго говорить по этому аппарату не имело смысла: важнейший канал связи с регионами должен был оставаться по возможности свободным. Все конкретные вопросы решались в "России".

В частности, В. Бернгардт и В. Шотт почти круглосуточно занимались здесь ещё одной важнейшей проблемой – бронированием мест в гостиницах и расселением делегатов. Больше всего людей удалось разместить в гостинице "Звёздная", откуда всего несколько дней назад выехали участники заседания Совета ВОСН. Сначала Г. Арнгольд "выбил" здесь 30 мест для карагандинской делегации. Но земляки нашего активиста ехали весьма вяло, и сюда начали заселять делегатов из других областей Казахстана. В конце концов, благодаря помощи заведующей, в гостинице поселилось более 200 человек! Они заполнили почти все имеющиеся места.

Это ещё один яркий пример, когда бескорыстная поддержка совершенно постороннего человека помогла нам выпутаться из сложнейшей ситуации. Не потому ли мы смогли одолеть сопротивление официального оргкомитета, что ему никто не хотел добровольно помогать в его неблагоприятных делах?

В "Звёздной", в номере Г. Арнгольда и А. Босса, находился своего рода центр связи с Казахстаном. В сущности, именно в этом наиболее крупном и сложном регионе проживания российских немцев решалась судьба съезда. Официальный оргкомитет не случайно послал туда больше всего телеграмм с требованием не поддаваться на "провокацию" ВОСН и не отправлять делегатов в Москву. Особую активность в дезинформировании представителей Казахстана проявили их земляки А. Мерц и И. Виндгольц. Первый из них числился в ту пору, как ни странно, председателем "Возрождения" в Казахстане.

Когда нам звонили из этих мест, то чаще всего спрашивали: а какие делегации уже приехали? География подобных данных, которые мы тщательно фиксировали и оперативно распространяли, постоянно расширялась, подтачивая сомнения колеблющихся.

К вечеру 10 марта появилась надежда, что на съезд приедет более половины делегатов, то есть что он окажется кворумным. А к середине следующего дня мы уже были в этом почти уверены.

У В. Бауэра с Т. Иларионовой, естественно, было своё оригинальное представление о том, как обеспечивалась кворумность Чрезвычайного съезда: *"Сторонники Г. Гроута отряжались даже к посольству ФРГ, где в очереди на получение антрага или визы стояли советские немцы, с тем, чтобы привести их на Съезд и так довести число делегатов до необходимого для кворума количества"*.

Поскольку авторы почему-то умолчали об источнике этой более чем странной информации, остаётся только догадываться об её происхождении и смысле. Если речь шла о делегатах съезда, то много ли их могло оказаться у посольства? Что же касается привлечения случайных людей с немецкими фамилиями для "массовки", то мы, в отличие от оппонентов, никогда не опускались до подобного "метода" формирования кворума. В. Бауэр, фигурировавший среди организаторов наших последующих съездов, должен был хорошо об этом знать.

Скрупулёзный учёт приехавших делегатов вели не только мы. По линии бывшего оргкомитета этой деятельностью занимался упомянутый А. Мерц. Он же постоянно находился на связи с В. Гусевым, который лично руководил всей "операцией" по срыву съезда. Убеждаясь в приезде всё большего числа делегатов, вице-премьер шёл на все тяжкие, чтобы задержать ещё оставшихся дома или побудить прибывших покинуть Москву как можно быстрее. Ряд активистов ВОСН сообщали нам в те дни о почти открытом прослушивании их домашних и служебных телефонов.

Главный дезорганизатор дал команду составить списки желающих встретиться с ним в Кремле. Придя в официальный оргкомитет утром 10 марта, Генрих Арнгольд смог убедиться, сколь ревностно выполнял это руководящее указание А. Мерц. Списки постепенно росли. Некоторые прибывшие делегаты, включая явных сторонников "Возрождения", сами просили их записать. Ошарашенные разухабистой официальной дезинформацией, люди хотели самолично услышать из уст могильщика съезда о его мотивах и, так сказать, дальнейших творческих планах.

Встреча предполагалась во второй половине дня 11 марта. Если бы замысел Гусева удался, и к нему в Кремль пришло достаточно много делегатов, то возникала реальная угроза срыва предсъездовского совещания, назначенного нами на это же время.

К сожалению, я был настолько поглощён своей работой по подготовке документов, что у меня, не считая заседаний нашего оргкомитета, имелось очень немного возможностей пообщаться перед съездом с приезжими делегатами. Приятным исключением стала моя поездка вечером 9 марта во Внуково, куда должна была прилететь делегация Кузбасса.

С момента нашего расставания с А. Майснером не прошло и недели, однако, пережив столь бурные события, мы встретились как после долгой разлуки. Тут же в аэровокзале состоялось нечто вроде импровизированного совещания, на котором я подробно рассказал о наших делах и услышал, как оценивают ситуацию в родных краях. К моему удовлетворению, земляки были единодушны. Все высказались за проведение съезда и принятие на нём решений по коренным национальным проблемам. Не могло не порадовать и то, что кузбасская делегация приехала почти в полном составе. Это был, увы, один из немногих подобных примеров.

В тот же день Г. Гроут направил письмо официальному оргкомитету. Отразив нашу точку зрения в связи с попыткой срыва и проведением съезда, председатель "Возрождения" предложил адресатам изложить свою позицию по поводу гусевского демарша. В случае поддержки ими "переноса" съезда Г. Гроут настаивал на передаче Правлению ВОСН делегатских списков, протоколов избирательных комиссий и мандатов.

После всех деструктивных действий оппонентов для нас не могло быть неожиданностью, что они отказались сотрудничать с нами и на этот раз, явно надеясь завести тем самым подготовку съезда в тупик. К примеру, при неимении единого списка делегатов нам было практически невозможно в точности установить наличие или отсутствие кворума. Здесь едва ли помогли бы и списки по отдельным делегациям, поскольку, как мы знали по опыту проведения прошлых форумов, с мест далеко не всегда привозили необходимые документы в заверенном виде.

Но и эта головоломка была нами успешно решена. Лишь годы спустя я узнал, как это удалось сделать. В вормсбехеровском оргкомитете нашёлся порядочный человек, согласившийся передать нам экземпляр сквозного официального списка. С нашей стороны с ним вышел на связь Г. Губер. Они встретились в условленном месте у гостиницы "Россия", список был доставлен на Шелепиху и размножен на ксероксе в нескольких экземплярах.

10 марта официальный оргкомитет выступил с заявлением. Этот документ обошёл большинство вопросов, затронутых в письме Г. Гроута. По свидетельству Г. Мартенса, заявление принималось при отсутствии кворума: из 31 члена бывшего оргкомитета на его заседании присутствовало лишь 14. Двое из них (В. Шотт и Г. Мартенс) воздержались при голосовании.

В документе была, наконец, изложена позиция Г. Вормсбехера и его окружения по поводу "переноса" съезда, а точнее сказать – зафиксировано стремление отмолчаться по этой кардинальной проблеме. Никак не оценив противоправную акцию В. Гусева, заявление детально воспроизводило всю "мотивировку", которой она официально обосновывалась.

В итоге бывший оргкомитет высказался сколько-нибудь определённо лишь по двум аспектам, которые могли представлять интерес для делегатов съезда. Во-первых, был выражен "категорический протест по поводу медлительности руководства страны" при решении проблем российских немцев, в результате чего, якобы, и пришлось "переносить" съезд. С другой стороны, оппоненты возвещали о несогласии с "фальсификацией" съезда со стороны Правления ВОСН.

Совершенно очевидно, что заявление бывшего оргкомитета было, в сущности, отпиской, лишь декларирующей те более чем сомнительные положения, которые как раз и нуждались в обосновании.

Причинно-следственная связь между "медлительностью" властей и "переносом" съезда, столь непререкаемая для компании Г. Вормсбехера, вовсе не являлась аксиомой в глазах делегатов. Основная их масса стремилась попасть на съезд не для того, чтобы задним числом высказаться о тех или иных решениях руководства, а с целью закрепить волеизъявление своего народа по существу волнующих его проблем. Тем более голословным было обвинение в "фальсификации". Авторы заявления вообще не потрудились объяснить, в чём, по их мнению, она заключается.

При чтении этого документа у меня, в который раз, создалось впечатление, что публичные демарши наших оппонентов отнюдь не преследуют цели в чём-то убедить своих соплеменников. Сверхзадача данного и многих других подобных заявлений, как мне представляется, совершенно в ином – утвердить в глазах власть имущих убеждение в своей неизменной лояльности, даже если эти клятвы верности и приходится иной раз сопровождать комариными критическими укусами.

Но такой приём мог быть эффективен лишь в закулисной возне, в которой столь поднаторела команда Вормсбехера, а не перед массами российских немцев. Между тем именно они устами полномочных делегатов и должны были сказать своё веское слово на предстоящем беспрецедентном общенациональном съезде.

* * *

Никто из его участников ещё не мог знать, что этот съезд явится не только внушительной демонстрацией силы российско-немецкого национального движения, но и катализатором кризисных процессов внутри него.

Исследовательница нашего движения Мехтхильд Хеннеке из ФРГ датирует мартом 1991 года его раскол. Строго говоря, это не совсем так: образование оппозиционного Союза немцев СССР состоялось лишь три месяца спустя. Но фактически с рядом членов руководства ВОСН наши пути окончательно разошлись именно в марте.

Проблема не в том, что отколовшаяся группка имела серьёзное влияние среди российских немцев. Напротив, об этом она могла только мечтать. Однако правоверные сторонники любых действий правящей верхушки, естественно, пользовались её всемерной поддержкой.

И. Шлейхер так охарактеризовал ситуацию накануне Чрезвычайного съезда: *"Радикализм группы „вождей“ и их сторонников уже был готов взорвать движение за автономию изнутри"*.

В отличие от данного автора, мне никогда не приходило в голову претендовать на полную объективность в оценке процессов, происходящих в нашем национальном движении. Тем не менее, я отнюдь не намерен опровергать его более чем пристрастное мнение, направив обвиняющий перст не в сторону "радикалов", к которым всегда причисляли меня и моих единомышленников, а по адресу любезных И. Шлейхеру "умеренных".

В том-то и дело, что движение российских немцев было "взорвано", по моему глубочайшему убеждению, не "изнутри", а "снаружи". Если кто и извлёк серьёзную долгосрочную выгоду из противоборства ряда лидеров движения, то это правители СССР и России, которые явились подстрекателями и организаторами нашего раскола.

Власти и сегодня сладко потирают руки, видя, как российские немцы борются друг против друга. Долго ли ещё гонители нашего народа будут иметь удовольствие любоваться подобным недостойным зрелищем – это зависит, прежде всего, от нас самих.

Конец первой книги